

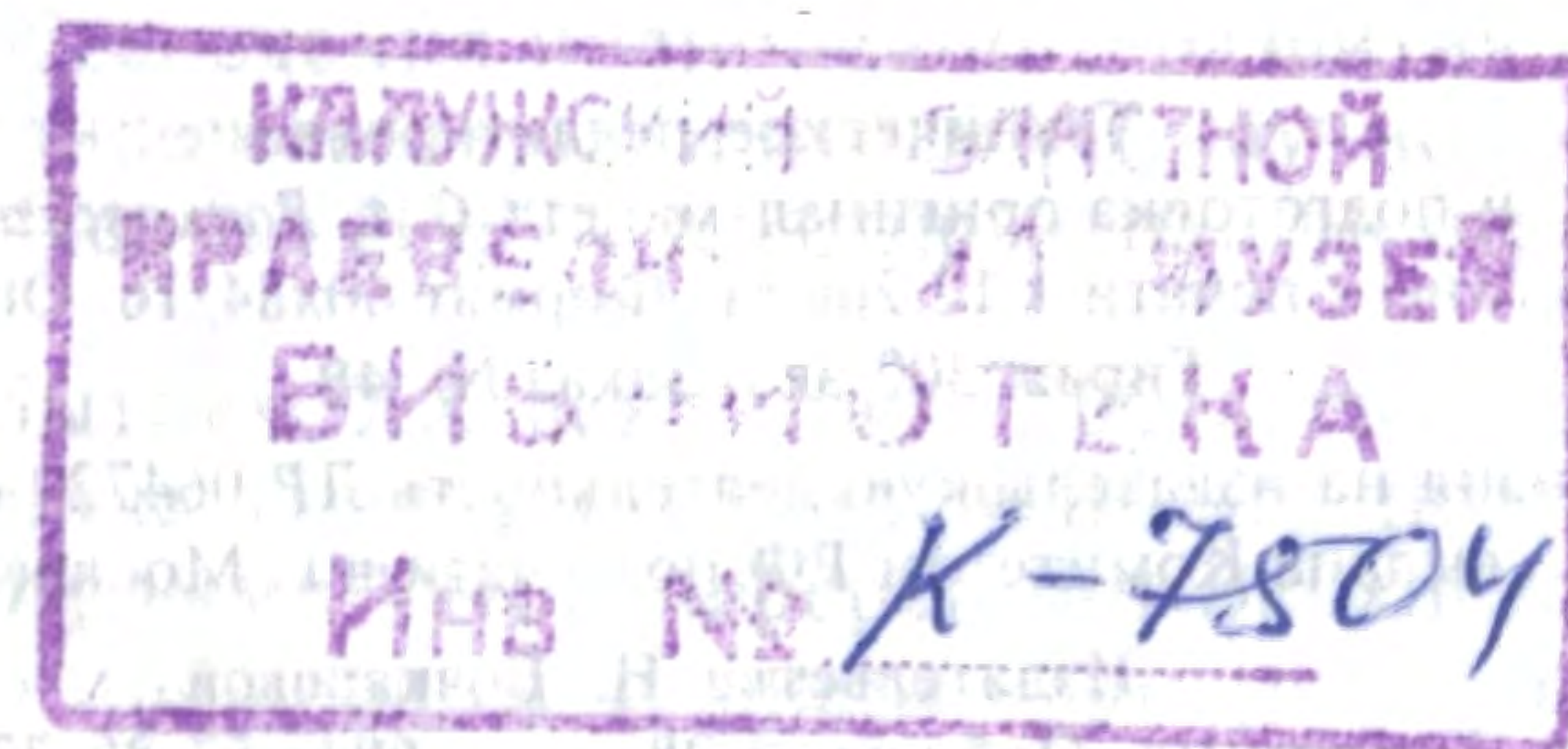
**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ
И ПРИРОДЫ
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

**Калужский государственный объединенный
краеведческий музей**

**Вопросы
археологии, истории,
культуры и природы
Верхнего Поочья**

**Материалы VIII региональной
научной конференции
17 — 19 марта 1999 г.**

издательство
Н. Бочкаревой

Калуга
2001

ББК 63.2

М 33

Редакционная коллегия:

В.А. Марголин, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к. б. н.; **Н.В. Марченко**, заместитель директора Калужского государственного объединенного краеведческого музея по научной работе; **Л.И. Потапова**, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к. и. н.; **О.Л. Прошкин**, заведующий отделом археологии Калужского объединенного краеведческого музея; **А.Б. Стрельцов**, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, директор лаборатории биоиндикации, к. б. н.; **Е.А. Телеганова**, заведующая отделом природы Калужского объединенного краеведческого музея; **А.П. Черников**, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, д. ф. н.

М 33 **Материалы VIII региональной научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья».** — Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2001. — 372 с.

Сборник посвящен результатам археологических, исторических, этнографических, природных исследований в Верхнем Поочье. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: специалистов-историков, этнографов, археологов, ботаников, зоологов, экологов, краеведов, студентов, учащихся старших классов общеобразовательных школ.

Техническое редактирование
и подготовка оригинал-макета *С.А. Радковская*
Подписано к печати 1.12.2000 г. Формат 60x84/16. Объем 23,5 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ № 48

Лицензия на издательскую деятельность ЛР 064729 от 27.08.96 г.
выдана Комитетом РФ по печати в г. Москве.

Издательство Н. Бочкаревой
248023, г. Калуга, пл. Победы, 2-28, тел. (084) 57-88-77, 57-10-08

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Облиздат»,
248640, г. Калуга, пл. Сарый Торг, 5.

ISBN 5—89552—025—1

©Калужский государственный
объединенный краеведческий
музей, 2001

©Издательство Н. Бочкаревой, 2001

Предисловие

Знаменательным событием 1999 г. стала VIII научная конференция «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья», которая состоялась в г. Калуге 17—19 марта.

Среди участников конференции — известные специалисты в области археологии, истории, естественных наук, отечественной культуры, искусствоведы, музееведы.

География участников конференции расширилась. В ней приняли участие ученые и молодые специалисты из больших и малых городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Брянска, Тулы, Курска, Орла, Смоленска, Калуги, городов Калужской области: Боровска, Козельска, Кирова, Малоярославца, заинтересованные в развитии отечественной науки и применении исследований в широком спектре практической деятельности по сохранению историко-культурного и природного наследия большого региона Верхнего Поочья.

Более 120 человек изъявили желание выступить на данной конференции. Свыше половины — это представители Калуги и Калужской области.

За последнее время прошли научно-практические конференции и чтения в малых городах области: Боровске, Козельске, Тарусе, Юхнове, Кирове, Малоярославце, Мосальске. Деятельность и рекомендации конференций и чтений подчеркивают равнодушное отношение участников к путям развития России, к исследованию и использованию исторического опыта для обеспечения полноценного развития и консолидации общества. Об этом свидетельствуют и итоги VII научной конференции по изучению Верхнего Поочья (1997 г.), которые нашли отражение в изданных тезисах.

Вселенским событием XX века стало 200-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Имя великого поэта начертано на приглашении и программе VIII конференции Верхнего Поочья. Пушкинскому наследию посвящены доклады пленарного заседания и секции по изучению культуры. В июне 1999 г. «пушкинская тропа» привела почитателей творчества поэта в новый музей в Полотняном Заводе, где дважды бывал А.С. Пушкин. О своем отношении к Полотняному Заводу он засвидетельствовал в письме к Н.Н. Пушкиной (11 июня 1834 г.): «Боже мой! Кабы Заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином... Ух, кабы мне удрать на чистый воздух».

С изучением истории Полотняного Завода XVIII века связано исследование историка, краеведа Дмитрия Ивановича Малинина (1879—1933), 120-летие которого было отмечено в этом же году. Его жизнь не прошла

незаметной для калужан, его деятельность связана с работой архива и краеведческого музея, его исследования — большой вклад в историческое краеведение. Переизданная по инициативе Калужского областного краеведческого музея книга Д.И. Малинина «Калуга. Опыт исторического путевода по Калуге и главнейшим центрам губернии» быстро нашла своего читателя и вновь стала библиографической редкостью. Круг интересов Д.И. Малинина был широк и многообразен. Его исследования до сих пор не потеряли своего научного значения. В настоящее время решается вопрос об изучении и издании сохранившихся рукописей ученого-краеведа.

Литературоведы и историки XXI века долго будут вынимать из забытого то или иное ныне громкое или популярное имя. Конец XX века отмечен многими юбилеями. Среди них 100-летие известного писателя России — Леонида Максимовича Леонова (1899—1994), автора любимого многими романа «Русский лес».

Калужане связаны с Л. Леоновым не только его родословной, но и многими его произведениями. В статье «Судьба поэта» Леонид Леонов писал: «Есть книги, которые читаются; есть книги, которые изучаются терпеливыми людьми; есть книги, что хранятся в сердце нации». Эти строки суть творческой деятельности юбиляров, именами которых отмечена данная конференция. Единство сердец и ума позволили им быть нужными, современными и следовать из века в век.

Материалы данной конференции, разные по тематике и глубине разработки поставленных задач, представляют несомненный интерес, ибо они воссоздают картину развития большого региона в разновременных исторических рамках. Оргкомитет выражает благодарность членам ученого совета музея за подготовку конференции, руководству секциями, особую благодарность администрации губернатора, лично Евгению Федоровичу Моисееву за возможность проведения конференции в здании администрации области.

Г.И. Роянова,
заслуженный работник культуры РФ,
директор Калужского государственного объединенного краеведческого музея.

Археология Верхнего Поочья

А.С. Фролов

Министерство культуры РФ

Первобытные памятники на территории Тарусского района

На территории Тарусского района Калужской области насчитывается около 80 разновременных археологических объектов. Они отражают почти весь спектр категорий археологических памятников, характерных для этой территории. Здесь есть городища и селища раннего средневековья, домонгольской Руси, курганные могильники и одиночные курганы, стоянки каменного века и поселения эпохи палеометалла. Многочисленны местонахождения отдельных древних предметов.

К большому сожалению, до сих пор не существует публикации подробной сводки всех памятников, а коллекции материалов разбросаны по различным музеям (ГИМ, КОКМ, Тарусский филиал КОКМ, Московский областной краеведческий музей в г. Истра, ИА РАН).

Вышедший из печати в 1992 г. выпуск «Археологической карты России», посвященный Калужской области, не только не дает более или менее полного перечня известных археологических памятников, но и вносит путаницу в некоторые из них, уже введенные в научный оборот.

Кратко остановлюсь на объектах, относящихся к эпохе первобытности: каменному веку и эпохе бронзы. Отдельные из них

достаточно подробно описаны в археологической литературе, иные известны лишь по полевым отчетам, упоминаниям, популярным газетным публикациям.

1. Алекино, стоянка, неолит. На мысу 1-й надпойменной террасы левого берега Оки, в 1 км к востоку от деревни. Мелкие фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, кремневые отщепы, скребок. Поверхность задернована.

2. Волковское, местонахождение. В 1 км к юго-востоку от деревни, на южной окраине базы отдыха на бичевнике. Кремневые отщепы и крупные неправильные ножевидные пластины, обломок рубящего орудия (тесла ?).

3. Егнышевка 1, местонахождение. 1-я надпойменная терраса левого берега Оки, против д. Егнышевка (Тульская обл., Алексинский р-н). Кремневые отщепы, пластины. Распахивается.

4. Егнышевка 2, стоянка, эпоха бронзы. Высокая пойма правого берега ручья, впадающего в Оку, в 0,3 км ниже по течению Оки от местонахождения 1. Кремневые отщепы, отбойник, фрагменты лепной неорнаментированной керамики и керамики с зубчатым орнаментом. Распахивается.

5. Игнатовское, местонахождение. На бичевнике левого берега Оки, у подножия бывшей Игнатовской горы. Кремневые отщепы, крупные неправильные ножевидные пластины.

6. Исаково 1, местонахождение, мезолит. Правый берег р. Таруски, в 0,5 км к юго-востоку от деревни, на площадке надпойменной террасы. Отщепы и правильные ножевидные пластины, в т. ч. с краевой ретушью. Поверхность задернована, прорезана колеями грунтовой дороги.

7. Исаково 2, стоянка эпохи бронзы (?). На небольшом всхолмлении 2-й надпойменной террасы правого берега р. Таруски, в 0,25 км к юго — юго-востоку от деревни. Кремневые отщепы и неорнаментированные фрагменты лепной керамики. Распахивается.

8. Истомино, местонахождение. Склон правого берега р. Таруски, в 0,1 км к северу от церкви села. Отщепы и нуклеидный кусок кремня. Поверхность задернована.

9. Кузмищево, местонахождение. Склон 2-й надпойменной террасы Оки, в 0,5 км к юго — юго-востоку от церкви села. Кремневые отщепы, неправильные пластины. Распахивается.

10. Ладыжино 1, стоянка, мезолит (№ 476, см. «Археологическая карта России. Калужская область». М., 1992). Вся площадь стоянки занята садовыми участками.

11. Ладыжино 2, стоянка, мезолит (№ 477). Распахивается.

12. Ладыжино 3, стоянка, мезолит (№ 478). Частично распаивается, частично поросла лесом.

13. Ладыжино 4, стоянка, мезолит. В 0,6 км к востоку от деревни, на мысу 1-й надпойменной террасы левого берега Оки. Кремневые отщепы, пластины, концевые скребки, резцы, рубящие орудия. Частично распаивается, частично разрушена зданием базы отдыха, асфальтированным участком дороги.

14. Ладыжино 5, местонахождение, мезолит (?). Склон 2-й надпойменной террасы в 1,2 км к югу от деревни. Кремневые отщепы, срединный резец на пластине, неправильные ножевидные пластины. Распахивается.

15. Ладыжино 6, местонахождение, неолит. В 1,5 км к северу-востоку от деревни. На песчаной косе. Кремневые отщепы, обломки двусторонне обработанных орудий, в т. ч. наконечников стрел и дротиков, ромбоямочная керамика. Весь материал находится в преотложенном состоянии.

16. Ладыжино 7, стоянка, мезолит. В 0,7 км к северу-востоку от деревни, на небольшом мысу 1-й надпойменной террасы. Мезолитический слой был перекрыт слоем мощинской культуры (характерная лепная керамика с лощением, глиняное пряслице и проч.). Отщепы, правильные ножевидные пластины и их «сечения», карандашевидный нуклеус, концевые скребки, резцы на пластинах. Уничтожена при строительстве базы отдыха.

17. Почево 1, местонахождение. На обширном мысу правого берега р. Песочни, в 0,5 км к северу-западу от деревни. Отщепы, неправильные ножевидные пластины, скребок, нуклеидный кусок кремня. Распахивается.

18. Почево 2, местонахождение. На мысу правого берега р. Песочни, в 0,25 км к северу от деревни. Кремневые отщепы. Распахивается.

19. Сурнево, стоянка-мастерская (?), мезолит, неолит. Правый берег ручья, впадающего в р. Таруску, против деревни. Кремневые скребки, ножи, проколки на отщепках, неправильные ножевидные пластины, чешуйки, аморфные нуклеусы. Задернована, частично распаивается.

20. Сутормино 1, стоянка, мезолит (№ 487). Распахивается.

21. Сутормино 2, стоянка, мезолит (№ 488). Уничтожена при строительстве автодороги.

22. Сутормино 3, стоянка. Мезолит (№ 489). Уничтожена при строительстве автодороги.

23. Таруса 1, стоянка, мезолит (№ 461).

24. Таруса 2, стоянка, мезолит (№ 464).

25. Таруса 3, местонахождение, палеолит (?). Склон правого берега ручья, впадающего в Оку у подножия Воскресенской горы, в 0,1 км от ул. Кирова. Крупные ножевидные пластины, отщепы. Кремнь табачного цвета, патинизирован. Задерновано.

26. Таруса 4, поселение, эпоха бронзы (№ 463). Распахивается.
27. Таруса 5, стоянка, неолит. Левый берег Оки, под домом отдыха им. Куйбышева, в устье оврага, прорезающего высокую пойму. Кремневые отщепы, скребки, двусторонне обработанный лавролистный наконечник стрелы, ромбо-ямочная керамика.
28. Таруса 6, местонахождение, эпоха бронзы. На площадке 1-й надпойменной террасы, у подножия «Мусатовского косогора» — двусторонне обработанный, подтреугольный наконечник стрелы, с выемкой в основании.
29. Таруса 7, местонахождение, неолит. При впадении в Оку р. Таруски, на правом берегу последней, на бичевнике. Кремневые отщепы, обломки двусторонне обработанных орудий, мелкие фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.
30. Таруса 8, местонахождение. Левый берег р. Таруски, при ее впадении в Оку, на бичевнике. Кремневые отщепы.
31. Таруса, «Стоянка М.М. Герасимова», мезолит, неолит. Правый берег р. Оки, на песчано-галечниковом пляже. Скребки, резцы, нуклеусы, обломки двусторонне обработанных орудий, пластины, отщепы, мелкие фрагменты лепной керамики с ямочным орнаментом. Весь материал находится в переотложенном состоянии.
32. Таруса, городище 2, стоянка, мезолит (№ 462). Мезолитический горизонт находок перекрыт слоем раннего железного века.
33. Таруса, стоянка Совхоз 1, эпоха бронзы (№ 492). Распахивается.
34. Таруса, стоянка Совхоз 2, эпоха бронзы (№ 493). Частично задернована, частично распахивается.
35. Таруса, стоянка Совхоз 3, эпоха бронзы (№ 494). Задернована, поросла лесом.
36. Трубецкое 1, местонахождение, неолит (?). В 0,5 км к востоку от села на мысу 1-й надпойменной террасы левого берега Оки. Кремневый скребок, отщепы. Распахивается.
37. Трубецкое 2, местонахождение. На соседнем мысу вниз по течению Оки. Кремневые отщепы, пластина. Распахивается.
38. Трубецкое 3, местонахождение. На северо-восточной окраине села. Кремневая проколка, отщепы. Задерновано, по поверхности проходит грунтовая дорога.
39. Трубецкое 4, стоянка, эпоха бронзы (?). В 0,2 км к северу-востоку от села на правом берегу ручья, впадающего в Оку. Кремневые отщепы, мелкие обломки лепной неорнаментированной керамики. Распахивается.
40. Трубецкое 5, местонахождение. В 1 км к северу — северу-востоку от села, высокая пойма левого берега р. Оки. Однопiazza-

дочный нуклеус, отщепы, неправильная пластина. Задернована.

Кроме этого, единичные находки кремневых отщепов и осколков (в т. ч. со вторичной обработкой) зафиксированы на памятниках более поздних эпох: селище у д. Алекино, Тарусское 1-е городище, селище у с. Лопатина и др.

Итак, на рассматриваемой территории находим, вероятно, одно из древнейших на Верхней Оке местонахождений эпохи палеолита (Таруса 3). Мезолитические памятники представлены: стоянками рессетинской культуры (по А.Н. Сорокину, это Таруса 1), стоянками иеневской культуры, одними из самых ранних в Волго-Окском междуречье (Ладыжино 1—3, Сутормино 3), памятниками, оставленными носителями свидерских традиций в обработке камня (Ладыжино 7, Исаково 1). Небольшие коллекции с неолитических стоянок и местонахождений лишней раз подтверждают вывод А.С. Смирнова о том, что Верхняя Ока являлась зоной смешения двух крупных историко-культурных общностей: деснинской культуры (Ладыжино 6, Таруса 5) и льяловской (Алекино). Поселения эпохи энеолита и бронзового века (Таруса 4, Совхоз 1 — 3, Егнышевка 2) находят ближайшие аналогии в репинской археологической культуре и среди памятников т. н. «боровичского» типа.

Наиболее слабо изученные в археологическом отношении участки в пределах Тарусского района — отрезок долины р. Оки от с. Кузмищева до устья р. Протвы и берега р. Таруски от с. Барятина до д. Сутормино.

Дополнительные разведки, дальнейшее изучение уже известных местонахождений, накопление коллекций материалов, несом-

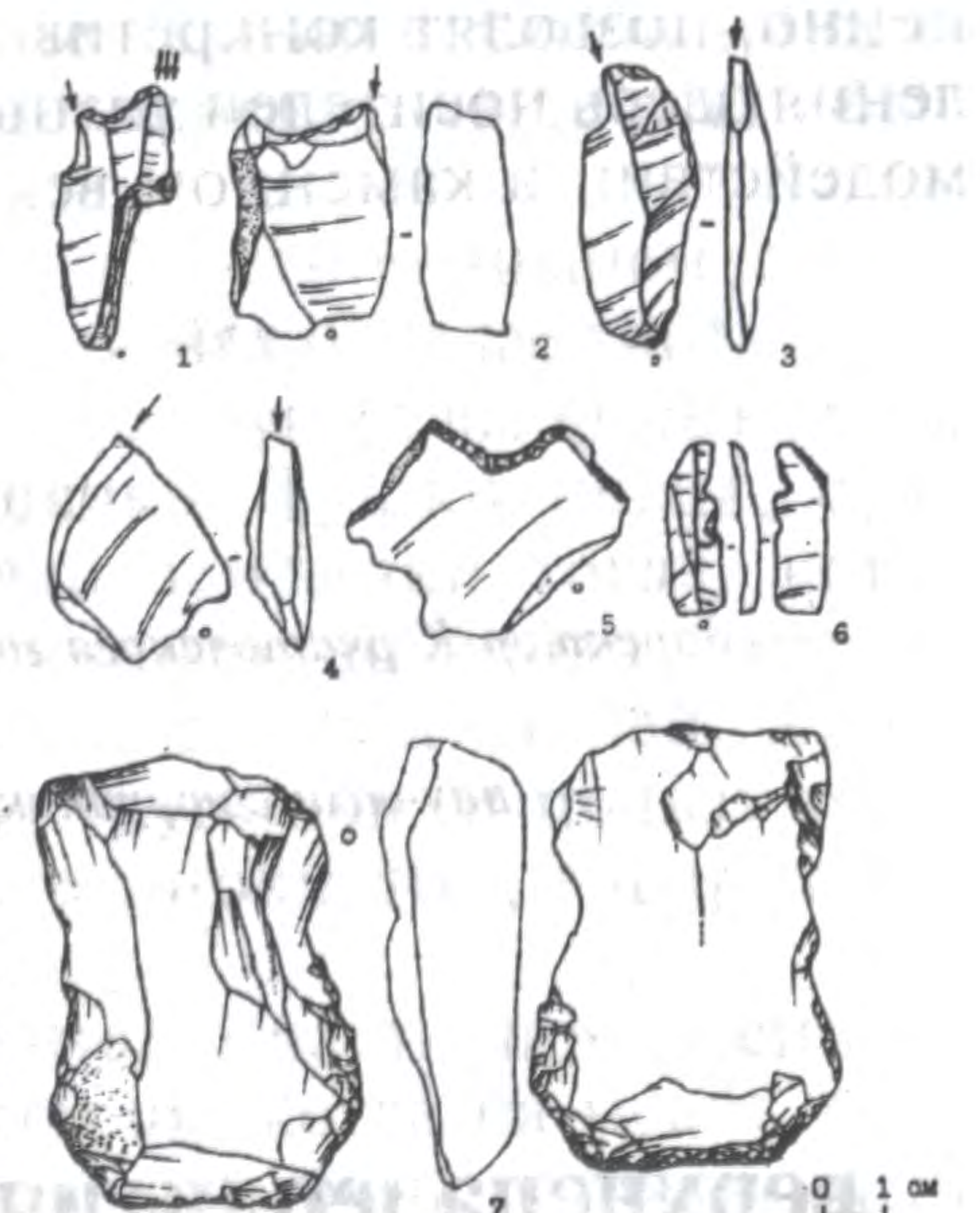

Рис. 1. № 1—6 — стоянка Ладыжино 2, № 7 — стоянка Ладыжино 1.

Рис. 2. № 1—2 — Алекино, № 3—6 — Исаково 1, № 7 — Егнышевка 2, № 8 — Таруса 6, № 9 — Трубецкое 3.

ненно, позволят конкретизировать наши знания о времени появления здесь носителей разных археологических культур и их взаимодействия в каменном веке и эпоху палеометалла.

*А.А. Чубур, к.и.н.,
директор Курчатовского городского краеведческого музея Курской области.*

*Е.М. Медведева,
научный сотрудник Курчатовского городского краеведческого музея
Курской области*

Песцы

верхнепалеолитической стоянки Быки 1.

Археозоологические зарисовки

Начиная с 1996 г. Сеймско-Деснинская палеолитическая экспедиция ведет планомерные исследования верхнепалеолитической стоянки Быки 1 в верхнем Посеймье, имеющей возраст около 17-18 тыс. лет. Во время раскопок земляночного жилища «А» обнаружены остатки, по меньшей мере, 17 песцов (подсчет по плечевым костям). Наблюдения за их сохранностью и условиями залегания позволили сделать интересные выводы о жизни палеолитических обитателей центра Русской равнины.

Сезон и технология охоты. Обратила на себя внимание различная сохранность длинных костей передних и задних конечностей песцов. Передние, как правило, целы. Задние, особенно бедренные, повреждены, раздроблены. Даже у причлененных к тазу бедренных костей (кв. Е-16, Д-18, Г-17, Г-19) отсутствуют дистальные отделы. Возможно, это является свидетельством охоты на пушного зверя (песца) с помощью «капканов», «ловушек-давилок», перебивавших задние конечности, но не повреждавших шкурку (в отличие от дротиков и стрел). Именно получение шкурки было целью охоты, о чем также свидетельствуют почти целые скелеты, оставшиеся от некоторых выброшенных тушек.

В пищу песцы не использовались, основная причина, по-видимому, обилие иной мясной пищи на поселениях. Наличие табу на поедание хищников маловероятно — введение для объяснений того или иного факта или предмета «культовых причин», как правило, является лишь попыткой археологов уйти от ре-

шения проблемы, закамуфлировать свое незнание. Согласно правилу «бритвы Оккама» простейшее объяснение чаще всего бывает и верным.

Исходя из этого, можно говорить об осенне-зимнем сезоне охоты на песцов, т. к. именно в это время мех обладает оптимальными качествами. Шкурка шла на изделия, тушка выбрасывалась.

Продолжительность обитания стоянки. Тушки песца, судя по всему, складировались в котлован землянки тогда, когда жилище должно быть покинуто на достаточно продолжительный срок, ибо трудно представить себе его обитателей, живущих среди кучки гниющих песцовых трупиков. В пользу того, что такая операция производилась неоднократно, говорит целый ряд фактов:

— остатки песца в подочажной яме, отчасти прокаленные, попали туда после первого этапа обитания, когда на месте очага была вырыта яма, в которую затем сбросили грунт, загрязненный отбросами. Это была своеобразная «санитарная обработка» жилища вернувшимися обитателями. Также в яму попали остатки как минимум еще одного песца, сильно разрозненные;

— остатки песца в кв. Г-17 — часть скелета в анатомической связи, частично прокаленная, залегающая между двумя золотистыми прослойками в очажной яме. Тушка могла попасть в старый очаг при очередном оставлении жилища обитателями, затем по возвращении прямо над слабо занесенной супесью и, видимо, сгнившей тушкой был разведен новый очаг, в результате чего тушка была прокалена;

— большая часть остатков песца связана с последним уходом обитателей землянки, после чего поселение стало необитаемым. Следует, однако, заметить, что тушки сбрасывались именно в жилище, а не в котлован: обрушение кровли произошло позже, о чем говорят нивелировочные отметки крупных костей из перекрытия и глинистого слоя из перекрытия, всегда оказывающиеся над скелетами песцов.

Для чего тушки сбрасывались в жилище? Быть может, и для того, чтобы в период отсутствия «хозяев» оно не было занято новыми или, того хуже, крупным хищником, отличавшимся чистоплотностью. «Закладка» тушек могла производиться поздней весной, когда жить в низком куполообразном темном жилище с земляным перекрытием становилось сыро и неудобно из-за подтаивания мерзлых грунтов. Видимо, сбрасывались они после накопления где-то за пределами землянки.

Часть тушек впоследствии была растащена собратями-падальщиками (действительно, отдельные фрагменты скелетов создают

впечатление именно растерзанных тушек!). Хорошая сохранность скелетов на Д-16 и Г-17, скорее всего, объясняется тем, что на них при обрушении кровли рухнули крупные кости мамонта и тура, сделав их недоступными.

В пользу «защитной» гипотезы заполнения землянки тушками говорит и то, что они концентрируются не в глубине жилища, а именно в районе входных конструкций — в западном и юго-западном секторах.

Использование песка в быту. Отдельно найденные дистальные отделы конечностей песцов могут быть как частями растащенных тушек, так и следами собственно снятых шкурок. Шкурки могли сниматься с отделением от тушки кистей и стоп или с отделением одних только последних «когтевых» фаланг. Когтевые фаланги имеются в наличии у кистей на кв. Г-18, Г-17, Д-18, Д-19 и у стопы с В-16. Таким образом, остатки истлевших шкурок могли находиться в северном, северо-западном и восточном секторах круглой землянки, тогда как части тушек (когтевые фаланги отсутствуют) оказались в западном и северо-западном привходовых секторах, что еще раз подтверждает отмеченную неравномерность в распределении остатков песка.

Из шкурок песка могла изготавливаться разнообразнейшая одежда, иные бытовые предметы. Применялись в быту и изделия из костей песка, достаточно немногочисленные в отличие от синхронной стоянки Елисеевичи на р. Судость. Кремневой пилкой отпиливались проксимальная и дистальная части трубчатых костей задних конечностей, образовавшаяся трубочка могла применяться в качестве «игольника» для хранения мелких предметов (в том числе и миниатюрных костяных игл) или как «дудочка-манок», тем более что об охоте на птиц свидетельствуют их остатки. Игольник или манок и отпиленный от него эпифиз большой берцовой кости найдены в тубусе зимнего входа (западная часть землянки) на кв. И-17—18. На Д-16 встречена большая берцовая кость песка с серией нарезок в районе проксимального эпифиза, видимо, готовившаяся к расчленению, а с В-17 происходят обрезки проксимальной и дистальной частей большой берцовой кости песка.

Примечательно, что в Быках, в отличие от многих стоянок, зубы песка не использовались в качестве подвесок и бус.

Таким образом, археозоологические наблюдения на стоянке Быки свидетельствуют о:

1. Сезонности обитания жилища и неоднократном возвращении обитателей на стоянку после длительного отсутствия;
2. Возможном применении капканов-давилок при охоте на пушного зверя в верхнем палеолите;

3. Сложном поведении обитателей стоянки, временно покидавших поселение, что должно заинтересовать палеопсихологов.

В.В.Сидоров, к.и.н.,

старший научный сотрудник Института археологии РАН

Колтовская группа стоянок и проблема происхождения иеневской культуры

Правобережье Оки у г. Каширы — с выходами отличного кремня и богато местонахождениями. Но стоянка Умрышенка-3 в долине небольшого ручья в 4 км от Оки — не мастерская. Раскопанные пятна скопления материала выявили серию разновременных следов возвращения сюда группы людей иеневской культуры. Раскопанные (6 полностью и 2 частично) скопления, общей площадью около 500 кв. м, являются следами, видимо, зимних жилищ. Может быть выстроена цепочка их последовательности. Помимо Умрышенки-3 здесь выявлено около десяти близких этому памятнику местонахождений.

Это типичные иеневские комплексы с набором черешковых, асимметричных и поперечнолезвийных наконечников, многочисленными резцами (в разных скоплениях преобладают ретушные), концевыми скребками, пластинами с ретушированным торцом, единичными топориками. Подавляющее большинство орудий делалось из крупных пластин. Вкладыши и микропластины полностью отсутствуют. Техника скалывания ориентирована на получение крупных пластин с торцовых, плоских и кубовидных (с меняющейся ориентировкой) нуклеусов. Кремнь довольно сильно патинизирован.

Значительный контраст с этим памятником составляет Колтово-7 — мастерская и стоянка, расположенная на том же ручье, ближе к Оке. Здесь исследовано пятно мастерских, где велось массовое получение микропластин с торцовых и свидерских нуклеусов (с двумя скошенными площадками, ориентированными на один фас.) Небольшая, но выразительная серия орудий, ни разу не встречавшихся на местонахождениях типа Умрышенки-3. Это срединные резцы, пластины с притупленным краем и микропла-

стинки со скошенным концом. Единственный наконечник — из небольшой листовидной пластинки с мелкой ретушью по одному из краев. Этот памятник входит в круг рессетинских, восходящих к костенковской традиции. Материал почти не патинирован.

Помимо контраста технологий, восходящих к разным традициям, может быть определена их последовательность: более древний — Умрышенка-3, хотя и определяется как типичный ранний иеневский, а молодой — Колтово-7, несмотря на палеолитические аналогии типам орудий.

Это заставляет обратиться к основаниям отнесения иеневской культуры к голоцену (Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин, А.Е. Кравцов). Памятники иеневской культуры залегают нередко в покровных суглинках, явно не делювиального, а лессового характера (Брикет 7). Таково же стратиграфическое положение памятников усть-камской культуры, которые М. Галимова относит к финальному палеолиту. Датировка иеневских комплексов по пыльце, которую предприняли А.Е. Кравцов и Е.А. Спиридонова, не опирается на доказательство синхронности пыльцевых и археологических комплексов. При этом вызывает сомнение и принадлежность эпонимного памятника Иенево-2 к этой общности: мелкие симметричные трапеции совершенно не характерны для иеневских памятников, но встречаются в позднем мазолите и раннем неолите Камского бассейна.

Иеневская культура входит в круг весьма специфических культур лесной зоны: комса, аренсбургской, песочно-ровской, усть-камской. Генезис их, как и свидерской культуры, всходит к культуре лингби, происхождение которой не ясно. Во всяком случае достоверной ее связи с палеолитом Центральной и Восточной Европы не обнаруживается. Исток ее можно искать на Алтае и в Туве параллельно с истоком культуры Северо-Запада — Акуловской традиции, которая может восходить к афонтовской культуре. Памятники типа Умрышенки-3 не содержат орудий из пластин отжимной техники — таковые появляются вместе с бутовскими (свидерскими) элементами. Изменение технокомплекса затрудняет проведение параллелей между иеневскими и бутовскими комплексами. Оно может свидетельствовать о культурной трансформации, непосредственно внутри одного и того же этноса, или же о заимствовании новой технологии у свидерской культуры после ее вытеснения из южной Прибалтики.

Присутствие новой технологии может служить хронологическим репером. Памятники без вкладышей и микропластин относятся к раннему этапу (при этом внутри этого этапа может быть дополнительное членение по соотношению ретушных и угловых

резцов и по наличию (отсутствию) наконечников с короткой асимметричной выемкой), появление отжимной техники снятия пластин — показатель начала следующего этапа. Далее следует появление орудий, определяющихся данным технокомплексом, которое обычно трактуется как показатель контакта с бутовской культурой.

М.В. Ивашов

Липецкий государственный педагогический институт

Новые материалы ромбоямочного неолита деснинского типа на территории Верхнего Дона

В 1998 году разведочным отрядом экспедиции Липецкого государственного педагогического института под руководством автора проводились работы в бассейне р. Снова (правый берег р. Дон) в пределах Задонского района Липецкой области. Исследовалась левобережная часть устья реки. Материалы ромбоямочного неолита были выявлены на двух пунктах: поселения Ксизово-VI и VII.

Поселение Ксизово-VI расположено на небольшом донном возвышении в пойме реки, в месте впадения р. Снова в Дон, на высоте 11 м от уровня р. Дон. На поселении было заложено два шурфа. Шурф 1, заложенный в центральной части дюны, выявил следующую стратиграфию: 0—0,05 м — дерн; 0,05—0,35 м — чернозем; 0,35—1,1 м — намывной слой из грязно-желтого песка, с прослойками серой супеси; 1,1—1,5 м — намывной слой из серой супеси с прослойками темно-серой супеси; 1,5—2,55 м — погребенная почва: темно-коричнево-черный чернозем; 2,55—2,75 м — темно-коричневый суглинок; 2,75—2,8 м — темно-коричневая с желтыми включениями глина; 2,8—2,85 м — материк — коричневая глина. В культурном слое данного шурфа, который находился в погребенном черноземе, выделяются три горизонта — нижний, средний и верхний.

Нижний горизонт (2,2—2,6 м). Выявлены фрагменты от трех сосудов среднестоговской культуры с высоким прямым венчиком и хорошо выделенным туловом. Срез венчика уплощен, украшен насечками и гофрирован глубокими вдавлениями гребенки. Венчики украшены поясками короткой гребенки. Тулово одного из сосудов украшено гребенчатым штампом, сформированным в гео-

метрические фигуры, чередующиеся с неорнаментированными участками. В тесте обильная раковинная примесь в сочетании с охрой и органикой.

К неолитическому времени относятся развалы нескольких сосудов, украшенных строчками овально-ямочных вдавлений. Под краем венчика нанесен поясок встречных «жемчужин», край венчика приострен и с обеих сторон орнаментирован гребенчатым штампом и оттисками в виде перевитого шнура. Судя по сохранившимся фрагментам венчиков, сосуды имели большой диаметр и были как бы стянуты. На некоторых фрагментах овально-ямочный орнамент нанесен в строчечной манере в сочетании с гребенчатым штампом. Поверхности сосудов заглажены гребенчатыми расчесами. Данная группа керамики содержала в тесте примесь шамота, песка, извести и раковины. Кроме того, в этом же горизонте выявлена керамика с ямочно-гребенчатой и гребенчато-накольчатой орнаментацией. Один из сосудов украшен отпечатками ископаемой раковины, его шейка — встречной «жемчужиной». Для всей ямочно-гребенчатой керамики характерны минеральные отощители (песок, охра), в отдельных случаях отмечено добавление раковины.

В этом горизонте также обнаружено три отщепы из местного валунного кремня.

Средний горизонт (1,5—2,2 м). Основная часть находок концентрируется на глубине 2,0—2,2 м, хотя отдельные находки встречены на более высоких отметках. В этом горизонте выявлен развал сосуда с округлым дном, слегка стянутым, слабо профилированным венчиком, край которого уплощен и отогнут наружу. Диаметр сосуда 27 см, высота 27 см. Срез венчика украшен отпечатками лапчатого штампа, по краю — поясок короткой гребенки, под которым два ряда ямочно-овальных вдавлений. Тулово сосуда орнаментировано тремя зонами: верхняя и средняя — отпечатками лапчатого штампа, образующими треугольные мотивы. Делителем зон является поясок таких же вдавлений. Нижняя часть заполнена отпечатками лапчатого штампа. Поверхности сосуда заглажены, внутри — расчесы, в тесте примесь шамота и немного раковины. На сосуде имеются отверстия, которые, вероятно, использовались при реставрации сосуда.

Другая группа керамики представлена фрагментами от нескольких сосудов орнаментированных ромбоямочными отпечатками с пирамидальным дном, как в ряд, так и в шахматном порядке. На нескольких фрагментах ромбоямочный орнамент сочетается с гребенчатым штампом. К этой группе примыкает керамика с ромбовидными вдавлениями вытянутых пропорций. В качестве примесей использовано большое количество песка.

Здесь же выявлены фрагменты с ямочно-гребенчатой керамикой (с овальной или кругло-конической ямкой) с примесью органики, песка и раковины. Судя по имеющимся фрагментам, сосуды имели прямой уплощенный венчик.

Еще одна группа керамики — гребенчатая, орнаментированная короткой гребенкой, сформированная в пояски и елочку, с примесью песка. Керамика характеризуется тонкими стенками и заглаженными поверхностями.

В этом горизонте выявлено несколько кремневых отщепов и аморфных обломков местного валунного кремня.

Верхний горизонт (1,3—1,5 м) находится в нижней части намывного слоя и представлен фрагментами керамики раннего железного века и позднего средневековья. Особый интерес представляет обломок костяного зубчатого гарпуна (острие?). Здесь же выявлено несколько фрагментов ямочно-гребенчатой керамики.

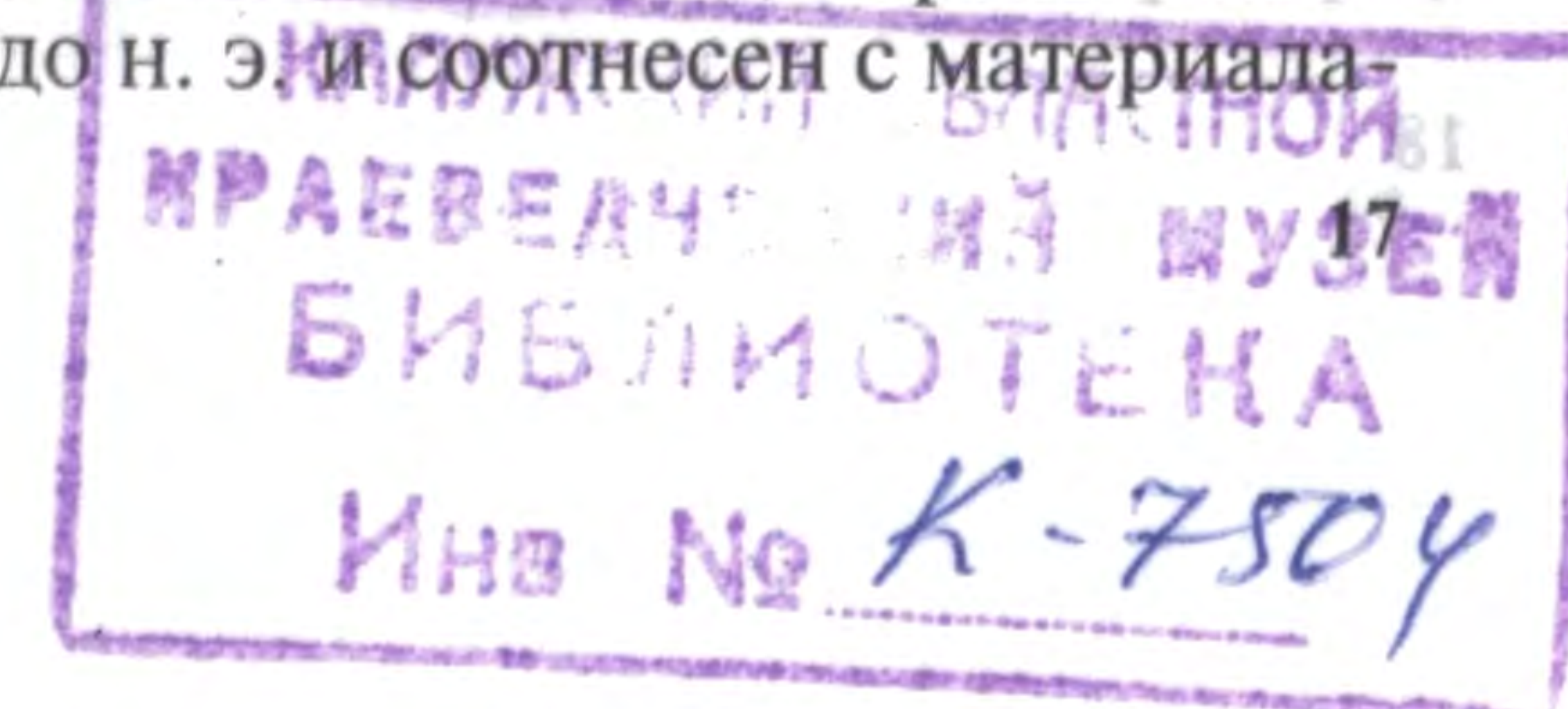
Менее информативным был шурф 2, заложенный в южной части дюны. В слое погребенного чернозема на глубине 1,6—2,4 м выявлено несколько десятков фрагментов керамики неолитического времени и более поздних эпох. В слое не зафиксированы горизонты залегания находок, что позволяет высказать предположение о том, что геологические условия его формирования были отличны от шурфа 1.

Неолитическая ромбоямочная керамика выявлена и на соседнем поселении — Ксизово-VII, которое находится на небольшой дюне высотой 1—1,5 м в пойме правого берега р. Снова. На дюне был заложен шурф, выявивший следующую стратиграфию: 0—0,05 м — дерн; 0,05—0,4 м — черный чернозем; 0,4—0,9 м — темно-серая гумусированная супесь; 0,9—1,5 м — намывной слой серой супеси с прослойками желтого песка; 1,5—1,9 м — илистые наслоения; 1,9—2,55 м — слой погребенного темно-серого чернозема; 2,55—2,65 м — темно-коричневый суглинок; 2,65—2,7 м — материк — желтая глина.

Материалы неолитического времени залегали совместно с керамикой эпохи бронзы и раннего железного века в слое погребенного чернозема. Отметим, что здесь кроме поздней ромбоямочной керамики выявлены фрагменты керамики с редким ямочным орнаментом, а также с узкими мелкими отпечатками ромба, гребенчатой и кольчатой керамикой.

Полученные материалы со стоянки Ксизово-VI определяют стратиграфическое положение деснинского неолита в системе напластований неолитического времени в Подонье.

Нижний горизонт культурного слоя может быть датирован концом IV — первой половиной III тыс. до н. э. и соотнесен с материала-

ми среднестоговской (до шнурового этапа) культуры и верхним горизонтом среднего слоя Долговской стоянки, который, по В.П. Левенку, датируется первой половиной — серединой III тыс. до н. э. Наибольший интерес представляет факт совместного залегания ромбоямочной, гребенчатой и лапчатой керамики. По аналогиям с ромбоямочной керамикой западных территорий формирование среднего горизонта культурного слоя можно датировать серединой III тыс. до н. э. Именно на этом этапе, по мнению А.С. Смирнова, сосуществует ромбоямочная и лапчатая керамика. Не противоречит предложенной датировке и нахождение керамики с гребенчатым штампом, появление которой на территории Верхнего Дона связывают с распространением керамики рыбноозерской культуры.

Рассмотренные материалы с ромбоямочной керамикой подтверждают выводы исследователей о восточном импульсе деснинского населения на территорию лесостепного Дона.

И.А. Козмирчук,

заведующий отделом Липецкого областного краеведческого музея

Ромбоямочная керамика финального неолита на Верхнем Дону

— Изучение Донской лесостепи выявило более 40 местонахождений ромбоямочной керамики. В настоящее время известны и изучены раскопками однослойные памятники, а также имеются данные с многослойных стоянок, позволяющих определить стратиграфическую позицию ромбоямочной керамики в системе неолитических древностей Подонья. К сожалению, большинство памятников либо стационарно не изучалось, либо культурные слои, содержавшие ромбоямочную керамику, находились в переотложенном состоянии.

Исследователь верхнедонского неолита В.П. Левенок отмечал, что в Подонье во второй половине III тыс. до н. э. фиксируются две группы памятников с ромбоямочной керамикой, характерной для памятников бассейна Десны, Сожа и Верхней Оки (В.П. Левенок, 1965, с. 244). Ранний этап (середина III тыс. до н. э.) характеризуется ромбоямочной керамикой с пирамидальной ямкой, истоком формирования которой является бассейн Десны. Более позднюю

керамику (конец III тыс. до н. э.) с раковинной примесью и ромбической ямкой с рубчатым дном связывают с проникновением белевской культуры с территории Верхней Оки.

В рамках пережиточного неолита на Среднем Дону фиксируется юго-восточный импульс ромбоямочной керамики, который А.Т. Синюк связывает с продвижением во второй половине III тыс. до н. э. лесного населения с деснинского бассейна по р. Дон вплоть до устья р. Битюг (А.Т. Синюк, 1986, с. 152). В дальнейшем поздненеолитические племена вступают во взаимодействие с энеолитическими племенами репинской культуры, и на их основе вырабатываются памятники иванобугорского типа (И.Б. Васильев, А.Т. Синюк, 1985, с. 68—70). Аналогичные процессы происходили и в более восточных районах Сурско-Мокшанского междуречья (П.Д. Степанов, 1955).

Исследования в районе Куликова поля подтвердили стратиграфическими данными мнение исследователей о хронологическом делении ромбоямочного неолита в Подонье (Б.А. Фоломеев и др., 1990). Кроме того, на поселении Монастырщина 2-А впервые обнаружена керамика с лапчатой орнаментацией, залегающая совместно с ромбоямочной. Значимость исследования этой стоянки определяется не только стратиграфическими наблюдениями, но и выделением типологических комплексов ромбоямочной керамики, а также установлением факта сосуществования поздней ромбоямочной керамики с иванобугорской и катакомбной культурами. Ранний комплекс ромбоямочной и лапчатой керамики на основании аналогий датирован серединой III тыс. до н. э., а время существования поздней ромбоямочной керамики на поселении Монастырщина 2-А обосновано данными стратиграфии и радиоуглеродным анализом и определяется концом III — началом II тыс. до н. э. (Б.А. Фоломеев и др., 1990, с. 33—34).

Ромбоямочная керамика Подонья оценена А.С. Смирновым как деснинская на позднем этапе ее развития (А.С. Смирнов, 1991, с. 54).

Представляется довольно спорной датировка концом IV тыс. до н. э. стоянки с ромбоямочной керамикой у с. Ожога (среднее течение р. Олым), обоснованием которой является наличие воротничкового венчика (Ю.Г. Гурин, 1999). Набор признаков керамики — минеральные и органические примеси, профилированные шейки сосудов, «жемчужины», строчечное и шахматное нанесение ямок, геометрические мотивы и свободные от орнамента зоны, а также наличие в коллекции небольшой серии гребенчато-зубчатой керамики — позволяет связать выявленный при проведении разведки памятник с материалами, датированными не ранее середины III тыс. до н. э.

Оценивая ромбоямочную керамику на территории лесостепного Дона по характеру примесей, морфологии сосудов и техники нанесения орнамента, а также опираясь на данные стратиграфии верхнедонских памятников, неолитические материалы деснинского типа можно разделить на несколько разновидностей, которые окружают культурно-хронологическую специфику донской лесостепи.

Наиболее древняя ромбоямочная керамика встречается в незначительных количествах и залегает в слоях совместно с ямочно-гребенчатой керамикой рязано-долговского типа. Она встречается на поселениях Шиловское, Северовосточная, Черкасская, устье р. Излегоща-2. В то же время известно одно местонахождение Косоржа 1 (р. Тим, приток Б. Сосны, Должанский район Орловской области), где ромбоямочный орнамент представлен в чистом виде. Данная керамика красного или оранжевого цвета и по своему внешнему виду напоминает типичную ямочно-гребенчатую керамику Подонья. Керамика с обильной примесью песка, иногда дресвы, относительно тонкостенная, с четкими очертаниями абриса ромбической пирамидальной ямки, нанесенной в шахматном порядке, реже — в строчку. Относительно деснинской керамики ромбоямочные вдавления на Дону имеют меньшие размеры. Как правило, орнамент покрывает всю поверхность сосуда, довольно часто разделен поясками гребенчатого штампа. Венчики сосудов прямые, срез округлен, срезан наружу или уплощен. Под краем нанесен поясок гребенки, круглых ямочных вдавлений или более глубоких ромбических ямок. Довольно редко край сосуда украшался пояском «жемчужин». Наиболее вероятно, к этой группе керамики относится посуда, орнаментированная квадратными ямочными вдавлениями.

Рассмотренная культурно-хронологическая группа керамики может быть датирована в пределах первой половины III тыс. до н. э. и связана своим происхождением с ямочно-гребенчатой керамикой Верхней и Средней Оки, а также с льяловскими памятниками западного Подмосковья.

Серединой III тыс. до н. э. датируется верхний ярус среднего слоя Монастырщина 2-А, однослойный памятник у с. Писарева и другие местонахождения (Ожога, Ксизово-6, Лобановка, Скотный двор). В качестве примесей используются сочетания песка, шамота, органики, реже дресвы или раковины. Более разнообразным становится ромбоямочный орнамент. Для украшения посуды используют крупные вертикально вытянутые отпечатки с овальным, плоским или пирамидальным дном. Встречаются овальные (подромбические) ямки, а также узкие ромбовидные вдавления.

На гранях ямочных вдавлений появляется рубчатость. Лапчатая керамика выявлена на трех стоянках. Орнамент наносится торцом палочки с намотанным шнуром или узелком на конце.

Сосуды с ромбоямочной и лапчатой орнаментацией украшены по всей поверхности. Орнамент наносился в шахматной или строчечной манере. Верхняя часть сосудов украшена геометрическими композициями в виде косовертикальных поясков, треугольников, опускающихся от края венчика. Имеются участки, свободные от орнамента. В качестве делителя зон применялись личиновые или гребенчатые отпечатки, более глубокие ямочные вдавления. Под венчиком наносился ряд ямочных вдавлений или поясок «жемчужин». Сосуды имеют вертикальный или профилированный венчик. Отмечены случаи оформления венчика воротничковым утолщением, а также появления внутреннего ребра.

Следует особо отметить, что проникновение данной группы связано с гребенчато-зубчатой керамикой. Время появления этого культурно-хронологического типа в Донской лесостепи хорошо согласуется с распространением в бассейне Десны лапчатой и гребенчатой керамики. Таким образом, рассматриваемые комплексы позволяют предполагать западное направление миграции, которое, вероятно, связано с движением валдайских и верхнеднепровских групп населения (В.В. Сидоров, 1995).

Как уже отмечалось выше, поздние материалы деснинского типа просуществовали, по крайней мере на Верхнем Дону, до появления катакомбного населения эпохи бронзы. Следует обратить внимание, что памятники позднего этапа с ромбоямочной керамикой выявлены только в бассейне р. Дон (верхний слой Монастырщина-2, верхний слой Долговской стоянки), в то время как в бассейне р. Воронеж поздних ромбоямочных материалов не выявлено. Представляет огромный интерес тот факт, что материалы катакомбно-репинского типа на Верхнем Дону выявлены в районе г. Задонска, а поздние ромбоямочные памятники известны на 60 км севернее. Отметим, что в двух случаях имеются свидетельства сосуществования финально-неолитического и катакомбного населения.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют предполагать определенное противостояние финально-неолитического населения и культур эпохи бронзы. Наиболее вероятно, что распространение катакомбной культуры в северные пределы лесостепи натолкнулось на противодействие населения пережиточного неолита и тем самым остановило движение степных племен.

Несколько другое направление связей с катакомбным населением проявляется в бассейне р. Воронеж. Здесь широко представле-

ны материалы катакомбно-репинского типа, а также отмечены случаи проявления гончарных традиций эпохи бронзы на посуде репинской культуры. Представляется возможным, что на р. Воронеж формируется контактная зона репинской и катакомбной культур.

Слабая изученность восточных территорий оставляет открытым вопрос о первоначальной территории формирования памятников примокшанской и иванобугорской культур. Представляется возможным связывать формирование этих культур с материалами ромбоямочной керамики лесостепного Дона середины III тыс. до н. э.

Дальнейшее изучение памятников ромбоямочной керамики Подонья и сопредельных территорий позволит наметить пути продвижения деснинского неолитического населения и оценить вклад этих групп в культурогенез лесостепи.

И.В. Болдин,

*научный сотрудник Калужского государственного
объединенного краеведческого музея.*

В.Е. Трофимов

Орнаментация неолитической керамики

(с позиции технологии производства)

Орнамент на неолитических сосудах, характеризующийся совокупностью особенностей, является важным историческим источником. Рассмотрение морфологических особенностей орнаментации сосудов этого времени входит составной частью в исследования, посвященные проблемам археологических культур эпохи неолита. Изучение технологических операций изготовления глиняной посуды, развитие знаний о свойствах формовочных масс, применение физических методов изучения материала позволяют исследовать влияние орнаментации на протекание физико-химических процессов при производстве неолитической керамики.

Исследование орнамента с точки зрения технологии изготовления глиняной посуды основано на наблюдениях над керамикой, собранной с памятников Верхнего Поочья.

Технология изготовления керамических сосудов включает ряд стадий, в рамках которых выполнялись определенные операции.

Для придания глиняной посуде необходимых свойств (прочность и водостойкость) проводился ее обжиг.

С прогревом глиняного изделия в процессе обжига изменялись физико-химические свойства: формовочная масса теряла сначала молекулярную, а затем и химически связанную воду.

Изменение физико-химических свойств (потеря воды) сопряжено с усадкой глины, составляющей основу формовочной массы.

Усадка глины (из-за изменения свойств) происходила не одновременно на всю толщину и по всей поверхности предмета, а связана со степенью равномерности прогрева.

Равномерность прогрева зависит от условий обжига и степени теплопроводности предмета (чем выше теплопроводность, тем равномернее прогревается изделие, следовательно, меньше перепад температур в пределах одного изделия).

Примитивный способ обжига связан с использованием открытого огня, когда обжигаемые сосуды непосредственно соприкасались с пламенем, что было причиной резкого перепада температур в разных частях площади поверхности и в толщине стенок одного сосуда.

Глина — материал с низкой теплопроводностью. Крупнозерновые минеральные наполнители (дресва), будучи лучшими проводниками тепла, при добавлении в глину повышали теплопроводность формовочной массы.

Неравномерный нагрев вызывал неравномерные деформации: в толще стенок и по площади сосуда.

При деформации формовочной массы в толще стенок протекали следующие процессы:

1) поверхностный слой первым приобретал камнеподобное состояние; мощность этого слоя в условиях непосредственного соприкосновения с пламенем, из-за низкой теплопроводности материала, значительно уступала внутреннему слою;

2) изменение структуры внутреннего слоя (сжатие, связанное с отдачей воды) сопровождалось нагружением (растяжением) поверхностного слоя.

Деформация поверхностного слоя вызывала напряжения, которые, достигнув критического уровня, являлись причиной растрескивания изделия.

Деформация по площади поверхности, связанная с сжатием отдельного участка, соприкасающегося с пламенем, вызывала растяжения соседних с ним участков и, как следствие, появление трещин на поверхности.

Глубокий орнамент неолитической керамики при обжиге способствовал повышению равномерности прогрева заготовки на всю толщину стенок посуды.

Кроме того, в результате нанесения орнамента поверхность сосуда становилась совокупностью отдельных сегментов, относительно не связанных друг с другом в поверхностном самом напряженном слое, что являлось причиной исчезновения растягивающих напряжений.

Таким образом, орнаментация глубокого профиля на неолитических сосудах, в силу указанных причин, способствовала сохранению изделия в процессе его обжига.

*Б.В. Грудинкин,
научный сотрудник Калужского государственного
объединенного краеведческого музея.*

Фигурный кремень с городища Троицкое 1 (Любутск)

В течение длительного времени в бассейне Верхней Оки не находили предметов мелкой кремневой пластики. Ближайшим регионом, где встречена кремневая скульптура, являлась Средняя Ока. Многочисленные материалы верхнеокских стоянок не содержали находок, даже отдаленно напоминающих кремневую скульптуру, а находки многолезвийных скобелей, по технике их обработки, не могут быть аналогами мелкой пластики.

С 1995 г. экспедицией Калужского областного краеведческого музея под руководством И.В. Болдина, при участии автора, были начаты раскопки городища Троицкое 1 в Ферзиковском районе Калужской области, являющегося остатками древнего города Любутска. Городище впервые было обследовано калужским краеведом И.Д. Четыркиным в конце XIX в. В советское время городище обследовалось двумя экспедициями: в 1953 г. М.В. Фехнер и в 1980 г. И.К. Фроловым, был снят план городища и сделано его описание. В 1985 г. городище осматривалось автором. В 1995 г. автором при осмотре в размываемом слое городища были собраны кремневые артефакты, отнесенные к верхнему палеолиту (Грудинкин, 1996, с. 122). Городище занимает мыс третьей надпойменной террасы правого берега р. Оки при впадении в нее р. Любутки. Культурный слой поселения — темно-серый суглинок мощностью 30—70 см. Материк — желто-коричневый суглинок. Поселение представляет собой многослойный памятник, содержащий материалы от палеолита и до позднего

средневековья. Культурный слой нарушен распашкой в XVIII—XIX вв. и кладбищем, действующим до настоящего времени. Материалы различных эпох стратиграфически не выделяются.

При раскопках были получены новые находки кремневых изделий, среди которых была выделена небольшая группа, условно отнесенная к типу фигурных кремней. В кремневом инвентаре преобладают отщепы: пластины представлены небольшим числом; орудия в основном на отщепах. Среди орудий преобладают скребки различных типов, кроме них найдены различные скобели, резцы немногочисленны и представлены различными типами иногда в комбинациях с другими орудиями. Находки, относимые к категории фигурных кремней, не имеют планиграфической и стратиграфической концентрации в пределах раскопов.

Наиболее четкие очертания имеют два предмета как наиболее яркие фаунистические изображения, имеющие аналогии в материалах других памятников. Первое следует интерпретировать как изображение рыбы (рис. 1). Изготовлено на неправильной пластине коричневого кремня длиной 7,9 см, шириной 1—1,8 см. Контур изображения сформирован плоской ретушью со спинки, а хвост и плавники подправлены плоской ретушью с брюшка. Узкая пластина, вероятно, представляла стилизованное изображение длинной рыбки в профиль с небольшим хвостом, крупной головой и небольшими слабо выраженными плавниками. Определить породу рыбки не удастся, поскольку каких-либо четких признаков нет. Однако можно с уверенностью сказать, что изображена рыбка, водившаяся в данной местности.

Другое изделие представлено фрагментом, позволяющим определить, что перед нами изображение пресмыкающегося (рис. 2). Изготовлено из светло-коричневого кремня.

Длина — 3,1 см, ширина — 7—16 мм. Фигурка двусторонне ретушированная по всей поверхности без головы и части хвоста с изогнутым туловищем. Эта фигурка имеет аналогии с найденными на стоянке «Синяя Гора» в Осташковском районе Тверской области и описанными И.Н. Чер-

Рис. 1

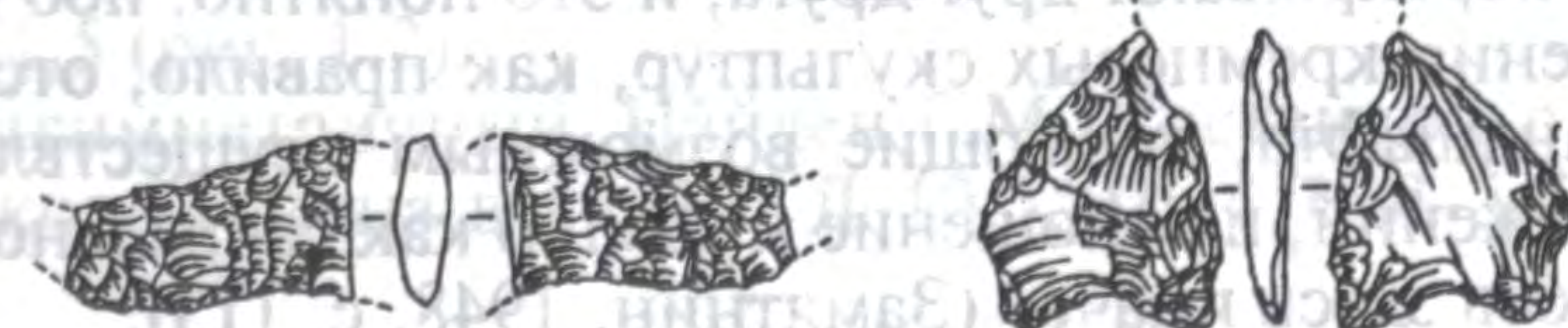

Рис. 2

Рис. 3

ных (Черных, 1996, с. 276, рис. 4, 5; с. 277, рис. 4, 5). Наша находка имеет аналогичное расширение к голове и сужение к хвосту. По представлению И.Н. Черных, это или ползущая змея, изображенная сверху, или выдра с поднятой головой в профиль (Черных, 1996, с. 282). На Верхней Оке эти животные встречаются повсеместно.

Из антропоморфных изображений следует отметить часть фрагмента небольшой человеческой фигурки из полупрозрачного, серого кремня (рис. 3). Фигурка расколота наискось, и сохранилась лишь нижняя часть туловища со стилизованным изображением ног. Сужение в месте талии характерно для всех кремневых изображений человека. Длина — 3 см, ширина — 2,5 см. Контур изображения сформирован плоской ретушью лишь на одной из сторон, заходящей далеко на поверхность. Техника изготовления этого изображения сближает его с наконечниками стрел.

С.Н. Замятнин отмечал, что для кремневой скульптуры не характерно изображение человека в профиль, в отличие от карельских петроглифов (Замятнин, 1948, с. 103). Значительная часть изображений, по его мнению, приближается по очертаниям и размерам к наконечникам стрел, и это наконечники обрядовых стрел, служивших для умерщвления жертвенных животных. Одновременно они являлись персонификацией божества, которому жертва приносилась (Замятнин, 1948, с. 122). Он же отмечал поразительное совпадение кремневых скульптур с сюжетами Онежских и Беломорских петроглифов (Замятнин, 1948, с. 102).

По мнению С.Н. Замятина, кремень теряет свою исключительную роль как основного материала для изготовления орудий. А время их появления, он полагает, это время появления и развития культа камня. Далее он считает «кремневые скульптуры как функциональный аналог наскальных изображений» (Замятнин, 1948, с. 113). «Области распространения этих двух видов памятников соприкасаются, но не перекрывают друг друга, и это понятно, ибо в области распространения кремневых скульптур, как правило, отсутствуют элементы ландшафта, делающие возможным осуществление наскальных изображений, и отношение к камню как сакральному предмету проявлялось здесь иначе» (Замятнин, 1948, с. 113).

Высокое расположение поселения относительно уреза воды в реке позволяет отнести наши находки к эпохе бронзы.

Литература

1. Грудинкин Б.В. Разведки Окско-Деснинской экспедиции // Археологические открытия 1995 г. — М., 1996.
2. Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // СА. X. — М. — Л., 1948.

3. Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя Гора» 1 (Ботово 1) на озере Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. — Тверь, 1996.

А.А. Чубур,
к.и.н., директор Курчатовского городского краеведческого музея Курской области

Шлифованные каменные топоры эпохи бронзы на территории Брянщины

На территории Брянской области зафиксировано несколько десятков находок шлифованных каменных сверленных боевых топоров эпохи бронзы, лишь немногие из них введены в научный оборот. Это и побудило к созданию настоящего небольшого свода, базирующегося на материалах из фондов Брянского областного краеведческого музея. Пользуясь случаем, искренне благодарю сотрудников отдела археологии БОМ Н.Е. Ющенко и Е.А. Чеплянскую за помощь в работе с коллекциями и документацией. Представляется, что картирование таких одиночных находок позволит уточнить сведения о контактной зоне среднеднепровской и окско-деснинского и московско-клязьминского локальных вариантов фатьяновской культуры раннего бронзового века.

I. Клиновидные топоры.

1. БОМ 5032. Найден у с. Семеловичи Рогнединского района на р. Габья. Длина /Д/ - 11 см, ширина /Ш/ - 3,7 см, длина лезвия /Л/ - 4,7 см, диаметр сверлины /С/ - 2 см (рис. 1,1).
2. БОМ 7163. Найден в 1969 г. на территории г. Брянска. Д-8,8; Ш-3,3; Л-2,5; С-1,5 (рис. 1,2).
3. БОМ 4693, асимметричный. Найден Г.М. Костенко в с. Хоромное Климовского района в 1959 г. Д-10,5; Ш-4,7; Л-3,5; С-2 (рис. 1,3).

II. Молотковидные топоры.

4. БОМ б/н. Сильно выветрен. Найден, вероятно, в Бежице (ныне территория г. Брянска). Д-10; Ш-5; Л-2; С-2 (рис. 1,4).
5. БОМ 5004. Найден в 1960 г. в Брянске Ф.М. Заверняевым. Д-10,5; Ш-4,3; Л-3; С-1,8 (рис. 1,5).
6. БОМ 5440. Найден на границе Брянской и Калужской областей у с. Скурынск Жиздринского района А.И. Титовым. Д-11; Ш-4,8; Л-3; С-2,2 (рис. 1,6).

7. БОМ 6280. Найден близ Брянска И.С. Люсиным 20.10.1966 г. Д-11; Ш-4,6; Л-4,7; С-2,4 (рис. 1,8).

8. БОМ 7551, заметно асимметричный. Найден в 1971 г. А.Л. Юдичевым в Брянске. Д-11,5; Ш-5,5; Л-3; С-2,5 (рис. 1,7).

9. БОМ 3106. Найден в 500 м от р. Зевра у с. Снытка Брасовского района в 1951 г. Д-12,3; Ш-6; Л-3,3; С-1,6 (рис. 1,9).

10. БОМ 5149. Найден В.С. Егоренковым в г. Сельцо Брянского района. Д-12,5; Ш-6; Л-4,5; С-2 (рис. 1,10).

III. Обушковые топоры.

11. БОМ б/н, обломок топора, видимо, среднеобушкового. Найден в черте г. Брянска Ф.М. Заверняевым. Л-3,4; С-2,5 (рис. 1,12).

12. БОМ 3348, среднеобушковый, найден в промзоне фосфоритного завода г. Брянска-1. Д-13,3; Ш-5,2; Л-3,5; С-2,2. 1953 год (рис. 1,11).

13. БОМ 5194, среднеобушковый. Найден в д. Куркино Карачевского района. Д-13,3; Ш-5,3; Л-3,5; С-2,2 (рис. 1,13).

14. БОМ 3825, короткообушковый. Найден у с. Макаровка Дубровского района. Д-8,3; Ш-4,2; С-1,3-1,7 (коническая); Л-3 (рис. 1,17).

15. БОМ 4471, короткообушковый, территория Брянской области. Д-12; Ш-5; С-1,5 (рис. 1,15).

16. БОМ 5647, длиннообушковый. Найден у р. Булдынка в поселке Прудовка Новозыбковского района в 1953 г. Д-свыше 13; Ш-7; Л-4,7; С-2,7 (рис. 1,14).

17. Фонды КГокМ. Обломок с городища Синин, Погарский район. Найден А.А. Чубуром и Н.Е. Ющенко в 1995 г. С-2,2 (рис. 1,16).

18. БОМ 5035, короткообушковый. Найден в с. Неготино Жуковского района Д.Ф. Гамолиным. Д-11,3; Ш-4,7; С-1,5 (рис. 2,1).

IV. Усеченно-ромбические топоры.

19. БОМ 5511. Найден в 1963 г. близ пос. Лощинка в окрестнос-

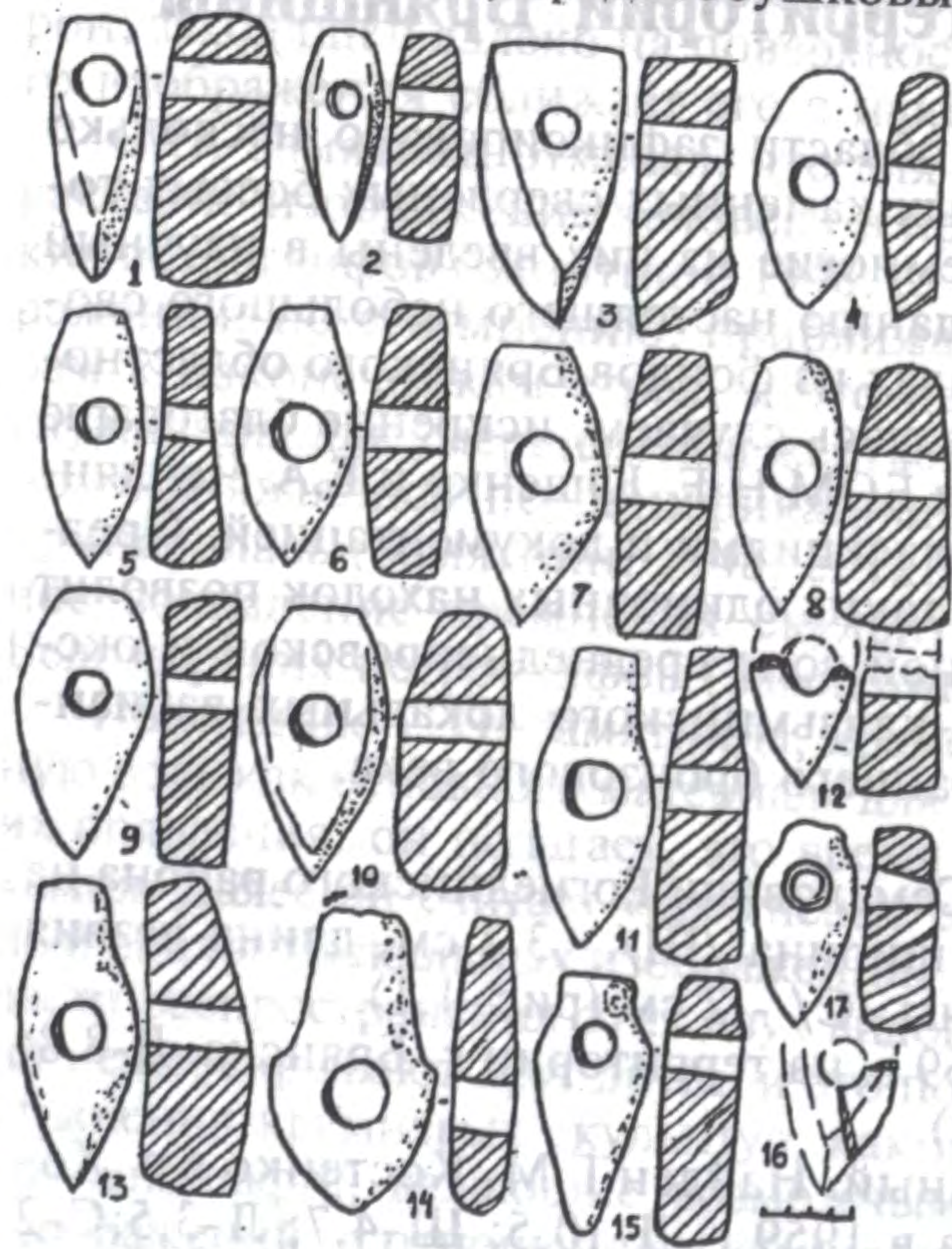

Рис. 1. Каменные топоры Брянской области

тях г. Сельцо Брянского района. Д-10; Ш-5; С-2 (рис. 2,5).

V. Коротколопастные топоры.

20. БОМ 4273. Хордовый, коротколопастный, хорда смещена относительно оси топора на 8 градусов, найден у с. Семеричи Клетнянского района. Д-12; Ш-4,8; Л-3; С-2 (рис. 2,2).

21. БОМ 4336-1. Обломок топора, найден Г. Чекаловой на возвышенности к югу от с. Норино Жирятинского района в 1955 г. Ш-3,6; Л-6; С-2 (рис. 2,4).

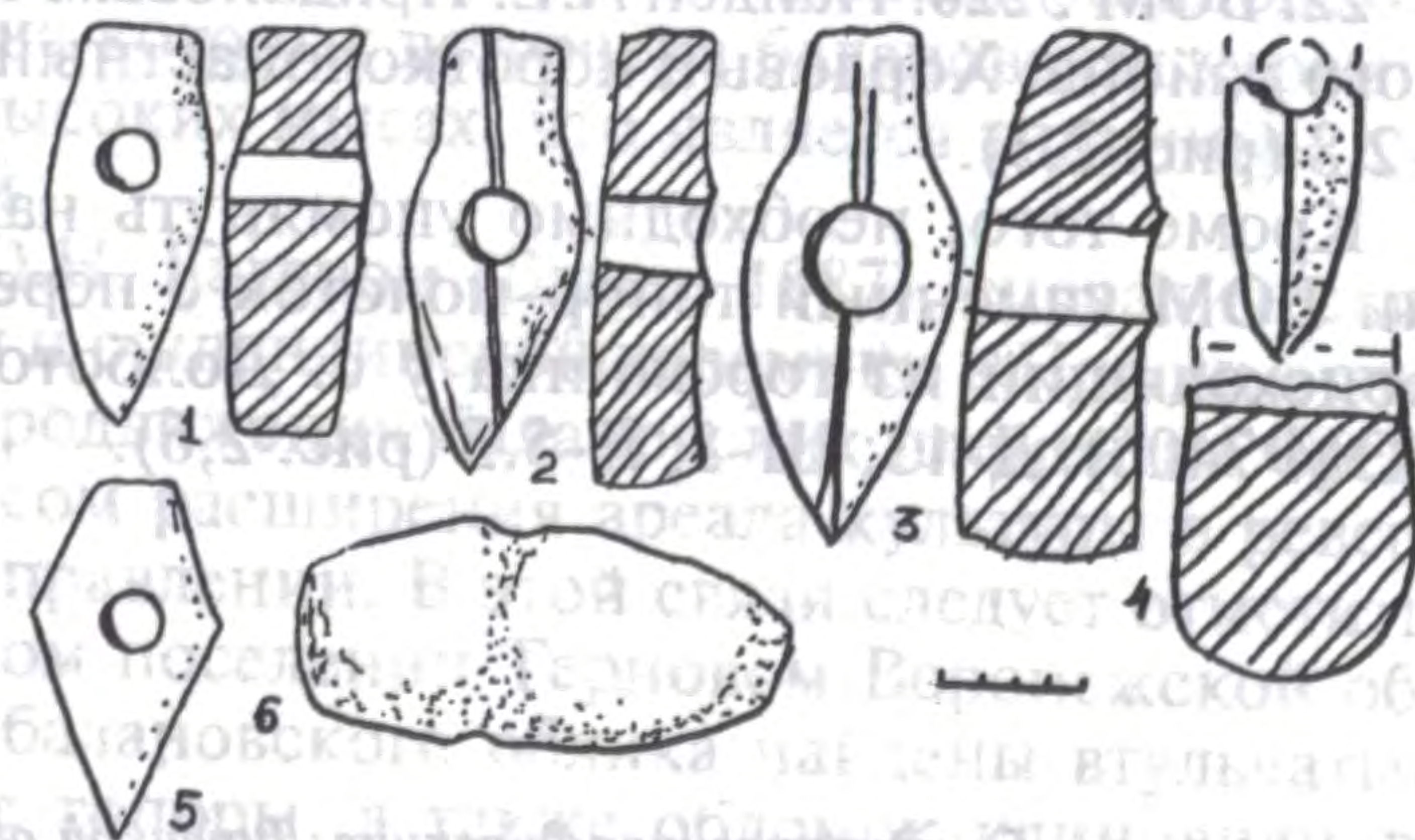

Рис. 2. Каменные топоры Брянской области

Рис. 3. А — клиновидные топоры, Б — молотковидные, В — обушковые, Г — коротколопастные, Д — усеченно-ромбические

22. БОМ 5220. Найден А.Е. Придановым близ с. Бордовичи Брянского района. Хордовый коротколопастный. Д-13,3; Ш-5,7; Л-4,7; С-2,8 (рис. 2,3).

Кроме того, необходимо упомянуть находящийся в экспозиции БОМ каменный топор-молоток с перехватом, без сверлины, происходящий из торфяника у с. Долботово Погарского района (БОМ 7406). Д-13; Ш-5; Л-5,5 (рис. 2,6).

В.А. Чивилев
Государственная дирекция Липецкой области по охране памятников

Проблемы проявления импульса шнуровых культур на территории лесостепного Дона

В III—II тыс. до н. э. на значительной части Европы происходит расселение группы племен родственных археологических культур, известных под названием культур шнуровой керамики (или боевых топоров). Предполагается, что племена культур шнуровой керамики и боевых топоров сформировались в западной части Восточной Европы (или Прибалтике). В лесной полосе Восточной Европы к этим культурам относится фатьяновская и балановская, которые формируются на рубеже III—II тыс. до н. э. с началом распространения в Европе культур с боевыми топорами (Крайнов, Бадер, 1987). И если движение на Восток фатьяновских племен происходило вдоль рек Волга, Ока (Крайнов, 1987), то движение раннебалановского населения на территорию Среднего Поволжья происходило несколько южнее правого берега р. Оки, по его юго-восточным притокам, и было, скорее всего, сухопутным (Бадер, 1987). Таким образом, верховья Дона, примыкающие к бассейну Оки, по мнению исследователей, входили в территорию, по которой происходило расселение культур боевых топоров.

На территории лесостепного Дона имеется ряд памятников, на которых встречена балановская керамика. Это Елецкое поселение, поселение Терновое, курганы у д. Русская Тростянка и с. Вознесенка, Богучарский могильник II.

Как уже было отмечено исследователями (Бадер, Халиков, 1976; Пряхин, 1982; Погорелов, 1984), эта керамика относится к атликасинскому (поселения Елецкое и Терновое) и ошпандинскому

(курганы Русская Тростянка и Вознесенка) этапам балановской культуры. Поселения, на которых встречена балановская керамика, располагаются на высоких мысах, что является типичным для балановских поселений.

Как уже отмечено О.Н. Бадером (Бадер, 1987), спорадические находки атликасинской и ошпандинской керамики в Подонье связаны не со временем продвижения балановских племен на Среднюю Волгу, а с процессом расширения ареала культуры в реверсионном (западном) направлении. В этой связи следует отметить, что на раннекатакомбном поселении Терновом Воронежской области кроме керамики балановского облика найдены втульчатый и лопастный сверленные топоры, а также обломок клиновидного кремневого топора (Погорелов, 1984). Подобное сочетание предметов вооружения не характерно для катакомбных древностей и, по всей видимости, оставлено балановским населением.

На территории Липецкой области найдены пять сверленных каменных топоров, имеющих выделенную втулку вокруг сверлины, и небольшой черешковый топорик. Сверленные топоры близки типам 16а и 16б по типологии О.С. Гадзяцкой (Гадзяцкая, 1976), типу 8 по типологии О.Н. Бадера, А.Х. Халикова и являются вместе с черешковыми топориками наиболее характерными для балановской культуры (Бадер, Халиков, 1976).

Таким образом, на территории лесостепного Подонья имеются ряд памятников, на которых присутствуют отдельные находки посуды и предметов вооружения, отражающие продвижение многочисленных групп балановского населения из лесной зоны Поволжья. Тяготение находок к Донскому бассейну недалеке от основного русла может говорить об их продвижении на юг вдоль р. Дон.

Сосуд из закрытого комплекса погребения 2 кургана 1 второго Богучарского могильника (Березуцкая, 1999), в котором наряду с раннекатакомбным погребением находилось балановское, обращает на себя внимание тем, что у него отсутствует орнаментация по шейке, орнамент же, нанесенный по плечам сосуда, находит аналогии на памятниках атликасинского этапа балановской культуры Среднего Поволжья.

Балановские материалы атликасинского этапа на памятниках лесостепного Дона расположены совместно с ранними материалами катакомбной (поселение Терновое, Богучарский могильник) и воронежской (поселение Елецкое) культур, для которых существует разработанная технология. Они датируются рубежом III—первой четвертью II тыс. до н. э. и началом второй четверти II тыс. до н. э. (Синюк, 1996). Это позволяет предложить синхронность

данных культур, что подтверждается и наличием закрытого комплекса во втором Богучарском могильнике. Таким образом, вышеизложенное позволяет изменить датировку атликасинского этапа балановской культуры с XV—XIV вв. II тыс. до н. э. (Бадер, Халиков, 1976) до первой — начала второй четверти II тыс. до н. э.

*Е.А. Шмидт, д.и.н., профессор,
Смоленский государственный педагогический университет*

Мощинская культура в верхнем течении рек Угры и Днепра

Рассматриваемая территория охватывает бассейны рек: верхней Угры до устья р. Вори и Днепра от истока до устья р. Вопи. Эти пространства во второй половине I тыс. до н. э. были заселены племенами днепро-двинской культуры, археологически представленной многочисленными укрепленными поселениями — городищами.

В первых веках н. э. в жизни днепро-двинских племен произошли изменения и сформировались некоторые новые элементы культуры как в силу внутренних закономерностей развития, так и под влиянием соседних племен, обитавших южнее, в Поднепровье. При этом область их расселения на востоке несколько сократилась вследствие распространения до середины III в. н. э. позднедьяковских племен в верховьях р. Угры, где появляются поселения с типичной позднедьяковской керамикой и вещами. Это городища: Городянка, Федотково, Мормули, Василевщина и селище Заречье. Более того, отдельные группы населения позднедьяковских племен проникают на Днепр, что зафиксировано на селище у устья р. Дымы.

П.Н. Третьяков, В.В. Седов и другие считают, что значительные массы населения, ранее связанные с зарубинецкой общностью, в III—IV вв. переместились в бассейн Верхней Оки, где в результате их слияния с местными племенами оформилась новая группа населения с так называемой мощинской культурой, существовавшая с III—IV по VII век н. э. Анализ вещевого комплекса мощинской культуры показывает, что, помимо зарубинецких элементов, в ней есть некоторые особенности, которые не могут быть увязаны ни с зарубинецкими, ни с местными верхне-

окскими древностями предшествующего времени. Видимо, в составе пришельцев кроме зарубинецких групп населения были еще какие-то племена, пришедшие с юго-запада. Выдвигать такое предположение заставляет керамический комплекс, в составе которого есть грубые и лепные сосуды с прямым горлом и выраженной профилировкой. Эволюция керамических форм в Верхнем Поднепровье и на смежных территориях в первой половине I тыс. н. э. имела общую тенденцию к формированию слабопрофилированных и сравнительно вытянутых форм сосудов (киевская, колочинская, тушемлинская и др. культуры). Мощинская керамика из этой тенденции выпадает.

В течение ряда лет проводилось изучение археологических памятников в смоленском течении р. Угры и в верховьях р. Днепра, в том числе подверглись раскопкам городища, содержащие древности мощинской культуры. Эти работы позволили уточнить некоторые особенности материальной культуры мощинских племен. Керамический материал из изученных памятников включал такие же типы сосудов, как и найденные на поселениях бассейна Оки в пределах Калужской области. Соотношение грубой лепной и лощеной керамики в верховьях Угры на городище у д. Федотково составило: 91% грубой посуды и 9% - лощеной. Близкое соотношение этого вида керамики было и на городище у д. Наквасино в Поднепровье: 92,2% грубой посуды и 7,8% - лощеной. Лощеная посуда мощинской культуры на городищах, изученных в восточной части Смоленской земли, по своим формам имеет два основных типа. Первый тип представлен ребристыми мисками, имеющими почти цилиндрическую верхнюю часть, резко переходящую в усеченно-коническую нижнюю часть, а в месте перехода образовывалось острое ребро. Такие миски были распространены в бассейне Оки, в том числе на Верхней Угре на городище у д. Федотково. С нашей точки зрения, этот тип мисок ведет свое начало от мисок более раннего периода и, возможно, происходит от форм, имевших распространение у зарубинецких племен. Второй тип представлен лощеными мисками с выпуклым плечиком, переходящим в прямое горло со слегка отогнутым венчиком. Эти формы мисок с прямым горлом имеют полные аналогии среди грубых лепных сосудов с этих же поселений. Они являются наиболее характерными для мощинской культуры.

Для мощинской культуры рассматриваемой территории кроме уже отмеченной керамики характерен специфический комплекс вещей. Он включает разнообразные предметы, изготовленные из железа, бронзы и др. материалов. Как в верхнем течении р. Угры, так и в Поднепровье на городищах вместе с мощинской керами-

кой наиболее часто встречаются глиняные тщательно лощеные пряслица. Они имеют усеченную биконическую форму и лощеную поверхность черного цвета (изредка — серого цвета). Изготовлены они из глины такого же состава, как и лощеные миски. От пряслиц, распространенных у других синхронных культур, они отличаются большим диаметром отверстий, которое у них составляет от 1,8 до 2,8 см, тогда как, например, пряслица из поселений тушемлинской культуры имеют диаметр отверстий от 1 до 1,4 см. В Верховьях Днепра лощеные пряслица мощинского типа встречаются на городищах у дд. Наквасино, Перстенки, Городок. Среди других вещей из Поднепровья следует отметить: железные ножи с прямой спинкой, железные плоские кресала, железные шпоры с зацепами наружу и железные овальные пряжки, время бытования которых не выходит за пределы V—VII вв. н. э.

Пока еще нет возможности точно определить время начала экспансии мощинских племен в западном направлении в верховьях Угры и в Поднепровье. Но совершенно несомненно, что появление их в бассейне Днепра относится не к начальному периоду становления этой культуры в бассейне Оки, а произошло несколько позднее. Подтверждением более позднего появления мощинских древностей в Поднепровье может служить, во-первых, существование в верховьях Угры и на Днепре поселений позднедьяковских племен, датируемых вещами III—IV вв. н. э., а во-вторых, отсутствие на днепровских поселениях ранних форм лощеной ребристой керамики. Видимо, к середине I тыс. н. э. мощинские племена заселили бассейн верховьев Угры, где возникли такие укрепленные поселения, как городища у дд. Федотково, Кобелево и Васильевщина, на которых ранние формы мисок встречаются чаще, чем в других местах. Затем мощинскими племенами было освоено междуречье Угры и Днепра, и возникли поселения на р. Осьме и ее притоках — городища у дд. Никола, Новый Городок, Мясники. Далее мощинское население расселяется по Днепру (городища у дд. Перстенки, Мартынково, Наквасино и др.) и по его притокам, заходя ниже города Дорогобужа на р. Ужу — городища у дд. Городок и Болотово, а далее вплоть до устья р. Вопи. Таким образом, в Поднепровье по Вопи и Устроу в третьей четверти I тыс. н. э. установилась граница между мощинскими и тушемлинскими племенами. Этот рубеж в конце существования тушемлинской культуры определил восточные пределы распространения племен культуры длинных курганов.

Есть достаточно оснований говорить о влиянии расселившихся в Поднепровье мощинских племен на культуру тушемлинских племен. В пределах расселения тушемлинских племен и на городи-

щах-убежищах, и на селищах среди массы местной керамики обнаружены фрагменты сосудов мощинских типов. В частности, на городищах у д. Близнаки и на селище у д. Шугайлово найдены чернолощенные миски, аналогичные таковым из городищ у дд. Наквасино и Федотково; фрагменты грубых лепных сосудов, аналогичных мощинским, происходят из городища у д. Ямполье и селища у д. Третьяково и т. д. Это говорит и о связях, и о проникновении в тушемлинскую среду отдельных элементов мощинской культуры.

В.В. Сидоров,

к.и.н., старший научный сотрудник Института археологии РАН

Старшее Каширское городище.

Раскопки 1997 г.

Старшее Каширское городище — памятник, ставший после исследований В.А. Городцова в 1925—1926 гг. (Городцов, 1933) одним из эталонов для раннего этапа дьяковской культуры, долгие годы не обследовался. Городцовская коллекция этого памятника составлена выборочно и не дает никакого представления о керамике. Большое сомнение возникает в достоверности описанных Городцовым круглых землянок. К тому же работы, проведенные К.А. Смирновым на Мутенковском городище в 1978 г., показали своеобразие окского варианта дьяковской культуры, весьма мало похожего на комплексы классических дьяковских памятников бассейнов Пахры, Москвы и Верхней Волги. Это заставило обратиться вновь к известному и вроде бы масштабно раскопанному памятнику.

Тремя небольшими раскопами вскрыта площадь 60 кв. м в южной, верхней половине памятника. Раскопы удалось привязать к траншеям и «выкружкам» Городцова. Выяснено, что никаких реальных объектов за «выкружками» не стоит. Памятник многослойный с четкой стратиграфией и множеством хорошо сохранившихся деталей. Верхний слой — черная жирная супесь — сильно нарушен огородами. С этим слоем связаны постройки с мощными столбовыми ямами, с забутовкой известняком, с каменными очагами. Только в этом слое встречается типичная дьяковская керамика (сетчатой до 15%, лощеной нет), грузики. Возможная датировка около III в. до н. э. Средний слой — красноватая от прироста навоза супесь с прослойками зольников, множеством рогатых кирпичей. С этим слоем связано долго существовавшее жили-

ще — сруб, нижний венец которого отпечатался на подстилающем слое, с уступами нар по стенкам и глиняным круглым очагом в центре. Под юго-восточным углом дома — череп собаки. В пределах дома найдены развалы сосудов, миниатюрные сосудики, костяные булавки. Вне дома, но в красноватом слое множество костяных стрел, булавок, есть бронзовые украшения, по которым слой датируется VI—V вв. до н. э. К этому слою относится находка рукоятки ножа с зооморфным завершением. Количество сетчатой керамики в этом слое минимально. Основная часть — гладкостенные с примесью мелкого песка баночные сосуды без орнамента. В нижнем слое — слегка ожелезненном серном суглинке с зольниками также встречены прямые углы, слегка врезанные в склон жилищ. Сетчатая керамика в слое отсутствует, но довольно много штрихованных и орнаментированных крупным зубчатым штампом горшков. Только в нижнем слое присутствуют кости диких животных.

Основа комплекса не имеет отношения к дьяковской культуре. Керамический комплекс нижнего слоя плавно перетекает в комплекс среднего слоя и сохраняется в верхнем. Керамика нижнего слоя ближе к срубной культуре Среднего Дона (Воронеж). Дьяковский компонент нарастает в верхнем слое, но и здесь его недостаточно для включения этого памятника в дьяковскую культуру. Экологическая ситуация правобережья Оки сильно отличается от территории собственно дьяковской культуры, но ближе к среде Средне-Русской возвышенности. Типичные же дьяковские памятники выявлены на песчаных террасах левого берега.

*В.Н. Гурьянов, В.В. Миненко,
дирекция по охране памятников истории и культуры Брянской области*

Новые исследования поселений почепской культуры в Верхнем Подесенье

Хотя история исследования почепских древностей в Подесенье насчитывает уже полвека с момента открытия Ф.М. Заверняевым Почепского селища (Ф.М. Заверняев, 1960, 1969), количество поселений, исследованных за это время раскопками, не превышает полутора десятков (А.М. Обломский, 1993, с. 46, карта 10). Недостаточность полученных материалов породила среди иссле-

дователей различные точки зрения на место этого круга древностей в системе культур раннего железного века начала нашей эры. В целом сходясь во мнении о складывании почепских древностей в результате проникновения зарубинецких племен из Среднего Поднепровья на территорию юхновской культуры, исследователи определяют их как:

1) локальный вариант зарубинецкой культуры и считают поздnezарубинецкими (Е.В. Максимов, 1982, с. 9—10; 1997, с. 247);

2) рассматривают эти древности как постзарубинецкие, выделяя отдельный «горизонт Рахны-Лютетж-Почеп» (М.Б. Шукин, 1986, с. 26);

3) выделяют в отдельную почепскую культуру (А.К. Амброз, 1964).

Картографирование показывает, что между самым северным из изученных раскопками почепских памятников — селищем у д. Спартак в Смоленской области (П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт, 1963, с. 136—140) и ближайшим к нему исследованным памятником — селищем в устье р. Гасомы (Ф.М. Заверняев, 1974) на участке течения Десны протяженностью почти 120 км располагается всего 5-7 поселений с материалами почепской культуры. Причем их культурная принадлежность определена по материалам разведок и в ряде случаев вызывает сомнение. В какой-то степени заполнить эту территориальную лакуну могут исследования последних лет, проведенные авторами на ряде поселений, в том числе и ранее неизвестных.

На уже упомянутом селище в устье реки Гасомы (в настоящее время оно обозначается как селище Хотылево-1) проведены охранные раскопки в прибрежной части. Раскоп площадью 20 кв. м был расположен на северной оконечности селища, непосредственно на краю надпойменной террасы правого берега р. Десны. Культурный слой имеет мощность от 0,3 до 1,1 м. На самом склоне, в материке, частично изучены две ямы овальной формы в плане формы, вытянутые по линии север-юг, размерами по ширине 1,46 и 1,4 м и по длине в изученных частях 1,04 и 1,12 м (судя по расположению, ямы, вероятнее всего, исследованы наполовину). Глубина ям соответственно 0,47 и 0,55 м от уровня материка. Ямы расположены на расстоянии 0,84 м друг от друга и практически параллельны по длинным осям. Керамика из культурного слоя и ям грубая лепная, S-овидная в профиле, в ряде случаев украшена насечкой по краю венчика. Керамический материал относится к почепской культуре, как и основной слой селища на исследованном участке. Найдены также прямоугольное в сечении железное шило, острие ножа и кованый гвоздь. Последняя находка, воз-

можно, связана с роменским горизонтом поселения, границы распространения которого находятся южнее. Помимо материалов почепской культуры, в культурном слое найдено большое количество кремневых отщепов и изделий эпохи неолита.

Другим исследованным памятником было поселение Дубки-1, расположенное в 1,5 км к западу — юго-западу от г. Жуковки, на левобережной надпойменной террасе р. Десны. Площадь поселения составляет около 1 га. Значительная его часть разрушается рекой. Впервые поселение было обнаружено в 1958 г. Ф.М. Заверняевым, однако его культурно-хронологическая атрибуция проведена не была, видимо, из-за малочисленности и невыразительности полученных тогда материалов (Ф.М. Заверняев, 1958, №1731, с. 24). При повторном обследовании, проведенном В.В. Миненко в 1994 г. (В.В. Миненко, 1995), были получены материалы эпохи позднего неолита и энеолита, а также раннего железного века. Датировка была уточнена в ходе проведенного авторами в 1996 г. исследования поселения. Раскоп площадью 48 кв. м был заложен в северной прибрежной части поселения. Культурный слой на данном участке не превышал 0,4 м, состоял из серого песка, подстилавшегося по материк светлым коричнево-серым песком. На уровне материка был зафиксирован котлован жилой постройки, прямоугольной в плане формы, ориентирован длинной стороной практически по оси север—юг. Северная часть обрушилась в реку. Размеры исследованной части составляют 3,4 x 3 м. Глубина котлована 0,23—0,3 м. Пол ровный, с небольшим уклоном до 0,1 м к северу в сторону реки. В центре постройки зафиксирована яма от опорного столба кровли диаметром 0,44 м и глубиной 0,38 м. К югу от опорного столба изучены остатки отопительного устройства — открытый очаг в виде округлой ямы диаметром 0,83 м, глубиной от дна постройки 0,07—0,1 м. Яма была заполнена бело-серым песком с вкраплениями углей, в верхней части перекрыта слоем темно-серого песка с углями. Стены постройки, вероятно, были срубными, поскольку следов от столбов у стен и в углах котлована не зафиксировано. В западной части постройки находился вход в виде углубленной в материк на 0,2 м ступеньки с двумя столбовыми ямами по краю. На раскопе не было встречено каких-либо вещевых находок, поэтому единственным хронологическим индикатором является керамика.

Всего на раскопе было собрано более 1100 фрагментов лепной керамики. 7,6% от общего количества составляют фрагменты лощеной посуды, в основном обломки реберчатых мисок с прямым вертикальным венчиком, характерные для большинства памятников почепского типа (А.М. Обломский, 1993, с. 46). Груболепная

керамика представлена фрагментами горшков с S-овидным профилем, край венчика орнаментирован насечками, наколами и ногтевыми отпечатками (69 % от общего числа венчиков). В тесте содержатся значительные примеси крупной дресвы. Обнаруженную в раскопе постройку, как и основной слой поселения, можно датировать второй половиной I—II вв. и отнести к кругу почепских древностей. Кроме находок этого периода было найдено небольшое количество ямочно-гребенчатой неолитической керамики и одновременных ей кремневых орудий.

На северной окраине д. Неготино в Жуковском районе Брянской области в ходе разведочных работ при строительстве автодороги Неготино—Вщиж было обнаружено и исследовано два многослойных поселения. Оба памятника расположены на высоком берегу р. Десны. В северо-западной части поселения Неготино-5 исследовано 12 кв. м. Культурный слой на данном участке был полностью разрушен при нивелировке подъезда к усадьбам деревни. В исследованных материковых ямах обнаружена лепная керамика почепской культуры и круговая древнерусская.

Более информативными оказались раскопки на поселении Неготино-6. Раскоп площадью более 25 кв. м заложен в северной, прибрежной части поселения. Культурный слой достигал мощности 1 м и содержал материальные остатки, относящиеся к четырем хронологическим периодам функционирования поселения — эпохе бронзы, раннего железного века (почепской культуры), древнерусскому и позднесредневековому. На уровне материка выявлены остатки двух построек. Котлован постройки-1 прямоугольной в плане формы, размеры 0,7 x 2,6 м в исследованной части, углублен в материк на 0,08—0,12 м. У стенок котлована на дне постройки зафиксированы две столбовые ямы. В заполнении найдены груболепная керамика с насечками по краю венчика и донце чернолощеного сосуда.

Постройка-2 — столбовой конструкции, выявлена на основе анализа планиграфии зафиксированных в материке столбовых ям. Постройка исследована частично, ее южная часть разрушена дорогой. Размеры исследованной части 4 x 4,2 м. В центре постройки — хозяйственная яма прямоугольной формы, размером 0,65 x 0,85 м и глубиной 0,08—0,12 м. Следов отопительного устройства не обнаружено. На полу постройки найдены несколько развалов груболепных сосудов, аналогичных происходящим из постройки-1, и коническая крышка. Последняя находка достаточно редка на поселениях почепской культуры. Единственное подобное изделие встречено на поселении Железное на р. Навля (И.К. Фролов, 1979, с. 64, рис. 1,5). Из вещевых находок к рассматриваемому периоду

Влияние характера рельефа и почв на заселение Мещовского ополя в эпоху железного века

Мещовское ополье находится в центральной и юго-восточной частях Калужской области, в междуречье рр. Оки, Жиздры и Угры, и представляет собой эрозионную равнину со светло-серыми и серыми лесными почвами, сформировавшуюся в четвертичное время. Почвообразующими породами здесь являются в основном покровные лессовидные суглинки. На северо-востоке, востоке и юге ополя граничит с долинами рр. Угры, Оки и Жиздры, где хорошо развиты аллювиальные (пойменные) почвы. Наиболее плодородными на территории ополя являются пойменные луговые почвы с 6—8% и более содержанием гумуса. Им близки пойменные дерновые суходольных лугов (до 4-6% гумуса). За ними по плодородности следуют светло-серые и серые лесные почвы с содержанием гумуса более 3—4%. Кроме Мещовского ополя такие почвы сохранились на небольших участках в бассейнах рр. Рессы, Тарусы, Протвы и др. местах области. Преобладающим же типом почв в области, как на всей северной части Верхнеокского бассейна, являются менее плодородные дерново-подзолистые.

Многими исследователями давно отмечено, что значительное число памятников археологии эпохи железного века располагается в районах с наиболее плодородными и удобными для земледелия почвами и рельефом. Особенно это характерно для второй пол. I тыс. н. э. и более позднего времени (Векслер, 1987, с.36; Седов, 1987, с.27 и др.). Мещовское ополье — как один из обширных участков распространения плодородных почв и специфического рельефа — также не является исключением. Археологические исследования на территории ополя ведутся с конца XIX в. (Булычев, 1899; Никольская, 1959; Фролов, 1977 и др.). К настоящему времени здесь исследовано около 100 различных памятников от эпохи камня до позднего средневековья. Древнейшие стоянки известны пока только на восточной окраине ополя — на берегах рр. Оки и Жиздры. Внутри ополя известен ряд случайных находок каменных топоров и тесел эпохи бронзы. Основное же число памятников относится к эпохе железного века.

достоверно можно отнести фрагмент глиняного низкого биконического лощеного пряслица, которые характерны для поселения типа Почеп. Вероятно, к этому же периоду можно отнести фрагмент изделия из кости (рукоятки ?) с нарезками и отверстием для крепления.

Результаты исследований вводят в научный оборот новые материалы, которые не только позволяют заполнить территориальную лауну в размещении почепских памятников на Верхней Десне, но и дополняют уже имеющиеся данные о разных типах построек почепских племен.

Литература

Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. 1964. №1.

Заверняев Ф.М. Отчет об археологических исследованиях Брянского областного краеведческого музея // Архив ИА РАН, Р-1, №1731.

Заверняев Ф.М. Почепское селище первых веков н. э. // СА. 1960. №4.

Заверняев Ф.М. Почепское селище // МИА. М. 1969. №160.

Заверняев Ф.М. Селище в устье р. Гасомы // Раннесредневековые восточнославянские древности. — Л., 1974.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. — Киев, 1982.

Максимов Е.В. 1997. Хронология и периодизация позднезарубинецкой эпохи // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Проблемы славянской археологии. — М., 1997. Т. 1.

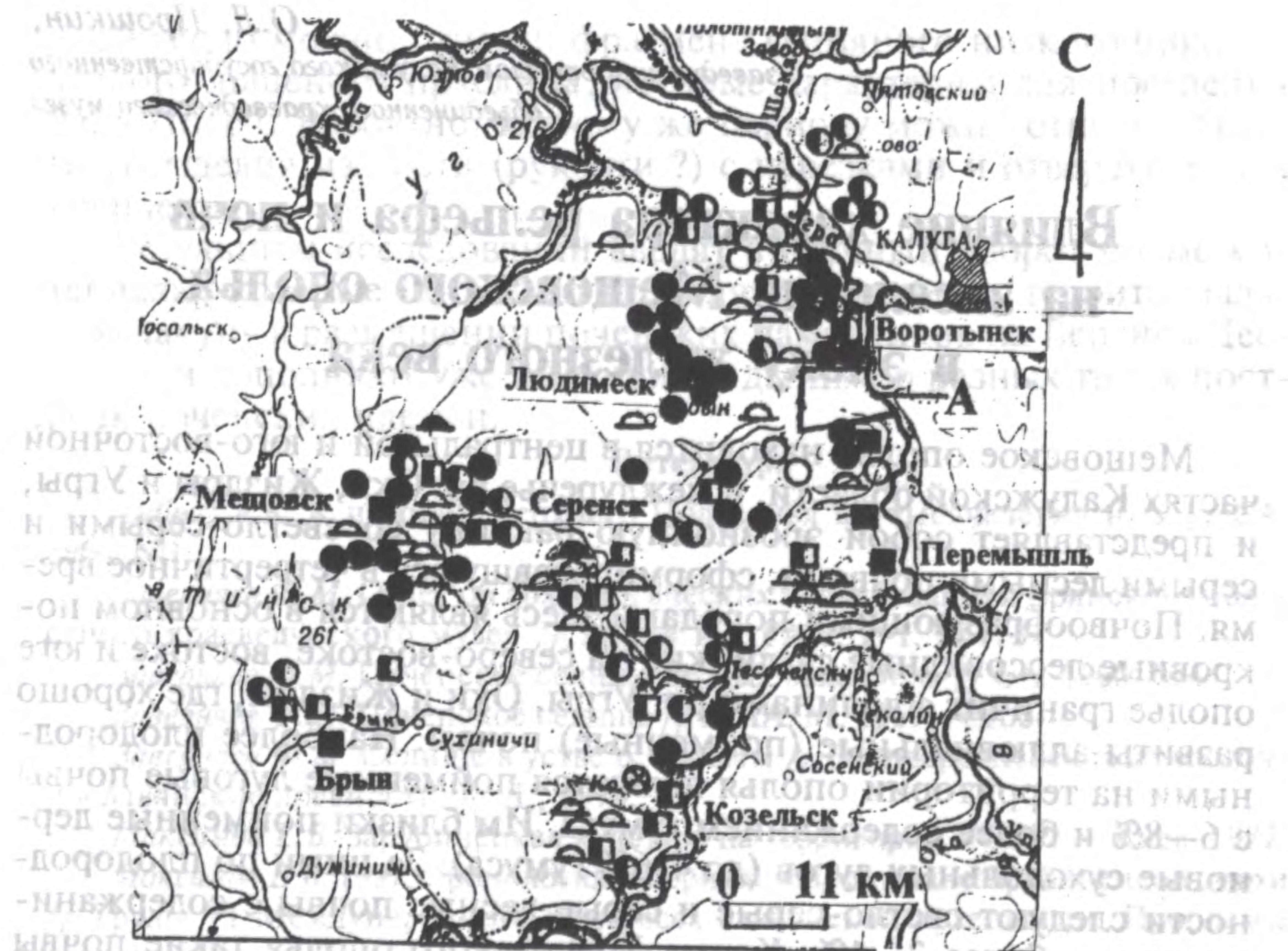
Миненко В.В. Разведки в Жуковском районе Брянской области // АО 1994. — М., 1995.

Обломский А.М. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. Археология СССР. — М., 1993.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. — М. — Л., 1963.

Фролов И.К. О домостроительстве первой половины I тыс. н. э. территории Подесенья и Поочья // СА. 1979. №1.

Шукин М.Б. Горизонт Рахны—Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тыс. — Куйбышев, 1986.

Карта памятников археологии эпохи железного века Мещовского ополья

Условные обозначения: 1-городища, возникшие в раннем железном веке, 2-селища, возникшие в раннем железном веке, 3-городища, возникшие в раннем средневековье, 4-селища, возникшие в раннем средневековье, 5-городища, возникшие в X—XV вв., 6-селища, возникшие в X—XV вв., 7-курганные могильники древнерусского периода, 8-курганные могильники неизвестного периода, 9-клады.

А - район распространения археологических памятников в с. Воротыnsk и его окрестностях.

Второй пол. I тыс. до н. э. можно датировать 12 поселений — 3 городища и 7 селищ, на которых найдена груболепная керамика, характерная для верхнеокской культуры раннего железного века. К этому же времени относятся и такие находки, как бронзовые ажурные навершия булавок и др. предметы. Подавляющее большинство памятников (9 из 12) находится в северо-восточной части ополья, в нижнем течении р. Угры, образуя здесь своеобразное «гнездо» поселений, состоящее из трех городищ (Свинухово 1, Тучнево и Железцово) и связанных с ними селищ. Только два селища — Осиповка и Карачево — известны внутри ополья, в бассейне среднего течения р. Выссы.

В первой пол. I тыс. н. э. число поселений резко увеличивается до 41 (20 городищ и 21 селище). Основные находки — лепная посуда с грубой и лощенной поверхностью, предметы быта и украшения, характерные для мощинской культуры Верхнего Поочья. Наибольшее число поселений этого периода концентрируется в низовьях рр. Угры и Серены. Наблюдается тенденция продвижения поселений вглубь ополья (около 1/2 поселений), где они располагаются достаточно равномерно по берегам рек и ручьев, не образуя крупных гнезд.

Памятники конца I тыс. н. э. с лепной керамикой роменского типа малочисленны — два городища (Волконское и Перемышль), четыре селища (Волконское и др.). Этим же временем датируется и один клад дирхемов (окрестности Козельска). Расположены они в разных частях ополья. Отсутствие более полных данных об этом периоде объясняется, скорее всего, недостаточной археологической изученностью этой территории.

Совершенно по-иному выглядит археологическая карта ополья древнерусского периода. К XI—XIII вв. относятся 63 памятника — 18 городищ (Спас-Городок, Серенск, Спас и др.), 40 селищ (Антопьево 1, 2, Спас 2 и др.), 4 курганных могильника (Слевиново и др.), 1 монетно-вещевой клад (Льговка). Происходит заселение центра ополья, где возникает городской центр Серенск, и его окраин (летописный Брын). На северо-востоке складывается крупное гнездо поселений, связанных с летописным Воротынском.

Незначительный рост числа поселений наблюдается в XIV—XV вв. При увеличении количества селищ до 50 (Подборки, Асаново и др.) уменьшается число укрепленных поселений — до 13 (Воротыnsk, Мещовск и др.). Густозаселенной частью ополья продолжает оставаться его северо-восток с двумя крупными укрепленными центрами — Воротынском «старым» и «новым». Ряд аналогичных поселений городского характера появляются на окраинах ополья и упоминаются в письменных источниках (Перемышль, Козельск, Мещовск, Людимеск). В центре ополья располагается летописный Серенск.

Наиболее заселенной частью Мещовского ополья в течение всего железного века оставалась его северо-восточная часть. Именно здесь имеются наиболее благоприятные природные условия для развития земледелия и разных промыслов — сочетание двух типов наиболее плодородных почв — аллювиальных широких пойм рр. Угры и Оки и светло-серых и серых лесных береговых плато и водоразделов. Слабая заселенность ополья в целом в период раннего железного века косвенно свидетельствует о слабой земледельческой направленности поселений того времени. Вероятно, что изменения в этом плане стали происходить в первой пол. I тыс. н. э., о чем свидетельствуют распространение поселений внутри ополья и находки на них железных топоров, фрагментов серпов и серповидных ножей и т. п. (Воротынский, городище и др.). Ярко выраженный земледельческий характер приобретают древнерусские поселения, что подтверждается и многочисленными находками с поселений — зерна злаков, ручные каменные жернова, плужные лемеха и т. п. (Серенск, городище и др.).

Те районы Мещовского ополья, где наблюдается сочетание двух типов плодородных почв, совпадают и с определенными типами ландшафтов — моренно-эрозионными и озерно-ледниковыми слаборасчлененными равнинами, чего не имеется, например, на юге ополья, где преобладают сильнорасчлененные равнины с многочисленными руслами мелких речек и ручьев, менее удобные для земледелия.

Литература

Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. — М., 1899.

Векслер А. Г. Археологические исследования в Москве // Труды 5 Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 1а, сек. V. — М., 1987.

Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. // МИА. 72. — М., 1959.

Седов В. В. Начало городов на Руси // Труды 5 Международного конгресса славянской археологии. Т. 1, вып. 1. — М., 1987.

Фролов И. К. Работы Среднерусской экспедиции // АО 1977. — М., 1978.

Т. М. Хохлова,

заместитель директора по фондовой работе

Калужского государственного объединенного краеведческого музея

К вопросу о заселении Серенска и его ближайшей округи

Заселение района будущего древнерусского города Серенска началось задолго до прихода туда славян. При раскопках Серенского городища были найдены мезолитические и неолитические кремневые орудия труда. В начале I тыс. н. э. здесь возникло укрепленное поселение мощинской культуры. Пришедшие сюда в XI в. вятичи усилили более ранние валы на детинце и с увеличением территории города обвели окольный город валами и рвом. На детинце находились производственные сооружения: железоплавильные печи и горн и мастерские по производству стеклянных браслетов и колец. С детинца и посада происходят огромный керамический материал и многочисленные находки из металла: браслеты, перстни, височные кольца, накладки, ножи, орудия деревообработки, сельскохозяйственные орудия труда, оружие, нательные крестики и несколько энколпионов, стеклянные браслеты, перстни, бусы, изделия из кости, шиферные и глиняные пряслица, позволяющие датировать городище XI—XVI вв.

За валом городища расположено селище Серенск 1, обследованное Т. Н. Никольской в 1982 и 1984 гг. (рис. 1). Общая площадь его — около 143 000 кв. м. В шурфах был найден материал второй пол. XIII—XV вв. В 1998 г. Т. М. Хохловой проводились охранные раскопки на селище.

В северо-восточной части селища у края рва был заложен раскоп в 100 кв. м. Толщина слоя составляла от 20 до 80 см, в ямах — до 150 см. В материке были обнаружены строительные конструкции невыясненного назначения. В северной части раскопа находился ров шириной до 1 м и глубиной 1 м, пересекавший по диагонали четыре квадрата. К его южной стенке примыкала цилиндрическая яма глубиной 150 см, диаметром 1 м. В верхней части ее заполнение на 30 см состояло из темно-серого суглинка с печиной и большим количеством керамики. Ниже шла материковая желтая глина с прослойками темно-серой супеси, на дне — прослойка темно-коричневой плотной глины толщиной до 0,15 см. В юго-западной части ров прерывался подпрямоугольной ямой,

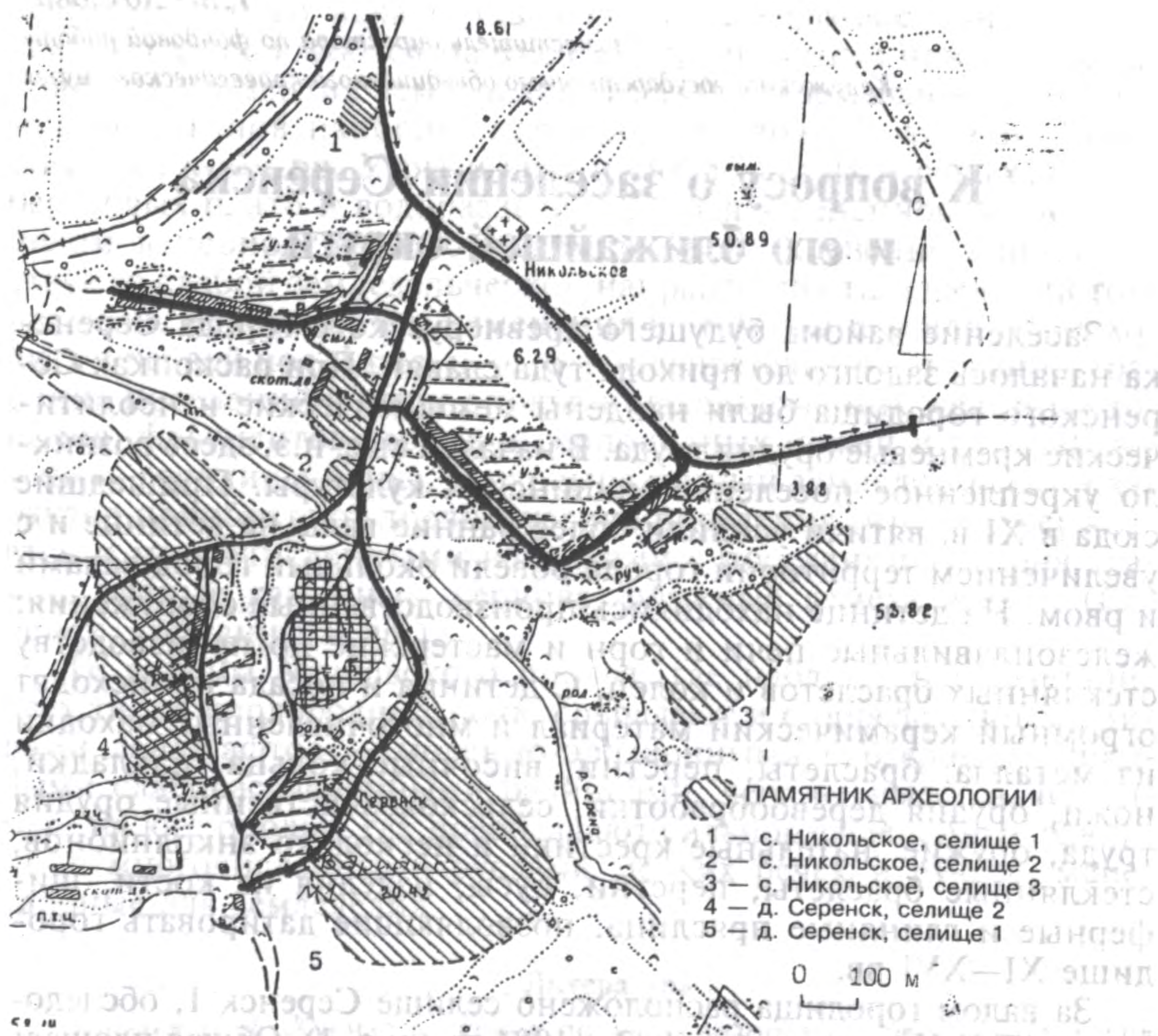

Рис. 1. План городища и селищ у д. Серенск Мещовского района

с таким же заполнением, как предыдущая. Весь этот ров был засыпан печиной с кусками кирпича и фрагментами керамики. В центральной части раскопа находился еще один ров, пересекающий раскоп с востока на запад. Его ширина от 40 до 90 см, глубина до 40 см. В восточной его части с юга к нему примыкала прямоугольная яма глубиной до 25 см размерами 1 x 1,2 м. С севера к нему примыкала круглая яма глубиной до 110 см, диаметром до 120 см. У западной стенки раскопа ров соединялся с круглой ямой диаметром до 200 см, глубиной 130 см от уровня материка. В заполнении рва и ям было найдено большое количество керамики. В южной части раскопа была обнаружена прямоугольная яма, прорезанная более поздней ямой, в которой был найден бронзовый крестик с распятием на одной стороне и Ильей-пророком на другой, датируется концом XV в. (рис. 2, 11). Наи-

большее количество находок приходится на первый пласт, из которого происходят 3 наконечника стрел (рис. 2, 1 — 3), 3 ножа (рис. 2, 8; рис. 3, 6, 7), 3 ключа (рис. 3, 1 — 3), фрагмент накладки (рис. 3, 5), пряжка (рис. 3, 4), скребница (рис. 2, 7), стеклянная бусина и фрагменты браслетов и несколько фрагментов белоглиняной игрушки, украшенной красными полосами (рис. 2, 12). В слое также были найдены немногочисленные фрагменты груболепных красно-коричневоглиняных сосудов первой пол. I тыс. н. э. Из второго пласта кроме нескольких железных предметов происходит еще одна стеклянная бусина (рис. 2, 6) и 3 фрагмента стеклянных браслетов (рис. 2, 5, 9, 10).

В результате археологических разведочных работ в зоне новостроек в 1998 г. Калужской областной археологической экспедицией КОКМ были обследованы ближайшие окрестности городища и обнаружены 4 новых селища. Материал с них позволяет проследить этапы заселения окрестностей города Серенска. Селище 2 у д. Серенск расположено в западной части д. Серенск, на левом берегу р. Серены, на левом берегу безымянного ручья. Его площадь около 115 000 кв.м. Вдоль его северной части, на склоне берега, находятся вал и ров с его внутренней стороны. На границе селища, на краю береговой террасы, находится еще один вал. На селище собрано небольшое количество груболепной красно-коричневоглиняной керамики, фрагменты древнерусской и позднесредневековой керамики XIII—XVII вв., в том числе несколько фрагментов муравленой посуды с рифленой поверхностью XVI—XVII вв., фрагмент сероглиняной ручки кувшина с орнаментом, фрагменты стеклянных браслетов и железный поясной разделитель. Селище датируется I тыс.н.э., XII—XVII вв.

Рис. 2. Селище у д. Серенск. Находки пласта 1: 1—3 — наконечники стрел, 4 — пряслице из стенки сосуда, 7 — скребница, 8 — нож, 11 — крест нагрудный, 12 — фрагмент белоглиняной расписной игрушки. Находки пласта 2: 5, 9, 10 — стеклянные браслеты, 6 — бусина стеклянная

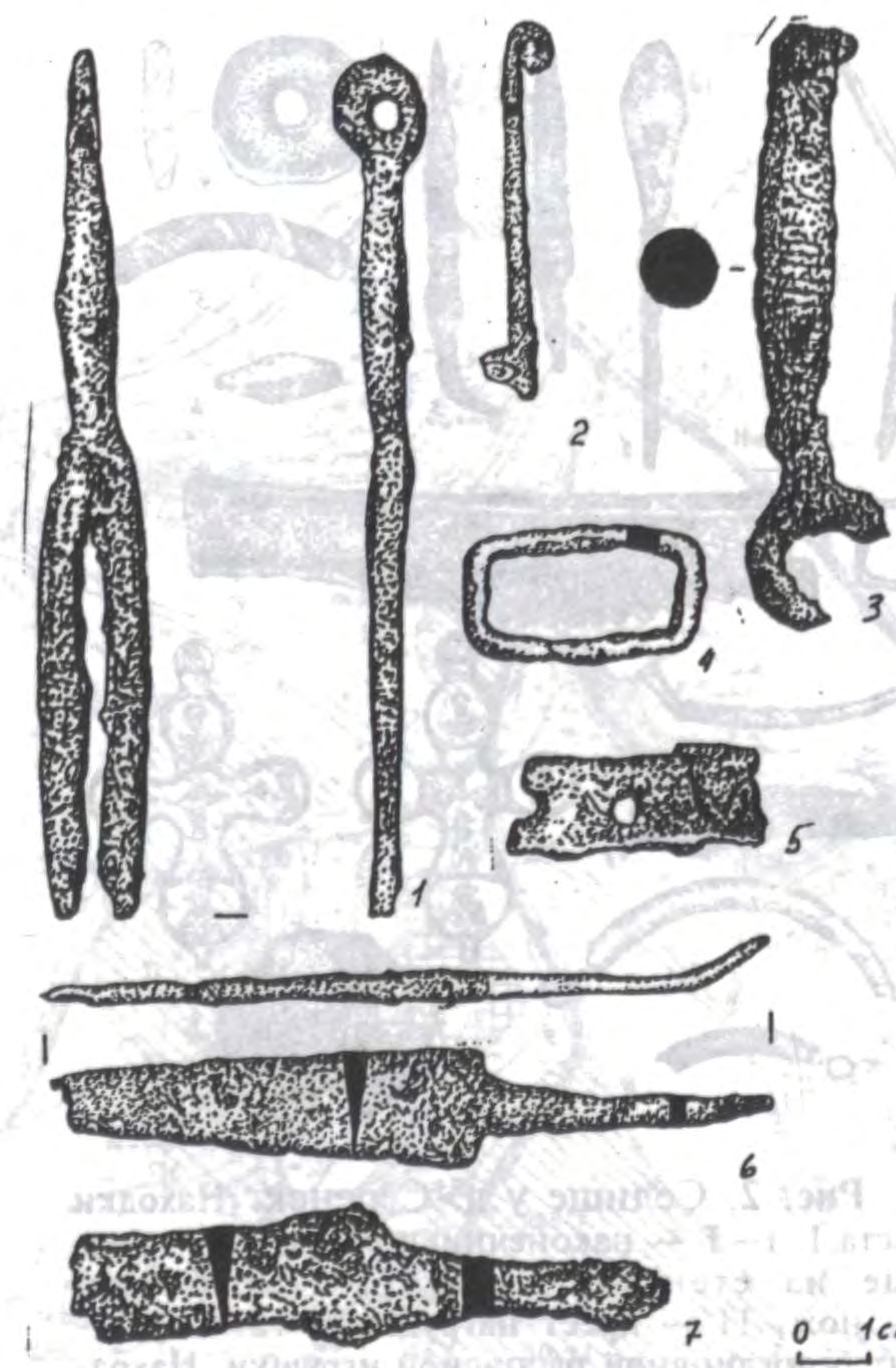

Рис. 3. Селище 1 у д. Серенск. Находки пласта I: 1—3 — ключи, 4 — пряжа, 5 — накладка, 6, 7 — ножи

Одновременно с селищем Серенск 2 существовало селище 3 у с. Никольское, на левом берегу р. Серены, расположенное в 50—150 м к юго-востоку от восточной окраины села, в устье ручья (см. рис. 1). Его общая площадь — около 65 700 кв. м. На селище собраны груболепная керамика I тыс. н.э. и фрагменты гончарной керамики XII—XV вв.

Селище 2 расположено на южной окраине центра с. Никольское, в 100 м к югу от церкви. Общая площадь — более 18 000 кв. м. На селище собран подъемный материал: железный черешковый бронбойный наконечник стрелы, костяная накладка, фрагменты стеклянных браслетов, железный черешковый нож, часть гончарного светло-серо-коричневоглиняного горшка с клеймом в виде колеса, фрагменты древнерусской керамики и фрагменты сосудов XIV—XV вв.

На основании приведенных результатов работ можно утверждать, что с XII века город начинает расширяться и обрастает укрепленными посадами по обоим берегам р. Серены. Посады значительно увеличили размеры древнерусского Серенска и просуществовали как единый город до конца XV века.

Колтово 7 — пригород Колтеска.

Колтеск с пригородами накануне монгольского нашествия

В цепочке окских городов, вставших в XIII в. по Средней Оке в 20—30 км друг от друга, существовал городок, о котором, кроме имени и точного местоположения (по имени села, унаследовавшего его), ничего неизвестно. Не сохранилось и городище. Но кое-какое представление о нем может быть получено при исследовании округи — примыкавших к нему селищ. Определяются время и условия превращения сельской округи в городскую, основные промыслы и экономические связи.

Все летописные сведения о нем — эпизод в войне Юрия Долгорукова за киевский стол. Сюда, «в лесную землю к Юрию», отступает из разоренных войной Новгород-Северских земель Святослав Всеволодович с союзниками. Упомянут городок Осетр, где были отпущены с дарами половцы и Иван Верладник. Базируясь на Колтеск, Святослав совершает набеги на черниговские земли, пытаясь вовлечь в войну вятичей. Сюда прибывает тысяча белозерцев, устраивается смотр. Здесь разболелся и в феврале 1147 г. умер сын Юрия Долгорукова, Ивашко, представлявший главу коалиции в войске союзника. За время его болезни активных действий не велось, и вся армия Святослава вместе с белозерцами зимовала на Оке. Упомянут только Колтеск, но могла ли эта населенная округа прокормить зиму войско Святослава? Возможно, используется вся цепочка окских городов, упомянутых в связи с этим эпизодом: Лобынск, Тешилов, Колтеск и Осетр. Не упомянут уже существовавший в это время Ростиславль.

Плодородные почвы, обширные луга, сосновые боры левобережья, дубравы на кручах, прорезанные глубокими оврагами, в каждом из которых и сейчас чистейший ручей, — место благодатное. Земледельческое население здесь оседает в эпоху бронзы. Поселения железного века — 3 городища, селища (главным образом по пескам левого берега) — обычные дяковские памятники. Одно из селищ выделялось обилием лощеной керамики. Славяне — вятичи появляются здесь около IX в. Селища очень невелики по площади. Был слой с лепной керамикой и на месте города.

Селища XII в. с курганной керамикой тоже немногочисленны и невелики. Этот материал встречен на памятниках на высоких мысах при устье Мутенки, есть он в пойме р. Оки, видимо, места пастушьих балаганов, тонь. Наиболее насыщен слой большого селища на левом мысу Мутенки. Именно из него вырос город.

Особо выделяются памятники начала XIII в. Одно из этих сел раскопано. Исследованы две группы домов с обширными подпольями, подпечными ямами. Видимо, такая группа соответствует домохозяйству большой семьи. В составе находок — обычный селищенский материал: железные шлаки, ножи, коса, скобы, ведерные дужки, поковки, пряслица шиферные и из стенок сосудов, жернов, стеклянные бусы, пластинчатый и витой браслет (заготовка). Однако следует обратить внимание на такой материал, который чужд селищам и может отражать иную специфику быта и ремесел: стеклянные шлаки, замок и жиковина сундучка, писало, панцирная пластина, стеклянные браслеты, серебро, тесаный известняк — след белокаменного строительства. В каждом из домов найдена болгарская керамика.

Отмечается разнообразие сельскохозяйственных культур, домашнего скота (дикой фауны не встречено), много птицы. Есть пласты рыбьей чешуи в одной из подпольных ям. Найден также бронзовый рыболовный крючок.

Особо надо отметить появление обширных подполий, в среднем со стороной 2,5 м при глубине 1,5 м — деталь, не характерная для сельских домов. Один из домов перестраивался, заплывшее землей подполье было частично расчищено, изменилось положение глинобитной печи. К этому жилищу примыкали две пристройки с отдельными печами над подпечными ямами, одна из них тоже со следами двух строительных периодов. Датировка начала существования этого дома — не позднее первой половины XII в. (семилучевое височное кольцо).

Заметно отличие керамики от курганной. Орнаменты в основном те же, что в XII в.: линейный, волнистый, линейно-волнистый, а также из единичных резных линий. Отличие — отсутствует широкая полоса линейного орнамента, сделанного зубчатым штампом, ни разу не встречены пояски зубчатого штампа. Не имеют орнамента около 20% сосудов. Профилировка венчиков та же, что у курганной. Но есть различие — это тонкостенность, умеренное количество минеральных примесей, иногда тонкая отмученность, не уступающая по качеству керамики XVII века. Большая часть, до 70%, — белоглиняная (немногочисленные серые делались из этой же белой глины), красноглиняной в разных жилищах от 10 до 20%, много сосудов из смешанной глины — кремовой, розо-

вой. Сложное тесто — показатель профессионализма. Встречаются гончарные клейма. Керамика показывает высокий профессионализм ремесленников, в чем и противостоит обычной курганной XII—XIII вв.

Именно это высокое качество многие специалисты оценивают как поздний признак. Действительно, такого сорта керамика в северных городах (Ростов, Тверь, Волоколамск) появляется только в XV в. Правда, она не тождественна колтовской по формам, оформлению венчиков, тесту.

Но в настоящее время накапливаются закрытые комплексы памятников, которые датируются вещевым материалом XIII в. и имеют тот же состав керамики. Мне довелось копать Тростеночкое городище, у истока Озерны, притока Рузы (бассейн Москвы). Здесь абсолютно преобладала та же керамика, сопровождающаяся разнообразным вещевым набором, датируется XII—XIII вв. Тот же состав керамики в жилище на селище Фатьяновка 2 под Старой Рязанью. Оба комплекса закрыты. Такая же керамика характерна для Переславля-Рязанского в нижних слоях. Возник же город в XIII в. до монгольского нашествия. Это позволяет выделять комплексы кануна монгольского нашествия по керамике, отличающейся ремесленным профессионализмом, отделяя их от до сих пор нерасчленяемого набора домонгольских «курганной» древностей XII—XIII вв.

Колтеск становится городом — центром сельской округи, распространяя на нее свои связи и образ жизни в начале XIII в. 20—30 лет перед монгольским нашествием — короткий период, археологически улавливаемый только в чистых комплексах, которых не так уж мало. Он характеризуется быстрым ростом местных центров, особенно в южной части, за Оку эта тенденция далеко не зашла. И этот процесс был резко прерван. Гончарное ремесло в этих краях достигло довоенного уровня не ранее конца XIV в.

Но эта же ремесленная специализация, которую мы видим в гончарстве, коснулась и ювелирного дела. В результате для конца XII—начала XIII вв. уже не приходится говорить о племенной своеобразии, о кривичах-вятичах в Подмосковье. В составе набора вещей, характере керамики гораздо в большей степени сказывается тяготение к ремесленным, политическим и экономическим центрам, чем наследие племенных традиций. К тому же приток населения с юга не мог не стереть остатки этнографической структуры, которая сохранялась в X—XI вв. Обилие новаций в искусстве, монументальном строительстве в начале XIII в. давно отмечено. Но не меньше их и на бытовом уровне, и в экономике.

Р.В. Клянин,
ведущий специалист Государственного военно-исторического
и природного музея-заповедника «Куликово поле»

О месте летописного Венева

Венев — небольшой уездный городок Тульской губернии. В настоящее время его принято отождествлять с летописным Веневом, упоминающимся в «Списке русских городов дальних и ближних» в числе рязанских (конец XIV в.) и в ряде актов XV в. Археологические изыскания, проводимые автором в 1990 г. в черте города, показали, что в культурных слоях Венева отсутствуют городские слои древнерусского времени, а укрепления как неотъемлемый внешний признак города появляется только в XVI в. Это подтверждается и письменными источниками. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в Писцовой книге говорится о «построении крепости «Городенск» на Веневе». Анализируя этот и другие документы, можно сделать вывод о том, что топоним Венева употребляется в двух значениях: для обозначения города и для обозначения округа.

Естественно, встает вопрос о местонахождении летописного Венева. Учитывая, что топоним Венева образовался от праславянской основы Ven, Viti, что обозначает «литься, виться воде», то изначально существовал гидроним Венева. Далее развитие топонима могло идти по схеме гидроним → макротопоним (обозначающий некую округу) → топоним города или гидроним → топоним города → макротопоним местности.

Исходя из второго варианта развития топонима, город следует искать на р. Венева (ныне Веневке). Археологический анализ бассейна р. Веневки выявил только одно место, где мог находиться Венев, — это Свиридовско-Коломенский археологический комплекс, состоящий из двух небольших городищ, между которыми гнездами расположены неукрепленные поселения (общая площадь около 10 га).

Но если рассматривать схему гидроним → макротопоним → топоним, то ареал поиска летописного Венева расширяется, и в радиус поиска попадают еще два городища древнерусского времени, расположенные на р. Осетр, — Махринское и Гурьевское. Естественно, встает вопрос о местонахождении города Венева.

Гурьевское городище в настоящее время не сохранилось, но, по описанию известного собирателя старины И.П. Сахарова, имело укрепленную площадку около 1 га и укрепленный каменной

стеной посад 2 га, что, несомненно, также указывает на городской характер памятника.

В то же время в Писцовой книге данное место называется «старое Веневское городище» и указывается место церкви «Михаила Архангела». Если вспомнить, что «Список русских городов» был составлен в канцелярии Киприана и перечислял те объекты, которые являлись церковными центрами некой округи, то наличие храма на «Веневском городище» косвенно указывает, что данное место могло быть древним городом.

Археологические изыскания, проводимые автором на Махринском городище, позволили выявить топографию и стратиграфию памятника. К небольшой по площади (0,2 га) площадке городища примыкает посад, укрепленный валом и рвом. На посаде расположен могильник, называемый «курган». Вещевой материал показал наличие ряда ремесел, торговли, администрации и почти полное отсутствие предметов христианского культа. Этимологический анализ р. Веркуша, в устье которой находится памятник, позволяет говорить, что городище было ориентиром для движения от Гурьевского городища, расположенного в 3 км: вверх «коша», вверх «куша», т. е. вверх по реке от «стана», «становища». Городище возникает в XII в., хотя встречено небольшое количество керамики XI в. В конце XIII — начале XIV вв. досыпаются валы, делается каменная отмостка площадки. В начале — середине XV в. население покидает город.

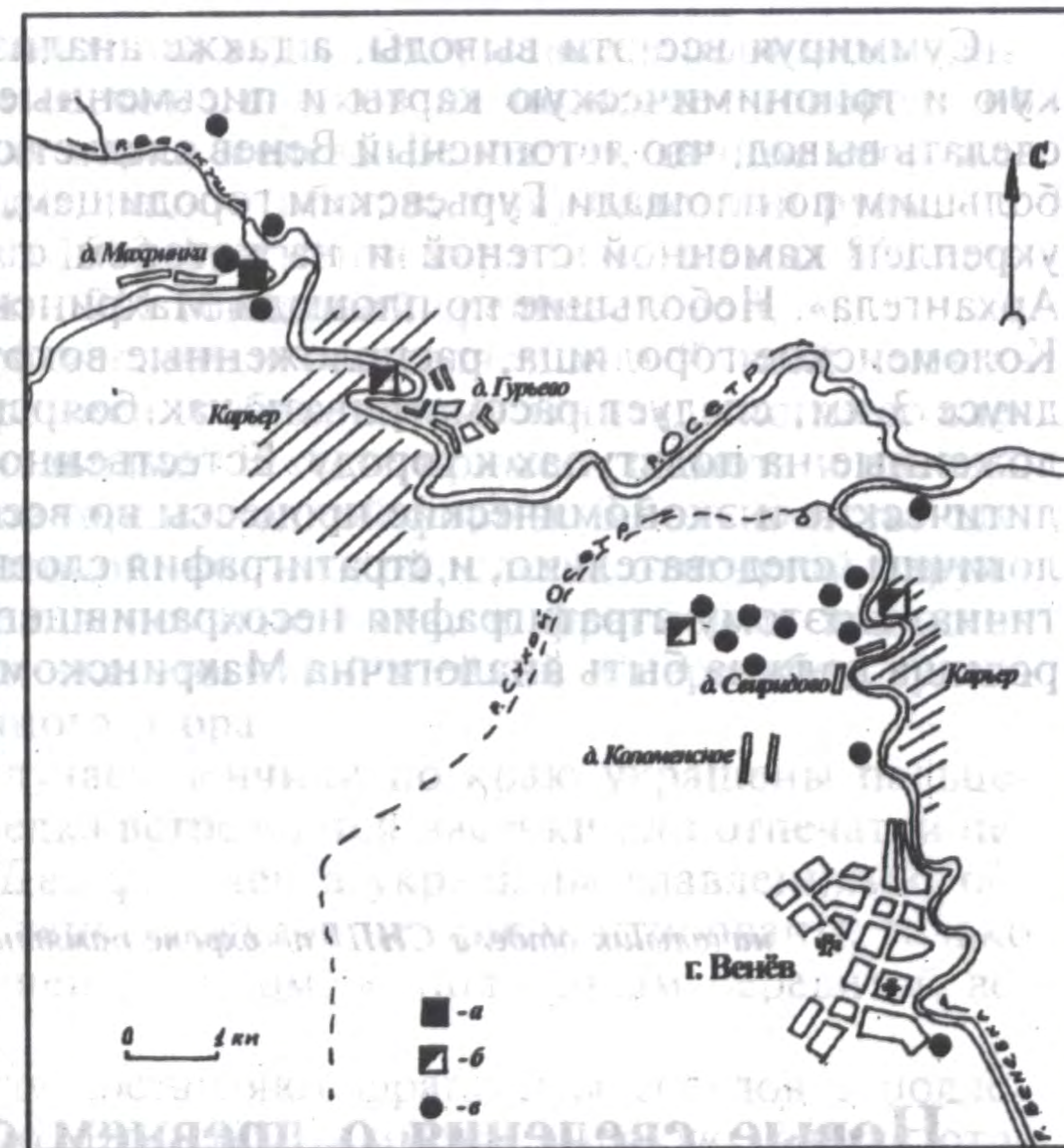

Схема расположения памятников древнерусского времени в окрестностях г. Венева Тульской области:

а — городище, б — местонахождение уничтоженных городищ, в — селище

Суммируя все эти выводы, а также анализируя археологическую и топонимическую карты и письменные источники, можно сделать вывод, что летописный Венев следует отождествлять с наибольшим по площади Гурьевским городищем, посад которого был укреплен каменной стеной и на котором стоял храм «Михаила Архангела». Небольшие по площади Махринское, Свиридовское и Коломенское городища, расположенные вокруг Гурьевского в радиусе 3 км, следует рассматривать как боярские усадьбы, расположенные на подступах к городу. Естественно, что социально-политические и экономические процессы во всех пунктах были аналогичны, следовательно, и стратиграфия слоев должна быть идентична. Поэтому стратиграфия несохранившегося Гурьевского городища должна быть аналогична Махринскому городищу.

В.П. Челябин,
начальник отдела СНПГ по охране памятников истории и культуры
Рязанской области

Новые сведения о древнем славянском заселении западной части Рязанского края

Западная часть Среднего Поочья в конце I тыс. н. э. была заселена вятичами, но поселенческих памятников, отражающих процесс колонизации, пока обнаружено единицы, поэтому открытие новых селищ вызывает пристальное внимание исследователей. Роботами последних лет в бассейне р. Вожи при проведении охранных раскопок на ряде памятников выявлены материалы IX—X вв.

В 1997 г. Научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры были проведены охранные раскопки на Дураковском III селище, расположенном в 2,5 км к юго-западу — западу от здания больницы с. Алешня Рыбновского района Рязанской области. Памятник (300 x 100 м) располагается на правом берегу р. Вожи (правый приток р. Оки), возвышаясь над уровнем воды в реке на 4—9 м. В раскопе (20 кв. м) зафиксирован культурный слой мощностью до 1 м.

В раскопе расчищено производственное сооружение размером 1 x 1,1 м, в котором обнаружены фрагменты лепной раннеславянской керамики, несколько целых и фрагменты глиняных блоков,

куски известняка и болотной руды. Отсутствие в производственном сооружении и в раскопе шлаков не позволяет говорить об использовании его для варки железа. Вероятно, данное сооружение использовалось для сушки (обогащения) болотной руды.

В раскопе найдено 1562 фрагмента керамики, из них 852 лепной раннеславянской и 711 гончарной средневековой.

Коллекция лепной керамики составляет 54,5 % всей коллекции с поселения. Керамика грубая, толстостенная, иногда со следами заглаживания пальцами. В тесте примесь шамота и дресвы, все венчики от сосудов горшковидной формы. В большинстве случаев это горшки с высокой или низкой, слегка отогнутой наружу шейкой, переходящей в покатые бока, и фрагменты венчиков сосудов с высокой, слегка отогнутой шейкой и перегибом тулова в виде слабовыраженного ребра.

В большинстве случаев венчики по краю украшены пальцевыми защипами, изредка встречаются насечки или отпечатки перевитой веревочки. Два фрагмента украшены вдавлениями, образующими зигзаг. Стенки сосудов не орнаментированы, только один фрагмент украшен зигзагом, выполненным перевитой веревочкой.

Небольшую группу составляют фрагменты сосудов с подлощенной поверхностью. Эти сосуды имеют высокую, слегка отогнутую шейку, переходящую в округлые и сужающиеся ко дну бока. Следует отметить один фрагмент венчика с налипным валиком. Край венчика и налипной валик украшены косыми вдавлениями. Лепную керамику, найденную в раскопе, можно датировать IX—X вв. н. э.

Все фрагменты гончарной керамики происходят от сосудов горшковидной формы. Горшки разделяются на две группы. К первой относятся сосуды с немного отогнутым наружу, реже прямым венчиком, край которого приострен или закруглен. По венчику с внешней стороны нанесено от одного до пяти витков линейного орнамента. Иногда линейный орнамент украшает только плечики сосуда. В Переяславле подобная керамика датируется XVI—XVII вв.

Ко второй группе сосудов относятся горшки с отогнутым наружу венчиком, край которого завернут вовнутрь, образуя припухлость. Сосуды покрыты линейным и линейно-волнистым орнаментом. Керамику данного типа можно датировать XII—XIV вв.

Небольшую группу находок составляют глиняные изделия в виде блоков яйцевидной формы. Из раскопок происходят два целых и 11 фрагментов таких изделий. Длина блоков 8—9 см, диаметр — 6—7 см. Большинство найдено при расчистке производственного сооружения или рядом с ним.

На селище найдены железные ножи, фрагменты стеклянных браслетов, стеклянная бусина, фрагменты грузил, бронзового браслета, золотостеклянной бусины, амулет из клыка животного. Интересна подвеска-амулет, выполненная в виде миниатюрного костяного гребешка с двумя стилизованными головами. Территория распространения данного вида подвесок-амулетов располагается между Верхним Поднепровьем, р. Угрой и р. Москвой. Большинство из них происходит из сельских кладбищ. Данная находка расширяет территорию бытования данного вида подвесок на восток. Следует отметить также подвеску из раковины каури, найденную при расчистке производственного сооружения. В раскопе встречен один фрагмент керамики балановского типа.

Несмотря на ограниченную площадь, вскрытую во время проведения охранных работ, материалы IX—X вв. найдены еще на трех памятниках (Дураковское II, Вайнюковские I и III селища). Это свидетельствует о том, что бассейн р. Вожи был одним из основных районов расселения славян в IX—X вв. в Рязанском крае.

Р.А. Нигматуллин,
Институт археологии РАН,
О.Л. Прошкин,
заведующий отделом Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области (1997—1998 гг.)

В 1997—1998 гг. Калужской областной археологической экспедицией Калужского областного краеведческого музея совместно с Деснинской экспедицией ИА РАН проводились археологические разведки в зонах новостроек Калужской области. Разведками были охвачены Боровский, Мещовский, Козельский и др. районы. В результате работ были обследованы три уже известных памятника археологии (Серенск, селище 1, Каменка, стоянка 2, селище, Городище, курган) и открыты семь новых (Никольское, селища 1—3, Серенск, селище 2, Никитинская, селище, Еропкино, селища 1, 2). Кроме того, открыт и обследован ряд местонахождений от эпохи камня до позднего средневековья.

Мещовский район

Село Никольское, селище 1.

Расположено в 200 м к северо-западу от северо-западной окраины села и в 300 м к северо-западу от кладбища, на левом берегу лощины (левый берег р. Серены). Селище тянется вдоль края лощины на расстояние до 100 м при ширине до 50—60 м. Высота над дном лощины около 6—9 м. Границы памятника установлены условно по распространению подъемного материала в ранее разрушенной строительством дороги. Подъемный материал включает фрагменты гончарных сосудов, фрагмент железной пластины, железные шлаки и др.

Селище можно предварительно датировать XV—XVII вв. и считать остатками сельского позднесредневекового поселения ближайшей округи Серенска.

Село Никольское, селище 2.

Расположено на южной окраине центра села, в 100 м к югу от церкви, на левом берегу р. Серены. Топографически делится на две части: верхнюю и нижнюю. Верхняя часть занимает мысовидный выступ к реке между лощинами и находится на высоте 21—32 м над уровнем воды в р. Серене. Площадь этой части селища около 7 300 кв.м. Нижняя часть занимает пологий склон берега под мысом и находится на высоте 3—13 м над уровнем воды в реке. Ее площадь составляет не менее 4 000 кв.м. Общие размеры селища 2 могут быть около 12 000 кв.м, а вместе с разрушенными участками — около 18 000 кв.м. На селище собран подъемный материал: железный черешковый бронебойный наконечник стрелы, костяная накладка, фрагменты темно-стеклянного и зелено-стеклянного браслетов, железный черешковый нож, часть гончарного горшка с клеймом в виде круга со спицами внутри и многое другое (рис. 1).

Рис. 1. Никольское, селище 2, подъемный материал: 1 — железный наконечник стрелы; 2 — костяная накладка; 3 — фрагмент темно-стеклянного браслета; 4 — фрагмент зелено-стеклянного браслета; 5 — железный нож; 6—10 — фрагменты гончарной посуды

Селище можно предварительно датировать XII—XV вв. и считать остатками поселения (слобода?), связанного с древнерусским и позднесредневековым Серенском.

Село Никольское, селище 3.
Расположено в 50—150 м к юго-востоку от восточной окраины села, на левом берегу р. Серены, в устье ручья (левый берег). Северная часть поселения разделена неглубокой ложиной. Высота селища над уровнем воды в р. Серене 23—43 м. Общая площадь около 65 700 кв.м. Установлена по распространению подъемного материала на пашне: фрагментам груболепных и гончарных сосудов.

Рис. 2 Серенск, селище 1 (1—5), селище 2 (6—10), городище (11), подъемный материал: 1 — кремневый скребок; 2 — кремневый резец на пластине; 3 — точильный камень; 4 — фрагмент бронзового предмета; 5 — фрагмент синестеклянного браслета; 6 — фрагмент темностеклянного браслета; 7 — фрагмент зеленостеклянного с желтой перевитью браслета; 8 — фрагмент сероглиняной ручки; 9 — железный поясной разделитель; 10 — фрагменты гончарных сосудов с муравленой поверхностью; 11 — бронзовая пластина-накладка с прочерченным рисунком

Селище можно предварительно датировать I тыс. н.э. и XII—XV вв. и считать остатками поселения, связанного с ранним (мощинский период), древнерусским и позднесредневековыми периодами истории серенского городища.

Деревня Серенск, селище 1.
Расположено на восточной окраине деревни, на правом берегу р. Серены, при впадении ручья, на его левом берегу. Северо-западная часть поселения примыкает к городищу в д. Серенск. Высота над уровнем воды в р. Серене 20—35 м. Селище имеет следующие размеры: по линии север—юг — почти до 600 м, по линии запад—восток — до 400 м. Общая площадь около 143 000 кв.м. Установлена по распространению подъемного материала на пашне и топографии местности. На селище собран разнообразный подъемный материал: фрагменты зеленостеклянного и синестеклянного браслетов, стеклянного изделия, железной пластины, бронзового предмета, каменное точило, кремневые резец на пластине и скребок и многое другое (рис. 2). Селище исследовалось Т.Н. Никольской в 1982 и 1984 гг. (Архив ИА, Р-1, № 9460, 11675). В 1998 г. под руководством Т.М. Хох-

ловой на селище проводились охранные раскопки на трассе проектируемой автодороги.

На основании полученных материалов селище 1 у д. Серенск можно датировать второй половиной XII—XVII вв. и считать остатками посада древнерусского и позднесредневекового Серенска. Не исключено, что поселение могло возникнуть еще в первой половине I тыс. н.э. В его северной части, вероятно, находилась стоянка эпохи камня (мезолит — неолит).

Деревня Серенск, селище 2.

Расположено в западной части д. Серенск, на левом берегу р. Серены и левом берегу ручья. Тянется вдоль берега ручья с юга на север на расстояние до 600 м при ширине до 150—300 м. Общая площадь около 115 000 кв.м. Высота над уровнем воды в р. Серене 4—37 м. Собран подъемный материал: фрагменты темностеклянного и зеленостеклянного с желтой перевитью браслетов, железный поясной разделитель, фрагмент сероглиняной ручки кувшина с орнаментом, фрагменты посуды с муравленой рифленой поверхностью и многое другое (см. рис. 2).

На основании собранного материала селище 2 можно предварительно датировать I тыс. н.э., XII—XVII вв. и более поздним временем и считать остатками поселения периода раннего средневековья, а также посада древнерусского и позднесредневекового Серенска.

Деревня Городище, одиночный курган.

Курган находится в 0,4—0,5 км к северо-западу от д. Городище. Расположен на высоком плато левого берега р. Серены и левого берега ручья Матюшинка (левый приток р. Серены), около 0,7 км от его устья к северу. Размеры кургана: диаметр — 20 м, высота — 3,5 м. Имеет круглую, полусферическую форму. Поверхность плотно задернована, у подошвы имеется несколько лисьих нор. Впервые памятник был обследован В.П. Есиповым в 1970-х гг. (Архив ИА, Р-1, № 6315). Датировка и культурная принадлежность не установлены.

Деревня Еропкино, селище 1.

Расположено в 0,35 км к востоку от деревни, на мысу правого берега р. Серены. Высота над урезом воды в р. Серене — 3—7 м. Размеры: по оси север — юг — 60—75 м, по оси запад — восток — до 90 м. Общая площадь около 4 500 кв.м (установлена по распространению подъемного материала и окраске культурного слоя на пашне, топографическим условиям). Собран подъемный материал: фрагменты гончарных сосудов, кусочки глиняной обмазки, железный кованый гвоздь. Выявлен культурный слой мощностью до 0,4 м.

По найденной керамике селище следует предварительно датировать XIV—XVI вв. и считать остатками небольшого позднесредневекового поселения.

Деревня Еропкино, селище 2.

Расположено в 0,15 км к юго-востоку от деревни, на плато правого берега р. Серены, в 0,25 км от нее к югу, на расстоянии около 0,1 км к юго-западу от селища 1. Высота над урезом воды в р. Серене около 18–21 м. В плане имеет трапециевидную форму и размеры: по оси север—юг—70–90 м, по оси запад—восток—до 120 м. Общая площадь около 8 300 кв.м (установлена по распространению подъемного материала на пашне и из кротовин, а также окраске культурного слоя на пашне). На селище собран подъемный материал — фрагменты гончарных сосудов.

Рис. 3. Каменка, стоянка 2, селище, подъемный материал. Кремневые: 1 — скобель-скребок; 2, 3 — отщепы; 4 — отщеп с ретушью; 5 — фрагменты гончарной посуды

По собранному подъемному материалу стоянку следует отнести к периоду мезолита, селище — к I тыс. н.э. и XV—XVII вв.

По найденной керамике селище следует предварительно датировать XV—XVII вв. и более поздним временем и считать остатками позднесредневекового сельского поселения, а также старой части д. Еропкино.

Козельский район

Деревня Каменка, стоянка 2, селище.

Расположены в 250 м к юго-юго-западу от южной окраины д. Каменки, на левом берегу р. Серены, в 250 м к северу от реки, на высоте 5–9 м над поймой реки. Размеры памятника определены по распространению подъемного материала на пашне: по оси север—юг — до 120 м, по оси запад—восток — до 200 м. Общая площадь около 13 000 кв.м. Здесь собраны фрагменты лепной и гончарной посуды, кремневые скобель-скребок, два отщепа, отщеп с ретушью (рис. 3). Памятник впервые был открыт и обследован Б.В. Грудинкиным в 1991 г. (Архив ИА, Р-1, № 16860).

По собранному подъемному материалу стоянку следует отнести к периоду мезолита, селище — к I тыс. н.э. и XV—XVII вв.

Боровский район

Деревня Никитинская, селище.

Находится в 0,5 км к северо-востоку от деревни, на правом берегу р. Истья. Размеры селища установлены по распространению подъемного материала и остаткам культурного слоя на пашне. В плане имеет Г-образную форму и тянется на расстояние до 160 м по линии север—юг и до 90 м по линии запад—восток, при ширине до 30–50 м. Общая площадь около 7500 кв. м. Высота над уровнем воды в р. Истье 3–4 м. Собранный здесь подъемный материал — фрагменты гончарной посуды XVI—XVII вв., кости животных, обожженные камни.

Г.В. Кропачев,

заведующий учебной частью Кировского педагогического комплекса

Итоги археологического изучения Верхней и Средней Болвы

Бассейн верхнего и среднего течения р. Болвы (левый приток р. Десны) расположен на юго-западе Калужской области.

Археологическое изучение региона началось в конце XIX в. и связано с именем члена КУАК Н.И. Булычева (1852—1919 гг.), открывшего курганный могильник у д. Синьгово, городище у д. Оболювка и др. памятники археологии. К настоящему времени их известно более 70¹.

Первое изучение археологических памятников эпохи камня проводилось А.С. Фроловым в 1980-х гг. К настоящему времени известно более 20 памятников, древнейшими из которых являются стоянки эпохи мезолита. Анализ материала мезолитических стоянок позволил Б.В. Грудинкину отнести их к песчано-ровской мезолитической культуре, а также сделать вывод о кратковременном пребывании человека на исследованных памятниках и передвижениях людей в рассматриваемый регион с берегов р. Десны^{2, 3}.

Особый интерес представляет поселение Нагорное-1, расположенное в 2,5 км к югу от дома отдыха Нагорное на мысовидном выступе первой надпойменной террасы при слиянии рек Болвы и Ужать. Площадь памятника составляет около 420 кв. м. Культурный слой имеет мощность 12–52 см. С 1992 по 1994 гг. поселение раска-

пывалось Б.В. Грудинкиным (было вскрыто 306 кв.м). Его возникновение относится к эпохе мезолита. Функционировало также в эпоху неолита и ранней бронзы.

Ранний неолит Б.В. Грудинкин отнес к лисогубовской археологической культуре. Развитой и поздний этапы неолита представлены материалами деснинской неолитической культуры.

Культурную атрибуцию орудий труда и керамики бронзового века автор раскопок оставляет под вопросом, отмечая лишь значительное влияние южных культур этой эпохи^{2,3}.

Проанализировав полученный материал с поселения Нагорное, Б.В. Грудинкин сделал предположение о сезонном функционировании поселения на протяжении многих лет. Памятник мог являться своеобразным культурным и хозяйственным центром данного региона⁴.

К эпохе бронзового века относится обломок каменного сверленного топора-молотка, найденный на поле близ д. Фоминичи (Кировский район) учителем географии А. Артемовым. Предварительно он может быть отнесен к кругу культур среднепровского, фатьяновского, балановского типов эпохи бронзового века⁵.

Другая информация о эпохе бронзы в бассейне верхнего и среднего течений р. Болвы отсутствует.

Немногочисленными являются и находки железного века. Из нескольких известных памятников следует выделить городища Оболовка и Бережки. Первое расположено на правом берегу р. Болвы, в 0,6 км к югу от с. Оболовка. Открыто в конце XIX в. Н.И. Булычевым. В 1976 году его исследовал И.К. Фролов. Культурный слой мощностью 0,15—0,3 м содержал фрагменты лепной керамики, датированной второй половиной I тыс. до н. э. По мнению исследователя, памятник относится к верхнеднепровской культуре эпохи раннего железного века. Данные выводы позволили А.С. Фролову сделать заключение о том, что летописное городище Оболовь (Блове), впервые упоминаемое под 1136 г., не может быть сопоставлено с исследованным памятником⁶.

Городище Бережки расположено на мысу левого берега р. Неручь (левый приток р. Болвы). Обнаружено Б.В. Грудинкиным в 1992 г. С 1995 г. оно изучается Г.А. Массалитиной. Археологический материал представлен фрагментами лепной и гончарной керамики, пряслицами, железными ножами, бронзовым нательным крестом с изображением Никиты «бесогона» и др. находками.

Анализ лепной керамики с городища позволил Г.А. Массалитиной прийти к выводу о том, что в ней сочетаются элементы, присущие позднезарубинецкой посуде Верхней Десны, мощинской керамике Верхней Оки, керамике среднего слоя городища

Тушемля и даже керамике позднедьяковских городищ. Это свидетельствует о том, что городище расположено в зоне контактов племен разных археологических культур⁷.

Памятники древнерусского времени в бассейне верхнего и среднего течения р. Болвы представлены селищами, курганными могильниками, городищами.

Большие исследовательские работы по их изучению проводил Н.И. Булычев в конце XIX — начале XX веков^{8,9}. Особый интерес представляет раскопанная им насыпь в урочище Меренище, содержащая деревянную камеру. В ней находилось трупоположение с семилопастными височными кольцами XI—XII веков⁹.

В кургане № 2 курганного могильника № 1 у д. Прудки, расположенного в 1 км к северу—северо-востоку от села на мысу левого берега р. Неручь (левый приток р. Болвы), О.Л. Прошкиным в 1984 г. были обнаружены четыре погребения по обряду трупоположения — три в насыпи и одно в грунтовой яме. Последнее содержало богатый погребальный инвентарь — семилопастные височные кольца, браслеты, перстни, бусы, ткань — характерный набор вятичских украшений второй половины XII — начала XIII веков¹¹.

В 200 м восточнее раскопанного памятника находится курганный могильник № 2. Некоторые насыпи этой группы (№ 3, 4, 6, 7) были исследованы археологической экспедицией под руководством Б.В. Грудинкина в 1991—1992 гг.

Трупоположение на спине кургана № 3 было обнаружено в могильной яме. Остатки от трупоположений курганов № 6, 7 также были помещены в могильную яму. Трупоположение на спине кургана № 4 находилось на материке. Последнее содержало богатый погребальный инвентарь: 5 браслетообразных завязанных височных колец, 15 бус из сердолика, стекла и др. материалов, остатки железной фибулы, 3 бронзовых перстня, бронзовый литой и бронзовый плетеный ажурный браслеты. Набор украшений характерен для восточнославянского племени кривичей XI—XII вв. В насыпях всех раскопанных курганов отмечено обилие угля и золы. Подобные памятники (курганный могильник 1, 2) с захоронениями вятичей и кривичей в соседних курганных группах в рассматриваемом регионе не встречались¹².

Из известных к настоящему времени курганных могильников в бассейне верхнего и среднего течений р. Болвы следует выделить курганный комплекс из 12 полусферических насыпей у ст. Фаянсовая, расположенную на левом берегу р. Болвы (открыта краеведом Г. Савиным). Отличительной чертой группы является наличие каменных обкладок у большинства насыпей. Раскопки разрушающегося кургана № 10 Г.В. Кропачевым в 1996 году подтвердили ис-

пользование камней в сооружении насыпи. В отвале от грабительского раскопа был найден бронзовый плетеный браслет (XII в.).

Использование камней в сооружении курганных насыпей в бассейне р. Болвы встречается впервые. Это позволяет сделать предположение о северном влиянии на славянское население рассматриваемого региона¹³.

Подтверждением этого служат и найденные Н.И. Булычевым в начале XX в. ромбоцитковые и овальноцитковые височные кольца, которые являются этноопределяющими признаками словен (Колчино, Курганье)⁹.

В отличие от ромбоцитковых и овальноцитковых височных колец словен височные кольца, найденные на памятниках Колчино, Курганье, имеют завязанные концы, очевидно, в подражание браслетообразным кольцам кривичей.

— Таким образом, рассматриваемая территория является зоной контактов обозначенных восточнославянских племен в древнерусский период.

Древнерусский слой на укрепленных поселениях был обнаружен на городище Бережки¹⁴.

Из неукрепленных поселений древнерусского времени следует выделить селище у с. Погост, культурный слой которого достигает мощности 0,8 м⁶, селище у с. Прудки рядом с курганными могильниками 1,2¹⁵, поселение № 2 у дома отдыха Нагорное, датированное XI — началом XII вв.¹⁶, и др. памятники.

Особым типом памятников бассейна верхней и средней Болвы являются культовые камни. До настоящего времени местом поклонения служат Смоловский камень и расположенный в 170 м западнее Святой колодец, с которым связывают чудотворные видения и случаи исцеления¹⁷. В г. Кирове известен камень с круглыми углублениями¹⁸.

В памяти жителей д. Прудки сохранились сведения о каменном кресте, который находился на действующем кладбище до Великой Отечественной войны. Камень-крест лежал на земле. На нем была надета рубаха и висел крестик.

По сведениям Н.И. Булычева, в церкви с. Погост находился четырехконечный каменный крест, почитаемый явленным. На нем, судя по фотографии Н.И. Булычева⁹, процарапано: на левой части поперечного перекрестия 1 С, на правой части ХЪ. В центре перекрестия восьмиконечный крест (надписи, по определению В.Г. Пуцко, были сделаны в XIV — XV вв.). Изображение верхней части креста трудно читается. Нижняя часть вертикального перекрестия имеет форму конуса.

В бассейне р. Болвы представляют интерес и культовые места, к

которым до сегодняшнего дня совершаются паломничества: старый и новый Святые колодцы у д. Погост, Святой колодец у д. Амур и др.¹⁹.

Литература

1. Кропачев Г.В. Археология микрорегиона верхней и средней Болвы: история изучения // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2, ч. 2. — Киров, 1995. С. 15—18.
2. Грудинкин Б.В. Культурное своеобразие в бассейне Болвы в эпоху камня и бронзы (по материалам Окско-Деснинской экспедиции) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2, ч. 2. — Киров, 1995. С. 6—8.
3. Грудинкин Б.В. Поселения каменного века на левых притоках Верхней Десны // Деснинские древности. — Брянск, 1995. С. 33—35.
4. Грудинкин Б.В. Сезонное функционирование поселения Нагорное в Кировском районе // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3, ч. 1. — Киров, 1997. С. 27—29.
5. Кропачев Г.В. Исследование памятников археологии Кировского района Песоченской АЭ КИКМ в 1993—1995 гг. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3, ч. 1. — Киров, 1997. С. 103—107.
6. Фролов А.С. К вопросу о месте локализации летописного Блове // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 1. — Киров, 1993. С. 12—13.
7. Массалитина Г.А. Раскопки городища Бережки в Кировском районе Калужской области // Доклад на 4-й историко-археологической конференции в г. Кирове в 1998 г.
8. Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. — М., 1899.
9. Булычев Н.И. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. — М., 1903. С. 9, 10, 20, 47, 55.
10. Седов В.В. Восточные славяне в VI — XIII вв. — В кн.: Археология СССР. — М., 1982. С. 146.
11. Прошкин О.Л. 5 лет работы Калужской областной археологической экспедиции (1984—1988 гг.) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. — Калуга, 1989. С. 4.
12. Кропачев Г.В. Новое в расселении вятичей и кривичей (по материалам археологических раскопок курганных могильников № 1, 2 у д. Прудки Кировского района Калужской области) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. — Калуга, 1993. С. 29—30. (С. 29. 4-й абзац следует читать: «Умерший лежал на спине»).
13. Кропачев Г.В. Курганный могильник у станции Фаянсовая Кировского района Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 1998. С. 35—36.
14. Массалитина Г.А., Болдин И.В. Керамика с городища Бережки в Кировском районе // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3, ч. 1. — Киров, 1997. С. 65—68.
15. Косоротиков Е. Древнерусское селище близ д. Прудки Кировского района // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 1. — Киров, 1993. С. 14—15.

16. Болдин И.В., Кропачев Г.В. Керамика с поселения Нагорное-2 Кировского района // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3, ч. 1. — Киров, 1997. С. 108—110.

17. Кропачев Г.В. Смоловский камень и Святой колодец // Знамя труда. № 133, 2 ноября 1996. С. 4.

18. Кропачев Г.В. Камень с круглыми углублениями из г. Кирова Калужской области // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 1. — Киров, 1993. С. 17.

19. Кропачев Г.В. У святых колодцев. Культурные места в бассейне р. Болвы // Знамя труда. № 123. 13 октября 1998. С. 3.

Л.И. Федорова,
В.В. Федоров,

ННУК «Музей ремесла, архитектуры и быта»

К истории народного гончарства в Калуге. Вопросы хронологии

Настоящая работа посвящена одной из страниц истории народного гончарства Калуги и является начальным этапом разработки хронологии керамики позднесредневекового и нового времени. Она актуальна по следующим причинам:

1. Фактически отсутствует единая хронологическая шкала керамики позднесредневекового и нового времени Калуги, ее близких и дальних окрестностей.

2. Керамика, изготовлявшаяся и бытовавшая в Калуге с XVII по XX век, слабо изучена.

3. Коллекция белоглиняной керамики ННУК «Музей ремесла, архитектуры и быта» происходит из ближайших окрестностей Калуги и составляет единый комплекс по происхождению.

В коллекцию входят 11 отдельных белоглиняных сосудов археологически полных форм, принадлежащих к категории относительно открытых горшков с коэффициентом «открытости» «Б» от 0,77 до 0,87. Пропорции горшков средние, с коэффициентом общих пропорций «А» в пределах от 1,34 до 1,66¹. Коэффициент устойчивости «Е» колеблется от 0,5 до 1,0.

Все сосуды являются подъемным материалом, оставленным кладоискателями конца 80-х гг. и, возможно, начала 90-х на старообрядческом кладбище в калужском бору. Могильник располагается по краю ровной площадки холма и спускается по

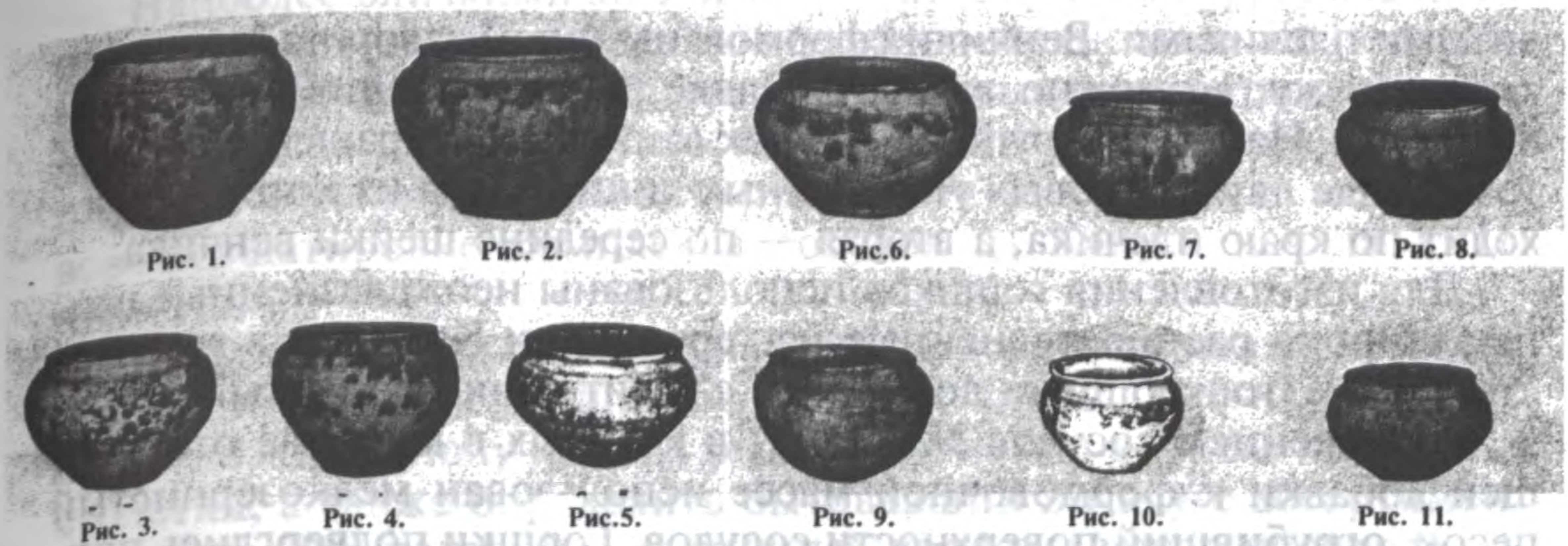

Рис. 1. Горшок вместимостью 4,1 л. Рис. 2. Горшок вместимостью 3,87 л. Рис. 3. Горшок вместимостью 2,18 л. Рис. 4. Горшок вместимостью 2,4 л. Рис. 5. Горшок вместимостью 1,935 л. Рис. 6. Горшок вместимостью 1,32 л. Рис. 7. Горшок вместимостью 0,752 л. Рис. 8. Горшок вместимостью 0,83 л. Рис. 9. Горшок вместимостью 0,75 л. Рис. 10. Горшок вместимостью 0,535 л. Рис. 11. Горшок вместимостью 0,5 л.

его склонам к правому берегу реки Яченки². Сосуды и их развалы были спрятаны двумя компактными группами на склоне холма в непосредственной близости от верхней ровной площадки могильника³. По наличию грабительских ям можно сделать заключение, что горшки были извлечены непосредственно из этой наиболее старой части кладбища. В некоторых сосудах сохранились остатки древесных углей. В одну из спрятанных групп сосудов вошли более крупные формы (рис. 1—6). Другая группа состояла из мелких горшков (рис. 7—11). Наиболее ценной находкой, обнаруженной внутри горшка № 1, является российская монета чеканки 1759 года, прикипевшая к днищу внутри сосуда. Она была присыпана тонким слоем золы и углей. Горшки на рис. 7 и 11 по ряду признаков, таких как внешние очертания сосудов, присутствие в формовочной массе грубых отошающих добавок, можно отнести к самому началу XVIII века. Под верхними наружными закраинами венчиков сосудов на рис. 3, 5, 8 имеются плохо сохранившиеся остатки бечевки и следы тканей. Можно предположить, что в обряде погребения горшки требовалось закрыть куском полотняной ткани и обвязать бечевкой перед помещением в могильную яму.

Горшки изготовлены на гончарном круге с подсыпкой мелкозернистого песка⁴. Простые днища имеют закраины в виде кольцевых наплывов, образовавшихся от смещения формовочной массы при изготовлении. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть, или третью четверть высоты горшков. Шейки венчиков ограничены от верхнего закругляющего края тулова слабараз-

витыми плечиками. Венчики сформованы путем заворота чернового края наружу, возможно, при его осадке, для утолщения устья шейки сосуда. Наиболее крупный горшок (см. рис. 1) украшен орнаментом в виде двух круговых углубленных линий, одна из которых проходит по краю плечика, а вторая — по середине шейки венчика.

Для изготовления горшков использованы нежелезные глины, широко распространенные на территории Калуги и в ее окрестностях. Отощающими добавками служит тонкозернистый песок, за исключением сосудов № 7 и 11, в которых в качестве отошающей добавки к формовочной массе использован мелкозернистый песок, огрубивший поверхности сосудов. Горшки подверглись полному окислительному обжигу. Черепки в изломе имели черную прослойку менее половины толщины или были полностью белыми. В составе «теста» присутствует незначительная примесь крупных вкраплений песчинок⁵. Следы обварки присутствуют на всех сосудах, кроме № 7 и 11⁶. Морфологические данные по сосудам сведены в таблицу.

№ п/п	Высота	Диаметр венчика	Диаметр тулова	Диаметр дна тулова	Уровень диаметра	ДЗ/Н	Д1/ДЗ	Н1/Н	Д4/ДЗ	Д4/Н
	Н	Д1	Д3	Д4	Н1	А	Б	В	Г	Е
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	173	189	234	107	117	1,35	0,81	0,68	0,46	0,62
2	167	178	231	100	116	1,38	0,77	0,69	0,43	0,60
3	140	142	188	82	91	1,34	0,75	0,65	0,44	0,59
4	137	158	202	87	89	1,47	0,78	0,65	0,43	0,64
5	130	161	191	70	84	1,46	0,84	0,65	0,37	0,54
6	108	140	179	83	74	1,66	0,78	0,69	0,46	0,77
7	93	117	143	67	64	1,54	0,82	0,69	0,47	0,72
8	92	124	150	78	56	1,63	0,83	0,61	0,52	0,85
9	92	115	139	51	65	1,51	0,83	0,71	0,37	0,55
10	89	111	128	62	60	1,38	0,87	0,65	0,48	0,67
11	86	103	132	54	51	1,53	0,78	0,59	0,41	0,63

А- коэффициент общих пропорций сосуда.

Б- коэффициент степени «открытости» сосуда.

В- коэффициент пропорций тулова.

Д- донный указатель.

Е- коэффициент устойчивости сосуда.

Наиболее близкими аналогиями данному типу горшков с плавно поднимающейся, слегка вогнутой поверхностью шейки, отогнутым наружу тонким краем и утолщенным изнутри венчиком являются сосуды четвертого типа (по И.В. Болдину), бытовавшие в г. Козельске⁷. Они датируются XVIII веком, что не противоречит датировке комплекса сосудов из Калуги начала XVIII столетия.

Дальнейшее накопление материала позволит выявить эволюцию данного типа горшков от ранних форм XVI—XVII вв. до более поздних, получивших распространение в XIX— начале XX столетия, а также определить бытовавший в Калуге ассортимент керамических изделий в различные периоды истории города.

Литература

1. Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: Вопросы хронологии. Труды истории города Москвы. Вып. 9. — М., 1996. С.115, 123.
2. Станюкович А.К. Итоги изучения могильника в калужском бору. Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. — Калуга, 1987. С.37—39.
3. Фролов А.С. Археологическое изучение старообрядческого кладбища XVIII века в калужском бору. Боровский краевед. Вып. 3. — Боровск, 1991. С.24—27.
4. Болдин И.В. Позднесредневековая керамика летописного Воротынска. Древний Воротыньск и его окрестности. — Калуга, 1995. С.41.
5. Болдин И.В. К вопросу технологии приготовления формовочных масс в гончарном производстве XI — XVII вв. Деснинские древности. — Брянск, 1995. С.71.
6. Болдин И.В. Позднесредневековая керамика летописного Воротынска. Древний Воротыньск и его окрестности. — Калуга, 1995. С.42.
7. Болдин И.В. К проблеме типологии позднесредневековой керамики. Уваровские чтения - 2. — М., 1994. С.210—211.

История Верхнего Поочья

В.Я. Филимонов,

д.и.н., профессор, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Д. И. Малинин — историк, просветитель, гуманист

Истории так было угодно, что юбилейный пушкинский год совпадает с датой, может быть, не столь масштабной и яркой, но, безусловно, близкой каждому, кто когда-нибудь прикасался к изучению Калужского края, — 120-летием со дня рождения Дмитрия Ивановича Малинина.

Это имя не забыто: для краеведов области многие его публикации, а в особенности «Путеводитель по Калуге...», стали, что называется, настольными книгами. Добрым знаком памяти стало переиздание в 1992 году (через 70 лет после выхода первого издания) названного путеводителя.

Однако то, что мы знаем сегодня о Д. И. Малинине, — лишь часть его научного наследия, может быть, видимая, поверхностная часть айсберга. В определении, которое чаще всего сопутствует его имени, содержатся, как правило, два слова: «историк-краевед». При этом акцент делается как бы на втором — «краевед». Безусловно, открывать, а тем более противопоставлять одно второму, было бы неправомерным. И все же такое смещение акцента происходит, по нашему мнению, от того, что до настоящего времени не изучено сколько-нибудь полное научное наследие

Д.И. Малинина, и потому не оценен его вклад в историческую науку, отечественную историографию.

Произошло это отчасти из-за того, что за предшествующие десятилетия, начиная с 1930-х годов, в общественном сознании утверждались представления о краеведении, как о некоем прикладном направлении, знании «второго сорта» по сравнению с общеисторическим. Между тем, до разгрома краеведческих школ на рубеже 1920—30-х годов историческое краеведение развивалось в едином русле исторической науки. Многие известные историки, исследуя крупные проблемы, не чурались публикации работ по истории городов, сел, отдельных исторических событий, т.е. таких, которые могут быть отнесены к краеведческому жанру: Сергей Федорович Ольденбург — востоковед, возглавлял в 1920 году Центральное бюро краеведения, Михаил Николаевич Тихомиров — исследователь проблем феодализма и энтузиаст музейного дела, Николай Павлович Анциферов — один из основоположников отечественной урбанистики и краевед. В ряду этих имен должен занять свое место и Д.И. Малинин как историк энциклопедических знаний, исследователь широкого круга проблем, в каждой из которых он получил новые результаты. Конечно, ранняя смерть (историк умер в 54 года) помешала исследователю реализовать знания и даже завершить начатые работы. Но и то, что сделано, требует глубокого, вдумчивого изучения и оценки. Наш нравственный и научный долг — вернуть отечественной историографии имя выдающегося историка Д.И. Малинина.

Конечно, решение столь масштабной задачи требует времени и усилий (полной библиографии работ Д.И. Малинина мы, к сожалению, не имеем, некоторые работы он публиковал под псевдонимом, но то, что известно, составляет около 300 наименований). Данное сообщение — лишь контуры подступа к теме.

Обращаясь к концептуальным основам творчества Д.И. Малинина, следует отметить, что на исторические воззрения ученого значительное влияние оказал марксизм, довольно распространенное на рубеже веков среди молодежи учение. Вместе с тем семейное воспитание (Д.И. Малинин вырос в семье потомственного священника, занимавшегося к тому же учительской работой), учеба в духовном училище и семинарии наложили отпечаток на формирование мировоззрения, становление научных интересов историка. Поэтому марксистская методология в исследованиях Д.И. Малинина лишена крайностей, вульгаризации, жесткого классового подхода и содержит в себе значительное гуманистическое начало. В исторических событиях, описываемых Малининым, действуют не некие безликие «классовые силы», а конкретные лич-

ности, с их помыслами, чувствами. Отсюда интерес историка к историческому факту, глубокое проникновение в источник, стремление выявить скрытые от внешнего взгляда механизмы процессов и событий. Выражаясь более близким к современности языком, можно сказать, что марксизм в работах Д.И. Малинина предстает в «человеческом» измерении.

Наиболее заметно это в его работах, посвященных исследованию крупных социально-экономических проблем, таких, как отмена крепостного права в России, первая русская революция.

В работах по этим проблемам обращает на себя внимание, прежде всего, владение принципом историзма при оценке событий. Показательна в этой связи оценка реформы 1861 года в его работе, изданной в 1913 году.

«Со временем, — пишет Малинин, — ореол, которым была окружена реформа, значительно потускнел. Беспощадный анатомический нож беспристрастной исторической науки обнаружил много недочетов в социальном и политическом весе реформы. И все-таки... всего важнее иметь в виду, что это важное событие само по себе есть самое основное звено в этой цепи событий новейшей русской истории, того социально-политического прогресса, который продолжает еще развиваться на наших глазах и с нашим участием».

В цитируемой работе и в ряде других исследований автор глубоко и всесторонне анализирует предпосылки отмены крепостного права в России. Показательно, что здесь при изучении экономических сюжетов, социальных конфликтов автор акцентирует внимание на морально-этической стороне крепостничества. Обосновывая неотвратимость реформы, Малинин в то же время подчеркивает значение личностного фактора. «Крепостное право, — пишет он, — могло бы просуществовать лет до 20—30, отменяясь и ослабляясь постепенно, если бы не было у императора Александра лично сильного желания освободить крестьян». Надо ли говорить, что это и многие другие высказываемые им суждения никак не вписывались в рамки ортодоксальной марксистской концепции крестьянской реформы.

Глубоким и многоплановым исследованием являются его очерки по истории первой русской революции. Хотя они основаны на изучении источников Калужской губернии, научное значение работы выходит далеко за рамки узкокраеведческого масштаба. Основываясь на материалах, в значительной мере впервые вводимых в научный оборот, Д.И. Малинин представляет широкомасштабное по проблематике полотно российской действительности того времени: обстановка накануне революции, крестьянское движение,

калужские железнодорожники, учащиеся, солдаты, политические партии, общественные организации в 1905—1907 гг. Одним из первых в исторической литературе Д.И. Малинин попытался дать классификацию форм крестьянской борьбы в 1905—1907 гг., привел статистику, характеризующую динамику крестьянских выступлений, их географию. Очерки по истории первой русской революции, хотя и не были изданы в полном объеме, до настоящего времени сохраняют значение как наиболее полное и глубокое исследование по этой проблеме. К сожалению, авторы изданного в Калуге в 1956 году (к юбилею революции) сборника «Революционные события 1905—1907 гг. в Калужской губернии» не сочли возможным хотя бы раз сослаться на своего предшественника.

Сохранившиеся рукописи Д.И. Малинина свидетельствуют о серьезных замыслах в историко-экономической и историко-географической областях знания. Его «Заметки по русской исторической географии», хранящиеся в рукописном виде в КОКМ, «Краткий очерк истории народного хозяйства Калужской губернии» хотя и могут быть отнесены к жанру научно-популярных, ждут своей историографической оценки.

Примечательно, что изыскания Д.И. Малинина в этой области носили практическую направленность и прямо были связаны с административными преобразованиями 20-х годов. Показательна в этом плане опубликованная в 1923 году работа «Калуга как окружной центр в свете истории и значение Калужской губернии как хозяйственного региона».

Д.И. Малинина, как исследователя, отличала широкая эрудиция, высокая историографическая и историковедческая культура. В докладе об историке Александре Сергеевиче Лаппо-Данилевском, с которым он выступил на заседании КОИД, Малинин дал глубокий анализ научного и теоретического наследия ученого, высоко оценив его вклад в развитие исторической науки. Можно предположить, что теория презентизма в исторической науке, пришедшая на смену позитивизму в начале века, занимала мысли ученого (видимо, с этим связано неприязненное отношение Малинина к естественным наукам, о чем пишет в своих воспоминаниях «Моя жизнь» А.Л. Чижевский, стр.41).

Что же касается источниковедческой культуры, то здесь следует говорить не только об исследовательской практике Дмитрия Ивановича как историка, но и об огромном его вкладе в дело сохранения архивных документов, становления архивной службы в области. Работая в Губархиве с июня 1921 года по май 1923 год заведующим и затем научным сотрудником, Малинин принимал все возможные в тех условиях усилия для спасения архивных фон-

дов. В фонде Губархива (ГАКО) сохранились обращения в центр, к местным органам власти, переписка, отражающая многогранную его деятельность на этом поприще. В то время мало кто понимал необходимость и важность архивной работы. В статье «Зачем берегут архивы и старые документы», опубликованной в 1921 г., Малинин писал о бытующем среди местных властей мнении, что в архивах — старый хлам, в котором копаются «блаженные» или «странные чудачки». С горечью историк сообщал, что за годы революции 3/4 архивов волостных правлений оказались уничтоженными. Не хватало средств для вывоза, охраны, разборки и описания документов. Вот лишь небольшая иллюстрация, выписка из отчета Губархива за март 1921 г.: «...вывезено — архив Дворянского собрания — 15 возов, архив Духовной семинарии — 5 возов». А тем временем сообщается о гибели документов архивов городской Думы, казначейства.

Как историк и краевед, Д.И.Малинин вел активную просветительскую деятельность в составе Калужской ученой архивной комиссии, КОИД, КО изучения природы и местного края, губернского музея. Разделы отчетов Губархива о научной работе, направляемые в 20-е годы из Калуги в Центрархив, базировались в основном на сведениях о публикациях Малинина, число которых только в газете «Коммуна» в некоторые годы составляло до нескольких десятков. Малинин выступал с докладами на краеведческих съездах в Москве, открытых заседаниях КОИД в Калуге, посвященных юбилейным датам.

Особая тема, требующая изучения, — педагогическая деятельность Д.И.Малинина. Его отец, Иван Иванович, в течение всей жизни совмещал деятельность священнослужителя с учительской деятельностью. К учительскому труду Дмитрия приобщили еще во время обучения в Калужской духовной семинарии: сохранилось его прошение ректору семинарии о материальной помощи, в котором он сообщает, что из-за нехватки средств «пробивается уроками». После выпуска из Дерптского университета (историко-филологический факультет) Малинин с 1907 по 1909 г. преподавал историю и русский язык в Екатеринославской женской Мариинской гимназии, а по приезде в 1909 г. в Калугу вступает в должность учителя истории 4—7 классов Калужского реального училища (кстати, принимая должность, присягал императору и целовал крест в Ильинской церкви). Работу в гимназии (25 часов) совмещал с преподаванием истории в частной гимназии Шалаевой. После революции до перехода в Губархив учительствовал во 2-й Советской школе г.Калуги. Педагогическая деятельность Дмитрия Ивановича еще ждет своего исследователя.

В юбилейный год нам предстоит создать по возможности полную биографию Д.И.Малинина. Имеющиеся на сегодня публикации очеркового и справочного характера (Ларин, Бауэр) — лишь начало такой работы. Сбор и изучение материалов о Малинине ведутся сотрудниками Калужского госархива. Содержащиеся в формулярном списке данные об отце, Иване Ивановиче, свидетельствуют, что с 1878 года и до приезда в 1881 году в Недельное Малоярославецкого уезда он состоял священником церкви и учителем церковноприходской школы с.Тарасьево Лихвинского уезда (ныне Тульская обл.). Именно здесь у него родился старший сын, Дмитрий (метрические записи, насколько мне известно, не выявлены). Вслед за ним было еще два сына, Сергей и Владимир; все они позже обучались в Калужской духовной семинарии и училище.

Дата рождения Дмитрия Ивановича — по формулярному списку — 26 октября (7 ноября) 1879 года. Документ содержит также сведения о награждении Дмитрия Ивановича в 1913 году орденом Святого Станислава III степени. Сведения о его жизненном пути — в материалах духовной семинарии, Губархива, Губмузея, КУАК, КОИД, Губоно и других архивных фондах, они ждут исследователей. И, конечно, назрела потребность в издании исторических трудов Д.И.Малинина. Это не только задача восстановления исторически справедливой оценки трудов ученого, но и дань памяти нашему выдающемуся земляку.

А.Е.Зайцев,

краевед, член совета Мосальского краеведческого музея, филиала Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Город Калуга (топонимический обзор)

В неофициальной части «Калужских губернских ведомостей» за 1847 год, № 33, была напечатана статья «О происхождении названий городов Калужской губернии». Автор подписался инициалом «К.» Им был будущий историк и писатель Е.П.Карнович, который в то время работал в Калуге учителем и одновременно редактировал неофициальную часть КГВ.

«К.» касался, в частности, и топонима «Калуга.» Одной из первых попыток его объяснения были размышления педагога Г.К.Зельницкого в местном журнале «Урания» (1804 год), о чем сообщал «К.» в своей статье. Зельницкий приводил пример с толкованием топонима от хазарского слова «холуга», что значило «сборище, скопище воров» (!). Впрочем, сам Зельницкий считал, что «название Калуги неизвестно, от чего и по каким причинам произошло». А «К.» иронически добавлял: тем, «кто желает производить название Калуги замысловатее», лучше обратиться к древнему славянскому слову «халуга» — «изгородь в поле», поскольку «Калуга была укрепленным городом».

Еще одно объяснение нашел «К.» в четвертом выпуске Чтений в Обществе истории и древностей российских за 1814 год. Оно принадлежало некоему поляку Гайзлеру (Гайдлеру) и заключалось в том, что слово «коло» есть сокращение из «около» и легко присоединяется к другим словам. Так, «кологрив», по его разумению, означало «древнего чиновника княжьего, ходившего около гривы государевой лошади» (!), а «колоброд» — человека, который просто бродит около чего-нибудь. Следовательно, «Калуга» состоит из двух частей: «около» и «луг» или «лужа», то есть «место при луге, луже».

Эта наивная версия потом долго гуляла по устным рассказам, в том числе экскурсоводов, и по публикациям. Более чем через полтора века она вновь появилась в книге «Калуга», вышедшей в Приокском издательстве в 1978 году. В очерке «Пограничная крепость» (автор А. Мигунов) делается без ссылок на источники предположение, что «возникшее здесь в XIV веке поселение первоначально значилось как городок **около (коло) луга** (выделено автором). В последующем эти два слова слились в одно, более удобное для произношения».

В упомянутой выше статье «К.» в КГВ сам он придерживался географического термина «калуга» — по «академическому» Словарю церковно-славянского и русского языка — «грязное место», «топь», «трясина». Именно это слово в значении «болото» при расшифровке топонима «Калуга» взял В.И. Даль в свой «Словарь живого великорусского языка», а в наше время доктор географических наук Э.М. Мурзаев зафиксировал его как народный географический термин (Словарь народных географических терминов. М., 1984).

Название областного центра вызывало и продолжает вызывать интерес у многих специалистов и краеведов. Одни ограничивались речкой Калужкой, где, по преданию, располагалось первое городище (естествоиспытатель академик В.Ф. Зуев — в конце XVIII

века; археолог И.Д. Четыркин — в конце XIX века). Другие привлекали дополнительные материалы.

Не прошел мимо и такой крупный летописец края, как Д.И. Малинин. Он весьма категорично утверждал, что разгадку следует искать только в финских языках, где «удачно уясняются названия многих древних поселений губернии». По современным данным, как раз финноязычных топонимов на калужской территории почти совсем нет. Они встречаются лишь в гидронимах, и то редко. Далее Д.И. Малинин сближает название города с амурской рыбой калугой (финское «кала» — «рыба») и получает «рыбную реку», правда, под знаком вопроса (Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. С.8).

Примерно в то же время, в 1914 году, в Москве вышло пособие для учащихся «Географические имена» А.А.Ивановского. Там автор тоже ищет разгадку в финских словах «колкка, колка, колга» — «угол, колено».

Топонимист В.А. Никонов в «Кратком топонимическом словаре» (М., 1966), ссылаясь на разных авторов, приводит несколько вариантов этимологии Калуги. Среди них: из древнерусского «калыга» — «забор, ограда или улица», из тюркского «калынга» — «выступ, возвышение», из финно-угорского «кулига, кулижки» — «глухое место в лесу», из русского диалектного «калуга» — «болото». Упоминает он и нашего краеведа Н.М.Маслова, который трактовал это слово как «колуга», в калужских и тульских говорах, следуя словарю В.И.Даля, — «полуостров, оток, калач».

Филолог В.Д.Ившин в тезисах доклада на пятой краеведческой конференции области (Обнинск, 1990. С. 124—126) излагает свою гипотезу: слово «калуга» не чисто славянское, а наполовину иноязычное. Он берет похожие тюркские слова «калга» — «застава» и «кала, кале» — «крепость», а также калмыцкое «калга» — «дорога от заставы» (между прочим, калмыцкий язык относится к монгольской группе языков и на данной территории не имеет корней).

Наконец, совсем свежая версия, выдвинутая краеведом Г. Демушкиным (газета «Весть» № 30 от 11 февраля 1997 года). Топоним по старому написанию «Колуга» он делит на два самостоятельных слова: «коло» — «волость» и «уга» — «у юга». Вывод: «...это направление географического объекта по отношению к стороне горизонта, его расположение».

Таким образом, мы имеем большое число гипотез — от научно обоснованных до надуманных, совершенно фантастических, «замысловатых». Многие из них похожи на «этимологическую пытку», грешат нарушением основополагающего в топонимике зако-

на ряда. Этот закон означает, что нельзя брать название изолированно, в отрыве от других, «вне ряда», а следует рассматривать его в окружении похожих, то есть в сравнении. Только так можно получить более или менее объективные данные.

Анализируемый нами тип топонима относится к мощному пласту названий по физико-географическим особенностям местности. В Калужской области, по нашим подсчетам, он занимает второе место (30—32 %) после антропонимического (по человеческим именам, прозвищам, фамилиям), за которым 50—52 процента названий.

Некоторые склонны производить имя Калуги от гидронима. Действительно, название населенных пунктов по гидронимам считается продуктивной моделью до настоящего времени. Но тогда по канонам русского языка был бы город Калужск, если имя исходит не от местности, а от конкретного гидронима — речки Калужки. Реки же Калуги нет не только поблизости, но и нигде в обозримом пространстве. А местность есть.

В топографическом описании губернии XVIII века встречаем: овраг Калужинский (Боровский уезд), пустоши Калужинова (там же), Калужка (Серпейский), речка Калужа (то есть «болотная», Жиздринский уезд). Кстати, приток Протвы Лужа «Летопись Калужская» (Калуга, 1991. Репринт. С.50) в начале XVII века фиксирует в форме Калужа (тоже по болотистой местности; буква «о» здесь явно фонетического происхождения, когда сталкивались северные окающие и южные акающие говоры). На карте нынешней области есть деревни Калугово, Калуженка, Калужкино (Мосальский, Бабынинский, Сухиничский районы).

Термин «калуга» в смысле «болото, топь, грязь, лужа» является общеславянским, а отнюдь не «калужским» или «тульским». Он широко распространен в ряде центральных областей России, в Белоруссии, на Украине, в славянских странах Западной Европы, в том числе в названии болотного растения калужница (по местности).

Такого обилия географических примеров не дает ни одно из других значений слова «калуга».

Г.И. Королев, д.и.н.,
профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Калужский край на иностранных географических картах XVI—XVII веков

Названия Руси и русских городов на географических картах стали появляться в XIII веке. Объекты, относящиеся к нынешней Калужской области, видимо, впервые были изображены на морской карте М. Вальдземюллера 1516 г.⁴ Восточнее и юго-восточнее Москвы картограф поместил мифические Рифейские горы. На запад с гор текут и затем сливаются река Москва и река без названия. В междуречье отмечен «Барошк» (Боровск), а за безымянной рекой — «Фродиншк» (Воротынский). Южнее последнего — неразобранная надпись, возможно, «Колуга». Безымянной рекой является Ока с Угрой или одна Ока. Изображение неверно. Боровск показан к юго-западу от Москвы, Воротынский — к югу от Боровска. Взаимное расположение городов близко к действительности, учитывая и соотношение между Боровском и Дедославлем и предполагаемой Рузой. Сведения о Калужской земле картограф, возможно, получил из Польши, но не исключено, что и из России.

На изданной в 1542 году, но составленной, как полагают, в 1535 году, карте А. Вида обозначены Калуга, Опаков, Воротынский и Ока⁵. На глобусе Г. Меркатора 1541 года изображена лишь Ока в виде почти прямой горизонтальной линии⁷. На его карте Европы 1554 года Ока нарисована точнее. Показана Угра. Фигурируют также Калуга, Воротынский, Опаков, Димитровец (южнее Угры и Опакова) и «Вороинцки» (на Оке, южнее Воротынска). Большой лес разделяет Калужский и Смоленский края. У леса на калужской стороне отмечен «Серенско» на Десне. Это Серенск или Серпейск. Возможно, эти города были отождествлены⁸. На картах в изданиях «Записок» С. Герберштейна показаны Угра, Ока, Воротынский, Калуга и Нара¹³. В тексте записок названы Ока, Воротынский, Калуга и Серенск¹.

На практически одинаковых картах М. Струбича и Г. Меркатора, изданных в 1589 и 1595 гг., имеются Калуга, Воротынский, Опаков, Димитровец, Угра и Ока⁵. В районе домысливаемых Серены и Жиздры левым притоком Оки показан «Сфрот», не похожий на какие-либо реальные реки. По обычаю многих картографов истоки рек начерчены в виде озер. Из озера с Димитровцем на северном берегу вытекает Угра. Значительную часть Калужского края

занимают леса (севернее угры и на юго-западе). Домысливаемый Мещовский район безлесен. На обеих картах изображено по два названия — «Мсценек» и «Мсценек каструм» (крепость), расположенные так, что наводят на мысль не только о Мценске, но и более близком Мещовске.

На карте Г. Герритса 1613 г., переизданной в 1614 г., основанной на чертеже царевича Федора Годунова, калужских топонимов мало, но зато имеется новое название — «Казельска» (Козельск)⁴. Три новых названия на двух картах России 1633 г. привел И. Масса — «Перемисл» (Перемышль), «Таросса» (и «Туросса», Таруса) и «Таросса река»^{3,5}. В отличие от одноименного города «Таросса река» помещена справа от Оки. Боровск поставлен на безымянной реке, впадающей в Оку выше Тарусы. Есть Козельск и Нара. В записках Массы упоминаются только Ока, Калуга и Боровск².

На других доступных картах XVII века новых названий городов и рек не обнаружено.

Всего в пределах Калужской области на картах XVI—XVII вв. показано 10 городов (не считая «Мсценека») и пять рек. Ни на одной карте нет такого полного набора объектов. На карты не попали Малоярославец, Мещовск и Мосальск. Имеются реки без названий. Вообще реки изображены большей частью неточно. Часто не показано резкое изменение направления Оки. Нередко части разных рек образуют один поток. Так, Десна, на которой показывали Брянск и севернее его «Серенско» («Сенско»), имеет вид прямой линии. Ее отрезок выше Брянска — это явно приток Болва, который картографы, видимо, не отличали от Десны. Довольно характерна лесистость края, обозначенная на некоторых картах.

Иногда обозначались районы. У К. Фопеля (1555 г.) местность севернее Калуги и не надписанной Угры или Оки отнесена к Тверскому «княжеству», а южнее — к Рязанскому⁷. На карте Г. Сансона 1674 года, переизданной в 1688 году^{6,4}, выделено Воротынское «княжество», протянувшееся до Путивля. Роль Воротынска для последней четверти XVII века преувеличена.

В литературе затрагивался вопрос об источниках по географии России, использованных иностранцами³⁻⁷, но не специально по калужским объектам. В России побывали лишь немногие картографы (Масса, Герберштейн). Зачастую карты переносились с карты на карту. Нередко карты перепечатывались без изменений, как, например, труды Герритса и Массы в атласах амстердамского издательства Блау 1645, 1662 и 1645 гг.

Иностранские карты не дают информации, которой нет в русских источниках. В них есть неточности и анахронизмы. Однако они интересны для изучения представлений о России, в данном

случае — о Калужском крае, имевшихся за рубежом. Для XVI века это единственная группа картографических источников по истории Калужского края.

Литература

1. Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988.
2. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. — М., 1937.
3. Материалы по истории русской картографии / Сост. В. Кордт. — Киев, 1899. Вып. 1.
4. То же, 2 серия. — Киев, 1906. Вып. 1.
5. То же. 1910. Вып. 2.
6. Рысаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI веков. — М., 1974.
7. Alexandrowicz S. Rozwoj kartografii wielkiego ksiestwa Litewskiego od XV do polowy XVIII wieku. Poznan, 1989.
8. Drei Karten von Gerhard Mercator: Europa — Britische Inseln — Weltkarte: Facsimile * Lichtdruck nach den Originalen der Stadtbibliothek zu Breslau. Berlin, 1891.

И.В. Пешехонов, И.Г. Бурцев,
научные сотрудники Государственного военно-исторического и природного
музея-заповедника «Куликово поле»

Народные предания

о походе литовского князя Ягайло в 1380 г.

(по материалам исследований
в Окско-Донском междуречье
Тульской области)

Исследование спорных вопросов, связанных с Куликовской битвой, началось более 100 лет назад. Для решения проблем привлекались и привлекаются литературные и летописные источники, археологические и палеогеографические исследования, местный фольклор. Последний весьма интересен как для попытки локализации места битвы, так и для определения степени исторической значимости сражения, сохранившегося в народной памяти в виде легенд и преданий.

Часть преданий, бытовавших в XIX в. и существующих в наше время, посвящена неудачной попытке литовского князя Ягайло оказать помощь Мамаю.

В книге И. Краснопевцева «Очерки города Одоева», опубликованной в 1896 г., приводится предание о том, как князь Ягайло, спеша на помощь Мамаю, подошел к городу Одоеву близ р. Оки (140 км на северо-запад от Куликова поля). Здесь он встретил ожесточенное сопротивление со стороны местных жителей. Простояв некоторое время в виду города и узнав о поражении Мамаю, литовцы отступили¹.

Два других известных нам предания относятся к пос. Епифань на р. Дон (20 км на север от Куликова поля). Одно из них, записанное священником М. Сахаровым и опубликованное на страницах газеты «Тульские епархиальные ведомости» в 1873 г., рассказывает об основании местной Николаевской соборной церкви. По преданию, литовцы, спешащие на помощь Мамаю, везли с собой икону св. Николая Чудотворца. На месте будущего храма повозка с иконой остановилась, и никакими силами ее не могли сдвинуть с места. Некоторых литовцев, насмехавшихся над святым образом, Бог тут же поразил слепотой. На месте, где остановилась повозка с иконой, и был позднее возведен храм².

Следующее предание, записанное авторами статьи в 1998 г., повествует о том, как спешащих на помощь к Мамаю литовцев заманил к себе на угощение местный житель Епифан. Он несколько дней поил и кормил войско Ягайлы до тех пор, пока не пришло известие о победе великого князя московского Дмитрия Ивановича на Куликовом поле. Разгневанный Ягайло приказал повесить Епифана и ушел в Литву. По имени героя город Епифань и получил якобы свое название³.

В основе предания о г. Одоеве, вероятно, лежат исторические факты. В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается, что литовский князь «... пришел к граду Одоеву...»⁴. Труднее говорить об исторической подоплеке епифанских преданий. Сама Епифань была основана лишь во второй половине XVI в.⁵, а Николаевская соборная церковь впервые упоминается только в конце XVII в.⁶

Эти факты отнюдь не умаляют значения данных преданий. Налицо явное желание жителей смежных с Куликовым полем территорий связать историю своих населенных пунктов с великим сражением. Почерпнутые где-либо сведения о событиях 1380 г. переосмысливались народом и выливались в подобные предания. Можно предположить, что в народном сознании Куликовская битва представлялась настолько важным событием, что фольклор о нем бытует до сих пор.

Исследование фольклора Тульской области, связанного с Куликовской битвой, сотрудниками Государственного музея-заповедника «Куликово поле» будет продолжаться и, возможно, прольет новый свет на некоторые спорные вопросы.

Литература

1. Краснопевцев И. Очерки города Одоева. — Тула, 1896. С. 6—7.
2. Сахаров М. Епифанская соборная Николаевская церковь/ Тульские епархиальные ведомости. 1873. № 11. С. 31.
3. Материалы 1-й фольклорно-этнографической экспедиции ГВИПМЗ «Куликово поле» в 1998 г./ Архив фольклора и этнографии ГВИПМЗ «Куликово поле».
4. «Сказание о Мамаевом побоище»/ Энциклопедия Куликова поля. — Новомосковск, 1996. С. 46.
5. Богуславский В. В. Тульские древности. — Тула, 1995. С. 62.
6. Малицкий П. И. Приходы и церкви Тульской епархии. — Тула, 1895. С. 280.

Е. В. Чайкин,

студент Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского

Древнерусская миниатюра Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI века как исторический источник и памятник изобразительного искусства в рассказе «О царе Ахмате, как приходил на Угру»

«Область средневековой миниатюры почти не изучена. Это — миниатюры, украшающие и донесшие до наших дней живые исторические представления, оценки событий, народные чаяния, характерные для различных общественных кругов и нашедшие свое выражение в произведениях неизвестных мастеров» — эти слова замечательного знатока древнерусской миниатюры О. И. Подобедовой, к сожалению, злободневны и сейчас.

О. И. Подобедова в свое время отмечала, что в источниковедческой и исторической литературе, как правило, уделялось мало внимания миниатюре как историческому источнику и тем более как памятнику изобразительного искусства Древней Руси. Чаще всего особенности миниатюры в числе прочих палеографических признаков служили для датировки рукописи и изредка сами изображения составляли предмет исследования.

О. И. Подобедова называет труды Н. П. Лихачева, А. Е. Преснякова, Д. В. Айналова, В. Н. Щепкина, где изучается само содержа-

ние миниатюр. Высокой оценки О.И. Подобедовой заслужила работа А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник». Эта работа явилась важным этапом в изучении миниатюр, украшающих страницы русских летописей. А.В. Арциховский дал исчерпывающее описание реалий и сделал ряд ценнейших наблюдений по поводу отражения в древнерусской миниатюре своего рода «феодальной табели о рангах».

К сожалению, несмотря на то, что со времени выхода ее в свет прошло уже более 50 лет, почти ни один из интереснейших вопросов, поставленных автором, не послужил темой исследования.

Самым значительным трудом по изучению древнерусской миниатюры является работа О.И. Подобедовой «Миниатюры русских исторических рукописей русского Лицевого летописания». В ней автор решает следующие задачи: устанавливает зависимость принципов иллюстрирования от особенностей стиля и жанра самого летописного текста; выявляет процесс сложения светской исторической иконографии; определяет ту группу миниатюр, которые несут в себе непосредственное отражение исторической действительности, прослеживает в пределах миниатюры рождение отдельных жанров: бытового, исторического, батального и пейзажа. Хотя эта работа вышла в 1965 году, она до сих пор является непревзойденной в области изучения миниатюр русского летописания.

В последние два десятилетия безусловный интерес представляют работы А.А. Амосова, В.Д. Черного, В.В. Чернецова, В.В. Морозова.

А.А. Амосов посвятил свои исследования определению роли цвета в миниатюрах Лицевого летописного свода.

В.В. Морозов исследовал проблему развития жанра от Никонской летописи к Летописному своду.

В.В. Чернецов в своей работе изучает древнейшие события русской истории в миниатюрах XVI века.

В.Д. Черный уделяет внимание изучению архитектуры и историко-географической среды в миниатюрах летописания в XVI веке.

Среди исследований по древнерусской миниатюре нет работ, которые были бы посвящены изучению миниатюры на примере локальных исторических тем русских летописей.

Данная работа является скромной попыткой изучить древнерусскую миниатюру на примере исторической темы, тем самым, с одной стороны, определить роль миниатюры как исторического источника при изучении конкретного исторического события, с другой стороны, дать оценку миниатюре как памятнику изобразительного искусства Древней Руси.

Объектом исследования стали миниатюры рассказа «О царе

Ахмате, как приходил на Угру» Шумиловского тома Лицевого летописного свода, который хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга (F IV. 232).

Лицевой летописный свод XVI века А.Е. Пресняков удачно охарактеризовал как историческую энциклопедию XVI века. Над выполнением царского заказа Ивана IV трудился целый штат писцов и художников. Великолепные миниатюры украшают почти каждую страницу свода (всего миниатюр около 16 тысяч).

Сохранилось 10 томов этого интереснейшего историко-художественного памятника (три тома посвящены всемирной истории и семь — русской, в числе их — Шумиловский том).

На форзаце тома имеется надпись: «В императорскую Публичную библиотеку приносит книгу от истинного усердия томский купец Мефодий Шумилов. Сентября 26-го дня 1814 года» — отсюда и пошло название тома.

Основой характеристики миниатюр Шумиловского тома в рассказе «О царе Ахмате, как приходил на Угру» стали исследования вышеуказанных авторов. Освещению этого события посвящены 32 миниатюры. В качестве примера дано описание трех миниатюр.

Рассмотрение миниатюр рассказа «О царе Ахмате, как ходил на Угру» позволило сделать ряд выводов:

— древнерусские миниатюристы не только отражали текст летописи, но дополняли и обобщали его средствами изобразительного искусства;

— батальные сцены в миниатюрах рассказа настолько достоверно передают напряжение боя, что, глядя на них, начинаешь сомневаться в том, что «Угорщина — это стояние на реке Угре». К батальным сценам больше подходит название «Великое сражение на реке Угре». Если текст об этих сражениях скуп, то гораздо содержательнее о них свидетельствует миниатюра. Преимущество русского войска неоспоримо: оно многочисленно, а главное, вооружено огнестрельным оружием, чего не было у татар;

— река Угра на нескольких рисунках является одним из главных действующих лиц. Она разделяет между собой не только два враждебных войска татар и русских, она является границей между двумя землями — Русью и Литвой. На рисунках отчетливо видно быстрое течение реки, Угра извилиста, что действительно для нее характерно.

Использование миниатюр при изучении Великого стояния на реке Угре обогащает не только наши знания, но и наше воображение, помогает ощутить колорит времени.

Таким образом, миниатюра является как историческим источником, так и памятником изобразительного искусства Древней Руси.

Литература

1. Шумиловский том Лицевого летописного свода XVI в., FIV. 232. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. — СПб.
2. Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей русского лицевого летописания. — М., 1965.
3. Арциховский А.В. Миниатюры Синодального списка Никоновской летописи / Сб.ст. к 40-летию ученой деятельности академика А.С. Орлова. — Л., 1934.
4. Арциховский А.В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. — М., 1944.
5. Владимиров М., Георгиевский Г. Древнерусская миниатюра. — М.: Академия, 1933.
6. Морозов В.В. Об источниках Лицевого летописного свода XVI в. в книге «Исследование по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода». — М., 1987. С. 49—60.
7. Сизов Е.С. К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI в. /В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. — М.: Наука, 1974. С. 126—140.
8. Амосов А.А. Иерархия цвета в миниатюре как отражение этикетных воззрений русских художников XVI в. /В кн.: Этнография изучения знаковых средств культуры. — Л., 1989. С. 281—298.
9. Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы и ликвидации ига на Руси в летописании конца XV в. /В кн.: Древнерусское искусство. Сб.4. — М., 1984.
10. Морозов В.В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду /В кн.: Институт русской литературы. — Л., 1990. Т. 44. С. 246—268.
11. Свирин А.Н. Древнерусская миниатюра. — М., 1950.
12. Черный В.Д. Архитектурные сооружения Московского Кремля в Лицевом летописном своде XVI в. /В кн.: Московский Кремль. — М., 1980. С. 19—28.
13. Черный В.Д. Историко-географическая среда в миниатюрах Летописного лицевого свода XVI в. — М., 1982.
14. Черный В.Д. Обозначение места событий в миниатюрах Летописного лицевого свода XVI в. /В кн.: Молодые обществоведы Москвы — Ленинскому комсомолу. — М., 1982.
15. Киселев А., протопресвитер. Пути России. — Канада, 1990. Библиотека Оптиной Пустыни.

В.И. Чайкина,

заместитель директора по научно-методической работе
средней школы № 28 г. Калуги

Рассказ об Угорщине в Вологодско-Пермской, Никоновской, Софийской второй летописях и Казанском летописце

(сравнительная характеристика содержания)

Осенью 1480 года произошло Великое стояние на Угре, которое ознаменовало собой падение золотоордынского ига на Руси.

Изучение этого события основано на сравнительном анализе рассказов об Угорщине в Вологодско-Пермской, Никоновской, Софийской второй летописях, Казанском летописце. Результат проведенной работы представлен в виде таблицы.

Вологодско-Пермская летопись была известна в начале XIX века. Один из ее списков использовал Карамзин в «Истории государства Российского». В этом источнике рассказ об Угорщине назван «о приходе безбожного царя Ахмата на Угру».

Никоновская летопись введена в научный оборот В.Н. Татищевым. Этот летописец Воскресенского монастыря подписан рукой патриарха Никона. А. Шлецер назвал его Никоновым. В нем два рассказа: первый — «об Угорщине», второй — «О царе Ахмате, как приходил на Угру».

Софийскую вторую летопись исследователь А.Н. Насонов назвал неофициальным источником. Ее автор был близок к митрополиту Геронтию. В летописи рассказ о событиях на Угре — без названия.

Автор Казанского летописца — свидетель завоевания Казани Иваном IV, но личность его не установлена. В летописце повествование идет под заголовком «О послах от царя, пришедших дерзко к великому князю московскому, и о ярости царя на него, и о храбрости великого князя».

Использование одновременно текстов четырех различных летописей позволило составить более полный и интересный рассказ о Великом стоянии на Угре.

№ п/п	Содержание рассказа	Вологодско-Пермская летопись	Никоновская летопись	Софийская летопись	Казанский летописец
1	2	3	4	5	
1 а	Король литовский Казимир узнает о том, что против Ивана III поднялся мятеж: его братья Андрей Большой и Борис потребовали «Юрьевы вотчины». Великий князь ответил им отказом. Братья покинули землю и стали в Великих Луках. Казимир обрадовался и посылает в Орду служившего у него татарского князя Кирея Амуратовича с вестью об усобице на Руси и призывает царя Ахмата идти против Ивана III, обещая свою помощь.	+			
1 б	Ахмат в сговоре с литовским королем Казимиром идет на Русь со своей Ордой. Иван III получает об этом известие.	+	+	+	-
1 в	Царь Ахмат послал к великому князю своих послов по старому обычаю отцов с басмою, просил дани и оброка за прошлые годы. Великий князь принял басму, плевал на нее, изломал, бросил на землю и потоптал ногами, а послов приказал убить, а одного посла отправил со словами: что было с послами твоими, то будет и с тобой, если начнешь беззаконие творить.				
2	Иван III направляет русские войска к реке Оке. Сам стоит у Коломны, сына своего Ивана Молодого поставил у Серпухова, а брата Андрея Меньшого — у Тарусы.	-	+	+	-
3	Ахмат, увидев русские войска на Оке, идет к литовским землям на Угру, ожидая помощи королевы.	-	+	+	-
3 а	«Прииде на Руси к реке Угре в лето 6989-е, ноября месяца, в 1 день, хотя поглотили крестьянство все и царствующий град взяти, преславную Москву, якоже дел его, царь Тахтамыш».	-	-	-	+
4	Великий князь посылает свои войска на Угру броды и перевозки охранять.	+	+	+	-

	1	2	3	4	5
5	Иван III возвращается из Коломны в Москву и просит помощи и заступления «православному христианству» у всемилостивого спаса; Пречистой Богородицы, чудотворцев. Получает благословение от митрополита Геронтия и Васиана — архиепископа Ростовского на борьбу с татарами.	-	+	+	-
6	На устье Угры Иван III отправляет своего сына Ивана и брата Андрея Меньшого, а в Москве посадил своего дядю князя Михаила Андреевича да князя Ивана Юрьевича.	+	-	-	-
7	Иван III идет на Угру, сам стал у Кременца с малыми людьми, а все войско отправил на Угру.	+	+	+	+
	«А силы его ста по Оке и по Угре на 60 верстах»	+	-	-	-
	Примечание: в Вологодско-Пермской летописи допущена очевидная ошибка: указано, что г.Кременец стоит на Оке, в действительности он стоял на реке Луже, ныне с.Кременское.				
8	Великая княгиня Марфа возвращается в Москву, великая княгиня Софья с детьми и казной пошла из Москвы на Белозеро.	+	+	+	+
	Примечание: Софийская вторая летопись называет Софью не по имени, а презрительно — римлянкой.				
9	Великая княгиня Марфа пытается примирить Ивана III с мятежными братьями Андреем Большим и Борисом.	+	+	-	-
10	Ахмат идет к устью Угры мимо Мценска, Олоева, Любутска, а стал у Воротынска, ожидая к себе помощи королевы.	-	+	+	-
11	Ахмат не дождался Казимира.	+	+	+	-
а)	В землях Казимира были свои усобицы.	-	+	-	-
б)	Крымский хан Менгли-Гирей напал на Подольские земли Казимира, выполняя условия договора с Иваном III.	-	+	+	-
12	Сражение на Угре.	+	+	+	+

	1	2	3	4	5
а)	Ахмат пришел на Угру 8 октября в час дня, хотел перейти реку. Князь великий Иван Иванович, сын великого князя, и Андрей Васильевич Меньшой, брат великого князя, крепко стояли против безбожного царя и начали стрелы пускать, из пищалей стрелять в татар и бились 4 дня. Царь не смог взять берег и отступил от Угры за две версты.	+	-	-	-
б)	Русские стреляли из пищалей и многие татары погибли, а русские были неуязвимы.	+	+	+	+
в)	Ахмат пытался перейти Угру под Опаковым городищем, но это ему не удалось.	+	-	-	-
г)	Не смогли татары перейти реку Угру, и "могу тоя рещи Пояс самья Пречистья Богородица, аки град твердь от поганых защищающа Русскую землю".	-	-	-	+
13	Мятежные братья Андрей Большой и Борис пришли к Ивану III на Кременец.	+	+	+	-
14	Между Иваном III и Ахматом начались переговоры.	+	-	+	-
а)	Царь направил к великому князю послов, те глаголют: "Дайте берег царю Ахмату".	+	-	-	-
б)	Великий князь послал своего боярина Ивана Федоровича Товаркова с дарами, чтобы Ахмат смилостивился.	+	-	+	-
в)	Ахмат ответил, что Иван III ему челом не бьет и выход девятый год не дает. Пусть сам великий князь придет к его стремени.	+	-	+	-
г)	Хан просил прислать сына, брата, Микифора Басенкова, но "князь великий того не сотвори".	-	-	+	-
15	Великий князь пошел к Москве и стал просить помощи у Спаса и Богородицы и чудотворцев, у матери своей Марфы, митрополита Геронтия, архиепископа ростовского Васиана. Получил благословение и поехал на Кременец.	+	-	-	-

	1	2	3	4	5
б)	Но некоторые не хотели добра земле русской и христианству и упрашивали великого князя не биться с Ахматом.	+	+	+	-
в)	Серебролюбцы богатые и брюхатые, предатели христианства глаголят, как тот дьявол, который прельстил Адама и Еву.	-	+	+	-
г)	Васиан, архиепископ Ростовский, пишет Ивану III Послание с призывом защитить землю русскую от неверных, спасти Русь и христианство.	+	+	+	-
	Послание вдохновило Ивана III.	+	+	-	-
д)	Великий князь не послушал послания Васиана, а послушал советников своих бояр Ивана Васильевича Ощеру и Григория Андреевича Мамона. Эти бояре боялись татар и советовали великому князю с ними не биться. Напомнили ему бой отца его Василия под Суздалью, когда русские потерпели поражение, о хане Тохтамыше, когда князь Дмитрий Иванович бежал в Кострому. Горожане, узнав о приезде князя в столицу, высказали ему свое недовольство его поведением. Васиан назвал Ивана III бегуном, обвинил его в предательстве и трусости. Все горожане стали роптать на князя. Боясь их гнева, князь поселился в Красном сельце. Великий князь послал грамоту сыну на Угру, чтобы тот шел в Москву, но Иван не послушал отца, остался на Угре и не дал татарам перейти реку Угру близ Калуги. Две недели сидел великий князь в Красном сельце, а владыка Геронтий умолил его возвратиться и стать на Кременце.	-	-	+	-
16	В это время пришли немцы к Пскову. Мятежные братья Андрей Большой и Борис со своей дружиной выступили против рыцарей. Немцы отступили, и тогда братья пошли к великому князю на Кременец.	-	-	+	-

	1	2	3	4	5
17	В тыл к Ахмату великий князь послал Урдовлета Городецкого, с ним же воеводу князя Василия Ноздреватого. Они по Волге пришли в Орду. Пришла весть к Ахмату, что русские разорили землю его, и царь повернул назад от Угры.	-	-	-	+
18 а)	Стала зима, и реки все стали, были морозы великие с Димитрова дня.	+	+	+	-
б)	Иван III приказал своим войскам отступить к Боровску, где собирался дать бой татарам общими силами.	+	+	+	-
в)	Напал на татар страх великий, и они побежали, гонимые божьим гневом. Были на Угре 10 дней, а в Литовской земле стояли всего 6 недель. А прочь от Угры царь пошел в четверг, в канун Михайлова дня.	+	-	-	-
г)	Тогда было чудо Пречистой Богородицы: противники никем не гонимые, побежали друг от друга. Ахмат бежал 11 ноября.	-	+	-	-
	Татары наги и босы бежали прочь 11 ноября.	-	-	+	-
19	Пошел Ахмат по литовской земле и пленил: Мценск, Белев, Одоев, Перемышль, два Воротынска, старый и новый, два Залидова, старый и новый, Опаков, Серенск, Мезыск (Мещовск), Козельск — всего 12 городов.	+	-	-	-
20	Царь бежал в Орду, где нагайский хан Ивак его убил, Орду разорил, дочь пленил.	+	+	-	-
21 а)	Приехал князь в Москву из Боровска и похвалил Бога и Пречистую Богородицу и святых чудотворцев, избавивших землю русскую от поганых.	-	+	+	-
б)	И придя в церковь Пречистой Богородицы (Успенский собор), начал молебен у гроба чудотворцев.	+	-	-	-
в)	Молитва о русских воинах: "О, храбрые и мужественные сыны России, сохраните свое Отечество, землю Русскую, от поганых, не пощадите голов	-	+	-	-

	1	2	3	4	5
	своих, чтобы не узрели очи ваши пленения домов ваших, поругания над женами и дочерьми, как это случилось с другими народами. Пощади, господи, православных христиан и нас, грешных, молитвами Богородицы и всех святых. Аминь.				
г)	Помирился князь великий с братьями и вотчины им поделил: Андрею Большому — Можайск со всеми уездами, князю Борису — Суходол да села его бабы Марьи, а князю Андрею Меньшому — Серпухов с волостями.	+	+	-	-
д)	В ту же зиму вернулась из бегов княгиня Софья, "бо бегала от татар на Белоозеро, а гонял никто же".	-	-	+	-
е)	Возрадовались все люди радостью великой. В граде же Богоспасаемом, Москве, с того времени установили праздновать праздник Пречистой Богородицы и хождение с крестом, 23 июня.	-	+	-	-
	Примечание: Икона Божией Матери Владимирской по приказу Ивана III была перенесена в Москву из Владимира 23 июня 1480 года, когда к великому князю пришла весть о нашествии Ахмата.				
22	"И тогда великая наша русская земля освободится от ярема и покорения бесерменска, и начат обновляться, яко от зимы на тихую весну прелагаться, и взыди паки на древнее свое величавство и благолепие и доброту, яко же прежде, при великом князе Первом Владимире преславнем Ивоссия ныне стольный преславный град Москва, вторый Киев, не усрамлю же ся и не буду виновен нареши того и третий новый великий Рим, провоссиявши в последняя лета, яко великое солнце, в великом нашей Русстей земли во всех градах сих и во всех людях страны сея".	-	-	-	+

Город Малый Ярославец в XVII—XVIII веках

Представление о развитии города Ярославца Малого в XVII — XVIII вв. мы можем получить благодаря опубликованным в 1884 году на средства московских купцов, выходцев из Малоярославца, — Третьяковых, материалов по истории города, сохранившихся в фондах РГАДА планов города XVIII столетия и разрозненных документов ГАКО, относящихся к тому же периоду. «Материалы по истории города» — это переписные, сметные книги, книга 3-й ревизии и описания города 1775 года. Документы опубликованы на довольно высоком научном уровне и являются ценным историческим источником.

В первой половине XVII в. город, почти дотла сожженный в 1571 году и не раз разоряемый в период смутного времени, имел мало шансов для возрождения. Несмотря на это, в 1646 году, согласно переписной книге, в Ярославце Малом было 59 дворов и в них жило 125 человек мужского пола (женщин в переписных книгах не учитывали).¹ В 1621 году их было всего 23.

Церковь Великомученика Георгия «на посаде» стала соборной после сожжения «крымскими людьми» собора Михаила Архангела. Самой большой слободой была в те времена соборная — Егорьевская. Среди ее жителей названы родоначальники известных позже в городе купеческих фамилий — Холиных, Ждановых, Девятовых, Первовых. Вторая по величине — Спасская слобода. Из известных фамилий — Лadoшины, Щипоновы. В Ивановской слободе — Целибеевы, Малютины.

Развитие, прежде всего Егорьевской слободы, объяснимо тем, что собор, скорее всего, стоял в центре, на холме, в месте слияния дорог из Серпухова, Калуги и Боровска. Место было бойкое, удобное для торговли. Спасская слобода, находившаяся за рекой Ярославкой, своим развитием, вероятно, обязана также удобному месторасположению возле моста через Лужу.

Скудные сведения о развитии города в последующие десятилетия предоставляет сметная книга 1674 года: 256 человек в 88 дворах.²

Следующая сметная книга, составленная в 1690 г., дает много больше сведений. В это время в городе было жителей (муж. пола) 361

человек в 118 дворах. Фамилии (прозвания) не указаны. Значительно выросла Ивановская слобода, расположенная вдоль Калужской дороги. В книге принят порядок перечисления слобод, сохранившийся и в дальнейшем — по направлению движения от Москвы к Калуге: Спасская, Никольская, Успенская, Егорьевская, Ивановская.³

В 1705 г., согласно сметной книге города Ярославца Малого, население в городе насчитывало уже 576 человек мужского пола в 151 дворе, (за 30 лет выросло примерно в 2 раза).⁴ Жители переписаны по слободам. Заметно выросло население и территория Успенской, Спасской, Егорьевской слобод. Территория Ивановской слободы, ограниченная Калужской заставой, рекой и центральной частью города, занимаемой Егорьевской слободой, возможностей к расширению не имела. В 1695 году на месте развалившейся церкви Иоанна Предтечи была поставлена перевезенная из имения князя Козловского более крепкая деревянная церковь.⁵ В том же году была освящена новая церковь Спаса Преображения (в Спасской слободе).⁶ Можно предположить, что именно к концу XVII столетия сложился торговый центр Ярославца в районе нынешней Центральной площади, что способствовало расширению строительства и росту благосостояния прихода церкви Успения Божией Матери. К 1705 году доходы жителей этой части города были так значительны, что позволили им на собственные средства построить новый деревянный храм.⁷

В переписной книге 1709 г. в городе названо 303 человека в 81 дворе. Население города за 4 года сократилось чуть не вдвое. Причины тому — моровые поветрия, рекрутские наборы и непомерно возросшие подати. Значительное количество работоспособных мужчин было угнано на строительство Санкт-Петербурга. В книге названо 7 умерших на работах в новой столице. В солдаты за эти годы взято было 17 человек крепких мужчин, на плечах которых держалось хозяйство семей. В результате их малолетние дети, жены, престарелые родители вынуждены были «кормиться по миру» и очень часто умирали от голода и болезней. Нищих в Ярославце записано было 19 человек. Зарегистрировано и несколько случаев побега мужчин от воинской повинности.⁸

В 1715 году составлена переписная книга, где впервые перечислены жители города не только мужского, но и женского пола. Итоговая запись гласит, что всего дворов в городе было в это время 135 и еще 7 нищенских. Самыми крупными слободами, по-прежнему, являются: Георгиевская, Успенская, Спасская.⁹

Косвенно о стабилизации в первой четверти XVIII в. говорят данные о жизни Черноостровского монастыря. В 1726 году в нем было учреждено игуменское настоятельство. При назначенном игу-

мене Вассиане деревянная церковь заменена каменной двухпрестольной во имя Владимирской Божией Матери с приделом Святого Николая. Вскоре же над воротами сооружена каменная колокольня с пятью колоколами. Монастырь владел крепостными, землями в окрестностях города, мельницей, прудом. Близ него с одной стороны стоял густой лес, с другой разбит был небольшой сад.¹⁰

В 1744 году на средства бригадира Афанасия Радищева было закончено строительство нового каменного собора, освященного во имя иконы Казанской Божией Матери с приделами Великомученика Георгия и Иоанна Воина. Очевидно, стоял он приблизительно на месте бывшего Георгиевского храма. В 1756 году жители Успенской слободы смогли построить уже каменную церковь, простоявшую до начала XX в.

В сказки третьей ревизии по городу Ярославцу Малому 1762 г. были включены сведения о женщинах. Можно выделить группу наиболее состоятельных фамилий, имевших возможность жениться на купеческих дочерях и выдавать своих дочерей за купцов же (в том числе — других городов). Эта группа невелика. О количественном и даже процентном соотношении состоятельных людей судить нельзя по причине отсутствия в источнике нескольких страниц. Хорошо заметна значительность капиталов нескольких известных фамилий — Целибеевых, Холиных, Аристовых, Малютиных, Щипоновых, Болдыревых. Большая часть городского купечества была небогата.¹¹

Некоторые, наиболее состоятельные купцы, переходили в Московское и других городов купечество. Наибольший отток наблюдался в 70-е годы XVIII в.

Общая численность населения города в 1775 году — 691 человек, в числе которых — 2 портных, 2 сапожника и 1 кузнец. В это время в городе было уже 5 питейных домов, 9 лавок, 4 каменных и 1 деревянная церковь (Спасская). В 1773 году переехавший в Москву Терентий Елизарович Целибеев построил на свои средства каменную церковь Иоанна Предтечи на месте бывшей деревянной. Зданий всего в городе — 203.¹²

Николаевский монастырь после недолгого расцвета пришел в упадок и в 1764 году переведен в заштатные, а церковь обращена в приходскую.¹³

В 80-х гг. XVIII в. основное население Малого Ярославца составляли купцы. В городе был солодовенный завод, 2 мельницы. Кроме 4 каменных церквей имелось 2 деревянных. Вероятно, кроме Спасской, это — церковь Федора Стратилата на Бессоновском кладбище. Всего купеческих и мещанских домов в городе насчитывалось уже 232. Население составляло 1622 человека.¹⁴

В последнее десятилетие XVIII в. значительно менялся внешний облик города. Вдоль немощеных улиц прорыты были канавы для стока воды, выравнивались и расширялись сами улицы, в центральной части возникла обширная торговая площадь, на которой расположились административные здания, казенные и частные лавки и 2 церкви. Возобновлены были межи вокруг города. На средства купца Терентия Целибеева при Ивановской церкви построена богодельня. Город постепенно перестраивался по плану, утвержденному еще в 1779 году Екатериной II, о чем свидетельствует сохранившийся в фондах КОКМ план центральной части Малого Ярославца, составленный в 1808 г.¹⁵

Можем заключить, что в XVII—XVIII вв. наблюдается неуклонный рост населения и территории города. Хотя и не был этот процесс непрерывным, хотя тяжело сказались на нем реформы первой четверти XVIII в., все же стремление к его заселению в данный период очевидно. Ко второй половине XVIII в. в городе значительно развивается торговля, появились ремесленники. Отток торговых капиталов в Москву и другие города нанес значительный ущерб дальнейшему развитию Малоярославца, но не остановил его. К концу XVIII ставший уездным городом Калужской губернии в 1775 году Ярославец продолжал расти, расширяться, благоустраиваться. Этому в значительной мере способствовало выгодное месторасположение на высоком правом берегу реки, среди лесов и садов, у перекрестка дорог из Москвы, Калуги и Серпухова. Замедляло развитие, прежде всего, отсутствие ресурсов для строительства промышленных заведений.

Литература

- ¹ Малоярославец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — М., 1884 г. С. 1 — 2.
- ² Там же. С. 2 — 3.
- ³ Там же. С. 4 — 5.
- ⁴ Там же. С. 6 — 8.
- ⁵ Калужская старина. № 5. — Калуга, 1906. С. 41 — 42.
- ⁶ Там же. С. 71.
- ⁷ Там же. С. 42.
- ⁸ Малоярославец... С. 8 — 10.
- ⁹ Там же. 10 — 18.
- ¹⁰ И(еромонах) Л(eonид). Историческое описание Малоярославецкого Николаевского общежительного монастыря. — М., 1903. С. 27 — 28.
- ¹¹ «Малоярославец... С. 19 — 33.
- ¹² Там же. С. 33 — 36.
- ¹³ И. Л. Историческое... С. 38.
- ¹⁴ Топографическое описание Калужского наместничества. — СПб., 1785. С. 34 — 37.
- ¹⁵ КОКМ. инв. № КЛ 437.

Полотняный Завод в 1812 г.

В истории майоратного владения — Полотняный Завод — особое место занимает Отечественная война 1812 г., изменившая течение мирной жизни в имении и оказавшая влияние на судьбу многих людей, в том числе и представителей семьи Гончаровых. В 1812 г. Полотняный Завод был включен в систему исполнения предписаний, связанных с военным временем и, более того, стал местом, откуда главные силы русской армии под предводительством М.И. Кутузова начали свое преследование отступавших к западным границам Российской империи войск Наполеона.

Рассмотрение последнего вопроса, когда к Полотняному Заводу от Малоярославца отступила Первая западная армия, и в нем расположилась Главная квартира Кутузова, требует отдельного исследования. Поэтому, изучение истории Полотняного Завода в 1812 г. было ограничено определением степени участия Полотняного Завода в общих для Калужской губернии мероприятиях и выявлением событий, происходивших в 1812 г. в имении.

В известной литературе тема Полотняного Завода в 1812 г. не нашла достаточного отражения. Ни один из исследователей майоратного владения или жизни Гончаровых не занимался специально этим вопросом. Некоторую информацию и документы о событиях 1812 г. в Полотняном Заводе и судьбе владельцев можно встретить в статье А. Средина «Полотняный Завод», книге В.И. Асонова «В тылу армии. Калужская губерния в Отечественной войне 1812 г.», сборнике «А.С. Пушкин. Летописи Государственного литературного музея», трудах М.И. Ободовской, М.А. Дементьева «Наталья Николаевна Пушкина» и Н.М. Гордеева, В.П. Пешкова «Тамбовская тропинка к Пушкину». Однако опубликованные в них материалы не охватывают всего комплекса вопросов поставленной темы, и некоторые выводы авторов требуют уточнения.

В связи с этим возникла необходимость обратиться к первоисточникам, которые удалось выявить в фондах Гончаровых Российского государственного архива древних актов, Канцелярии гражданского губернатора, Казенной палаты и Губернского предводителя дворянства Государственного архива Калужской области. Обнаруженный комплекс состоит из делопроизводственных источников, связанных с деятельностью государственных органов вла-

сти и документов личного происхождения. К числу последних относятся письма Николая Афанасьевича и путевые записки Афанасия Николаевича Гончарова.

Кроме того, была изучена сохранившаяся от 1812 г. учетная документация Полотняного Завода. Речь, в основном, идет о приходно-расходных книгах к дому, куда заносилось движение денег на все хозяйственные нужды, исключая деятельность полотняной и бумажной фабрик, для которых существовали отдельные книги. В указанных документах фиксировались статьи расхода или источники поступления доходов с указанием суммы и даты, когда деньги были выданы или получены, а для конкретных работ, количество задействованных людей и число затраченных на исполнение дней.

В фонде Гончаровых сохранилось четыре книги к дому, которые содержат в себе практически одинаковую информацию, различающуюся лишь по полноте описаний. Наиболее важными по содержанию книгами являются Ежедневные рапорты о приходе-расходе денег и Книга настольная денежная к дому. Две другие: Книжки журналы денежные к дому повторяют в сжатом виде рапорты и дополнены сведениями, содержащимися в Настольной книге.

Выявленные в архивах и опубликованные источники относятся к разным типам и содержат отличную друг от друга информацию, сопоставление которой позволяет решить задачи участия Полотняного Завода в повинностях Отечественной войны и выяснения последовательности событий, происходивших в семье Гончаровых в 1812 г. При этом наиболее полно удалось воспроизвести деятельность двух старших представителей рода Гончаровых — Афанасия Николаевича и Николая Афанасьевича Гончаровых.

В данном выступлении мы остановимся лишь на рассмотрении первой задачи — это определение степени участия Полотняного Завода в повинностях военного времени.

В 1812 г. Полотняный Завод по административному делению входил в состав Медынского уезда Калужской губернии и, соответственно, был включен в систему исполнения по предписаниям главного начальства повинностей предвоенного и военного времени.

Еще до начала войны 3 (2) марта 1812 г. последовал указ императора Александра I о сборе для армии артиллерийских и строевых лошадей.¹ Исполнение этого распоряжения было отнесено на дворянство Калужской губернии и стало первым крупным пожертвованием. На основании этого высочайшего указа из Полотняного Завода в Медынь к дворянскому предводителю Хитрову было отправлено три артиллерийских и одна строевая лошадь.²

С началом Отечественной войны Калужская губерния оказалась включена в процесс сбора продовольствия для русской ар-

мии. Еще 6 июля 1812 г. последовало высочайшее повеление Калужскому губернатору П.Н. Каверину о заготовлении в Калуге провианта и фуража. Тогда же главнокомандующий Первой западной армии М.Б. Барклай де Толли определил его необходимое количество. В ответ на это дворянство губернии постановило пожертвовать требуемый провиант безвозмездно из своих имений. С каждой ревизской души положено было собрать по пуду ржаной муки и четверти овса. Крупу, из-за малого урожая, решили закупать.³

В майоратном владении Гончаровых, Полотняный Завод, на 1812 г. числилось 2128 душ мужского пола.⁴ Из этого расчета с имения к управляющему калужским запасным магазином комиссионеру Головкову было доставлено 2128 пудов муки и 227 четвертей овса. Таким образом, за владельцами Полотняного Завода по фуражу оставалась недоимка. Видимо в счет ее погашения медынский исправник Коротнев получил 39 четвертей овса, которые оказались последней жертвой Гончаровых на продовольствие русской армии.⁵

6 июля 1812 г. император Александр I подписал манифест о созыве внутреннего ополчения, который был получен в Калужском дворянском собрании 17 июля.⁶ Всего с губернии требовалось собрать из помещичьих крестьян 15000 ратников. При этом на Полотняный Завод (из расчета 2125 душ мужского пола) приходился 101 человек, из которых 92 пеших и 9 конных⁷. Эта численность ополченцев была одна из самых значительных по Медынскому уезду.

При поставке конных ратников от помещика требовалось снабдить их лошадьми со всем принадлежащим к ним убором. Для этого, видимо, на ревизские души была разложена общая стоимость лошадей, но за 57 приписанных к деревням дворовых деньги 27 октября заплатила вотчинная контора в размере 34 руб. 20 коп., т. е. по 60 копеек за человека⁸. Лошади были доставлены сотенному начальнику 7 конного казачьего полка калужского ополчения Н.Г. Завалишину⁹.

Видимо для вооружения воинов ополчения в имении ковались и наконечники пик, упоминание об изготовлении которых встречается в приходно-расходных книгах¹⁰.

После роспуска Калужского ополчения 1814 г. в Полотняный Завод из 101 воина было доставлено 57 человек, а 44 ратника так и не возвратились в свои дома¹¹. Таким образом, потери среди поступивших в ополчение помещичьих крестьян Гончаровых составляли примерно 44 %.

В 1812 г. помимо жертвований Полотняный Завод должен был еще снабжать русскую армию различными вещами, провиан-

том, фуражом и т. д., с тем, что выданные за это квитанции будут впоследствии оплачены государством.

По предписанию Кутузова Калужскому губернатору от 13 сентября в губернии необходимо было собрать 20000 полушубков, 20000 пар сапог и 60000 пар лаптей¹². Для выполнения этого требования из Полотняного Завода к медынскому предводителю дворянства было доставлено 20 полушубков, 22 пары сапог и 411 пар лаптей¹³.

Для проходивших войск и в период пребывания в Полотняном Заводе Главной квартиры и Вагенбурга из имения под квитанции брался овес, сено, мука, крупа, говядина, деготь, подводы. Кроме того, в Медынский земский суд, по предписанию главного начальства, было доставлено 42 рубахи и 71 топор¹⁴.

В этих поставках помимо владельцев имения принимали участие и приписанные к майорату люди. Они, видимо, должны были вносить свою долю расчетных денег. Исключение составляли дворовые и служители. Так, например, за 27 человек 15 декабря было заплачено по 1 рублю 10 копеек на покупку 5 лошадей, 12 полушубков, 8 пар сапог и 43 топора, что составило 29 рублей 70 копеек.¹⁵

Но, видимо, не всегда проходящие воинские команды получали в Полотняном Заводе необходимые припасы. В Книге рапортов о приходе-расходе денег имеются в ноябре и декабре записи о выделении денег «за отмену сена» казакам и проезжающим солдатам. В первом случае было заплачено 5 рублей, а во втором 2 рубля.¹⁶ Вероятно, в данном случае речь идет о своеобразной взятке за то, чтобы проходящие команды не требовали себе фураж в имении Гончаровых и не грабили поселян.

Все вещи, провиант, фураж, деготь и подводы, взятые в 1812 г. под квитанции с Полотняного Завода, были оценены в 14663 руб. 85 1/4 коп. Эту сумму Афанасий Николаевич при подписке от 3 октября 1816 г. пожертвовал в пользу государства¹⁷. Однако, когда в 1837 г. была объявлена выплата денег за квитанции 1812 г. по Калужской губернии, управлявший вместо большого отца Полотняным Заводом внук Афанасия Николаевича — Дмитрий Николаевич 4 февраля 1838 г. запросил Дворянское собрание вернуть ему положенные деньги. Но на эту просьбу наследник майората получил отказ, основанный на том, что эти деньги были пожертвованы в казну еще его дедом. Таким образом, с учетом процентов Дмитрий Николаевич лишился 15004 руб. 50 коп.¹⁸

Вместе с жертвованиями и удовлетворением требований под квитанции Полотняный Завод в 1812 г. принимал участие еще и в содержании почты в селе Галкино. Для этого было выделено 12 человек, на которых израсходовали 1 руб. 45 коп.¹⁹

В 1812 г. Полотняный Завод не только нес убытки на исполнение повинностей, но и получал прибыль, обслуживая за наличный расчет потребности проходящих через имение воинских партий. В начале августа офицерам из большого сада было продано за 3 руб. по два арбуза и две дыни. А 9 и 26 августа в приход записали 162 руб. за доставленные разным партиям 225 пудов сена²⁰.

В начале сентября в Полотняном Заводе офицерам следовавшей партии ратников перековывали лошадей. За эту и другую работу, сделанную в три дня, два человека получили 87 коп.²¹ Но, видимо, с одного из них, И. Веташникова, был удержан штраф в размере 10 руб., который 8 октября был записан в приход. Кузнец подвергся наказанию за то, что ковал лошадей господскими подковами с позволения конторы, а офицерам объявил «...якобы подковы собственные его, за что он с них получил денег — 1 руб.»²²

В Отечественную войну 1812 г. Полотняный Завод оказался включен в систему исполнения повинностей, вызванных военным временем, которые тяжелым бременем ложились на имение Гончаровых, затрагивая практически всех людей с ним связанных. Предъявляемые военным и гражданским начальством различные требования разделялись на два типа. К первому относились те повинности, которые безвозмездно жертвовались дворянством Отечеству, а другую группу составляли обязанности, за выполнение которых государство обещало впоследствии расплатиться.

В 1812 г. из Полотняного Завода были пожертвованы для русской армии лошади, провиант и фураж. Вместе с тем, из крестьян и фабричных Гончаровых в Калужское ополчение был выставлен 101 ратник. За свой счет для воинов закупались лошади, делалось оружие.

С августа 1812 г. через Полотняный Завод начали проходить рекрутские партии, а с приближением театра военных действий требования разного ранга начальников все больше возрастали. Пик, видимо, пришелся на сентябрь — первую половину октября, когда Медынский уезд стал ближайшим тылом действующих армий и местом, где происходили боевые действия. С 15 по 20 октября, когда в Полотняном Заводе находилась сначала Главная квартира, а потом Вагенбург, количество требований со стороны военных должно было, вероятно, значительно вырасти. В период Отечественной войны Полотняный Завод выполнял повинности под квитанции и без них по сбору и доставке провианта и фуража, одежды и обуви, подвод и лошадей, топоров, дегтя, содержал почту и перековывал офицерских лошадей.

Учитывая все выявленные повинности (исключая отдачу людей в ополчение), которые ложились на Полотняный Завод в

1812 г., получается, что они могут быть оценены примерно в 25000 рублей. При этом к оплате государству с майоратного владения оказалась выставлена сумма в 14663 руб. 85 1/4 коп., что составляет около 58 % от затраченных денег. Но и эта сумма была пожертвована в 1816 г. Афанасием Николаевичем в казну. Вместе с тем, за счет обслуживания в имение Гончаровых проходящих воинских партий удалось получить лишь прибыль в размере 175 руб., что почти в 140 раз меньше общих затрат.

Таким образом, расход, понесенный Полотняным Заводом в течение 1812 г. на исполнение различных повинностей предвоенного и военного времени, составил сумму, сравнимую с годовым доходом начала XIX в. от бумажной фабрики²³, что в конечном счете должно было отрицательно сказаться на уже расстроенных к тому времени делах имения Гончаровых.

Литература

¹ Асонов В.И. В тылу армии: Калужская губерния в 1812 г. Обзор событий и сборник документов. — Калуга, 1912. Обзор событий. С.8.

² РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1924, л. 1, 10, 12.

³ Булычев Н.И. Указ. соч. С.19, 20.

⁴ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1924, л. 1, 9.

⁵ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1924, л. 1, 10.

⁶ Булычев Н.И. Указ. соч. С.8.

⁷ ГАКО, ф. 260, оп. 1, д. 151; Булычев Н.И. Указ. соч. Приложение. С.62.

⁸ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1923, л. 91об.

⁹ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1924, л. 1, 10.

¹⁰ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1921, л. 48об; д. 1923, л. 78, 101.

¹¹ ГАКО, ф. 86, оп. 5, д. 25, л. 788об — 791.

¹² М.И. Кутузов. Сборник документов. — М., 1954. Т.4. Ч.1. С.305.

¹³ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1924, л. 1, 10.

¹⁴ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1924, л. 1, 9, 10.

¹⁵ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1923, л. 115.

¹⁶ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1923, л. 11, 97.

¹⁷ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1924, л. 9.

¹⁸ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1924, л. 1, 2.

¹⁹ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1921, л. 76об.

²⁰ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1921, л. 4об., 5; д. 1923, л. 37, 43, 55.

²¹ РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1921, л. 27об; д. 1923, л. 65.

²² РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 1921, л. 6об; д. 1923, л. 81.

²³ ГАКО, ф. 32, оп. 19, д. 375, л. 9об.

*А.С. Фролов, Н.В. Сухарев,
Министерство культуры РФ*

Деятельность общества Красного Креста в Калужской губернии в период войны 1877—1878 гг.

В 1863 году в Швейцарии А. Дюнаном было основано Общество Красного Креста. Это послужило толчком к тому, что и в других странах Европы стали возникать аналогичные общественные организации. Общество Красного Креста в России было создано в 1868 году при непосредственном участии известного хирурга Н.И. Пирогова.

С началом боевых действий на Балканах и в Турции (весной 1877 года) цели и задачи Общества были определены как «попечение о раненых и больных воинах... направленное к улучшению участи их». Устав дополнился новым разделом: «Действия Общества во время войны». В губерниях создавались местные управления и комитеты по призрению больных и раненых в госпиталях «Красного Креста».

По расписанию Главного Управления Красного Креста в г. Калуге было предложено устроить госпиталь на 250 мест. В итоге, к середине июня 1877 года (ст.ст.), на средства земства было устроено 162 больничных койки. Кроме этого ещё один госпиталь на 100 коек был открыт в Калуге местным самоуправлением. Половину расходов по его содержанию принял на себя калужанин А.М. Фролов, предоставивший безвозмездно под госпиталь два своих дома вблизи железнодорожной станции. При каждом из этих лечебных учреждений находились помещения для сотрудников Красного Креста.

К приему раненых нижних чинов были обустроены места: в Мещовске на 15 коек, в Тарусе и Медыни на 10, в Перемышле на 5.

Монастырями и частными лицами были открыты небольшие приюты для выздоравливающих: при Людиновском заводе Мальцева на 25 человек, в Оптиной Пустыни на 20, при Кондровской фабрике на 10, в Тихоновой Пустыни на 6.

Из этого общего числа (363 койко-места) 110 мест полностью (питание, бельё, медикаменты и проч.) содержались на средства Общества Красного Креста.

Первые транспорты с ранеными и больными начали поступать с театра военных действий в середине лета 1877 года. Большая

часть раненых была доставлена из-под Плевны, Никополя и Шипки. Всего за время войны через калужские госпитали прошло 9 офицеров и 1101 нижний чин. Из них умерло 12 человек.

В среднем на содержание одного пациента в госпиталях расходовалось 40 копеек в день. Выздоровливающим «для подкрепления сил давались водка, вино и пиво». При выписке из госпиталей они получали в собственность от Красного Креста необходимую одежду, кистеты, мешки.

Следует отметить активное участие в обеспечении приёма раненых и процессе их лечения заведующего кондровскими фабриками В.Ф. Лауденбаха, в Оптиной Пустыни бывшего военного медика Нифонта Шереметьевского, городского головы Медыни И.А. Линькова.

Закрылись калужские госпитали 31 августа 1878 года (ст.ст.), более чем через пять месяцев после подписания Сан-Стефановского мирного договора.

Работа Общества Красного Креста впервые в практике медицинского обслуживания армии во время войны показала действенность этой организации. Приведённые выше данные по Калужской губернии могут успешно служить иллюстративным примером эффективной деятельности местных управлений и комитетов Красного Креста на территории всей России.

*Н.И. Кожевникова,
педагог дополнительного образования Калужского областного центра детско-юношеского туризма и экскурсий*

Кожевенная слобода в Калуге

На юго-восточной окраине Калуги, за Тульской заставой, за Жировским ручьем, недалеко от Оки, в XVIII—XIX веках располагались кожевенные заводы калужских купцов. В старину этот район назывался Кожевники под горой или Кожевенная слобода. На карте 1912 года современная улица Салтыкова-Щедрина в этом месте называется Кожевни.

Кожевенные заведения в числе других неудобных для горожан начали выносить из центра города по распоряжению наместника ещё в 90-х годах XVIII века.¹ В дальнейшем они переходили от одних владельцев к другим: от отцов к сыновьям, перепродавались, сдавались в аренду. С заводами связаны имена Вереитино-

вых, Кашиных, Черновых, Торубаевых, Яловицких, Грибановых, Малаховых, Кадминых, Кануновых, Кувшинниковых, Постниковых, Кожевниковых...

Промышленники строили каменные дома для своих семей рядом с кожевнями. Рабочие поселялись на прилегающей территории. Они строили лачуги, небольшие домики на изрытой ямами от добычи камня земле. Ямы — так и называется этот район на карте 1912 года. Новослободской называлась прежде улица Войкова.

К 1883 году насчитывалось 15 кожевенных заводов, а к 1892 году — 7.² Заводы приносили огромные доходы, так как кожа требовалась в любые времена. Ремесленные слободы в Калуге были связаны друг с другом. Пользовались кожами сапожники из Подзавалья. В Берендяковской слободе делали из нее патронташи (берендяки) для русской армии. В Калуге выделялись добротные и качественные кожи: юфть черная и белая, подошвенная, белая хлебная, опойковые, козловые. Просоленные сырые шкуры для выделки подвергали следующим операциям: вымачивали в чанах и мыли, затем сгоняли шерсть или волос после выдерживания в зольниках с известью, подвергали бучению и дублению, потом сушили и отделывали. Рачительные хозяева имели прибыль и от остатков производства. Рабочие трудились на заводах с пяти утра и до девяти вечера, кроме установленных выходных дней. Заработная плата каждого при квартире с отоплением и освещением от завода составляла от 9 до 12 рублей в месяц (по данным 1881 года). Еще в те времена кожевники заботились об экологии. Грязная вода не выливалась в Оку, она из чанов по канализации стекала сначала в осадочные колодцы и пруды, в которых отстаивалась и дезинфицировалась.

Перенесемся мысленно в Кожевенную слободу XVIII—XIX веков. Близость заводов легко узнать по кислому запаху и по кучам отработанного корья, разбросанного по улицам...

Первыми построили кожевенные заведения «за чертой города»: купец Иван Акимович Торубаев — с 1787 года, ремесленник Иван Семенович Шелашников — с 1776 года, Исидор Кашин, Иван Васильевич Кашин, Иван Леонтьевич Боков, Дмитрий Иванович Яловицын — с 1791 года, Петр Степанович Вереитинов — с 1791 года, Макар Федорович Вереитинов, Афанасий Никитич Вереитинов, Алексей Дементьевич Грибанов.³ В ведомостях указывалось, что заведения их существовали «из давних лет».

Дементий и Иван Грибановы в новой Кожевенной слободе с 1788 года, а до этого имели заведения в Березуйском овраге.⁴ Гаврила Иванович Грибанов (1763—1838) был старшиной кожевенного цеха в 80-е годы XVIII века. Геннадий Васильевич Грибанов имел заведение с 1800 года. Павла Андреевна Грибанова

(1807—1879) — с 1845 года.⁵ Дело Гаврилы Грибанова продолжили его сыновья Петр и Иван. Петр Грибанов был женат на Александре Михайловне Фалеевой, дочери городского Головы. Первосортные хлебные подошвы калужского кожевенного завода первой гильдии купца Петра Грибанова заняли достойное место на первой Всемирной выставке в Лондоне в 1851 году.

Купец Василий Иванович Торубаев построил завод вблизи завода нарвской купчихи А.Т.Черновой в 1834 году.⁶ Кожевники Черновы и Торубаевы роднились. Елизавета Чернова вышла замуж за Николая Торубаева. Двухэтажный дом И.И.Торубаева достался Ивану Артемьевичу Яловицыну.⁷

Алексей Галактионович Постников вел кожевенное дело с 1807 года. В 1854 году к нему перешел еще завод Черновой. Ее дом — Василию Васильевичу Постникову.⁸ Аким и Иван продолжили дело А.Г.Постникова. Иван Алексеевич Постников передал заводы сыновьям Ивану и Павлу, внуку Александру.

Герасим Кувшинников построил завод в новой слободе одним из первых, вслед за Вереитиновыми и Кашиными. Его завод действовал до 1838 года, а затем был сдан в наймы.⁹

В 1862 году начинает кожевенное дело Григорий Павлович Кувшинников с сыновьями Николаем, Ильей, Яковом и Иваном (1849—1920). По данным 1868 года сумма его производства составляла 8800 рублей при 18 чанах и 9 рабочих.¹⁰ Избирался в городскую Думу. В 90-х годах выделяется завод Якова Григорьевича Кувшинникова.¹¹ Он избирался купеческим старостой ремесленной управы в 1890 году, в городскую Думу — в 1898 году.

Купцы Кануновы имели производство с 20-х годов прошлого столетия. В 1853 году к Семену Яковлевичу Канунову перешел еще завод от Михаила и Козьмы Исидоровичей Кашиных.¹² Кануновы славились шорными изделиями, которыми торговали в магазине на Никитской. Сын С.Я. Канунова — Павел Семенович Канунов

Рис. 1. Иван Иванович Постников с женой Павлой Ивановной (Капыриной).

(1834—1912) избирался в городскую Думу в 1898 году.¹³ В 1860 году на заводе Кануновых при 30 чанах и 4-х рабочих выработано подошвенного товара на сумму 9200 рублей.

Мещанин Иван Сляднев с семьей проживал в одноэтажном деревянном доме на улице Безымянной.¹⁴ Небольшой завод находился рядом. В 1862 году у них с сыном Федором — всего 2 чана и двое рабочих.¹⁵ Рабочих звали Ермило Иванов и Борис Петров, оба из деревни Мишнево Тихоновской волости.¹⁶

Кожевенные заведения в разное время имели также Слабожаниновы, Угрюмовы, Перекалины, Андреевы, Хохловы, Масалиотиновы, Болховитиновы, Решетниковы, Ташины, Гречаниновы, Ларины, Волнотеповы...¹⁷

В 1914 году было 5 кожевенных заводов с числом рабочих 61 человек и суммой производства 48500 рублей. Эти заводы принадлежали Ивану Григорьевичу Кувшинникову, Ивану Ивановичу Постникову, Авениру Николаевичу Кувшинникову, братьям Гавриле Федоровичу и Николаю Федоровичу Грибановым, Николаю Ивановичу Кожевникову.¹⁸ Завод Н.И. Кожевникова был от-

Рис. 2. Авенир Николаевич Кувшинников с супругой Екатериной Ивановной (Постниковой).

крыт в 1902 году.¹⁹ Николай Иванович — потомственный кожевник из Полотняного Завода. В годы первой империалистической войны кожевники выполняли заказы для русской армии.

После революции плоды труда купцов-промышленников были разрушены. Купечество, как класс, оказалось вне закона...

А между тем это были наши русские предприниматели: инициативные, деятельные, домовитые. По вероисповеданию — старообрядцы. Рядом с заводами была у них своя часовня.²⁰ Православный храм в Кожевенной слободе называется также в честь Рождества Христова (1797 г.).

В 1917 году на месте бывших Николаевских казарм и кожевенных заводов были ос-

Рис. 3. Дом Кувшинниковых в Кожевенных.

нованы телефонно-телеграфные мастерские, позже ставшие Калужским электромеханическим заводом. С тех пор прошло более 80 лет. Но и по сей день сохранились некоторые строения кожевенных заводов со стенами метровой толщины. В двухэтажном кирпичном здании купца Кувшинникова располагается теперь химлаборатория КЭМЗ. Сохранилась бывшая «посадская» Кувшинниковых, в ней когда-то делали вытяжки для хромовых сапог. Сохранился двухэтажный кирпичный дом, в котором позже расположилось ФЗУ. Ныне он входит в комплекс профессионального училища № 10 имени В.П. Аманшина. За предоставленные сведения выражаю благодарность Сергею Васильевичу Радомичеву, руководителю музея КЭМЗ, действительному члену Географического общества России. Сохранился дом и колодец Грибановых (ул. Салтыкова-Щедрина, 133). Трагична судьба дома Постникова, о которой поведал очевидец — Николай Иванович Ефремов. Во время войны и оккупации Калуги в декабре 1941 года, немцы установили в подвале дома пушки. Во время боев за освобождение Калуги, при наступлении советских солдат и отступлении немецко-фашистских захватчиков от взрывов и сотрясений мощные стены дали трещину. В 1947 году дом рухнул. Снесли магазин рядом с домом, который располагался в здании бывшей старообрядческой часовни. Теперь на этом месте спортивный зал «Энергия» КЭМЗ. Там, где сейчас «Химчистка» на улице Салтыкова-Щедрина, был завод Кожевникова.

В процессе краеведческого поиска я вышла на потомков купца-промышленника Григория Павловича Кувшинникова. С воспоминаниями Лидии Авенирны Кувшинниковой (дочери Авенира Николаевича Кувшинникова и

нованы телефонно-телеграфные мастерские, позже ставшие Калужским электромеханическим заводом. С тех пор прошло более 80 лет. Но и по сей день сохранились некоторые строения кожевенных заводов со стенами метровой толщины. В двухэтажном кирпичном здании купца Кувшинникова располагается теперь химлаборатория КЭМЗ. Сохранилась бывшая «посад-

Рис. 4. Завод Ивана Григорьевича Кувшинникова и его сыновей.

внучки Ивана Ивановича Постникова) можно познакомиться в моей статье «Кожевенная слобода», напечатанной в газете «Знамя» 7 сентября 1998 года.

Литература

- ¹ Морозова Г.М. «Прогулки по старой Калуге». Калуга, 1993.
- ² Малинин Д.И. «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главным центрам губернии». Калуга, 1992.
- ³ ГАКО, ф. 132, оп. 1, д. 1604.
- ⁴ Попрцкий М. «Материалы для географии и статистики России. Калужская губерния». Т.1 — Спб., 1864.
- ⁵ ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 468.
- ⁶ ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 169.
- ⁷ ГАКО, ф. 45, оп. 1, д. 1389.
- ⁸ ГАКО, ф. 43, оп. 2, д. 1285.
- ⁹ «Калужские губернские ведомости», 1838, № 28.
- ¹⁰ ГАКО, ф. 372, оп. 1, д. 105.
- ¹¹ Шангин В.В. «Краткий очерк торговли и промышленности в Калужской губернии». Калуга, 1898.
- ¹² ГАКО, ф. 45, оп. 1, д. 1489.
- ¹³ «Памятная книга Калужской губернии на 1898 год».
- ¹⁴ «Калужские губернские ведомости», 1878, № 37.
- ¹⁵ ГАКО, ф. 372, оп. 1, д. 81.
- ¹⁶ ГАКО, ф. 278, оп. 1, д. 2а.
- ¹⁷ ГАКО, ф. 372, оп. 1, д. 105.
- ¹⁸ Статистический обзор Калужской губернии. Калуга, 1915.
- ¹⁹ ГАКО, ф. 62, оп. 17, д. 2286.
- ²⁰ «Епархиальные ведомости», 1869, № 1 и ГАКО, ф. 62, оп. 17, д. 1716.

В.И. Осипов,

директор Боровского историко-краеведческого музея,

филиала Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Численность старообрядческого населения Боровска и уезда в XIX— начале XX вв.

Как уже не раз отмечалось в историко-краеведческой литературе, на территории Калужской губернии, начиная со второй половины XVII — начале XX вв. старообрядческое население концентрировалось в Жиздринском и Боровском уездах и в г. Сухиничи Козельского уезда¹. Вопрос о численности старообрядцев всегда был острым как для церковных, так и для гражданских властей. Государство совместно с Синодом старалось всеми возможными сред-

ствами ослабить влияние старообрядцев и уменьшить их количество. В начале XIX в. политика Александра I в отношении к старообрядческому населению была либеральной, но и она имела полицейско-охранительный характер. Так, 26 августа 1811 г. из Особенной канцелярии министра полиции был разослан по губерниям секретный циркуляр за № 3 «О старообрядцах». В Калужской губернии циркуляр был получен 13 сентября. В нем было сказано: «Господину Калужскому гражданскому губернатору.

По случаю вступивших ко мне от некоторых из гг. Гражданских губернаторов представлений о находящихся во вверенных им губерниях старообрядцах, я почитаю нужным иметь сведения, сколько в управляемой вами губернии таковых людей, и буде есть, представить мне верную им ведомость с подробным означением имени каждого и каких именно обрядов они придерживаются, дабы из подобных сведений узнать можно было, умножается ли число оных или нет. На будущее же время, Ваше превосходительство, не оставите сведения о всех таковых людях представлять Министерству ежегодно 2 раза. И именно к 1 января и к 1 июля каждого года. Подлинное подписал Министр полиции А. Балашов».²

12 сентября 1811 г. было разослано дополнение к циркуляру, в котором подчеркивалось, что необходимо «предписать чиновникам, чрез коих будете собирать требуемые известия, чтобы они делали то под рукою, отнюдь не причиняя никакого притеснения или неудовольствия жителям», а также если где поименное перечисление в списках старообрядцев неудобно для них, то в специальной описи можно просто указывать количество мужчин и женщин.³ После вступления на престол Николая I Указом от 23 июля 1826 г. все дела и сведения о старообрядцах всей империи были переданы во вновь учрежденном III отделении собственной его императорского величества Канцелярии, в Комитет министров и в особый Секретный комитет. Политика в отношении старообрядцев ужесточилась.

На протяжении всего XIX в. политика государства то смягчалась, то ужесточалась. Все это сказывалось и на официальной статистике о численности старообрядцев. Во время репрессий показанное количество старообрядцев оставалось на одном уровне, во время смягчения внутренней политики статистика свидетельствует об увеличении численности старообрядцев. Это относится и к Калужской губернии. На протяжении столетия с 1819 по 1912 гг. численность старообрядцев увеличилась с 14546 до 58670 человек. Основной рост населения наблюдается со второй половины XIX в. С 1857 г. старообрядческое население выросло с 19358 до 58670 человек, в то время как население Калужской губернии за это

время увеличилось с 999752 до 1457778 человек, что составляет соответственно прирост населения на 44124 и 458025 человек или 303% и 145,8%.⁴

Такая же тенденция наблюдалась и в Боровском уезде. Калужский краевед Д.И. Малинин, ссылаясь на данные 1905 г., считает, что в Боровске проживало 70% старообрядцев.⁵ Эту же цифру упоминает и боровский краевед В.В. Благовещенский, который пишет, что «Боровск конца XIX в. отличался крайней консервативностью быта. 4/5 его жителей были старообрядцы».⁶ Попробуем разобраться с этим вопросом — сколько проживало старообрядцев в Боровском уезде и каково было их соотношение с общим количеством жителей уезда и со старообрядцами Калужской губернии.

Количество старообрядцев в 1819 г. составляло 2644 человека (табл. 1). К 1857 г. количество старообрядцев официально сократи-

Таблица 1. Численность старообрядцев Боровского уезда в XIX— начале XX вв.

Год	Боровский уезд (чел.)			Источник
	Город	Уезд	Итого	
1819	639	2005	2644	Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 19. Д. 1204. Л. 1, 12—17, 28—47, 225.
1820	702	2044	2746	ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1216. Л. 2. Л. 17—27, 64—80, 129, 192, 217.
1821	763	2044	2807	ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1217. Л. 43. 143—173.
1823	777	2972	3749	ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1307. Л. 2238—239.
1826	1009	1327	2336	ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1442. Л. 120—129.
1857	994	1372	2366	Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Калужская губерния. Ч. 1. — СПб., 1864. С. 267—270, 278—281.
1861	933	617	1550	ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 896.
1862	925	659	1584	ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 313. Л. 700; Д. 248. Л. 121—122.
1868	1535	1379	2914	Калужские епархиальные ведомости. 1968. № Ведомость 23; ПК на 1869 г. — Калуга, 1869. Отд. 2 «Б».
1869	1608	1655	3263	ПК на 1870 г. Вып. 2. С. 17—23
1897	3710	940	4650	Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Тетр. 1. — СПб., 1901; Тетр. 2. — СПб., 1903.
1903	7225	1221	8446	ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 959. Л. 47.

лось на 278 человек. В 1861 и 1862 гг. происходит резкое сокращение численности старообрядцев (на 1094 и 1060 человек) по сравнению с 1819 г., составляя, соответственно, 1550 и 1584 человек. Но уже в 1868 г. официальная статистика фиксирует в Боровском уезде 2914 старообрядцев, а через год их количество возрастает на 349 человек (3263 человека). В 1897 г. численность старообрядцев уже составляет 4650 человек, а через пять лет количество старообрядцев резко возрастает почти в два раза и составляет 8446 человек. Медленный рост количества старообрядцев в первой половине XIX в. вызван репрессивной политикой Николая I к старообрядцам, которые скрывали от официальных властей свое вероисповедание. Во второй половине XIX в. происходит количественный рост боровских старообрядцев. Интересно отметить, что на протяжении всего XIX в. количество старообрядцев, проживающих в городе, увеличивается с 639 человек (1819 г.) до 7225 человек (1903 г.), а численность старообрядцев, проживающих в уезде, наоборот, изменяется

Таблица 2. Соотношение численности населения Боровского уезда и старообрядцев в XIX— начале XX вв.

Год	Население Боровского уезда (чел.)			Старообрядцы Боровского уезда (чел.)			Отнош. старообр. населения ко всему насел. %			Источник
	Город	Уезд	Итого	Город	Уезд	Итого	Город	Уезд	Итого	
1857	9058	55555	64613	994	1372	2366	10,97	2,47	3,66	Попроцкий М. Ч. 1. С. 267—270, 278—281.
1868	8956	55831	64787	153	1379	2914	17,1	2,5	4,5	КЕВ. 1968. № Ведомость 23; ПК на 1869 г. Калуга, 1869. Отд. 2 «Б».
1869	9489	54815	64304	1608	1655	3263	16,9	3,0	5,1	ПК на 1870 г. Вып. 2. С. 8—15, 17—23.
1897	8414	44877	53291	3710	940	4650	44,1	2,1	8,7	Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Тетр. 1. — СПб., 1901; Тетр. 2. — СПб., 1903.

волнообразно: 1819 г. — 2005, 1857 г. — 1372, 1869 г. — 1655, 1897 г. — 940, 1903 г. — 1221 человек. Такие колебания можно

Таблица 3. Соотношение численности старообрядческого населения Калужской губернии и Боровского уезда в XIX— начале XX вв.

Год	Старообрядцы Калужской губернии (чел.)			Старообрядцы Боровского уезда (чел.)			%			Источник
	Город	Уезд	Итого	Город	Уезд	Итого	Город	Уезд	Итого	
1819	1657	12889	14546	639	2005	2644	38,6	15,6	17,0	ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1204. Л. 1, 12—17, 28—47, 225.
1820	1736	12717	14453	702	2044	2746	40,4	16,1	19,0	ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1216. Л. 2, 17—27, 64—80, 129, 192, 217.
1823	1818	19332	21156	777	2972	3749	42,7	15,4	17,7	ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1307. Л. 238—239.
1826	13963	8578	22541	1009	1327	2336	7,2	15,5	10,4	ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1442. Л. 120—129.
1857	3269	16089	19358	994	1372	2366	30,4	8,5	12,2	Попроцкий М., Ч. 1. С. 267—270, 278—281.
1868	4178	22720	26898	1535	1379	2914	36,7	6,1	10,8	КЕВ. 1968. № Ведомость 23; ПК на 1869 г. Калуга, 1869. Отд. 2 «Б».
1869	4122	22632	26754	1608	1655	3263	39,0	7,3	12,2	ПК на 1870 г. Вып. 2. С. 17—23.
1897	6406	36192	42598	3710	940	4650	57,9	2,6	10,9	Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Тетр. 1. — СПб., 1901; Тетр. 2. — СПб., 1903.
1903			54720	7225	1221	8446			15,43	ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 959. Л. 47.

объяснить тем, что в Боровском уезде часть сельского населения уходила на отхожие промыслы или на заработки в Москву, а поэтому было трудно произвести точный официальный подсчет старообрядцев по духовному и гражданскому ведомству.

Если мы рассмотрим таблицу 2, то сможем увидеть, что в Боровском уезде, начиная со второй половины XIX в., численность населения сократилась на 11322 человека (17,5%), в то время как численность старообрядцев увеличилась на 2284 человека (96,5%). Если в 1857 г. в Боровском уезде проживало 3,66% старообрядцев от всего населения (64613 человек), то в 1897 г. их было уже 8,7%. Причем показатель сельского населения медленно идет на уменьшение с 2,47% (1857 г.) до 2,1% (1897 г.), а численность старообрядческого населения в Боровске возрастает с 10,97% (1857 г.) до 44,1% (1897 г.).

Конечно, рост числа старообрядцев в Боровске не мог не вызывать отрицательную реакцию как синодальной церкви, так и государственных чиновников. На этот счет сохранилось много высказываний как первых, так и вторых. На этом мы останавливаться не будем. Несмотря на все их усилия, старообрядчество в Боровске крепло и набирало силу, что привело к его расцвету в первые два десятилетия XX в.⁷

На протяжении XIX в. на территории Боровска и уезда проживало от 10 до 17% старообрядцев от общего количества старообрядческого населения Калужской губернии (табл. 3). Если соотношение старообрядцев, проживающих в сельской местности, уменьшалось с 15,6% в 1819 г. до 2,6% в 1897 г., то соотношение городского населения было практически стабильно — около 40% — и только к концу столетия увеличилось до 57,9%.

Таким образом можно утверждать, что Боровск с уездом на протяжении всего XIX в. являлся одним из самых заметных центров старообрядчества. Основная масса старообрядческого населения проживала в Боровске и из года в год увеличивалась. Патриархальная жизнь города способствовала тому, чтобы старообрядцы могли при всех политических и экономических неурядицах XIX в. сохранить свою веру и способность к саморазвитию.

Литература

- ⁷ Тихомиров И. Раскол в пределах Калужской епархии. — Калуга, 1900; Осипова А.И. Из истории деятельности церковного братства пр. Пафнутия (последней четверти XIX— начала XX вв.) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. — Калуга, 1991. — С. 46—50; Осипов В.И. Миссионерское противораскольничье братство Александра Невского // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 2. — М., 1995. — С. 32—36; Он же. Из

истории миссионерского противораскольничьего братства св. Иоанна Божьего в Калуге (1879—1914 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 4. — М., 1995. — С. 2—8.

² ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 371. Л. 392.

³ Там же. Л. 426.

⁴ Осипов В. И. К вопросу о численности старообрядцев Калужской губернии в XIX— первом десятилетии XX вв. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. — М., 2000. В печати.

⁵ Малинин Д. Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главным центрам губернии. — Калуга, 1992. — С. 169. Он ссылается на И. П. Балабанова: «Жителей в городе: мужчин — 5365, женщин — 5865, а всего — 11230 человек. Все русские. Из них 70% раскольников...» — См.: Балабанов И. П. Об условиях местной жизни в городах. Боровск // Боровск: страницы истории. Вып. 1. — Боровск, 1999. — С. 47.

⁶ Благовещенский В., Пухов В. Боровск. — Тула, 1973. — С. 76.

⁷ Осипов В. И., Осипова А. И. Из истории боровских старообрядческих общин в XX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 6. — М., 1998. — С. 41—50; Они же. Журнал «Церковь» как источник по истории Боровского старообрядчества начала XX в. // Боровский краевед. Вып. 5. — Боровск, 1993. — С. 76—113; Они же. К вопросу о времени постройки старообрядческих храмов в г. Боровске // Бюллетень РНИА «Верхнее Поочье». — Калуга, 1993. — С. 23—25.

Н. Н. Никитина,
Калужский государственный педагогический университет
им. К. Э. Циолковского

Крестьянство и власть

в первой половине 20-х годов

(на материалах Калужской и Тульской губерний)

Вопрос о взаимоотношениях партии и крестьянства, степени партийного влияния на деревню, деятельности органов Советской власти на селе довольно долгое время является предметом изучения для историков. Чаще всего он освещался в рамках традиционного историко-партийного подхода, когда на первый план выходили успехи и достижения социалистического строительства в деревне, а «отдельные» недостатки лишь упоминались, не становясь предметом исторического исследования. В большинстве работ на данную тему содержались утверждения о том, что в первой

половине 20-х годов росла мощь советской власти, наблюдалось повышение уровня жизни крестьян, рост кооперации, оживление комитетов взаимопомощи.

В последнее десятилетие данная тема вообще потеряла привлекательность, особенно в глазах молодых историков. На наш взгляд, объективную картину по проблеме «крестьянство и власть в 20-е годы» в значительной мере помогают восстановить отчеты местных партийных и советских органов. В данном сообщении автор попытался рассмотреть характер взаимоотношений партийных и советских органов с крестьянством в рассматриваемый период путем изучения отчетов Калужского и Тульского губернских комитетов РКП(б) за 1923—26 гг., Тульской губернской контрольной комиссии, а также данных волостных обследований по Калужской губернии.

В первую очередь вышеупомянутые источники отмечают слабость партийного влияния в деревне. Численный состав деревенских ячеек увеличивался медленно при незначительном их относительном росте. Так, в Тульской губернии доля коммунистов к общему числу деревенского населения составляла лишь 0,13% на 1 декабря 1923 года. К 1 ноября 1924 года она возросла до 0,25%, к 1 сентября 1925 года — 0,27%.¹ Низка плотность коммунистов на селе (1 коммунист на 1000—1500 человек населения), слабо представлены они в Советах. По данным Калужского губисполкома за период с 1 октября 1924 года по 1 октября 1925 года число беспартийных членов советов и исполкомов даже увеличилось: в сельских советах с 87,7% до 89,4%, в волысполкомах с 31 до 37,4%, среди членов губисполкома с 24 до 31,6%.²

По утверждению рассматриваемых отчетов очень слаб партийный и советский руководящий аппарат в деревне, в значительной части укомплектованный беспартийными. Среди них «много мы видим членов, но мало людей, искренне и верно преданных душой советской организации», — отмечал в своем письме беспартийный тульский крестьянин.³

Партийные директивы предписывали максимум внимания обратить на низовой аппарат Советской власти. «Низовой аппарат Советской власти есть то зеркало, в котором она получает настоящее свое отражение для крестьянских масс. В зависимости от того, как проводятся налоги, как работает волостная земельная комиссия, как принимают крестьянина в волысполкоме, крестьяне судят о Советской власти», — так сформулировал позицию официальных властей заместитель председателя Калужского губисполкома Иосиф Иванович Решиков.⁴

Результаты обследования деревни привели к неутешительным выводам о том, что слабость низового советского аппарата — явле-

ние общественное, требующее принятия срочных мер по искоренению имеющихся недостатков. Важнейшим препятствием к поднятию работоспособности волысполкома и сельсовета являлись отсутствие волостного бюджета и нищенская оплата труда (так, в Троицкой волости Калужской губернии член волысполкома получал 1 руб. 60 коп., а технический сотрудник — всего 82 коп. в месяц). Решиков восклицает по этому поводу: «Можно ли требовать при такой оплате какой-либо работы? Нужно удивляться, как не разбежался волостной вообще, и выполнял все-таки задание высших органов».⁵

Для усиления партийного влияния в деревне проводились специальные мобилизации коммунистов из городов. Товарищи, направленные партийными ячейками промышленных предприятий, проходили курсы «деревенщиков» и уезжали на работу в деревню в качестве секретарей ячеек, членов РИКов, заведующих избами-читальнями и т.д. Эффективность этой работы была довольно низка: мало кто из рабочих привыкал к новому образу жизни и закреплялся на деревенской земле. В докладе Кабанова о работе губкома партии городскому активу 30 сентября 1925 года сообщалось: «Мы послали 453 человека и обратно получили 407 человек. Получается какое-то великое переселение народов из Тулы в деревню и из деревни обратно в Тулу. Ходим взад и вперед, а дело не двигается».⁶

Отношение крестьянства к Советской власти зачастую выражалось формулой: «Советская власть хороша, никакой другой власти нам не надо, да вот налоги только тяжелы». Кроме налогов, установленных правительством, часто практиковалось обложение в порядке «местной инициативы» на содержание сельсовета, школы, больницы, волысполкома. В результате подобного «самоуправства» крестьянам приходилось в дополнении к 1—2 государственным налогам платить 4—5 местных.

По наблюдениям Решикова, в деревне не существовал сельский совет, как орган власти, предусмотренный Конституцией: «Деревней управлял «сход» — пережиток недавнего прошлого. Причем на сходе, представляющем явление... повсеместное в губернии, управлял не сельский совет, а «степенные хозяйственные мужички», принадлежащие к зажиточным слоям деревни.

Деревенская беднота и вообще маломощные хозяйства, по-деревенски «голь», оттирались на последнее место, — в итоге Советская власть в деревне получала, нередко, кривое отражение».⁷

По мнению официальных властей, сельский сход с его уравнительными традициями в налогах и иных традициях искажал мероприятия Советской власти в деревне.

Не добившись успеха в усилении своего влияния в деревне через различные формы партийной работы, коммунисты сделали упор на организацию деревенского актива из крестьянской среды, привлечение его к работе в Советах. Результаты работы по «оживлению Советов» выразились, в первую очередь, в том, что увеличилась активность избирателей на перевыборах в Советы.

Таким образом, в первой половине 20-х годов, взаимоотношения с партией и Советами складывались сложно, зачастую, нежелательно для руководящих органов. Их нельзя охарактеризовать только как отношения безоговорочного подчинения крестьянства партийным решениям или полного их неприятия. С переходом к новой экономической политике возросло стремление крестьянства к хозяйственной и политической самостоятельности. Ответной реакцией на желание крестьянства выступать в качестве самостоятельной общественной силы явилась активизация работы партии по усилению влияния на крестьянство, особенно с 1924 года. Все предпринимаемые с этой целью усилия не привели к желаемым результатам, что послужило одной из основных причин перехода к административно-командным методам управления. Именно неудачные попытки изменить ситуацию во взаимоотношениях с деревней в наиболее выгодную для себя сторону заставили Советскую власть перейти со второй половины 20-х годов сначала к методам изоляции представителей классов и слоев, оказывающих политическое влияние на крестьянство (меры по ограничению кулачества, выселение бывших помещиков в 1925 году), а затем — к открытому насилию над крестьянством в годы сплошной коллективизации и раскулачивания.

Литература

¹Отчет Тульского Губкома к 14 губконференции РКП(б). — Тула, 1925. — С. 25.

²Отчет Калужского Губисполкома с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. — Калуга, 1925. — С. 8.

³Отчет Тульского Губкома к 14 губконференции РКП(б). — Тула, 1925. — С. 27.

⁴Решиков И.И. Калужская деревня в 1923 году. — Калуга, 1925. — С. 44.

⁵Там же, с. 49.

⁶К 15-ой Тульской губернской партийной конференции. — Тула, 1925. — С. 22.

⁷Решиков И.И. Указ. соч. — С. 24, 44.

А.И. Ульянов,
заведующий кафедрой общественных дисциплин негосударственного
образовательного учреждения «Центр гуманитарного образования» г. Обнинска

Анархисты Калужской губернии в начале XX века

Эта тема до последнего времени не привлекала внимания исследователей. Сложилось впечатление, что в Калужской губернии не было анархистов. Однако это не так.

Документы Канцелярии Калужского губернатора и Калужского губернского жандармского Управления (фонды ГАКО) позволили ликвидировать это белое пятно.

Первые упоминания о калужских анархистах в жандармских документах относятся к Жиздринскому промышленному региону. Экономически он тяготел к Брянску.

В 1908 году активную анархистскую пропаганду среди рабочих брянского завода вел В.Д. Немцов, уроженец села Людиново Жиздринского уезда. Его земляк, П.С. Коршунов, официант буфета железнодорожной станции вступил в брянскую (бежецкую) группу анархистов. Еще один уроженец Жиздринского уезда, К.М. Козлов, был выслан вместе с товарищами в Архангельскую губернию «за принадлежность к партии анархистов-коммунистов». На цементном заводе Жиздринского уезда, до своей ссылки, вел анархистскую пропаганду И.А. Дубков, член брянской группы анархистов.

Самое крупное дело 1908 года по анархистам жандармы завели 1 октября, когда на одной из квартир г. Калуги была арестована группа террористов. В ходе обыска у них были изъяты револьверы и анархистские брошюры. Следствие показало, что эти молодые люди прибыли в Калугу из Екатеринослава, с целью совершения теракта и экспроприации кассы Сызрано-Вяземской железной дороги. Инициаторами акции были С.П. Демин и Матвеев, уроженцы Калужского уезда. Все члены группы происходили из крестьян, а в 1908 году жили и работали в Екатеринославе. По своей ориентации группа принадлежала к анархо-коммунистам. Суд определил арестованным меру наказания — от 2 до 4 лет ссылки. Демину после суда удалось бежать.

Много хлопот жандармам доставляли калужане, высланные с места работы (как правило, города Украины, С.-Петербург и Москва), в места их постоянного проживания. Например, в 1908, из

Одессы в Мещовский уезд «за принадлежность к группе анархистов» был выслан И.И. Жеребцов. Прибыв в родные места, высланные попадали в тяжелые условия, вызванные отсутствием жилья, работы по специальности, аполитичностью земляков. К тому же, растущее количество политически неблагонадежных людей беспокоило калужские власти. Так например, в 1908 году, в Жиздринский уезд из Харькова был выслан И.А. Енюков, «изобличенный в принадлежности к группе анархистов». Эта высылка переполнила чашу терпения Калужского губернатора, и он обратился к министру внутренних дел с просьбой об отмене этого решения. Рассмотрев доводы губернатора, министр запретил пребывание Енюкова в Жиздринском уезде. Вскоре он был выслан за пределы Калужской губернии.

Арест группы анархистов в 1908 году не надолго успокоил жандармов. Уже в 1909 они отмечают появление в Калуге анархистов из Москвы, которые встречались здесь со своими единомышленниками. Выяснить цели прибытия и арестовать московских «гостей» не удалось.

В 1910 отмечается усиление анархистской пропаганды в Калужской духовной семинарии. Один из агитаторов, семинарист М. Сергиевский, раньше принадлежал к социал-демократической организации.

Анархистская литература распространялась по Калужской губернии. Среди книг, изъятых полицией при обысках в 1910 году, значатся: «Манифест анархистов-коммунистов», «Анархия, ее философия и идеал» П.А. Кропоткина, «Бог и государство» М.А. Бакунина и др.

Анархистскую пропаганду вели также солдаты, приезжавшие в отпуск на родину. Так, например, солдат А.С. Щепачев, приехавший в Полотняный Завод Мещовского уезда из Варшавы, заявил своим землякам, что он — анархист, и рассказал об анархизме. Агентурное расследование показало, что он участвовал в революционной деятельности еще до поступления на военную службу.

В 1910 году Московское охранное отделение провело операцию по ликвидации анархистского подполья. В Москве, Смоленске, Вязме, Камышине, Брянске и Калуге были проведены массовые аресты. В руки полиции попали анархистская литература, оружие и бомбы.

Иногда меры полиции по борьбе с анархистской пропагандой получали комический оттенок... В 1912 полиция всех уездов Калужской губернии на основе строжайше секретного предписания выявляла в почтовых отделениях посылки фирмы братьев Минцер

из Австро-Венгрии. Переполюх вызвали сведения о том, что фирма Минцер является прикрытием для анархистского комитета в Вене. Этот комитет, по полицейским сведениям, задался целью «разорить русских заводчиков присылкой кос и граблей», а также вместе с рекламными проспектами рассылать воззвания с призывом к созданию «Республики Московия». Некоторые приставы сообщили, что пакеты от фирмы получили, но кроме предложений о покупке кос ничего предосудительного в них не обнаружили.

С 1912 по 1917 год в жандармских документах не встречается фактов, свидетельствующих о наличии анархистских организаций в Калужской губернии. Определенную роль в этом сыграли репрессивные меры 1908—1911 гг., аполитичность населения и общий спад анархистского движения в России. Последнее сообщение о деятельности калужских анархистов за пределами губернии относится к январю 1917 года.

Изучение фактов, полученных на основе работы с архивными документами, позволяют сделать следующие выводы по теме:

1. Анархистское движение в Калужской губернии возникает и развивается в период между двумя революциями в России.
2. По социальному происхождению большинство местных анархистов были крестьянами, но по социальному положению в период революционной деятельности — рабочими (крестьяне-отходники).
3. Наибольшее распространение анархистские идеи получили среди рабочих промышленной зоны Жиздринского уезда.
4. В своей деятельности калужские анархисты были связаны, в основном, с анархистами Орловской губернии (Брянский уезд) и Украины (Екатеринослав, Харьков, Одесса).
5. Численность активных анархистов Калужской губернии была относительно небольшой, поэтому, в своей деятельности они иногда объединялись с эсерами, и, реже, с социал-демократами.

Н.П. Лошкарева,
научный сотрудник Боровского историко-краеведческого музея, филиала
Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Клировые ведомости 1916 г. как источник по сбору информации о численности населения и дворов (на примере Кривской волости Боровского уезда)

В 1914 г. Калужским губернским статистическим комитетом был издан «Список населенных мест Калужской губернии». В нем перечисляются названия населенных пунктов с указанием числа душ мужского и женского пола, а также приводятся многочисленные сведения другого характера.

Позже, в 1916 г., в Калужском церковно-общественном вестнике в разделе «Библиография» была опубликована критическая статья на «Список...»¹ Ее автор, Д-ин, заметил, что «какой-либо проверки их (имеются в виду демографические и статистические сведения — Н.Л.), безусловно неизбежной при претензиях работы на объективную ценность и статистическую устойчивость, комитет не произвел, хотя материалы, по своему происхождению более достоверные, имеются. Это исповедные росписи, иначе, семейные списки, ежегодно составляемые по приходам духовенством. Комитет же только напечатал, без критики, полученные им сведения, и, таким образом, главнейшие из них — о количестве населения в отдельных поселениях — лишены точности». Сделав достаточно много обоснованных замечаний, Д-ин посчитал нужным провести свои расчеты. Так, в Боровском уезде по данным Комитета насчитывалось 53206 человек (22938 мужчин и 30268 женщин), Д-ин насчитал 56090 человек (27062 мужчин и 29028 женщин). По Калужской губернии Комитет насчитал 1483025 чел., а автор статьи — 1417191 человек. При подсчете последнего разница составила 66 тысяч человек.

Критические замечания Д-ина и наличие исследовательского материала позволили определить тему моего сообщения. Она довольно узкая, т. к. автора интересовали сведения только о количестве дворов (или хозяйств) и числе жителей по каждому населенному пункту в пределах Кривской волости Боровского уезда в 1916 г. Для чего за основу были взяты данные клировых ведомостей о приходах церквей Боровского уезда за 1916 г.², а также

использованы «Списки населенных мест Калужской губернии» за 1903 и 1914 гг.³

Кривская волость граничила в пределах Боровского уезда на севере с Красносельской и Рощинской волостями, на востоке — с Спасопрогнанской, западе — Никольской волостями и на юге — с Малоярославецким уездом.

Список населенных пунктов в пределах административной границы Кривской волости был определен по данным Губернского комитета за 1903 и 1914 гг.⁴. Все населенные пункты по спискам совпали, кроме села Пыренки, значившегося по списку 1903 г. и отсутствовавшего по списку 1914 г. Нет его и в списках прихода за 1916 г. о церкви Бориса и Глеба села Белкино, располагавшегося на территории Кривской волости.⁵ Но встречаем это название в ведомости о церкви Бориса и Глеба за 1916 г., в которой сообщается, что церковь Рождества Пресвятой Богородицы на реке Пыренке с 1874 г. считается приписанной к церкви Бориса и Глеба. Ни о каких сельских жилых и хозяйственных дворах речи не идет.⁶ Поэтому решено было ограничиться списком в 22 населенных пунктах.

Большинство из населенных пунктов были приписаны к храмам, располагавшимся на территории Кривской волости. Это церкви Бориса и Глеба в селе Белкино, Рождества Пресвятой Богородицы в селе Тимошеве и Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Уваровское.⁷ Такие населенные пункты, как Вашутино, Кабицыно, Ново-Михайловское и Маланьино, входили в приход церкви Живоначальной Троицы села Косяги Рощинской волости, а Машково — в приход церкви Преображения Спаса волостного села Прогнанье Боровского уезда.⁸ Полученные данные были сведены в одну таблицу.⁹

В результате было установлено, что в 1916 г. в Кривской волости Боровского уезда находилось 795 дворов (или хозяйств), в которых проживало 5057 человек (2370 мужчин и 2687 женщин). В среднем на один двор приходилось 6,36 человек. Женское население преобладало над мужским. Большинство жителей исповедовали православие (5022), 25 принадлежали к старообрядческой церкви и 10 считались сектантами.

В завершение хотелось бы сказать, что опыт подсчета количества дворов (или хозяйств) и числа жителей Кривской волости на примере данных клировых ведомостей о приходах 1916 г. можно расширить до границ Боровского уезда, (впоследствии и Калужской губернии). При этом необходимо использовать данные клировых ведомостей за различные годы, что позволит проследить демографические изменения населения на протяжении десятилетий.

№ п/п	Название населенного пункта	Число дворов или хозяйств	Число душ	
			Мужчин	Женщин
1.	д. Акулово	18	53	67
2.	д. Алешково	4	11	17
3.	д. Бавыкино	31	121	106
4.	с. Белкино	74	211	228
5.	д. Вашутино	33	103	112
6.	д. Городня	20	82	84
7.	с. Ивановское	20	67	68
8.	д. Кабицыно	78	222	260
9.	д. Кириллово	20	75	83
10.	с. Комлево	45	139	143
11.	д. Кривская	64	147	190
12.	с-цо Маланьино	20	74	75
13.	д. Мишково	29	103	106
14.	с-цо Машково	40	123	140
15.	д. Ново-Михайловское	47	133	192
16.	д. Писково	22	100	87
17.	с-цо Самсоново	26	72	80
18.	с-цо Сороковець	30	75	83
19.	с. Тимошево	48	127	165
20.	д. Трубицыно	10	40	49
21.	с. Уваровское	67	179	211
22.	д. Фатеево	37	100	119
23.	В т. ч. раскольники	10	7	18
24.	и сектанты	2	6	4
ИТОГО:		795	2370	2687

Литература

- ¹ Калужский церковно-общественный вестник. — 1916. № 4. — С. 9—11.
² ГАКО. Ф. 33, Оп. 2, Д. 2266, 2269 а.
³ Список населенных мест Калужской губернии. — Калуга, 1903, — С. 2—3; Список населенных мест Калужской губернии. — Калуга, 1914, — С. 15.
⁴ Там же.
⁵ ГАКО. Там же. Д. 2266, Л. 1 об., 7.
⁶ Там же.
⁷ Там же. Д. 2266, Л. 7; Д. 2269 а, Л. 80, 97.
⁸ Там же. Д. 2269 а, Л. 107, 158.
⁹ Там же. Д. 2266, Л. 7; Д. 2269 а, Л. 80, 97, 107, 158.

Князь Д.И. Вишневецкий — последний владелец Белева

Жизнь и деятельность князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, выдающегося русско-литовского военачальника середины XVI в., на протяжении нескольких лет были связаны с Верхним Поочьем, ибо именно он в 1556—1560 гг. руководил обороной южных границ Московского государства от набегов крымских татар. Его усилия помимо военно-политического значения имели важные социальные последствия, т. к. привели к существенным изменениям в структуре русского служилого сословия, причем эта социальная модернизация происходила именно на «верховских» землях.

Князь Д.И. Вишневецкий происходил из старинного рода, основателем которого был литовский великий князь Ольгерд Гедиминович. Его родителями были литовский гетман, князь Иван Михайлович и волынская княжна Анастасия Семеновна. Впервые его имя упоминается в 1545 г. в актах люстрации Волынского княжества. Вплоть до 1553 г. он служил польскому королю, занимая пост старосты в Каневе, т. е. соответствовал статусу русского наместника. Полное наименование его должности звучало «староста Черкасский и Каневский», и в его ведении находились вольные казаки, жившие в среднем течении Днепра вокруг города Черкассы, привлекаемые на службу, как военные наемники. В 1553 г. он ушел с польской службы из-за запрета короля воевать с Крымским ханством и на острове Хортица создал первую Запорожскую Сечь. Весной 1556 г. предложил свои услуги Ивану Грозному, который принял их, используя запорожских казаков, как буфер между южными окраинами Московского государства и Крымом.¹

В мае 1556 г. князь Д.И. Вишневецкий известил царя Ивана IV Грозного о выходе крымского хана в поход на московские земли. Как свидетельствуют разрядные записи, «того же лета июля 2 день по вестем князя Дмитрия Вишневецкого, что царь крымской вышел со многими с прибылыми людьми, и царь и великий князь приговорил для своего дела и земсково идти на Коломну по вестем...»² (т. е. вывести русские полки на рубеж обороны по Оке — О.К.).

В сентябре того же года он направил в Москву своего предста-

вителя, чтобы сообщить царю о своем уходе со службы короля Сигизмунда II Августа и желании перейти под покровительство русского государства. Летопись свидетельствует: «...приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичу Всеа Руси от Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича бити челом Михайло Есковичь, чтобы его государь пожаловал, а велел себе служите. А от короля из Литвы отъехал да на Днепре на Кортицком острове (на острове Хортице — О. К.) город поставил против Конских вод у Крымских кочевий. И Царь, и Великий князь послал к Вишневецкому детей боярских Ондreja Щепотева да Нечая Ртищева... с опасной грамотой и с жалованием».³ 16 октября направленные к князю Вишневецкому дворяне вернулись в Москву, доставив с собой трех пленных татар, и сообщили, что он принял присягу и вступил в поход «воевати Крымских улусов под Ислам-Кермень, служаца царю и великому князю».⁴ В декабре того же года русский посол в Крыму, князь Ф.Д. Загряжский сообщил царю, что хан готовился к войне все лето и даже просил помощи от своего сюзерена — турецкого султана, но так и не смог осенью отразить нападения отряда князя Д.И. Вишневецкого на Ислам-Кермень. Князь этот город взял «и людей побил, и пушки вывез к себе на Днепр, в свой город».⁵

Спустя некоторое время, крымский хан Девлет-Гирей совершил нападение на крепость, которую осаждал 24 дня, но так и не смог взять, о чем Д.И. Вишневецкий сразу же проинформировал Ивана Грозного. В мае 1557 г. Вишневецкий прислал в Москву «казак Дениска Малого с товарищи.., а писал ко Государю, что царь Крымской Девлет-Гирей с сыном и со всеми людьми Крымскими приходил под его город на Хордецкой остров и приступал (т. е. штурмовал — О. К.) дватцать четыре дни, и Божим милосердием и Царя и Государя Великого князя именем и счастием от царя (Девлет-Гирей — О. К.) отбилсЯ и побил у царя людей лутчих, и пошел царь от него с великим соромом. И докуды в том городе люди будут царским Великого князя именем, и Крымцов на войну ходити никуда нелзе».⁶ Действительно, после разгрома в Судбищенской битве 1556 г. для Крымского ханства была чрезвычайно актуальной угроза флангового удара князя Вишневецкого по кочевьям в случае направления в поход основных сил степняков.

В октябре 1557 г. князь Вишневецкий известил Москву, что он вынужден покинуть свои укрепления на Хортице, «потому что корму не стало у него, и казаки от него разошлись, а царь Крымской пошел на его город да Турского люди (турки — О. К.) много да Волохи (молдаване — О. К.)».⁷ В ноябре князь прибыл к Ивану Грозному, который его «пожаловал великим своим жалованием и дал ему отчину город Белев со всеми волостями и селы, да и в

иных городах села подклетные Государь ему подавал и великими жалованиями устроил». Князь Вишневецкий «Государю крест целовал животворящий на том: служить Царю и Великому Князю во веки и добра хотете». ⁸ В результате он занял положение служилого князя, получив в кормление город с уездом, только что конфискованный в государственную казну от прежнего его владельца, последнего князя Белевского — Ивана Ивановича. Согласно феодальной традиции, служилый князь должен был содержать свой вооруженный отряд и защищать вверенные ему земли. Передача Вишневецкому для прокорма своих людей целого уезда, бывшего раньше самостоятельным княжеством, свидетельствует о значительной численности его отряда, а также о заинтересованности Московского государства в привлечении его на свою службу.

В январе 1558 г. царь Иван Грозный направил Д.И. Вишневецкого разорять кочевья крымских татар. Разрядная книга говорит, что «того же лета генваря (1588 г. — О. К.) царь и великий князь послал на Днепр, на Хортицу князя Дмитрея Вишневецкого, а с ним послал Игнатя Ушакова сына Заболотцкого да Ширия Васильева сына Кобякова, да голов Данила Чюлкова, Дьяка Ржевского, Андрея Щепотева, да Василья Тетерина, Михаила Ескова, Михаила Андреева сына Павлова, Онофрея Лашинского, Петра Таптыкова, Микита Сущева, Нечая Ртищева» ⁹ (здесь очень интересно упоминание имени Михаила Есковича (Ескова) — сподвижника князя по Запорожской Сечи, что свидетельствует о включении его людей в служилое сословие Московского государства).

Летопись конкретизирует состав войска князя Вишневецкого: «Со князем Дмитрием же Государь отпустил Игнатия Заболотцкого з жилцы да Ширия Кобякова с детми боярскими и иных атаманов с казаки да сотских с стрелцы», ¹⁰ т. е. дворянские полки под командой воевод, а также стрелецкие и казачьи отряды под началом корпоративных командиров из числа дворянской аристократии. Фактически, под свою руку он получил все категории русских служилых людей, что свидетельствует о его высоком статусе в иерархии военачальников Московского государства: он был так называемым «большим воеводой». Князю Вишневецкому предписывалось построить на реке Псле суда и на них спуститься вниз по Днепру, где совершать поиски кочевий и препятствовать продвижению татар к русским землям «сколько ему Бог поможет». ¹¹ В апреле 1558 г. князь донес царю, что поход был успешным: его отряду удалось подойти даже к самому Перекопу, «...и сторожей побил за шесть верст от Перекопи, а люди Крымские ему встречею не бывали ни один человек». ¹² 12 июня Д.И. Вишневецкий из Ислам-Керменя, который он, видимо, разорил в очередной раз, прислал под конвоем отряда

А.З. Вяземского пленного татарина, который рассказал, что «...царь крымской со всеми людьми готов в Перекопи, а к турецкому просить людей послал же; а как турецкой царь людей на помощь ему пришлет, и тогда де царь крымской хочет быти на великого князя украины...» ¹³ Действительно; зимой 1558—1559 гг. крымский хан попытался совершить набег на приграничные русские земли, но узнав, что Иван IV Грозный находится в Москве, а «Дмитрий Вишневецкий на Туле», отказался от своих намерений, и как отмечает летописец, «...от этих вестей приде на них страх и трепет, вскоре воротятся назад на бегство устремишася». ¹⁴

В 1559 г., князь Д.И. Вишневецкий с казаками был направлен на Донец, где ему надлежало соорудить суда и на них совершить нападение на Азов, Керчь и другие места. В апреле князь Вишневецкий известил Ивана Грозного о том, что он «побил Крымцов на Яндаре блиско Азова. Было их полтретьиста (т. е. 250 — О.К.) человек, а хотели ити под Казанские места войною». ¹⁵ Татары были разбиты наголову, 26 из них — взяты в плен, из которых 14 князь прислал в Москву. Других сообщений, касающихся каких-либо еще боевых действий отряда князя в 1559 г., известные исследователям отечественные летописные источники не содержат. Однако опубликованные материалы турецких архивов позволяют проследить ход дальнейших событий этой кампании.

Ранее, 2 июля 1559 г. (26 Рамазана 966 по мусульманскому летоисчислению), отряд князя Вишневецкого атаковал Азов, причем эта атака была с большим трудом отбита турками. Гарнизон, в состав которого входил отряд из 200 янычар, был недостаточен для отражения нападения, и оно было отбито лишь благодаря помощи, оказанной ногайскими племенами, кочевавшими тогда в окрестностях Азова, и поддержке Османской эскадры, состоявшей из шести больших 25-весельных и незначительного числа малых галер. Несмотря на то, что нападение отбили, тревога была велика: впервые Азов, военный форпост Блистательной Порты в степях Северного Причерноморья, подвергся серьезной опасности. Следует добавить, что атака Азова и опустошение отрядом князя Вишневецкого его окрестностей вызвали продовольственный кризис не только в этой крепости, где вспыхнул голод, но и в Большой Ногайской орде и даже в Стамбуле: султанская столица в значительной степени зависела от поставок зерна, сухих овощей, растительного масла из Северного Причерноморья. Еще хуже дела оказались у ногайцев: их голодающие племена прошли через причерноморские степи с востока на запад, опустошая все на своем пути, в том числе и кочевья крымских татар, и в начале зимы дошли до османских земель Молдавии и Валахии, где и остались

вплоть до мая 1560 г., нанеся этим вассалам Блистательной Порты огромные убытки.

Отступив от Азова, князь со своим отрядом опустошил турецкие и ногайские земли на северном побережье Азовского моря и вышел на Таманский полуостров. Не позднее августа на больших лодках Д.И. Вишневецкий совершил нападение на Керчь, но эта атака была отбита турецкой эскадрой. Затем, как свидетельствуют турецкие источники, он поднялся вверх по Дону, где построил малые крепостицы, «подготавливаясь тем самым к новому наступлению в следующую весну».¹⁶

Понимая малочисленность своего отряда для достижения своих целей и не надеясь на получение каких бы то ни было подкреплений от московского царя (он не знал, что Иван IV Грозный послал «...на Дон постельничего и воеводу Игнатя Михайловича Вешнякова, а велено ему сходится на Дону со князем Дмитрием Вишневецким»¹⁷), князь Вишневецкий стал искать себе союзников среди местных племен, обитающих в предгорьях Северного Кавказа, которые так же, как и он, вели бы борьбу против турецкого господства на Таманском полуострове. И они нашлись, — ими стали племена черкесов, или как их тогда называли «пятигорских черкасов», возглавляемые родом Жане. Новые союзники Московского государства напали на турецкие владения на Таманском полуострове и на город Кафу, но эта атака была отбита, а турки смогли захватить в плен основных черкесских вождей прежде, чем тем «удалось укрыться на Кавказе или в Московии». В результате поражения Кансук, сын главы племени Жане, и один из его братьев были убиты, а их головы, как и головы многих русских «начальных людей» были присланы в Стамбул.¹⁸

В сентябре Д.И. Вишневецкий вернулся из своего Азовского похода, который имел для Московского государства дипломатические последствия: «с ним прислали Черкасы и Чюрука-мирзу Черкасского: все Черкасы бьют челом, чтобы их Государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити».¹⁹ В феврале 1560 г. князь Вишневецкий был назначен воеводой у черкесов, с ним царь Иван IV Грозный отправил «попов крестьянских.., а велел их крестити по их обещанию и по их челобитью и промышляти над Крымским царем».²⁰ Вишневецкий успешно справился с этой миссией — черкесы приняли Православие и с тех пор верно служили России, а на дочери одного из князей Черкасских — Марии (до крещения — Кученей) Темрюковне был женат вторым браком сам царь.

По данным турецких архивов, весной 1560 г., князь Вишневецкий вернулся в низовья Дона, чтобы подготовиться к новому походу против турецких владений в Северном Причерноморье. Од-

нако, в связи с событиями Ливонской войны 1558—1583 гг., на этот раз он не получил под свое командование отрядов поместного войска и стрельцов, что существенно снижало боеспособность его войска: фактически, в распоряжении князя находилась его собственная армия численностью свыше 5 тыс. человек, наработанная из запорожских казаков и черкесов, ядро которой составляли служилые казаки, пришедшие с ним на русскую службу в 1556 г. и испомещенные вокруг Белева. В июле он начал наступление на Азов, но с прибытием на помощь гарнизону крепости турецкой эскадры, был вынужден отступить. Тогда князь Вишневецкий с черкесами попытался форсировать Таманский пролив и, проникнув таким фланговым маневром в Крым, атаковать Кафу (Феодосию — О.К.). Однако, крейсировавшая в этом районе турецкая эскадра сорвала и эту попытку наступления.²¹

В апреле 1561 г. князь Вишневецкий с казаками был послан на Днепр «недружбу делати царю Крымскому и королю Литовскому».²² Царь Иван Грозный старался сконцентрировать силы, готовясь к походу на Полоцк, что противоречило сословному статусу Вишневецкого, как служилого князя: он не был обязан участвовать в военной кампании вдали от своих белевских владений. Направление казаков князя Вишневецкого на западный театр военных действий привело его к разрыву с Москвой, главной причиной которого, думается, был отказ царя Ивана IV Грозного поддерживать князя в его борьбе за Азов. Летом 1561 г., как свидетельствует летопись, к царю Ивану IV Грозному прибыли казаки «Михайло Кирилов да Ромашка Ворыпаев и сказали, что князь Дмитрий Вишневецкой Государю изменил, отъехал с Поля (т. е. со степного порубежья — О.К.), з Днепра в Литву к Полскому королю со всеми своими людьми, которые были с ним на Поле...»²³. 5 сентября 1561 г. Сигизмунд II Август вернул князю все его звания и земли. Согласно феодальным традициям вассал со своим отрядом мог отказаться служить своему сюзерену, если тот нарушал заранее оговоренные условия, что и произошло между Иваном Грозным и князем Вишневецким, — это не считалось изменой. С уходом князя Вишневецкого Белев окончательно теряет свой статус частновладельческого города и превращается в военно-административный центр государственного уезда Московской Руси.²⁴

В 1564 г. князь Д.И. Вишневецкий предпринял свое последнее выступление против Блистательной Порты: с армией в 4 тыс. человек он вторгся в Молдавию, где в это время шла междоусобица, но он был захвачен в плен и отправлен в Стамбул на казнь.²⁵

Значение деятельности князя Д.И. Вишневецкого заключается в том, что он был первым русским военачальником, который смог

противопоставить татарским набегам на окраины Московского государства не пассивную оборону, а тактику нанесения превентивных ударов по их кочевьям. В 1556—1561 гг. степняки не смели даже приближаться к русским пограничным землям. Инструментом его доктрины порубежной войны стало служилое казачество, влившееся особой группой в корпорацию дворянства и ставшее, с одной стороны, социальным продуктом внешнеполитических устремлений Москвы, а с другой стороны, иницилирующей силой нового направления отечественной внешней политики.

Литература

- ¹ Князь Дмитрий Иванович Вишневецкий // Киевская старина. — 1897. — № 10.
- ² Разрядная книга 1475—1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. — М.: «Наука», 1966. — С. 162.
- ³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — Т. 29. — М. — Л.: «Наука», 1965. — С. 251.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. — С. 252.
- ⁶ Там же. — С. 255.
- ⁷ Там же. — С. 259.
- ⁸ Там же. — С. 260.
- ⁹ Разрядная книга 1475—1598 гг. — С. 166.
- ¹⁰ ПСРЛ. — Т. 29. — С. 275.
- ¹¹ Там же. — С. 276.
- ¹² Там же. — С. 279.
- ¹³ Разрядная книга 1475—1598 гг. — С. 167.
- ¹⁴ ПСРЛ. — Т. 29. — С. 281. См. также: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. — М. — Л.: «Наука», 1948. — С. 427—433 (в приложении дано краткое описание татарских набегов на Московское государство с 1558 г. до конца XVI в.).
- ¹⁵ Там же. — С. 284.
- ¹⁶ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. // Франко-русские экономические связи. — М. — Париж: «Наука», 1970. — С. 51—54.
- ¹⁷ Разрядная книга 1475—1598 гг. — С. 179.
- ¹⁸ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Указ. соч. — С. 56.
- ¹⁹ ПСРЛ. — Т. 29. — С. 297.
- ²⁰ Там же. — С. 398.
- ²¹ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Указ. соч. — С. 61.
- ²² ПСРЛ. — Т. 29. — С. 300.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. // Исторические записки. — М., 1947. — Т. 22. — С. 121.
- ²⁵ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. / Под ред. Южакова С.Н. и Милюкова П.Н.: В 20-ти т. — СПб.: Тип. Товарищества «Просвещение», 1901—1905. — Т. 5. — СПб., 1901. — С. 168.

Л.В. Калашникова,
заведующая сектором Калужской областной библиотеки
им. В.Г. Белинского

Облеуховы на Калужской земле (тезисы)

В Калужском областном архиве в фонде «Дворянского депутатского собрания Калужской губернии» имеются документы о дворянах Облеуховых.¹

Дело № 94 (ф. 66, оп. 1) «Материалы Калужского дворянского депутатского собрания о внесении дворянина Облеухова в дворянскую родословную книгу Калужской губернии». Начато 13 декабря 1794 г. В деле имеется «Прошение Калужского наместничества в дворянское присутствие, учрежденное для составления дворянской родословной книги, артиллерии генерал-майора, правителя Калужского наместничества, орденов святого равноапостольного князя Владимира, 2-й степени и святого Великомученика и победоносца Георгия 4-й степени Кавалера Александра Дмитриевича сына Облеухова». Прошение было подано 13 декабря 1794 года.

Александр Дмитриевич Облеухов с 10 февраля 1794 г. по 17 декабря 1795 г. был калужским губернатором, правителем Калужского наместничества. Службу свою он начал 1 января 1759 г. в артиллерии фурьером, с 8 мая 1760 г. — сержант, с 1 июня 1763 г. — подпоручик, 29 сентября 1764 г. — поручик, с 1 января 1772 г. — капитан, с 5 мая 1779 г. — майор, с 28 июня 1783 г. — подполковник, с 14 апреля 1789 г. — полковник. В 1791 г. 25 марта на 32-м году службы Александр Дмитриевич был произведен в генерал-майоры. Через 2 года он был награжден орденом св. Владимира 2 степени. Во время войны России с Турцией 1772 г. за выказанную храбрость был награжден орденом св. Георгия 4 степени.

В 1794 г. был назначен правителем Калужского наместничества и оставался в этой должности до выхода в отставку. Скончался А.Д. Облеухов 28 октября 1814 г. в Москве.

В деле № 94 имеется копия «жалованной грамоты», выданной Екатериной II 21 апреля 1785 г. на дворянское достоинство двух братьев Александра и Семена Облеуховых. Кроме того, в деле имеется «Грамота Тульской губернии о внесении в 6-ю часть дворянской родословной книги Тульской губернии от 19 августа 1790 г. и родословная Облеуховых. Родители: отец — Дмитрий Облеухов, мать — Анна из рода Гриневых.

Александр Дмитриевич Облеухов женился на Прасковье Феодосьевне, урожденной Казариновой в 1789 году. Сын — Дмитрий Александрович Облеухов родился в 1790 г., доктор физико-математических наук, закончил Московский университет и защитился в 1811 г., друг Ивана Васильевича Киреевского, занимался литературной деятельностью с 1805 года. Умер он 13 декабря 1827 г. в Москве и похоронен на кладбище Данилова монастыря рядом со своей матерью.

Семен Дмитриевич Облеухов, полковник, также имел семью.

Облеуховы были внесены в 6-ю часть родословной книги Калужской губернии.

В Малоярославецком уезде было имение, сельцо Терентьево, генерал-майора А.Д. Облеухова.² Во время Отечественной войны 1812 г. А.Д. Облеухов выделил 1 конного и 6 пеших солдат в Калужское народное ополчение, и сам принимал активное участие в создании народного ополчения.² Владели Облеуховы и другими селами в Тарусском уезде — Фелисовым и Истоминским. В Малоярославецком Черноостровском монастыре похоронен внук А.Д. Облеухова — Дмитрий Дмитриевич Облеухов.

Литература

¹ Материалы Калужского дворянского депутатского собрания о внесении дворянина Облеухова в дворянскую родословную книгу Калужской губернии // ГАКО, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 94, лл. 1—7.

² Булычев. Н.И. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии (Калужское дворянское ополчение). — Калуга, 1910. В т. ч. Облеуховы, с. 79.

А.В. Евгин,

учитель Покровской с.ш.

Козельского р-на Калужской области

Блюститель Кишиневской управы

Константин Алексеевич Охотников родился в 1794 г. в Козельском уезде Калужской губернии в селе Татаринцы. Отец его, отставной секундонт — майор Алексей Андреевич Охотников был владельцем полутора тысяч душ крестьян в селах: Татаринцы, Чернышено, Старички, Дракуны Козельского уезда, а также поместий в Боровском и Жиздринском уездах.

Мать Константина Алексеевича, Наталья Григорьевна (урожденная княжна Вяземская) была родной сестрой Марьи Григорьевны Разумовской.

«Светские развлечения, — по словам П.А. Вяземского, — графиня Разумовская любила с жадностью, доходящей до слабодушия».

Нередко бывал на балах и приемах у графини Разумовской А.С. Пушкин с Натальей Николаевной. Здесь же разыгралось и заключительное действие его семейной драмы. В салоне М.Б. Разумовской 26 января 1837 г. состоялось печальное объяснение А.С. Пушкина с секундantom Дантеса — Д. Аршиаком.

Детские годы Охотникова прошли в Козельском крае, в родовом имении Татаринцах. Часто гостил мальчик в Калуге у родственников, имевших большой дом на Садовой.

В начале XIX века отец отвез его в Петербург и поместил в иезуитский коллегиум пастера Чижана, по совету Петербургских родственников Разумовских.

Охотников изучал в иезуитском пансионе логику, риторику, греческую и римскую историю, языки (русский, французский, немецкий, латынь), алгебру, обучался танцам, верховой езде, игре на скрипке.

Знал Охотников в коллегиуме пастора Чижана и Д.П. Северина, будущего дипломата, человека, которого недолюбливал А.С. Пушкин, и к которому, наоборот, был чрезвычайно расположен П.А. Вяземский, будущий поэт, журналист и литературный критик. В это время К.А. Охотников был дружен с Вяземским.

Особую ценность представляет для нас письмо К.А. Охотникова к П.А. Вяземскому, условно датируемое январем 1821 г. и не только потому, что подтверждает факт их личного знакомства. Это единственный образчик эпистолярного наследия К.А. Охотникова, который удалось обнаружить. Вот это письмо дословно: «Я сам вручу письмо Аше в степях

Рис. 1. 1. М.Ф. Орлов, 2. К.А. Охотников, 3. К. Полихрони, 4. П.Я. Чаадаев, 5. А.С. Пушкин.

Рис. 2.

живущему Сверчку и уверен, что он будет петь и прыгать от радости — Орлову передам также, если встречу на пути, Ваше желание его видеть, а Вас прошу, приведя на память наши резвости ребяческие в школе у иезуитов, о возобновлении прежнего знакомства, которое, конечно доставит мне великое удовольствие. Охотников.»

Письмо требует небольшого комментария: Сверчок — арзамасское прозвище А.С. Пушкина, который в этот период находился в ссылке в Молдавии «в степях». Орлов — генерал-майор, командующий 16 дивизией, председатель Кишиневской управы Союза общественного благоденствия, друг Охотникова.

17 мая 1810 г. К. Охотников в чине подпрапорщика вступил на военную службу в 37 егерский полк, который в составе Дунайской армии участвовал в русско-турецкой войне.

В составе 37-го егерского полка подпрапорщик Охотников участвовал в осаде, а затем и во взятии «крепости Силистрия» 11 июня 1810 г., где принял боевое крещение. За отличие при осаде и покорении Силистрии он 26.06.1810 г. произведен был в прапорщики, а 15 января 1811 г. — в подпоручики.

К.А. Охотников не выходил из сражения, находясь со своими егерями при Шумле, а затем при осаде и штурме Рушука. 12 февраля он принимал участие в жестоком бою у города Ловчи в авангарде под командованием генерала Сен-При, а в ночь с 9 на 10 сентября сражался во время переправы неприятеля на левый берег Дуная, где получил контузию в голову, но поле боя не покинул.

И, как скупно и бесстрастно отмечено в приказе, участвовал в осаде «турецкого лагеря под предводительством самого верховного визиря», а затем был «при взятии всех турецких войск под покровительство России», т. е. при полной капитуляции турок 5 декабря 1811 г.

Дунайская армия после заключения Бухарестского мира получила задание двигаться в пределы России. 37 егерский полк, в котором служил К.А. Охотников, направился из Молдавии на соединение с третьей западной армией генерала Торماسова, вначале на Брест-Литовск и далее к Березине.

Прапорщик Охотников вместе со своим полком участвовал в сражении против австрийских войск при селении Кошары, затем у деревни Клепики на реке Лесной. 12 октября в бою при местечке Белое он был ранен в голову.

Дважды в 1813 г. награжден был К.А. Охотников за боевое отличие орденами Анны 4-й степени и Владимира 4-й степени с бантом, а также произведен был в поручики за отличие в сражениях при Бауцене и участие в Лейпцигской битве.

С 11 по 14 февраля 1814 года егеря 37 полка особо отличились, отражая бешеные атаки кавалерийских дивизий Лефевра-Денуэта и генерала Леферьева при селении Жуэньвиль.

В сражении 14 февраля К.А. Охотников снова был ранен и взят в плен, где находился с 14 февраля по 21 апреля 1814 г., до своего освобождения.

В августе 1814 года он переведен был в Лубенский гусарский полк, в котором прослужил почти 4 года.

В 1817 г. двор и гвардия находились в Москве по случаю торжеств, с закладкой храма Христа Спасителя. На квартире у Александра Муравьева, где собирались будущие декабристы, было принято решение об основании новой организации — Союза общественного благоденствия — взамен распущенного Союза Спасения.

Одним из членов нового общества стал в начале 1818 г. К.А. Охотников. Как нам представляется, он был 30-м не установленным в ходе дознания по делу декабристов членом — учредителем нового Союза.

Авторитет его в новой организации уже в ранний период ее существования был настолько велик, что именно к нему был направлен для ближайшего ознакомления с законоположениями «Зеленой книги» — устава Союза общественного благоденствия — только что принятый в Тульчине в Тайное общество Б.Ф. Раевский, впоследствии близкий друг Охотникова.

В мае 1820 года К.А. Охотников получил звание ротмистра и был переведен из Аккермана в Кишинев в 32-й егерский полк 16 дивизии. Этой дивизией командовал с 10 мая 1820 г. генерал-майор М.Ф. Орлов, один из членов — основателей Союза, член Тульчинской, а затем председатель Кишиневской управы Союза общественного благоденствия.

Орлов по приезду сразу приблизил к себе К.А. Охотникова, назначив его старшим адъютантом, и поручив ему заведование ланкастерскими школами, которыми был очень увлечен в то время.

Единомышленники собирались в доме Орлова, где велись споры не только о литературе, истории, но и по важнейшим политическим вопросам.

Характеристика, данная П.К. Киселевым (начальником штаба армии) Охотникову, обнаруженная в материалах дела Раевского. «Охотников мечтатель политический, имел управление ланкастерской школой. Другим лицам, провозглашая мнение Орлова и новое для подчиненных существование; говорили, что противники системы просвещения будут уничтожены».

В конце 1820 г. руководством Союза общественного благоденствия было принято решение собрать съезд в Москве для решения безотлагательных вопросов. Дату съезда точно указывает Якушкин в своих «Записках» 1 января 1821 г. Ему организация поручила объехать все южные управы и предупредить о предстоящем съезде.

На съезд были приглашены все члены — учредители Союза общественного благоденствия, имевшие право на роспуск организации, т. к. вопрос о ликвидации Союза, в который проникло много радикально настроенных членов, прежде всего П.И. Пестель и его окружение, а также провокаторов и доносчиков.

В числе приглашенных на съезд в Москву от Кишиневской управы были М.Ф. Орлов и К.А. Охотников (что опять-таки подтверждает, что тридцатым, неустановленным лицом — учредителем Союза, и был Охотников).

В октябре 1821 г. в первой мушкетерской роте Камчатского полка 16 дивизии произошли волнения. Капитан Брюханов наказал капитанармуса за отказ отдать провиантские деньги, принадлежавшие солдатам роты. События в Камчатском полку стали известны начальнику. Нагрянул корпусной командир Сабанеев. Начались строжайшие допросы.

Во время ареста Раевского, жившего вместе с К.А. Охотниковым, в руки следствия попали документы последнего (все свои бумаги Раевский, предупрежденный о грядущем ему аресте А.С. Пушкиным, сжег накануне).

Спасла движение декабристов и непоколебимая твердость на допросах Раевского, обдуманная осторожность и уклончивость ответов Охотникова, самоотверженная смелость А.С. Пушкина, не только заранее известившего Раевского о предстоящем аресте, но и впоследствии пытавшегося переломить ситуацию.

С ареста Раевского, по сути дела, начался разгром Кишиневской организации декабристов.

С 4 марта 1822 г. Сабанеев писал Киселеву:

«Охотников просится по домашним обстоятельствам в Волынскую губернию. Не имея права в теперешнее время ни уволить, ни представить об увольнении, отправляю его к Вам. Делайте с ним, что хотите. Мне кажется, что в увольнении его ни малый миг вреда для службы не будет».

Скоро Охотников был уволен со службы по домашним обстоятельствам. Приказ об его увольнении был подписан 12 ноября 1822 г.

Уволенный в отставку майор Охотников некоторое время оставался еще в Кишиневе. В марте 1823 г. А.С. Пушкин отправил с ним письмо П.А. Вяземскому в Москву, куда отправлялся Охот-

ников по дороге домой. В Москве Охотников пробыл недолго, держа путь к своему другу, опальному генералу Орлову, сосланному в родовое имение — село Милятино Мосальского уезда Калужской губернии. Из Милятина Охотников отправился в Козельский уезд в родовое село Татаринцы.

Исповедальная ведомость Покровской церкви села Татаринцы свидетельствует, что 16 августа 1823 г. он был в церкви вместе со своими близкими.

Осенью 1823 года чахотка вспыхнула вновь с особенной силой. Этому способствовал холодный сырой климат средней полосы. Он не пережил новой весны. В метрических списках Покровской церкви села Татаринцы за 1824 г. 1-го числа в возрасте 30 лет умер господин, майор К.А. Охотников от чахотки. Исповедован и приобщен московским священником. Погребен при церкви на кладбище».

Так завершил он свой путь к Вечному Миру.

Литература

1. Базанов В. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы. — Л., М., 1949.
2. Базанов В. Декабристы в Кишиневе. — Кишинев, 1951.
3. Бартенев П. Пушкин в Южной России. Русский архив. 1866, № 8—9.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М. «Наука», 1990.
5. Вигель Ф.Ф. Записки. — М., 1928, ч.2.
6. Восстание декабристов. Под редакцией и с прим. Модзалевского Б.Л. и Сиверса А.А. — Л., 1925, том 8.
7. Восстание декабристов. Документы. Том 12, «Наука», М., 1969.
8. Временник Пушкинской комиссии. — М., — Л., 1987, вып. 21.
9. Вяземский П.А. Записные книжки. — М., «Русская книга», 1992.
10. ГАКО (Государственный архив Калужской области) Ф. 33, оп.1, д. № 4403, л. 256.
11. ГАКО, ф. 50, оп. 2, ед. № 44.
12. ГАКО, ф. 66, оп. 1, ед. 310.
13. Гильгельсон М.И., Вяземский П.А. Жизнь и творчество. «Наука», Л., 1969.
14. Декабристы. 86 портретов. — М., Издание Зензинова, 1906.
15. Декабристы. Биографический справочник под ред. Нечкиной М.В., — М., «Наука», 1988.
16. Дневник Александра Чичерина. 1812—1813. — М., 1966.
17. Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. Т. 1, — М., «Правда», 1987.
18. Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. — М., Военное изд., 1987.
19. Иовва И.Ф. Декабристы в Молдавии. Кишинев. «Карта Молдовеняскэ», 1975.
20. Красный архив. 1925, № 6(13).
21. Лишранди И.П. Из дневника и воспоминаний. Русский архив 1866, № 8—10.
22. Литературное наследство, т. 58, кн. 1—2, — М., 1956.
23. Мемуары декабристов. — М., «Правда», 1988.

24. Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. — СПб., 1994.
25. Морозова Т.М. Калуга. Прогулки по старой Калуге. — Калуга «Золотая аллея», 1993.
26. Оганян Л.Н. Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX в. — Кишинев, 1951.
27. Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. — М., 1963.
28. Очерки из истории движения декабристов. — М., 1954.
29. Павлова Л. Декабристы участники войны 1805—1814 гг. — М., 1979.
30. Пушкин А.С. ПСС, т. XIII, — М., Изд. АН СССР, 1937—1949.
31. Тальберг Н. История Русской церкви. Изд. Сретенского монастыря, 1997.
32. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-ое, дополн., перераб., — Л., «Наука», 1989.
33. Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. — М., 1951, т. 1.
34. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. — М., «Искусство», 1980.
35. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. — М., 1951.

В.А. Ткаченко, А.В. Ткаченко,

ННУК «Музей ремесла, архитектуры и быта».

Современные коллекционные подделки — копии крупных номиналов медных монет XVIII века

Развитие и относительная доступность современных технологий по изготовлению изделий и их копированию повлекли за собой соблазн производства фальшивых и поддельных монет для собирателей и коллекционеров. Одновременно с этим явлением в нумизматике возникла необходимость выявления этой продукции «монетных мастеров» в частных и музейных собраниях. Как правило, подделке подвергаются относительно редкие и просто редкие российские монеты от самых древних до современных.

Всплеск появления монет — коллекционных подделок, повторяющих монетные типы наиболее редких монет XVIII века с целью продажи их собирателям и коллекционерам, приходится на вторую половину 80-х и первую половину 90-х гг. нашего столетия.

Это время характеризуется повышением интереса к медным российским монетам и прежде всего — послепетровского времени. Нехватка в среде коллекционеров редких монет, заведомо недо-

ступных для целей коллекционирования привела к желанию сделать более полными по своему составу монетные собрания за счет копий современного изготовления. Среди коллекционеров их неправильно называют «новоделами».

Современные подделки монет можно разделить на собственно коллекционные или антикварные подделки, изначально предназначенные для обмана собирателей и коллекционеров, и подделки-копии разной степени приближения внешнего вида изделия к внешнему виду подлинных монет. О подделках-копиях заранее известно, что они являются «новоделами». Однако, и среди них обнаружены экземпляры, чеканенные на подлинных монетных кружках подделываемых номиналов. Это привело их к переходу в разряд антикварных подделок для коллекционеров и резко затруднило их выявление в коллекциях, особенно в среде начинающих собирателей.

В коллекции подделок-копий ННУК «Музей Ремесла, Архитектуры и Быта» насчитывается 9 экземпляров монет XVIII века времени правления императриц Елизаветы I и Екатерины II.

Авторам известно, что монеты № 1—6 чеканены в конце 80-х гг. в г. Ленинграде штемпелями, изготовленными без применения копировальных машин. Чеканка монет производилась с использованием современного прессового оборудования. Для всех шести монет, в качестве образцов, взяты подлинные пятикопеечные монеты Екатерины II, чеканенные по шестнадцатирублевой стопе. Эти подделки-копии сохраняют сетчатый гурт использованных монет, на них видны следы перечеканки, и отличить их от подлинных монет позволяют оттиски лицевого и оборотного штемпелей особого рисунка, отличные от оттисков штемпелей монет массового выпуска и подлинных новоделов, известных по публикациям.

Монеты на рис. 1, 2, 3, номиналом 5 копеек оттиснуты тремя различными лицевыми штемпелями: с гербом г. Петербурга, царства Сибирского и Москвы¹, повторяющими неутвержденные образцы внешнего оформления пятаков 16 рублевой стопы, массовая чеканка которых началась в 1758 г. Обратный штемпель с датой «1757» является общим для всех трех монет. Монета на рис. 4² повторяет тип десятикопеечника 1796 г., чеканенного по 32 рублевой стопе. Лицевая и оборотная стороны отчеканены парой резанных от руки штемпелей, отличных от рисунка монет общегосударственного выпуска. Монету на рис. 5 можно назвать сборной, т. к. в ней совмещены лицевая сторона монеты массового выпуска 1762 года³ и оборотная сторона новодела десятикопеечника 1760 года⁴. Монета на рис. 6⁵ воспроизводит тип пробных пятаков 1771 г., чеканенных во время войны России с Турцией (1771—

Рис. 1. Рис. 2. Рис. 3.

Рис. 4. Рис. 5. Рис. 6.

Рис. 7. Рис. 8. Рис. 9.

Рис. 1. Пробная пятикопеечная монета 1757 г. с гербом г. Петербурга.
 Рис. 2. То же с гербом царства Сибирского.
 Рис. 3. То же с московским гербом.
 Рис. 4. Десятикопеечная монета массового выпуска 1796 года.
 Рис. 5. Десятикопеечная монета, в которой соединены лицевая сторона монеты массового выпуска монеты 1762 г. с оборотной стороной новодела, датированного 1760 г.
 Рис. 6. Пробная пятикопеечная монета 1771 г. для Молдавии и Валахии, с русским гербовым орлом на лицевой стороне и вензелем Екатерины II на оборотной стороне.

Рис. 7. Десятикопеечная монета массового выпуска 1796 г. грубого рисунка.
 Рис. 8. Пробная десятикопеечная монета 1796 г.
 Рис. 9. Новодел медного пятикопеечника по типу монет массового выпуска, но датированный 1757 г.

1774 гг.⁶). Для этих первых шести монет, учитывая их стилистическое и технологическое единство, вероятнее всего, штемпеля резал один мастер, виртуозно владевший искусством ручной резки штемпелей без использования маточника и станочного оборудования. Для образцов подделок копий рис. 7, 8, 9, пока не известны места чеканки. Однако, есть предположение, что эта продукция происходит из г. Екатеринбурга. Монета рис. 7⁷ отчеканена грубо резаными штемпелями, повторяющими тип общегосударственной монеты номиналом 10 копеек 1796 года. Ее сетчатый гурт удачно имитирует стандартный гурт Екатерининских пятаков. Монета на рис. 8⁸ представляет грубую копию пробной монеты образца 1796 г. с «процветшим» вензелем. Мастер сделал неудачную попытку нанести шнуровой гурт с помощью фигурного чекана, что привело к частичным деформациям ребра монеты. Девятая монета отчеканена с большим искусством резаными, вручную штемпелями. Она копирует новодел пятикопеечной монеты 1757 г. с изображением двуглавого орла⁹, идентичного гербовому орлу монет массового выпуска 1758 года.

Описанные коллекционные подделки — копии российских монет послужат одним из основных источников по определению под-

линности крупных номиналов монет XVIII столетия для специалистов музеев, нумизматов и широкого круга коллекционеров и собирателей.

Литература

¹ Узденников В.В. Монеты России 1700—1917 гг. — М., 1985. С. 266 (050, 051, 060).

² Там же. С. 247 (А-а, группа 10).

³ Там же. С. 246 (А, группа 9).

⁴ Там же. С. 279 (134).

⁵ Там же. С. 379 (01).

⁶ Чеканка монет для Молдавии и Волахии производилась на частном Садогурском монетном дворе по заказу Русского правительства.

⁷ Там же. С. 247 (А-а, группа 10).

⁸ Там же. С. 279 (077).

⁹ Там же. С. 279 (133).

А.А. Бауэр,

директор Кировского историко-краеведческого музея

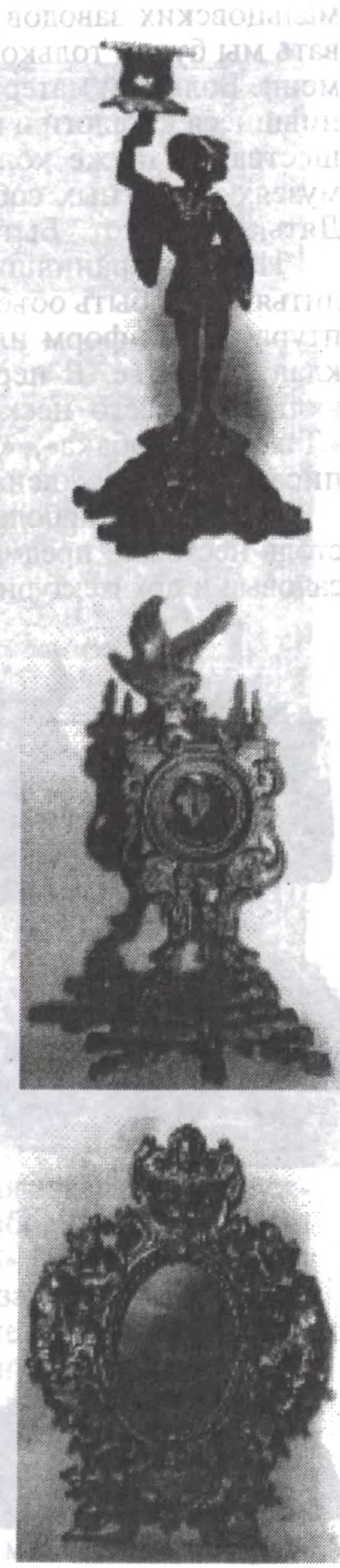
Мальцовское художественное литье

Мальцовское художественное литье, как художественное и технологическое явление, еще не становилось темой отдельного исследования. Тому есть ряд причин: плохая сохранность предметов художественного литья и документов по истории Мальцовского округа, отсутствие специализированного производства по художественному литью, прерывание традиции художественного литья на бывших мальцовских заводах в советское время. К тому же, художественное литье из чугуна в округе никогда не было основной и главной отраслью металлургического производства, художественный ассортимент при всем своем разнообразии никогда не выделялся «отдельной строкой» в общем объеме производства и не вызывал такого ажиотажного покупательского спроса, как, скажем, художественная продукция уральских заводов, в первую очередь, каслинского. Последний, как известно, уже к середине XIX века полностью был перепрофилирован на производство художественного литья и достиг в этой области невиданного ранее уровня как по художественному качеству отливаемых предметов, так и по их ассортименту и разнообразию. С 1883 по 1913 г. количество наименований художественных изделий на каслинском заводе выросло с 500 до 759 единиц.¹

Источники не позволяют с достаточной уверенностью говорить о начале применения художественных элементов в литье на мальцовских заводах, скорее всего, это произошло под влиянием успехов в этой отрасли производства уральских заводов в первой трети XIX века, когда «мальцовское дело» возглавлял Иван Акимович Мальцов (1774—1853). Также пока невозможно утверждать, что было внедрено ранее: художественное декорирование утилитарных предметов (печные дверки, кресты, посуда и пр.) или производство скульптуры малых форм. Логично предположить, что по технологическим причинам камерная скульптура появилась позже, т.к. она требует нового уровня подготовки кадров, новых технологических приемов. Когда в 1849 г. управление делами округа перешло к Сергею Ивановичу Мальцову (1810—1893), в округе действовало 9 металлургических заводов; плюс к тому новый владелец основал, позже, еще три.²

Две трети от этого числа заводов были чугуно-литейными, и все они — в Песочне, Людинове, Сукремле, Иваново-Сергиеве, Любохне, Радице, Хотькове, Бытоши — отливали печное и кухонное литье в весьма разнообразном ассортименте, в т.ч. утилитарные предметы и мелкую пластику. Чугунные изделия мальцовских заводов, в т.ч. предметы художественного литья, регулярно выставлялись владельцами на различных мануфактурных и торгово-промышленных выставках в России. За полвека чугунные изделия завоевали медалей: 10 золотых, 22 серебряных, 8 бронзовых, 1 свидетельство, 13 похвальных листов.³

Однако художественные изделия 30—80-х годов XIX века дошли до нас в считанных экземплярах, основная масса сохранившихся предметов относится к рубежу XIX—XX веков, т.е. к периоду акционерного общества

мальцовских заводов (АОМЗ; 1894—1918). Поэтому и анализировать мы будем только изделия этого периода и более позднего времени. Большой материал для такого анализа дают отдельные сохранившиеся каталоги и прейскуранты мальцовского акционерного общества⁴, а также коллекции предметов художественного литья в музеях и частных собраниях коллекционеров (Киров, Людиново, Дятьково, Ивот, Бытошь, Брянск, Калуга).

Итак, сохранившиеся изделия мальцовского художественного литья могут быть объединены в две неравнозначные группы: скульптура малых форм или камерная скульптура и декоративно-прикладное литье. В первую группу, на сегодняшний день, удалось включить всего несколько произведений: «Лошадь в изгороди», «Лежащая собака», «Дама на коне с соколом», бюсты женщин, писателей и «вождей» (1930—50 годы).

Вторая группа более многочисленна и разнообразна и объединяет столь несхожие предметы: печные дверки, фигурные рамки, посуду, садовые и архитектурные детали и другие изделия, общим числом не менее сотни. Достаточно условно их можно разделить на подгруппы, каждая из которых имеет определенное функциональное значение. Это: 1 — печное литье (самая многочисленная подгруппа, поражающая обилием, разнообразием форм и сюжетов); 2 — памятники, кресты, надгробные плиты; 3 — каминные решетки; 4 — садовые, усадебные и архитектурные детали; 5 — пепельницы; 6 — чернильные приборы; 7 — рамки для зеркал, картин, фотографий; 8 — тарелки, блюда, барельефы, медальоны и картины настенные; 9 — полки, вешалки; 10 — подсвечники, бра, подвески для керосиновых ламп; 11 — вазы, кувшины, графины; 12 — шкатулки; 13 — подчасники (подставки для карманных часов); 14 — рукомойки. Возможно, в ходе дальнейших поисков и исследований, будут выявлены и новые виды декоративно-прикладных изделий, выпускавшихся на мальцовских заводах.

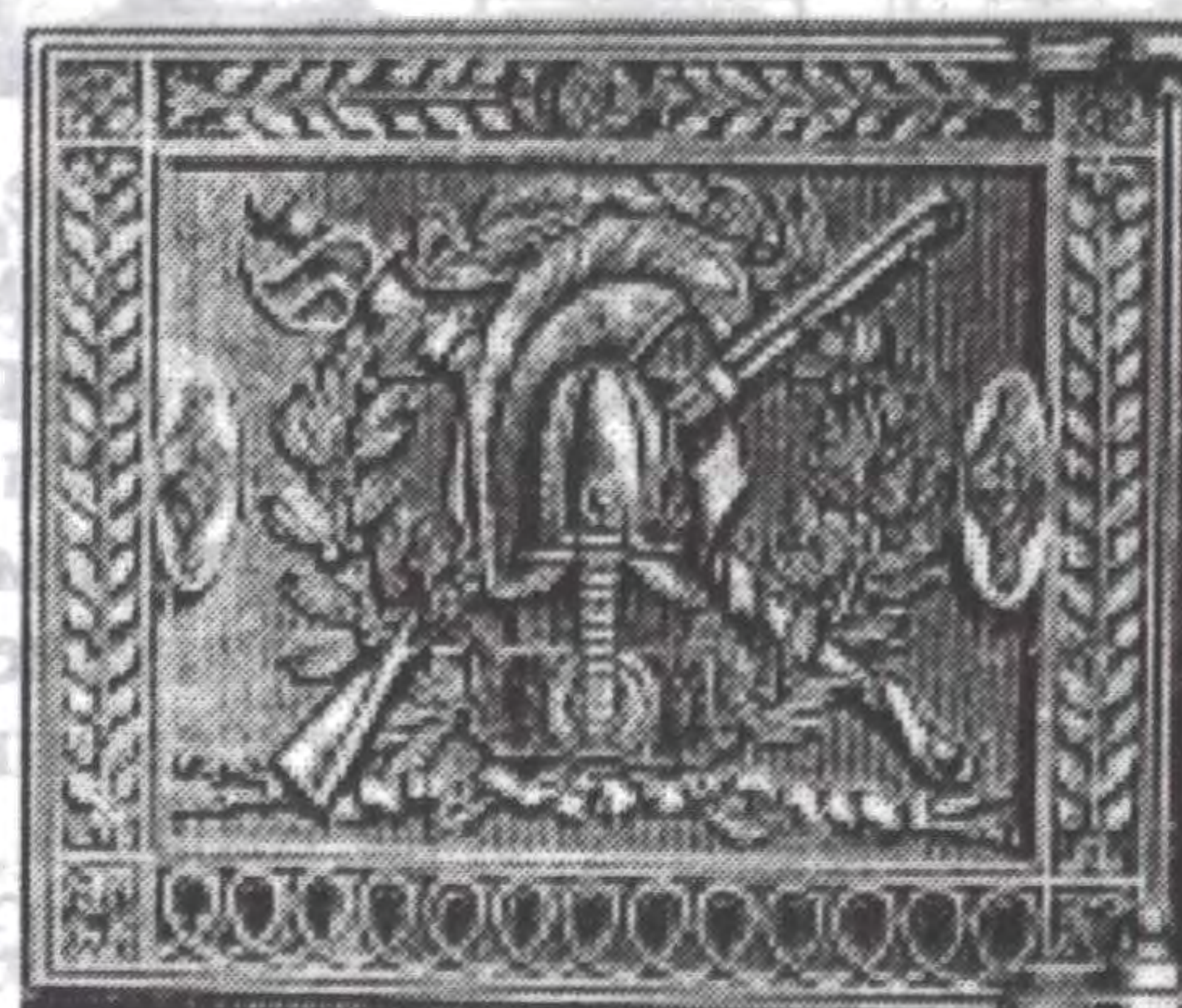
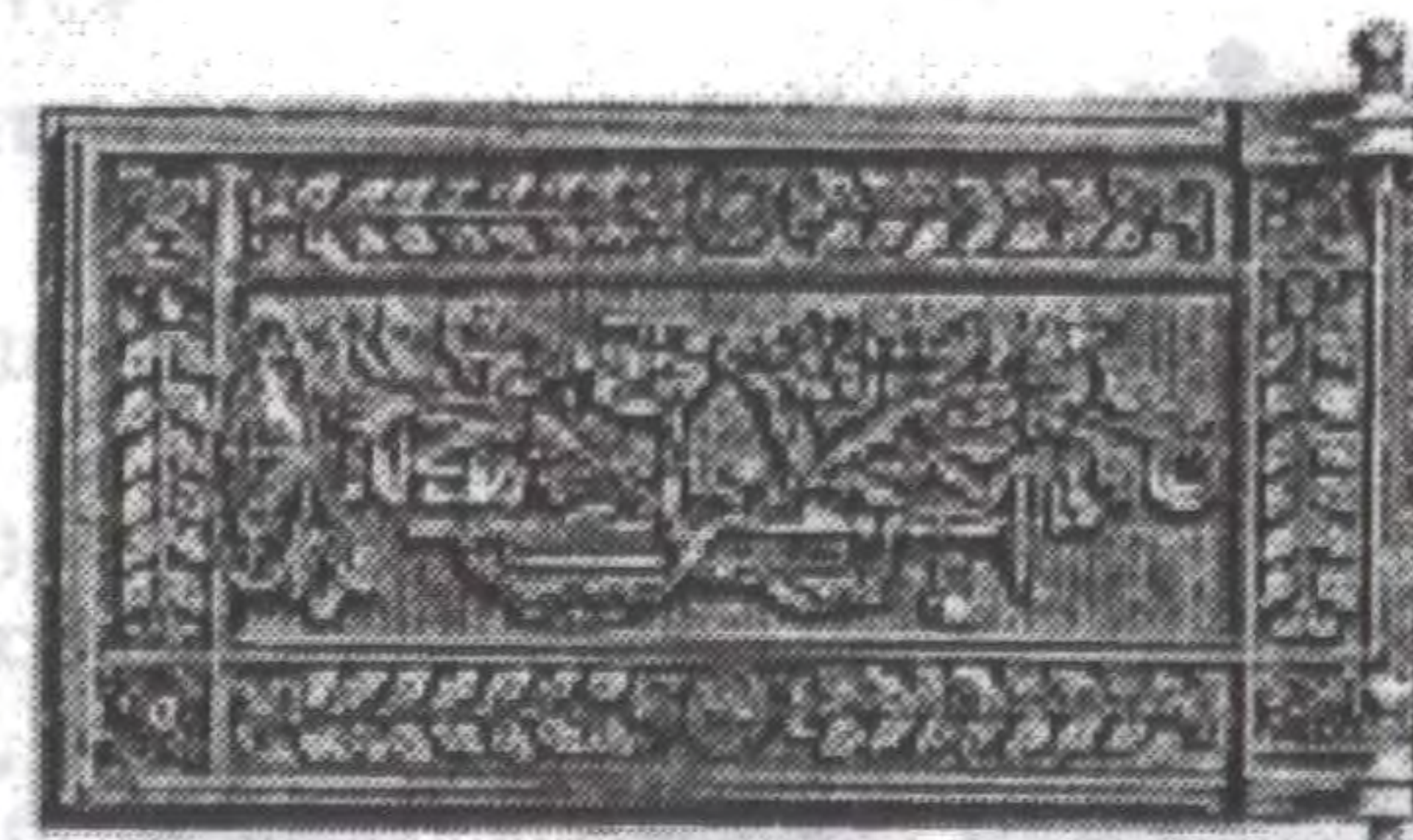
Плохо изученным вопросом

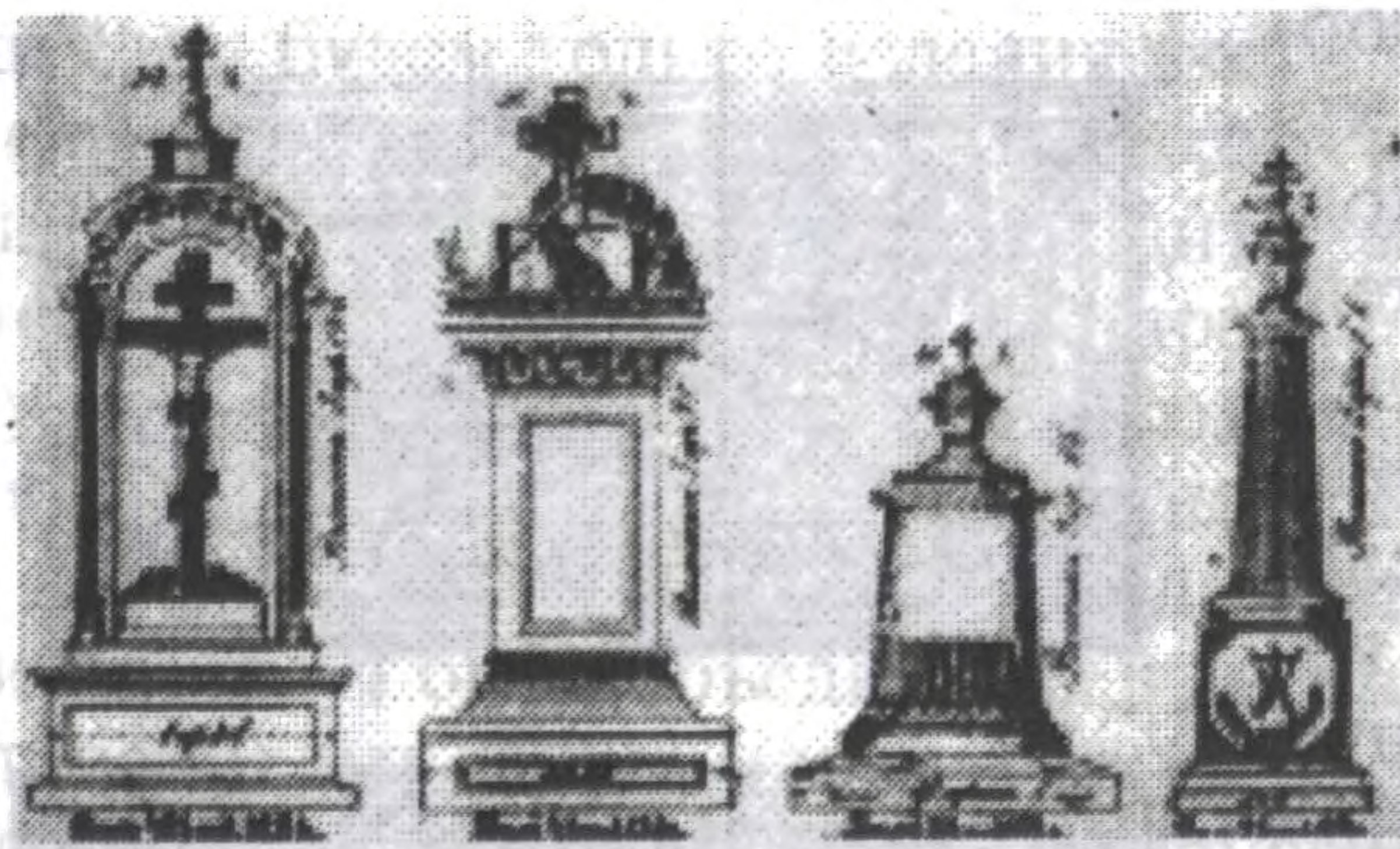

остается подготовка кадров формовщиков и модельщиков по художественному литью на мальцовских заводах. На всех чугуно-литейных предприятиях округа, производивших предметы художественного литья, существовали модельные и лепные мастерские, где изготовляли с рисунков фигурные формы для отливки разнообразных предметов. А в Людинове было открыто технологическое училище с пятилетним курсом обучения, причем, основными предметами были рисование и черчение.⁵ Тем не менее, модельщиков и формовщиков художественного литья, коих можно считать полноправными соавторами скульпторов, по именам мы знаем очень мало. Например, в Песоченском заводе известны В.И. Туркин (1850—1932), Ф.М. Саловский.

Также сложным остается вопрос атрибуции мальцовского художественного литья. В анализируемый период на чугунных изделиях ставилось общее клеймо (товарный знак) в виде геральдического щита (дворянский герб Мальцовых), несущий изображение двух скрещенных шпаг, между верхними концами которых расположена восьмиконечная звезда. По окружности щита шла аббревиатура акционерного общества «АОМЗ» и сокращенное название завода, например, «ПЗ» (Песоченский завод) или «МПЗ» (Мальцовский Песоченский завод). До создания АОМЗ (1894) чугунные изделия клеймились следующим клеймом: товарный знак с фамилией владельца и названием завода — «Песочня. Мальцов. З-д», или «Людиново», «Мальцова ЛЗ», или «СЗ» (Людиновский и Сукремльский заводы).

Наиболее исследованным на сегодняшний день является художественное литье таких утилитарных предметов, как печные дверки.⁶ Как правило, дверки выпускались парными — большая (то-

почная) и поддувальная или полудверка. По типу они делились на герметические (с наружным засовом-коромыслом) и простые (внутренняя щеколда закрывалась и открывалась снаружи ручкой-вертушкой или костылкой). В свою очередь, герметические состояли из следующих групп

или образцов: одесская, ковенская, московская, двинская, рижская, петербургская. Подтипами простой дверки был комплект из большой и поддувальной дверок в одной раме, размером 44x33 см и 40x29 см. Каталог печного литья и сохранившиеся в натуре изделия свидетельствуют, что именно эти предметы несут наибольшую декоративно-художественную нагрузку в виде орнамента и сюжетных сценок. Вот названия сюжетов некоторых дверок: «Охотник на охоте», «Пастораль», «Всадник с нагайкой», «Ездок на ослике», «Схватка львов», «Отливка чугуновых изделий», «В кузнице», «Катание на санках», «Античная квадрига» и ряд других жанровых сценок. При минимуме художественных средств достигается значительный эстетический результат.

Исключительный декоративный эффект достигается использованием различных типов орнамента — растительного и геометрического. Сочетание разнообразных орнаментальных форм — розеток и линий, веток и цветов, шнуровых и простых линеек и кантов, гроздьев и листьев деревьев, различных, вычурных картушей создает удивительное впечатление. Этот эффект усиливается при сочетании жанровых сюжетов с орнаментальными элементами, а также в композициях типа «натюрморт».

К печному литью относятся и каминные решетки, вернее, чугуновые каминные решетки в сборе (101x88 см, 66x57 см, 48 и 112 кг). А также несколько типов новых отопительных приборов — печи «Метеор»; колонки круглые простые и двойного действия; декоративные печи из радиаторов «Альфа» с подогревательным шкафом и некоторые другие, в оформлении которых использовались художественные элементы, позволяющие их также причислить к произведениям прикладного искусства.

В целом, произведения мальцовского художественного литья являются интересными памятниками искусства и материальной культуры России XIX—XX веков.

Литература

- ¹ Каслинское художественное литье: Каталог выставки. — Ч.1. — М., 1988. С.10.
- ² См. *Серебряков Г.Ф.* Развитие промышленности Мальцовского округа: Ист. оч. — М., 1928. С. 77.
- ³ Госархив Брянской обл., ф. 105 (ОДФ), оп. 2, д. 88, л. 3.
- ⁴ Иллюстрированный прейскурант памятников, крестов и решеток АОМЗ // Госархив Брянской обл., ф. 105 (ОДФ), оп. 2, д. 88; Иллюстрированный прейскурант чугунного литья АОМЗ. — СПб., 1913. // Народный музей истории АО «ЛТЗ».
- ⁵ Людиновский тепловозостроительный завод // Кол. авт. — Калуга. 1995. С.11.
- ⁶ См. *Бауэр А.А.* Печное литье как произведение искусства // Знамя труда (Киров), 1998, 25 июня. Он же. Песоченское печное литье // Приокская газета, 1998. — № 48. С.6. Он же. Мальцовское печное литье как произведение искусства (в печати).

В.П.Есипов,

ОАО «Художественные промыслы» (г. Калуга)

Кременское и окрестности

(историко-природный очерк)

Село Кременское, бывший город, расположено на севере Калужской области в пределах Смоленско-Московской возвышенности на пологохолмистой моренной равнине в верховьях реки Лужи.

Первое упоминание о городе связано с событиями Великого Стояния на реке Угре в 1480 году. Здесь располагалась ставка Ивана III.¹ Скорее всего, город возник в XIV в.: на это указывает керамика, найденная в культурном слое городища.³

В начальный период своей истории Кременец, по всей видимости, был сторожевой крепостью на перекрестке гужевых дорог. В нем сходились и расходились дороги из Вереи, Можайска, Москвы, Малоярославца, Калуги, древних городов Дмитровца и Опакова. Здесь же проходила дорога через село Товарково на территорию Мещовского ополья к городам Мещовск и Мосальск. (Рис.1).

Сохранившаяся планировочная структура, т.е. вся пространственная организация современного Кременского имеет характерные черты и специфические особенности древних городов. Облик

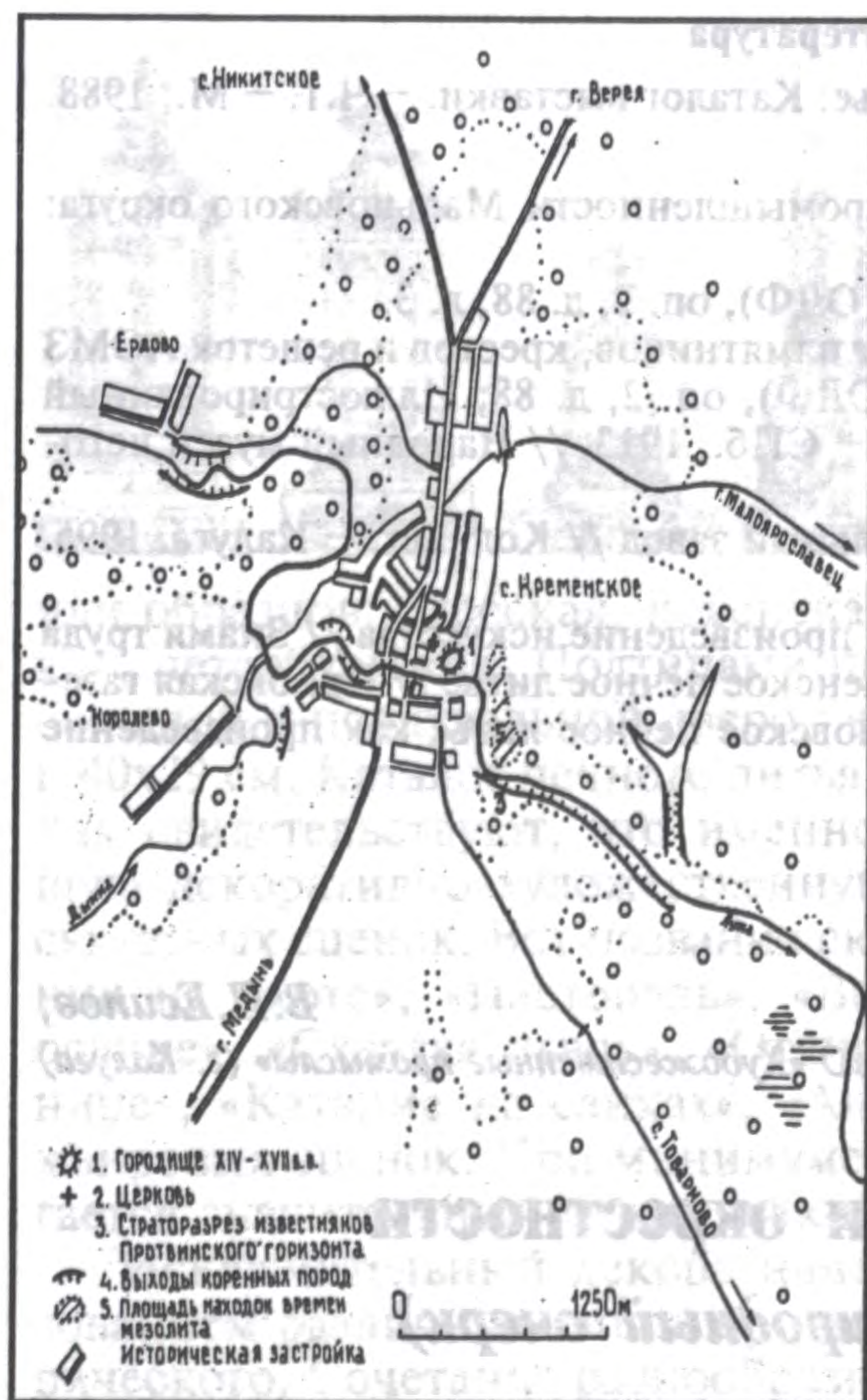

Рис. 1.

села обусловлен такими факторами, как направление торговых путей и естественного рельефа, формирующих уличную застройку, наличием торговой площади и древнего исторического ядра. Примечательно то, что в сохранившейся структуре улиц просматривается первоначальная планировка города. В юго-восточной части села сохранилось историческое ядро поселения — городище, с северо-запада к нему примыкает торговая площадь с культовой доминантой — церковью Воскресенья. Далее, на север и запад, расположено полукольцо внешних улиц с радиальными внутренними. Такое построение улиц обычно характерно для укрепления посадов, т.е. древняя часть села повторила структуру острога города Кременец. (Рис.1).

Северные въездные ворота из Вереи и Малоярославца располагались восточнее современной дороги, ближе к ручью Кременец. С юга в город вел один въезд по мосту через реку Лужу на торговую площадь и далее на север к дороге на Верею.

Южная, правобережная часть города вытянута вдоль края второй коренной террасы реки Лужи. Отсюда берут начало три дороги на Товарково и Калугу, на древние города Дмитровец и Опаков и на Мединь.

Истоки наименования города Кременца кроются в геологии этой местности. Населенный пункт расположен в зоне развития окремненных известняков Протвинского горизонта нижнекаменноугольной системы. Обилие кремневых включений и целых слоев кремня и легло в основу названия города, а первые поселения здесь возникли в эпоху мезолита, на что указывают находки археологов.³

Вокруг села можно наблюдать ряд интересных геологических и геоморфологических объектов. (Рис.1). Само древнее городище

Кременца представляет выступ коренных, сильно измененных известняков Протвинского горизонта. Площадка городища размером 120x60 м находится на высоте 10—14 м над урезом вод реки Лужи. Известняки местами полностью превращены в серо-бурые известковые туфы и карстовый кальцит. В южной стенке городища наблюдаются карстовые полости объемом до нескольких кубических метров. В конце XVIII века сын дьячка Алексей Васильевич Скворцов залезал в нижнюю пещеру, которая «имела два хода и обширные помещения со столбами, натеками, загогулинами, потоками, сосульками, и они были очень хрупкие». Это описание правдиво и хорошо характеризует карстовые образования кальцита. В этом же описании пещер говорится, что в одном из залов на полу лежит хорошо отшлифованный в виде большого бруса камень, возможно, надгробие. На городище существовали и другие лазы в пещеры на валу городища и на самой площадке. В настоящее время сохранились только входы с южного обрыва городища и те уже осыпались и имеют длину первые метры.

Данные образования с карстовыми полостями ярко характеризуют процессы, связанные с действием подземных и поверхностных вод. При взаимодействии гидрокарбонатно-кальциевых вод с невысокой минерализацией с доступом кислорода шел процесс перераспределения кальцита с образованием новых его форм. Немаловажную роль в формировании этого природного объекта сыграли поверхностные воды реки Лужи. В начальный период уровень реки был значительно выше и речные воды, смывая известняки, разрушали и выщелачивали их с образованием карстовых полостей.

В окрестностях Кременского много обнажений коренных пород. Одно из них, расположенное в 0,5 км к юго-востоку от села на правом берегу реки Лужи, представлено слабо нарушенными известняками протвинского горизонта. Этот геологический разрез является мировым стратотипом пород протвинского горизонта и в 1976 году Международным карбоновым конгрессом был включен в объекты экскурсионного посещения.

Помимо отложений нижнего карбона в коренных берегах реки Лужи встречаются обнажения пород Юрского периода и представлены глинами, песками, бурыми углями и мергелями. Они характеризуют геологическую историю этого края в интервале 165—135 млн. лет до нашей эры. По этим породам можно узнать, что здесь в те далекие времена то была суша и текли реки, росли тропические леса, то наступало море и затопляло эти края.

Геологическое и палеонтологическое исследование этого региона осуществляли такие известные геологи XIX и XX вв., как Оливьери, Н.Н. Боголюбов, С.А. Добров, М.И. Грайзер и др.

В местностях, прилегающих к Кременскому, в разное время велись горные разработки известняков, глин и серного колчедана. Серный колчедан использовался на монетном заводе в селе Кременском, существовавшем в XIX веке.

Кременское, с прилегающей территорией — это наглядное пособие по геоморфологии, где на небольшой площади можно наблюдать все элементы речной долины реки Лужи с тремя надпойменными террасами и моренными водоразделами.

Земля Кременского является комплексным памятником, представляющим исторический, градостроительный и ландшафтно-природный интерес.

Литература

¹ Московский летописный свод к XV в. ПСРЛ. Т. XXV — М.-Л. 1949., С. 327—328.

² Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России. Ч.11, 1864. С. 519—521, 561.

³ Археологическая карта России, Калужская область. РАН ИА. — М. 1992 г.

⁴ Институт археологии РАН Р-1 № 11820 Фролов А.С. Отчет об археологических разведках в Калужской области в 1986 г.

⁵ Шик С.М., Розановская Е.М. Шик Е.М. и др. Отчет Юхновской геологической съемочной партии с комплексной геологической съемкой масштаба 1:200000. Лист № - 36 - XII — М., 1951 г. Территориальные геологические фонды.

Т.В. Сыровегина,

научный сотрудник Государственного музея Г.К. Жукова

Из опыта работы над атласом Жуковского района

Часто сталкиваясь с поисками материалов по истории населенных пунктов нашего района для педагогов и учащихся общеобразовательных школ, для работников библиотек и учреждений культуры, частных лиц, у сотрудников музея возникла необходимость углубленного изучения истории своего края. Пожалуй, не найти места на нашей земле, о котором нельзя было бы рассказать. Каждая деревня, село хранят массу загадок, разгадать которые нам предстоит. Эта работа началась три года назад. За это время собраны данные по 35 населенным пунктам.

Тщательное исследование исторических памятников позволяет представить уровень жизни наших предшественников, их куль-

туру и образованность, чем они жили, что волновало их сердца.

С нашим краем связаны имена многих знаменитых людей, таких как князья Щербатовы, Оболенские, Дашковы, Волконские, купцы Морозовы и многие многие другие.

Конечно, История Жуковского района — это не история нашего государства, но это история приближенного к центру региона, который дал возможность созреть и вырасти современной России.

Исследуя прошлое, нельзя обойтись без литературного наследия. Используемые в них приемы помогают точнее изучить предмет, найти материальные, письменные источники, способные дать глубокое понимание изучаемого материала.

В настоящую работу вошли труды многих поколений из фондов Государственной библиотеки им. Ленина, архивных данных Калужской библиотеки, результаты исследований археологов, изучение местности.

Материал изучения охватывает начало нынешнего тысячелетия и до наших дней. События XVII—XIX веков освещены в исторических источниках относительно подробно. А более ранний период требует особенно напряженной работы.

Важную роль в исследовании играют документы, характеризующие имущественное положение различных категорий населения: грамоты земельных пожалований, церковная документация, частные акты купли-продажи, закладов, дарений, бухгалтерская документация.

Знание истории семей, их связей и судеб на протяжении столетий помогает вести направленный поиск исторических источников — документов из семейных архивов, которые неоднократно меняли владельцев, переходя из рук в руки.

Жуковский район — земля древняя и вечно молодая, подлинная жемчужина в ожерелье отечественной истории, один из самых прекрасных уголков России.

Территория нынешнего Жуковского района не была единой. До 1929 года Угодско-Заводская волость входила в состав Малоярославецкого уезда, а Тарусская волость — в состав Боровского. Волости Высокинической зоны принадлежали Тарусскому уезду. Даже после образования Калужской области (5 июля 1944 года) границы районов неоднократно менялись.

На берегах Протвы люди появились около 5000 лет назад, о чем свидетельствуют находки неолитической керамики и каменных орудий. В последовавшее затем время происходила неоднократная смена населения — одни народы уходили, а им на смену приходили другие.

Около тысячи лет назад большая часть нашей Калужской епархии с сопредельными с ней восточными районами Тульской гу-

бернии в древности образовывала особую географическую область, известную в летописях под именем Земли Вятичей.

На Протве вятичи встретились со своими предшественниками, которых называли «голядь».

Основание большей части с окончанием на «ичи» относится к тому времени, когда господствовал во всей силе родовой быт. Вся южная половина Калужской области испещрена такими названиями; напротив, в северных районах они встречаются очень редко (Ивашковичи, Высокинич и т.д.).

Очевидно, эти поселки в свое время были в северных уездах первыми постами славянской колонизации, первыми славянскими памятниками в сплошной массе иноязычного финского и голядского населения.

Первые археологические раскопки на территории нашего района провел в 1891 году С.А. Комаров, раскопавший курганы древнерусского времени близ села Оболенского.

К наиболее интересным селениям голяди в окрестностях нашего края относится Огубское городище, недалеко от деревни Стрелковки, обнаруженное К.Я. Виноградовым в 1921 году. Он сумел организовать работу экспедиции под руководством выдающегося археолога В.А. Городцова. В 1940 году продолжил раскопки К.Я. Виноградов, а в 1946 — Т.Н. Никольская.

Места пребывания славян ярко выражены у селения Федоровское, существующее до настоящего времени. По обилию старославянской керамики, холм, на котором находится Федоровское, назван «Славянским». Заселено это место было не позднее X века. Славяне добывали и переплавляли железную руду, которая здесь была в большом количестве.

Вокруг Федоровского группируются места древнего изготовления железа: Глинка, Глубокий Овраг, Дубинин колодец. Можно не сомневаться, что в селении Ивашковичи и Трубино также выработывалось железо.

Большое значение на развитие нашего района оказала Старая Калужская дорога. Проходя через наш район, она связывала кратчайшим путем Москву с Калугой.

Богата Жуковская земля дворянскими усадьбами. История «дворянских гнезд» — Волконских в Курилово, Салтыковых в Нижнем, Челищевых в Чернишне, Урусовых в Никольском, Щербатовых в Трубино и т.д. очень богата.

В ходе работы над атласом Жуковского района, вникая в глубину этой проблемы, нам приходится решать все новые и новые вопросы. Вскрыт только первый пласт нашей истории, и каждое новое открытие влечет за собой новые исследования. Это только

первый опыт проанализировать и систематизировать жизнь предшествующих поколений нашего края.

Любовь к родной земле и Отечеству — основа жизни и процветания любого народа и государства. Опыт поколений, передающийся через предметы материальной культуры, переосмысливание его позволяют создавать современную жизнь, насыщенную, духовную, значимую, полную величия.

История культуры
Великого Пооя

Средняя часть книги посвящена истории культуры в нашем крае. В ней рассказывается о древнейшей культуре, о культуре славян, о культуре русских. В ней рассказывается о культуре в нашем крае. В ней рассказывается о культуре в нашем крае.

Великий Пооя
История культуры

История культуры
Великого Пооя

История культуры
Великого Пооя

История культуры Верхнего Поочья

*А.П. Черников, д.ф.н., профессор
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

«России негасимый свет»

*(А.С. Пушкин в восприятии русских
писателей-эмигрантов)*

Сегодня в Россию, на родину, своим творчеством возвращаются многие замечательные художники слова, на чью долю выпало тяжкое бремя эмиграции. Долгое время они были отлучены от русской культуры, и русская культура была отлучена от них. Но и на чужбине они продолжали с честью нести высокое звание русского писателя. Все, что имело отношение к родной культуре, для них оставалось святыней.

Важнейшей из этих святынь был Пушкин, воспринимавшийся писателями-эмигрантами первой волны как символ России, свидетельство ее внутренней духовной силы. Пушкинская тема была постоянной в эмигрантской периодической печати. Крупнейшие газеты и журналы «Возрождение», «Дни», «Последние новости», «Современные записки», «Иллюстрированная Россия» и другие регулярно публиковали исследовательские и биографические статьи, эссе, очерки, этюды о Пушкине.

Интерес к Пушкину в среде русской культурной эмиграции особенно возрос в 1937 году, в год столетия гибели великого поэта. Этому способствовали и сам трагический юбилей, и широкое внимание к этой дате в СССР. Последнее обстоятельство — активизация в Советском Союзе внимания к Пушкину — было воспринято в русском Зарубежье как свидетельство поворота к культурному возрождению страны. «И вот новая загадка, — писал на страницах журнала «Иллюстрированная Россия» Б.Зайцев, — самый личный, самый «безудержный» художник, Пушкин вдруг стал кумиром той России, которая чуть было вдребезги не разбила самую его лиру, и все, что с нею связывалось. Но — опомнилась. Как будто более других дошел он до родины. В добрый час».

В глазах русской послереволюционной эмиграции, трагически осознавшей расторгнутость России «на две половины», Пушкин был ее объединяющим началом. Более того, для многих эмигрантов он был не только символом единой России, но еще и «непременным свидетельством» существования России вообще: «Если он есть, есть и она <...> Нам стоит только вспомнить имя Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет», — писал в статье «Пушкин и Россия» (1937) Д. Мережковский.

Среди художественно-публицистической пушкинианы русского Зарубежья одно из ведущих мест занимают произведения И.Шмелева, для которого Пушкин с юношеских лет являлся выразителем духовной сущности России и «величайшей гранью» отечественной литературы. В статье 1930 года «Мученица Татьяна» Шмелев утверждал: «У нас — великое наше счастье, великая гордость наша — есть двое величайших: Пушкин и Достоевский».

Давно существует кардинальное определение пушкинской индивидуальности — «солнечность», т.е. свет, тепло, жизнотворность — такова доминанта творчества автора «Евгения Онегина» при всем богатстве заключенных в его произведениях эмоциональных переживаний. «Солнце нашей поэзии», — так назвал В.Ф. Одовский Пушкина сразу же после трагической гибели поэта. То же утверждал и Шмелев. Пушкин для него — «поэт чистый. Светит светом дня Божьего». Мысли Шмелева ставят в единый, взаимосвязанный контекст два ключевых понятия: жизнеутверждение и духовность как важнейшие черты пушкинского творчества.

И. Шмелев был убежден, что вся русская литература «вышла из православной купели» и что «истинное искусство — глубинно религиозно». Пушкин, по мнению автора «Богомолья» и «Лета Господня», гениально просто выразил эту мысль в знаменитой фразе: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна». Онтологизм твор-

чества Пушкина, по мысли Шмелева, состоит в том, что ему было по силам воплотить все стороны бытия:

*И горний ангелов полет,
И дольней лозы прозябанье.*

Исключительно велика, по мнению Шмелева, роль Пушкина в создании русского национального языка. «Пушкин дал нам язык непостижимой силы, выковал из родной стихии, из сокровищ души народа. И в языке — откровение, какие силы таятся в душе русской: как она глубока и проста, как она широка и величава, нежна и певуча», — писал он в статьях «Тайна Пушкина» и «Заветная встреча».

Большое место в своих статьях Шмелев уделяет вопросу о роли и месте Пушкина, а благодаря его гению и России, в истории мировой культуры, цивилизации. «Через него только, — писал Шмелев, — мы можем обнять весь мир, как ни через кого, можем познать Россию — внять ей. Познать свое место в мире, высокое». Творчество Пушкина, по мысли Шмелева, с огромной полнотой, с глубиной и художественной силой выразило национальные особенности, широту и духовное могущество русского народа. Этим прежде всего и объясняется тот вклад, который внес Пушкин в сокровищницу мировой культуры, обогатив ее. Подлинно национальный характер творчества Пушкина обусловил его мировое значение, ибо частью мировой культуры становится только то, что имеет прочные национальные корни.

Пушкинские традиции ощутимы и в художественных произведениях Шмелева. Ими во многом обусловлен вектор его эстетических исканий и достижений. Сближается Шмелев с автором «Станционного смотрителя» и «Медного всадника» и в освещении темы «маленького человека» (рассказы и повести «Гражданин Уклекин», «Человек из ресторана», «Наполеон» и др.), и в решении проблемы родовой исторической памяти: не случайно эпиграфом к своему роману «Лето Господне» он взял стихотворные строки Пушкина «Два чувства дивно близки нам...». Любовь к «родному пепелищу» и «к отеческим гробам» обуславливает у Шмелева, как и у Пушкина, «самостояние» человека и родины. В этом — суть шмелевской историософии и культурософии.

Личностью и образом няни Арины Родионовны в известной мере навеян у Шмелева, по его признанию, образ Дарьи Синицыной, главной героини романа «Няня из Москвы», а образ Татьяны Лариной послужил отправной точкой для создания женских образов в рассказах «Лес», «Как надо», «Волчий пережат». Шмелев учился у Пушкина глубинному проникновению в суть явлений и характеров, а пушкинский завет — «точность и крат-

кость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей» — стал одним из основных принципов эстетики Шмелева.

В художественном развитии и воплощении принципов духовного реализма, которыми характеризуется поздняя проза Шмелева, он также во многом отталкивается от творческого опыта Пушкина. «Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв», — эта пушкинская декларация высокого божественного предназначения искусства была близка и понятна автору «Лета Господня» и «Путей небесных». Открывать и показывать людям божественную красоту мира, раскрывать ее высокое предназначение — вот чем руководствовался Шмелев в своем творчестве.

Если из числа художников слова более всего в эмиграции писал о Пушкине Шмелев, то из числа философов — И. Ильин. В историю отечественной культуры И.А. Ильин вошел как православный мыслитель, правовед и крупный литературный критик, труды которого отличаются подлинно философской глубиной и тонкостью эстетического анализа.

Основная работа Ильина о Пушкине — большая статья «Пророческое призвание Пушкина» (1937). Отмечая значение писателя для России, Ильин писал, что классические слова «Пушкин — наше все» верны и никогда не угаснут в круговращении времен и событий, ибо Пушкин, по мысли исследователя, есть «живое средоточие русского духа, его истории, его путей... чудеснейшее целостное и постоянное цветение русскости». Феномен Пушкина для Ильина не представляет нечто однозначное и статичное. Ученый рассматривает личность и творчество великого поэта в динамике. Духовная и творческая эволюция Пушкина, как она видится Ильину, — от религиозной индифферентности — к глубинному постижению православия, от раннего социального радикализма — к мудрой государственности, от юношеского многолюбия — к культуре семейного очага.

История развития Пушкина — человека и писателя — соотносится мыслителем с историей развития русского духовного бытия и культуры. Творчество Пушкина, убежден Ильин, могло взрасти и взросло только на крепких национальных традициях, начиная с устного народного творчества и «Слова о полку Игореве», которые родились как акт духовной жизни народа. Именно эту традицию продолжил и довел до совершенства наш национальный гений, произведения которого представляют собой постижение глубинной сущности мира, «проникновение в мудрость и водительное служение» Творца. «Пушкин, — пишет Иван Ильин, — наш шестикрылый серафим, отверзший наши зеницы и открывший нам и горнее, и дольнее естество мира, завещавший нам превра-

тить наше трепетное и неуравновешенное сердце в огненный уголь. Он дал нам залог и удостоверение нашего национального величия, он дал нам осязать блаженство завершенной формы, ее власть, ее зиждущую силу, ее спасительность, он дал нам возможность и основание, и право верить в призвание и в творческую силу нашей родины, благословлять ее на всех путях и прозревать ее светлое будущее, какие бы еще страдания, лишения или унижения ни выпали на долю русского народа».

То обстоятельство, что Пушкин родился и жил именно на русской земле, воспринимается мыслителем как знак особого внимания Господа к России и ее народу. «Иметь такого поэта и пророка», как Пушкин, резюмирует Ильин, «значит иметь свыше великую милость и великое обетование».

Помимо публицистической и литературоведческой пушкинианы в среде русской эмиграции успешно развивалась и пушкиниана поэтическая. Набоков, Цветаева, Бунин, Шполянский и другие поэты-эмигранты посвятили памяти Пушкина проникновенные стихотворения. Их тематика весьма разнообразна. Одни из поэтов — в первую очередь выпускники Александровского лицея — продолжали применительно к новому времени и к ситуации изгнанничества тему лицейского братства.

*Но времена промчались,
И буря нас по свету размела...
Немало нас в изгнаны, на чужбине,
Немало там, под игом сатаны,
Но верим мы, что живы и поныне
Заветы славные лицейской старины!*

Так писал, например, в стихотворении «19 октября» поэт Александр Мясоедов.

Весьма популярна была тема «любви и дружества», говоря словами Пушкина, то есть поэтический призыв к объединению расколотой на различные политические группировки русской эмиграции. С именем Пушкина, таким образом, связывалась надежда на желанное единство.

Но более всего стихотворений посвящалось непосредственно Пушкину, его роли в истории отечественной культуры, и, как уже было сказано, связанной с его именем надеждой на возрождение России.

Приведу лишь фрагмент стихотворения неизвестного до сей поры на родине поэта-эмигранта Леонида Мунштейна «Золотая россыпь»:

*Пушкин — это наше утешенье,
Яркий светоч в сумраке ночном!*

*С ним забудем горе и лишения,
Жить и мыслить сызнова начнем.*

*Верю, верю, близок час рассвета,
Верю, крик родимый не умрет.
Не умрет великий наш народ,
Давший нам бессмертного поэта,
Нашей славы действенный исток —
Золотую россыпь гениальных строк.*

В заключение необходимо подчеркнуть, что русская эмигрантская пушкиниана обширна и разнообразна и по жанрам, и по исполнению. Будучи собранной воедино, она может внести весомый вклад в осмысление феномена Пушкина, его влияния на отечественную и мировую культуру.

*Л.А. Козыро, к.ф.н., доцент,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

«Моя Мадонна»

*(стихотворения А.С. Пушкина,
посвященные Н.Н. Гончаровой)*

1826—1830-е годы — период, когда, по точному замечанию Ю.М. Лотмана, «Пушкин собирался жениться не потому, что влюбился, а влюблялся потому, что собирался жениться».¹

16 февраля 1831 года поэт писал Н.И. Кривцову: «Мне за тридцать лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться».

Определяющей ценностью становится для поэта Дом. В 1828 году он работает над переводом «Гимна Пенатам» английского поэта Саути, где Пенаты (римские домашние божества) тракуются как основа мироздания. С идеей Дома соотносится у Пушкина представление о достойном существовании.

В 1829 году Пушкин просил руки Н.Н. Гончаровой и, получив неопределенный ответ, уехал в Закавказье. Итог поездки — «кавказский цикл», в который вошло стихотворение «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла», предваряющее прощальные любовные стихотворения, написанные в Болдино в 1830 году и посвя-

щенные, как полагают многие пушкинисты, «потаенной любви» поэта. Стихотворение «Все тихо...» навеяно пребыванием на Кавказских водах и воспоминаниями о первом их посещении в 1820 году.² Тема его — верность давней любви. Затем Пушкин перерабатывает стихотворение, во второй редакции возникает всем известное «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», происходит и переадресовка: не воспоминание о прошлом, но новое чувство, властно захватившее сердце, входит в него.

Стихотворение начинается пейзажной интродукцией, эмоционально связанной с третьим и четвертым стихами, исполненными светлой печалью, вызванной разлукой с любимой. Четверостишие задает ощущение покоя, гармонии. Во втором четверостишии многоточие свидетельствует об усиливающемся напряжении, взрывающемся страстным признанием. Экспрессия повторов, нагромождение глаголов, метафора «сердце горит» поднимают душу на ту высоту, которая открывает суть главного закона жизни: «Но сердце вновь горит и любит — оттого, что не любить оно не может». Движение стиха идет извне — внутрь, от состояния гармонии и покоя к душевному напряжению, «горению».

В 1830 году Пушкин пишет стихотворение «Мадонна». Своеобразным комментарием к нему служит письмо Наталье Николаевне от 30 июля 1830 года: «Я мало бываю в свете. Вас там ждут с нетерпением. Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что у меня его нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас, как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей». (В витрине книжного магазина была выставлена для продажи старинная копия «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля).

Образ Мадонны для поэта, как и для его учителя В.А. Жуковского, был знаковым: эталоном чистоты, совершенства, идеальной красоты, высокой духовности, но с оттенком отрешенности от страстей мира, «холодноватости».

Желание это совершенство приблизить реализуется двумя способами. Во-первых, снижением образа, приданием ему свойств и качеств земной женщины, облачением ее плотью, кровью и чувственным началом («Гавририада»). Во-вторых, воспеванием этой красоты, служением ей как источнику жизни и вдохновения («Жил на свете рыцарь бедный...»).

Идея высокого совершенства, красоты, подчиняющей себе человека, вызывающей любовь всепоглощающую, не случайно у Пушкина выходит на поверхность в конце 20-х годов. Стремление найти в женщине существо высшее, идеальное заставляет облекать женский образ в ауру Мадонны. Такова героиня стихотворе-

ния 1832 года «Красавица». «Все в ней гармония», она «выше мира и страстей», увидев ее,

*Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.*

Мадонна Рафаэля не случайно поразила поэта. Обратимся к свидетельствам современников Пушкина. Вот что записывает в дневнике 21 мая 1831 года Д.Ф. Фикельмон: «Пушкин приехал из Москвы и привез свою жену, но не хочет еще ее показывать. Я видела ее у маменьки. Это очень молодая и очень красивая особа — тонкая, стройная, высокая, лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, тонкие черты. Красивые черные волосы». Ее же запись от 21 ноября 1832 года: «Самой красивой вчера была, однако ж, Пушкина, которую мы прозвали поэтической, как из-за ее мужа, так и из-за небесной и несравненной красоты. Это — образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием творца».

Композиция стихотворения «Мадонна» двучастна: размышление о картине, запечатлевшей прекрасный образ, и «нисхождение» красоты в обличье земной женщины к поэту. Использована строгая форма канонического сонета: первый катрен — экспозиция; второй — развивает тему, «поднимая» ее. Анафора («Одной картины я желал быть вечно зритель. Одной...») подчеркивает силу желания. В третьем терцете идет нисхождение темы, заключительный терцет — развязка, в которой сонетным замком является последний стих — «чистейшей прелести чистейший образец». Стихотворение «строгое», выражающее осознание благостыни, которая ниспослана свыше, и выражающее благодарение Творцу за исполненное желание.

Около 1831 года написано стихотворение «Нет, не дорожу мятежным наслажденьем...». Оно ориентировано на антологическую лирику. «Сигнал» жанра — метафорическое определение страстной женщины как вакханки, главное свойство которой, любовное неистовство, подчеркивается эпитетами, пластикой описания любовного действия. И вновь оригинально использована композиционная двучастность. Вакханке противопоставлена «смиреница», «стыдливо-холодная» возлюбленная. Но любовный жар побеждает холод, в смиреннице пробуждается вакханка, Мадонна становится живой, чувственной женщиной. Образ возлюбленной колеблется между двумя измерениями — прошлым и настоящим, приходят в соприкосновение разные культурологические контек-

сты, в результате же поэт уходит от конкретной ситуации, от факта своей биографии и своего индивидуального чувства, создавая идеальный образ гармоничной любви, соединяющей небесное и земное. И все же в стихотворении превалирующим является земное.

Во всех трех стихотворениях присутствуют особенности, характерные для пушкинской любовной лирики: образ возлюбленной неотчетлив, неполон, рождает ощущение чарующей тайны; лирический образ субъекта раскрывается в отношении к другому «я», отсюда интонация обращения, придающая поэтической речи особую искренность; стихотворения соразмерны, гармоничны.

Значение же их в том, что, завершая любовную лирику поэта, они создают тот идеальный женский образ, который соединил прежде для поэта несоединимое: земное и небесное, холод и жар.

Литература

1 Лотман Ю. М. Биография писателя // Ю. М. Лотман. Пушкин. — СПб., 1995. С. 127.

2 По мнению Измайлова Н. В., стихотворение обращено к М. Н. Раевской. См.: Н. В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина. — Л., 1976. С. 98.

В. С. Зеленов,

методист Калужского областного Центра
детско-юношеского туризма

Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и Калужский край

Эпоха смутного времени в Российской истории была продолжительной по времени и разворачивалась на необычайно широкой географической сцене. Калуга и земля калужская в числе многих других земель оказались на горячем перекрестке событий.

Есть большое количество научных исследований «смутного времени», имеется ряд художественных произведений, в основе которых лежат события и лица нашей истории на рубеже XVI—XVII веков. Среди последних непревзойденных по художественным достоинствам остается трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов». Она написана в согласии с подлинным ходом истории и, как пишет сам Пушкин, отличается «верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий». Попытаемся об-

ратиться к выявлению тех событий и тех лиц, которые связаны с Калужским краем.

Заглавный герой трагедии — царь Борис. В 1570 году, будучи еще восемнадцатилетним опричником, он женился на Марии, дочери зловещего сподвижника Ивана Грозного — Малюты Скуратова-Бельского и получил в приданое подмосковное село Белкино (ныне в черте города Обнинска).

С именем Бориса Годунова связана и история Пафнутьев-Боровского монастыря. Около 1585 г. по повелению царя Федора, не однажды посещавшего знаменитую обитель, был поставлен самый значительный храм монастыря во имя Рождества Богородицы. Вклады делал Федор, но присмотр за строительством вел, конечно, Годунов.

В южной части храма устроен был придел во имя Федора Стратилата — небесного покровителя царя Федора, а кроме того и отца Бориса и сына его. К северной стене храма примыкает миниатюрная церковь-придел во имя великомученицы Ирины. Царь Федор был женат на сестре Бориса Годунова Ирине Федоровне. Когда Федор умер, Ирина удалилась в Новодевичий монастырь. К ней-то и отправился Борис, чтобы дать народу «уговорить» себя принять царский венец.

Здесь уместно назвать еще одно лицо, связанное с расследованием гибели царевича Дмитрия в Угличе, окольного царя Федора, Луппу Клешина. Вместе с Василием Шуйским они «установили», что царевич закололся сам. В документах следствия нет тому бесспорных доказательств, а потому многие исследователи полагают, что человек, занявший московский престол в 1605 г., был подлинным сыном Грозного.

Шуйский и Клешин скорее всего знали истину. Но первый лгал в угоду обстоятельствам, второй принял схиму и в 1599 г. умер, унеся тайну в могилу. На стене Иринской церкви есть старинная доска, сообщающая о смерти Андрея Петровича Клешина.

Представляется любопытным тот факт, что на Калужской земле в границах губернии середины XIX века было около семисот храмов, но только пять из них во имя первых русских святых Бориса и Глеба. И два из этих храмов в Боровском уезде и всего в 12 верстах один от другого. Первый в селе Белкино, бывшей вотчине Бориса Годунова, второй в Боровской слободе, совсем близко от стен Пафнутьева монастыря. Не связано ли посвящение этих храмов святым Борису и Глебу и их строительство с жизнью Бориса Годунова?

Перелистаем теперь страницы трагедии. Первая сцена: «Кремлевские палаты (1598 г., 20 февраля); князя Шуйский и Воротынский. Центр княжества Воротынского, присоединенного к

Москве в 1493 г. — нынешнее село Воротынский Перемышльского района нашей области. Воротынский в трагедии Пушкина — это Иван Михайлович Воротынский, имя которого часто встречается на страницах истории смутного времени. Дед его Иван Михайлович и отец Михаил Иванович были доблестными полководцами. Внук же их и сын был менее удачлив и нередко терпел поражение на поле боя. Иван Воротынский, в числе выборных от Москвы, встречал самозванца в Туле и верно ему служил. Потом способствовал возведению на престол Шуйского и объявил ему о его низложении. Мы видим его в составе «Семибоярщины». Рюрикovich по крови, Воротынский уклонился от предложения стать основателем новой династии. В конце жизни удалился в монастырь, принял схиму и умер в 1627 году.

В трагедии мы находим упоминание и о знаменитом его отце — Михаиле Ивановиче Воротынском. Потомки удостоили его чести быть запечатленным среди 109 персонажей памятника тысячелетия России. Талантливый полководец, герой взятия Казани, оборонитель Москвы и земли Калужской, был оклеветан, схвачен и подвергнут пыткам. В пытках князя принимал участие сам Грозный. Курбский, упрекая в этом царя, так писал ему об этом: «...связана положа между двумя огня, жеши мужа в роду, паче же в разуме и делах пресветлейшего... и подгребающн угли горящие жезлом своим проклятым под тело святое». Почти дословно Пушкин повторяет слова Курбского. В одной из начальных сцен предок поэта Пушкин склоняет Шуйского к признанию самозванца. Вот что он говорит ему о Борисовском правлении:

*«Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем какою Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?»*

Василий Иванович Шуйский, по крайней мере, дважды бывал в Калуге. В 1576 г. Иван Грозный и Шуйский стояли здесь с войском против крымских татар. Летом 1598 г. Борис Годунов направил московские войска против татарской угрозы к берегу Оки. Сам во главе войска стоял в Серпухове, Шуйский — командовал передовым полком, расположенном в Калуге.

С Григорием Отрепьевым мы встречаемся в пятой сцене трагедии: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре 1603 года». Тут в уме Гришки кажется окончательно созревает решение бежать из монастыря и назваться сыном Грозного... Вот он уже в корчме на литовской границе, с ним две колоритные фигуры — бродяги-чернецы Миса-

ил и Варлаам. Пушкин вывел здесь на сцену реально существующих лиц. Мисаил, в миру Михаил Повадьин, боярский сын из города Серпейска, теперь это село Серпейск Мещовского района Калужской области. Варлаам — монах «Пафнутьева монастыря Рождественского в Боровске», как называет он себя в документе известном под названием челобитская (извет) Варлаама. Из челобитной /вопрос о ее подлинности и принадлежности перу Варлаама оставим в стороне/ мы узнаем, как эти два монаха и Гришка пошли в Литву. Варлаам повествует: «Пошли на Москва-реку и наняли подводы до Болхова и поехали, из Болхова поехали мы до Карачаева, а из Карачаева до Новгород-Северского». За этим городом и была уже граница литовская. Беглец и бродяги ехали по давно проторенной дороге из Москвы до Киева через Калугу и Козельск.

В одной из сцен трагедии мы видим царя Бориса в окружении своих детей. Царевич Федор чертит географическую карту, царевна Ксения рассматривает портрет, целует его и причитает: «Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте-а — темной могилке, на чужой сторонке».

Царь Борис приискал для своей дочери не единственного жениха. Первым был герцог Иоганн, брат датского короля. Королевич прожил в Москве всего две недели и умер. Член английского посольства Смит записывал: «Брак расстроился, благодаря преждевременной смерти, последователей от объединения». Иоганна похоронили с большими почестями всего в двух верстах от Кремля в Немецкой слободе на Яузе.

Далеко от Москвы умер другой претендент на руку Ксении — принц Густав, сын шведского короля. Борис завлек его в Москву еще в 1599 г. и сразу дал в кормление Калугу, «с другими городами и весями, но сей Густав, лишась расположения своего будущего тестя, почти тогда ж сослан в Углич, потом в Ярославль и в 1607 г. умер и погребен в Кашине». («Летопись Калужская»).

Густав умер, когда не было уже в живых ни Бориса, ни Федора, а Ксения жила в монастыре. Пушкин, как видим, соединил судьбы двух разных лиц, но он писал не историю, а художественное произведение. Мы же отметим, что нить судьбы несчастной Ксении потянулась в Калугу.

С Мариной Мнишек мы встречаемся на страницах трагедии дважды: в короткой сцене бала и в знаменитой сцене у фонтана. Калужане узнали Марину позже того времени, каким оканчивается пушкинская трагедия. На санях, в мужском платье Марина приехала в наш город ко второму самозванцу в январе 1610 г. и произвела среди калужан «неизъяснимую радость». Тут в Калуге она его и лишилась: злосчастный «царик», «вор» был убит на охоте в декабре того же года.

Историк Н.И. Костомаров рассказывает: «Марина, ходившая последние дни беременности, выскочила из города, села с боярами в сани, подняла обезглавленное тело мужа, привезла в город. Ночью, схватив факел, Марина бегала с обнаженной грудью посреди толпы, вопила, рвала на себе одежду, волосы и, заметив, что калужане не слишком чувствительно принимают ее горе, обратилась к донским казакам, умоляя о мщении. Начальствовал ими Заруцкий, равнодушный к Марине. Он воодушевил своих казаков; они напали на татар, каких встретили в городе, и до двухсот человек убили. Через несколько дней Марина родила сына Ивана».

В трагедии есть две сцены, в которых мы видим самозванца на поле брани. Первый раз после успешного для него боя под Севском, в другой раз — после неудачного сражения в лесу под Рыльском. Второй сцене автор предпосылает ремарку: «Лжедмитрий, Пушкин. В отдалении лежит конь издыхающий».

Самозванец сокрушается по поводу гибели коня:

*Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сраженье.
И, раненый, как быстро нес меня.*

Пушкин про себя говорит:

*Ну, вот, о чем жалеет!
О лошади! когда все наше войско
Побито в прах!*

Эта сцена имеет реальную основу. В битве под Добрыничами конь Лжедмитрия был застрелен, и полководец едва не попал в плен. Выручил самозванца преданный ему Василий Иванович Рубец — Мосальский; человек с фамилией очень калужской. Он появится еще в последней сцене трагедии. Мосальский отдал самозванцу своего коня, а сам ускакал на лошади слуги.

К маю 1605 г. под властью Лжедмитрия оказались все города Северщины. Самозванцу открылись пути на Москву через Тулу и через Калугу. Основная часть войска — поляки, донские казаки — во главе с царевичем двинулись на Тулу, другая — глухими лесами на Калугу. Историк К. Валишевский отмечает, что на этих путях «только гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление». Но уже в июне 1605 г., как сообщает «Летопись Калужская», от Самозванца в Калуге получена грамота, коей, извещая о восшествии своем на престол Московского государства, требовал присяги на имя царицы-матери, инокини Марфы Федоровны и его царя Дмитрия. На сей раз калужане не противились.

Последняя сцена трагедии: «Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца». В этом доме заперты Мария Годунова, ее сын Федор и дочь Ксения. К дому идут князя Голицын и Мосальский в сопро-

вождении двух дворян и стрельцов. Голицыну и Мосальскому поручено расправиться с Годуновым, самозванец не пожелал войти в Москву пока они живы. Дело было достаточно грязным еще потому, что Федору многие уже присягнули как новому царю и, следовательно, нужно было убить молодого царя и царицу-мать. И князья сделали это.

Василий Иванович Рубец-Мосальский, путивльский воевода, верой и правдой служил самозванцу, а после его гибели, признал И.И. Болотникова «главным воеводой» еще не явившегося самозванца второго. В феврале 1607 г. Мосальский возглавил отряд войска, шедшего от Путивля на Калугу к Болотникову. Воеводы царя Шуйского встретили его на реке Вырке в семи верстах от Калуги. Разгорелось жесткое сражение, в котором, по одним сведениям, князь Мосальский был убит, по другим — остался жив (бежал?) и потом еще некоторое время служил польскому королю Сигизмунду, воевал в Мосальске.

Василий Васильевич Голицын, принявший участие в расправе с Годуновым, принадлежал к обширному роду, среди которых мы видим полководцев, дипломатов, губернаторов, цареводцев, даже царского шута. Калужанам эта фамилия достаточно известна тем, хотя бы, что в 1893—1897 гг. калужским губернатором был Н. Д. Голицын.

В заключительной сцене трагедии мы видим безмолвного Голицына вместе с Мосальским. Расправа совершена. Пушкин отмечает: «растворяются двери, Мосальский является на крыльце.

Мосальский:

Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что же вы молчите? кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!

Народ безмолвствует».

Народ молчит, пораженный боярской расправой над юным царем и его матерью. Народ молчит, предчувствуя море крови, что прольется еще на Руси. Смутное время не кончилось...

Литература

1. Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Том 2-й. — М., «Х. Л.», 1986 г.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 12. — Тула, 1990 г.
3. Костомаров Н.И. Смутное время. «Квадрат». — М., 1997 г.
4. Зайцев А.Е. Земля Мосальская. — Калуга, 1997 г.
5. Антипов А.А. Живые корни России. — Боровск, 1994 г.
6. Летопись калужская. — Калуга, 1991 г.

А.Г. Родионов,
методист Калужского областного института
усовершенствования учителей

«Огончарованный» Пушкин

Пушкину было 28 лет, когда на балу, в Москве, (в декабре 1828 года) он увидел Наталью Гончарову.

«Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее только что начинали замечать в обществе. Я ее полюбил, голова у меня закружилась» — признавался Пушкин.

Шестнадцатилетняя девушка вызвала у поэта благоговейное восхищение, как картина «старинных мастеров». До мая 1829 года поэт поражен случившимся, а 1 мая 1829 года он просит своего друга Ф.И. Толстого быть его сватом. Но Наталья Ивановна, мать Натали, довольно дипломатично хотя и не отказала, но согласия не дала. Предлог: молодой возраст Натали.

Пушкин сразу же выехал из Москвы в далекую Грузию, где шла война России и Турции...

Вернувшись с Кавказа, он вторично посватался к Натали. И получил согласие. Поэт наверху блаженства. К своей будущей теще он писал: «Я не потерплю ни за что на свете, чтобы моя жена испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться, она вправе этого требовать».

А дедушке невесты сообщает:

«Счастье вашей внучки будет священная, единственная моя цель».

От своих родителей Александр получил родительское благословение и свадебный подарок: 200 душ крестьян деревни Кистенево. Жене своего друга, княгине В. Вяземской, Пушкин пишет:

«Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя тринадцатая любовь) решена. Отец мой дает мне 200 душ крестьян, которых я заложу в ломбард, а Вас, дорогая княгиня, прошу быть моей посаженной матерью».

В конце мая 1830 года Пушкин приехал в Полотняный Завод, где пробыл три дня. Именно в это время он написал стихи:

«Я влюблен, я очарован,

Я совсем огончарован,

С утра до вечера за нею я стремлюсь

И встреч нечаянных я жажду и боюсь».

Граф В.А. Сологуб оставил вот такой портрет Натали Гончаровой: «...Никогда не видывал я женщины, которая соединила

бы в себе такую законченность классической правильности черт и стана. Ростом высока, с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхала и грациозно поворачивалась на тонкой шее: такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, губы, уши! Да, это была настоящая красавица, и недаром, все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при ее появлении».

А между тем свадьба была отложена. Московские сплетни доходили до ушей невесты и ее матери. Об этом Пушкин пишет своим друзьям. Теща сделала сцену, наговорила ему таких вещей, которых будущий зять не мог равнодушно слушать.

Он любил повторять: «Коли хочешь быть умен — учись, коли хочешь быть в раю — молись, коли хочешь быть в аду — женись».

Чтобы вступить во владение деревней, которую он получил от отца, надо было ехать в Нижний, в деревню Болдино. В жизни поэта «Болдинская осень» 1830 года явилась самой исключительной по результатам интенсивного творческого труда. Так работать, творить мог не просто поэт Пушкин, а «огончарованный» Пушкин.

Венчание Александра с Натальей состоялось 18 февраля 1831 года. От этого брака было четверо детей: Александр (1833—1914), Мария (1832—1919), Григорий (1835—1905), Наталия (1836—1913).

Второй раз Пушкин приехал в Полотняный Завод в 1834 году. На этот раз он прожил здесь две недели.

В одном из писем он с радостью сообщает: «Теперь я в Заводах, где нашел всех моих, кроме Саши, здоровых... Жена моя — прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом...»

В 1962 году в Москве вышло 10-томное собрание сочинений А.С. Пушкина. Так вот два тома (9-й и 10-й) содержат письма поэта. Их 786, написанных в промежуток времени от 28 ноября 1815 года до 27 января 1837 года (день дуэли). В большинстве из них речь идет о денежных делах. В одном из писем Бенкендорфу Пушкин сознается, что, живя в Петербурге, он задолжал до 60 тысяч рублей. Приходилось брать деньги у ростовщика Шишкина под залог шалей, жемчуга, столового серебра.

К водопаду неудач прибавляется клевета «жадной толпы, стоящей у трона».

Пушкин знал нравы ненавистного ему «света» и всячески стремился уберечь жену от клеветы и злословия. Вот несколько строчек из его писем:

«Мой ангел... Не мешай мне, не стражай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с царем».

«Мой совет тебе — будь подале от двора: в нем толку мало».

«Женка, женка! Я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши — для чего? Для тебя, женка, чтобы ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоей красотой. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучных с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойства и так далее».

«Я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, непутем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. Ты радуешься, что за тобой, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубой и понюхивая тебе задницу: есть чему радоваться! Теперь, мой ангел, целую тебя и благодарю, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка, только не загуливайся...»

Наверное, нетрудно понять, сколько заботы, теплоты и мучительного страдания огончарованного Пушкина в этих письмах к своей Мадонне.

2 ноября 1836 года Идалия Полетика пригласила к себе в гости Наталью Николаевну. Но когда гостя приехала и вошла в квартиру, оказалось, что Идалии дома нет, а в квартире находился один Дантес. Это свидание охранял любовник Идалии Петр Ланской (на улице около квартиры). А в квартире Дантес вынул пистолет и грозил застрелиться, если она «не отдаст ему себя».

Натали стала громко говорить — это ее спасло: в комнату вошла дочь хозяйки. Так Натали вырвалась из рук Дантеса. Что же дальше? 3 ноября кто-то из «палачей свободы, гения и славы» написал грязный пасквиль — «диплом» о принятии Пушкина в «Орден Рогоносцев». 4 ноября Пушкин получил пасквиль и послал Дантесу вызов на дуэль. Поэт решил защитить свою честь и честь своей жены!

27 января 1837 года на дуэли Александр Сергеевич был тяжело ранен.

После дуэли поэт умирал 46 часов. Мучения были нестерпимы.

Бедной своей жене он несколько раз сказал: «Будь спокойна, ты не виновата в этом, не упрекай себя моей смертью: это — дело, которое касалось одного меня».

После мучительно тяжелой ночи Пушкин попросил к себе детей. Молча смотрел на них, а они, все четверо, были еще слишком маленькие.

Слабым голосом жене сказал: «Отправляйся в деревню. Неси

по мне траур два или три года. Постарайся, чтобы забыли про тебя. Потом выходи замуж, но не за пустозвона».

За минуту до смерти мужа Натали подошла к нему, потом вышла. Он умер тихо. Часы показывали 2 часа 45 минут. Было 29 января 1837 года. В комнату вбежала Натали и закричала в отчаянии:

— Я убила моего мужа! Я — причина его смерти! Но Богом свидетельствую — я чиста духом и сердцем!

На балкон вышел Жуковский и объявил многочисленной толпе людей: «Пушкин умер!» — а из толпы послышалось: «Пушкин убит!»

Н. Г. Богданов,

Турынинское ДРСУ

Гибель творца

(причины смерти

Александра Сергеевича Пушкина)

Обстоятельства смерти А. С. Пушкина, несмотря на внушительный срок, прошедший со дня его убийства, по-прежнему, остаются покрытыми тайной — будто некая могущественная сила держит ключи к ее разгадке в своих невидимых руках. Но если проявить «политическую волю», т. е. искреннее желание разобраться в этой истории, то дело будет выглядеть так.

Виновником номер один антипушкинской интриги является голландский посланник в Петербурге ЛУИ ГЕККЕРЕН, который буквально задался целью уничтожить русского поэта. Для этого преступления барон «приберег» до случая «домашнего киллера» — француза, поручика конной гвардии, Жоржа Дантеса.

За что голландец возненавидел Пушкина? Видимых причин для этого нет. Любой другой человек на месте Геккерена выглядел бы естественней. Д. Д. Благой уверен в существовании антипушкинского заговора, который составила «придворная клика» и избрала своим орудием... иностранного дипломата.

Но наиболее приемлемой версией является мысль, высказанная в 1979 году Вадимом Пигалевым, о масонском заговоре против Пушкина, чьим исполнителем и был Геккерен. Было ли масонское дело до русского поэта. Да, было, и, в первую очередь, потому, что сам Александр Сергеевич состоял в масонской ложе (в

Кишиневе, с 1821 г.). Оставайся Пушкин простым человеком, никакие масоны ему не повредили бы. Но он превратился, вдруг, в гениального поэта, во властителя дум всей России — такой человек был очень нужен вольным каменщикам. Однако, поэт шел своей дорогой, его талант, его творчество не вписывались в узкие масонские рамки.

На протяжении всей своей жизни Пушкин конфликтовал с масонами. На юге: с П. Пушиным, В. Раевским, М. Орловым, П. Пестелем, С. Волконским, В. Давыдовым; на севере: с Н. Тургеневым, К. Рылеевым, А. Бестужевым, А. Грибоедовым, П. Чаадаевым; с высокопоставленными чиновниками и издателями: А. Бенкендорфом, Л. Дубельтом, С. Уваровым, М. Воронцовым, М. Дондуковым-Корсаковым, Н. Гречем, Ф. Булгариным. Близость Пушкина к императору Николаю Павловичу еще больше не понравилась масонам — они стремились ограничить его влияние на государя, ставили ему препоны через цензуру. Но результат был нулевым.

Можно ли проникнуть в масонские тайны — ведь эта организация окружает свои дела большим туманом? Оказывается, можно, в том числе и в случае с пушкинской историей. Известные оскорбительные для Пушкина дипломы, зачисляющие поэта в орден рогоносцев, были разосланы по Петербургу в конвертах, запечатанных необычными сургучными печатями: на них были изображены масонские символы — циркуль, всевидящее око, пингвин, куст акации. Таким образом, расправляясь с поэтом, злоумышленники оставили отчетливый след — для напоминания Пушкину и другим — с кем они имеют дело.

Почему для исполнения приговора Пушкину был выбран иностранец? Во-первых, потому, что русских для этого кровавого дела в столице не нашлось. Во-вторых, иностранцу жалеть русскую славу было нечего. В-третьих, дипломат имел иммунитет перед грядущим наказанием. И, наконец: кому могло придти в голову, чем занимается в чужой стране посол иностранного государства?

Форма мести поэту была выбрана не случайно: масоны всегда находили узкое место у человека, то, которое было легче разорвать. Таковым у Пушкина была его семья, честь которой ему была священна.

Чтобы дать свободу своему подручному Дантесу, Геккерен усыновил его. Но на самом деле усыновление было с начала до конца незаконным: барон не имел права усыновлять француза, и вообще, указ об этом вступал в силу только с 5 мая 1837 года — когда этих авантюристов в Петербурге и след простыл. Таким образом, Дантес незаконно присутствовал в высшем столичном свете, незаконно воспользовался, как сын посла, иммунитетом после дуэ-

ли, и даже незаконно, как голландский подданный, служил в русской армии.

Дантесу отводилось амплуа «любовника»: он должен был, взамен на «блага», предоставленные ему Геккереном, «оплачивать счета», ухаживая за Натальей Николаевной Пушкиной, а затем и стреляться с поэтом. Никакой искренней любви у француза к Наталье не было, «любовь» эта была заказной, организованной голландцем. Была имитация любви; на самом деле Жорж любил Идалию Полетику. И куда только девалась страсть Дантеса к Наталье Николаевне, когда Пушкин вызвал его на дуэль?!

«Засветив» Наталью Николаевну на нескольких подстроженных Геккереном встречах с Дантесом, организаторы интриги разослали по городу несколько анонимных писем с дипломами. Странно, но последние, хотя и были написаны от руки, не были разоблачены: автор их найден не был. Больше всех подозрений падало на князя П.В. Долгорукова, и в 1927 году была даже проведена графологическая экспертиза (организовал ее известный пушкинист П.Е. Щеголев), которая, якобы, установила прикосновенность Долгорукова к составлению дипломов. Но более квалифицированная экспертиза 1986—1987 гг. эти выводы отвергла. Настоящего автора подметных писем определил в 1927 году... министр иностранных дел Советской России Г.В. Чичерин: им являлся личный секретарь министра иностранных дел 30-х годов XIX столетия К.В. Нессельроде — Филипп Иванович Брунов.

Внезапный вызов на дуэль в ноябре 1836 г. заставил «отца» и «сына» Геккеренов искать выход. И он был найден в женитьбе Дантеса на Е.Н. Гончаровой. Брак был им очень невыгоден, но злоумышленники пошли на него, чтобы, прикрываясь им, продолжать преследование Пушкина.

Считая Дантеса поверженным, Пушкин, между тем, планировал вывести на чистую воду самого Геккерена, как «вдохновителя и организатора» интриги, а вместе с ним и более высокопоставленного «заказчика» травли поэта. И тут следы ведут в МИД. Все действующие лица драмы так или иначе были связаны с министром Нессельроде: посол Геккерен сидел у него «в кармане», Дантес был Карлу Васильевичу родственником, Ф.И. Брунов был его делопроизводителем, а Пушкин в министерстве иностранных дел служил. Министр был волен или одним махом прекратить все дразги или дать интриге новый импульс. Нессельроде выбрал второе. В самые сложные моменты проведения в жизнь операции по уничтожению Пушкина, Геккерен советовался именно с Карлом Васильевичем.

В январе 1837 г. Пушкин послал оскорбительное письмо Геккерену, но тот, ссылаясь, будто он сам стреляться «по положению»

не может, выслал вместо себя Дантеса. Это ложь: посол, как и всякий человек, мог стреляться со своим оскорбителем, и он — незаконно — выставил вместо себя заведомо сильного дуэлянта. Во время дуэли были нарушены — преступно! — несколько условий. Пистолеты Пушкина были новыми, а Дантеса — пристреляны. Врач на место поединка приглашен не был. Расстояние в 6—7 метров и условие о повторном выстреле, если будет промах — свидетельствовали о намерении во что бы то ни стало поразить Пушкина. Наконец, судмедэксперт В. Сафронов предположил, что на теле Дантеса находилась кольчуга (железные полосы), которая и спасла французу жизнь. Такие бесчестные люди, как чета Геккеренов, могла пойти на что угодно в своей подлости.

Пушкин получил рану в живот — самую опасную по тому времени. Целый час ему не оказывали помощи, и раненый потерял много крови. Лечение поэта взял в свои руки лейб-медик Арендт, который, кроме «лечения холодом», т.е. прикладывания к ране льда (для остановки кровотечения) ничего больному не прописал. Кроме того, Арендт (масон с 1813 года) сразу же сообщил Пушкину, что шансов на его выздоровление нет, и он должен умереть. Таким образом, у поэта была отнята даже самая малая надежда, столь необходимая в таких случаях.

Суд над Дантесом вылился в оправдательный процесс, поскольку судьи — генералы оказались почти сплошь немцами и блюли честь гвардии. Пушкина, останься он жив, эти аудиторы не пощадили бы.

После смерти Пушкина Геккерен пустил в ход две версии, призванные обелить двух международных мафиози: 1) виновата во всем жена поэта, Наталья Николаевна, и 2) мысль о том, что Пушкин был заядлым либералом, революционером и атеистом, и что в его дискредитации были заинтересованы сами российские власти.

Как и подобает УБИЙСТВУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ (не века, а тысячелетия!), смерть Пушкина повлекла за собой целую цепочку убийств и преследований. В 40-х гг. на охоте был убит секундант Дантеса, француз д'Аршиак. В 1843 г. от «тяжелых» родов (пятых по счету) умерла Е.Н. Гончарова. Дочь Дантеса, Леони, была заключена в сумасшедший дом, где и скончалась. Сына Дантеса, Луи-Жозефа, лишили наследства. Могла быть еще одна жертва: тоже на охоте состоялось покушение на жизнь самого Дантеса; подозревался в этом друг Пушкина — С.А. Соболевский.

Кому была выгодна смерть Пушкина? Масонам, ибо они оставались верны своему «правилу»: наказывать отступников. Вышшему обществу, ибо оно на какое-то время было обезопасено от «сочинителя», кичившегося своим «шестисотлетним» дворянством и донимавшего их — временщиков — острым словцом. «Что ж?

Веселитесь...» Монополистам от печати тоже была выгодна кончина поэта — теперь уже никто не мог помешать им — инородцам — «формировать» русское общественное мнение. В уходе Пушкина с общественно-политико-культурной сцены России, в его дискредитации был заинтересован и ЗАПАД, который, со временем, успел позабыть позор 1812 года. Русский поэт в своем творчестве как бы возрождал былую славу Отечества и указывал Европе подобающее ей место; он нанес «западным витиям» несколько чувствительных ударов. И его следовало укоротить, наказать, заткнуть ему рот, разбить его лиру.

Пушкин не успел пробудить русского государя, русское общество и русский народ — от застоя, от спячки и подготовить, повести их к пониманию собственного великого и неповторимого значения, к осознанию необходимости для России — эволюции, реформ, поступательного развития, свободы творчества, самобытного бытия. «Что ж? Веселитесь...»

А.С. Днепровский,

Калужский областной совет ВООПИК

Пушкин и калужские усадьбы

Понятие о Калужском крае и об А.С. Пушкине традиционно сводится к рассказу об усадьбе Полотняный Завод, о которой написаны тома исследований, в то время, как этой усадьбе «повезло» как никакой другой: ее реставрация была начата в 1968 году, она — единственная в области «на виду...» Однако краеведы не первый год ведут кропотливые поиски следов пребывания великого поэта в Калужском крае. Теперь мы можем со значительной долей достоверности утверждать, что с именем Пушкина связан ряд исторических мест земли Калужской. В первую очередь это усадьбы старинных аристократических фамилий: Белкино, Бегичево, Березичи, Галкино и Никулино, Дубровка-Мансурово, Городня, Игнатовское, Милятино, Козельск и Прыски, Тарутино...

Белкино. Несколько лет тому назад в центральной прессе был опубликован материал, который касался факта пребывания родителей А.С. Пушкина в имении Воронцовых-Бутурлиных — Белкино. Затем вышла книга «Итальянская Пушкиниана» с описанием деятельности в России художника Маттернови и крепостного художника Бешенцева в конце XVIII столетия и об усадьбе Белки-

но, где именно в то время гостили на правах родственников Бурлиных молодожены Надежда Осиповна и Сергей Львович Пушкины. Архивные находки дали альбом Маттернови, в котором сохранились рисунки «молодых». Это было время еще до рождения поэта и его сестры Ольги. И само название усадьбы, помнящей еще и Годуновых, было на слуху поэта. Иначе, почему он назвал свои повести «Повестями Белкина»? Конечно, нельзя строить предположение, что сам поэт бывал в Белкино и гулял по его аллеям, хотя у С. Гейченко имеется такое утверждение.

Бегичево — это старинная усадьба в центре губернии. Первые ее владельцы, давшие местности и ее название, — Бегичевы — были видными военачальниками, охранявшими границы Калужского края от недругов. Они жили до начала XX века в усадьбе, которая получила и других владельцев: в XIX веке встречаются среди владельцев и имена калужского губернатора Н.М. Смирнова, и графов Толстых, и князей Трубецких.

Известный калужский краевед Н.М. Маслов в своей книге «Пушкин и Калужский край» (1951 г.) сообщает, что существует прочное предание о пребывании Пушкина в селе Бегичево, а также в усадьбе Мансуровых и Толстых «Дубровке» под Малоярославцем, где поэт, якобы, задумал повесть «Дубровский» или нашел имя своему герою. Эти предания Маслов считал значительными и обоснованными, ибо среди знакомых поэта были действительно калужские помещики С.Н. Бегичев и Н.В. Мансуров, вполне реальные лица; Бегичев вдобавок был писателем, близким знакомцем А.С. Грибоедова.

Далее в той же книге Н.М. Маслов выдвигает предположение, что Пушкин бывал в Полотняном и в Калуге в 1829 году, сразу после первого неудачного сватовства и перед путешествием на Кавказ. Маслов нашел подтверждение тому, что поэт останавливался не у Гончаровых и не в Красном доме, а на постоялом дворе Марушкина в поселке Полотняного Завода.

Милятино. Многие исследователи путешествий Пушкина по Калужскому краю (Пехтерев, Маслов, Берестов и другие) согласны признать, что поэт в 1829 году посещал село и усадьбу Калужской губернии под Мосальском, старинное имение Раевских. В то время в усадьбе томился в негласной ссылке М.Ф. Орлов, генерал, герой войны 1812 года, принимавший ключи Парижа при его сдаче в 1815 году. М.Ф. Орлов был тесно связан с декабристами и от сибирской ссылки был спасен, кроме воинской славы, заступничеством брата, министром двора А.Ф. Орловым. Во время южной ссылки А.С. Пушкина в Кишиневе, генерал Орлов был главой масонской ложи «Овидий», куда тогда и был принят поэт.

Именно поэтому бессмысленно искать «подорожную» Пушкина — подобные визиты к опальному генералу опального поэта, да еще к тому же связь с официально запрещенным масонством — необходимо также скрывать. Поэту Пушкин мог ехать частным образом, а не пользоваться почтовыми лошадьми. Однако, косвенным доказательством служат его собственные слова в дневнике, что он «сделал крюк в двести верст», а также рисунок поэта, помеченный 1829 годом, и изображающий генерала Орлова в профиль, в военной форме, рядом с красавицей женой, Екатериной Николаевной Орловой-Раевской, послужившей поэту прообразом для создания поэтического портрета авантюристки Марины Мнишек в народной драме «Борис Годунов».

Тарутино. В усадьбу Тарутино Пушкина привел случай в августе 1834 года, когда поэт ехал к жене и детям в Полотняный Завод. Тарутино — село, славное своим боем 6 и 7 октября 1812 года и решительной победой над французами. В 1812 году это было скромное родовое гнездо помещицы Нарышкиной; М.И. Кутузов письмом просил владелицу не ставить монумента в честь победы: русские редуты, окопы и флешы сами будут свидетельствовать о победе и будут памятниками истории. В Пушкинскую эпоху имением владел наследник Нарышкиной — граф С.П. Румянцев, сын фельдмаршала. Вопреки мнению Кутузова, граф решил установить памятный монумент, и сделал это оригинально. Граф освободил от крепостной зависимости 745 своих крестьян, «обязав их поставить монумент на поле битвы,» — как пишет историк П.И. Шатерников в издании дневников Пушкина (Москва, 1923. Пушкин. Дневники. 1833—1834 годов, стр. 62).

Галкино. Энтузиаст, известная исследовательница прошлого Калуги Г.М. Морозова установила в 1970-х годах факт, что Пушкин в 1830-х годах намеревался приобрести две большие усадьбы с землями, людьми и лесами — это близкорасположенные к Полотняному Заводу села Галкино и Никулино. Ныне это значительные населенные пункты в 15 верстах от Полотняного, в Дзержинском районе, бывшего Медынского уезда.

К сожалению, купчая не состоялась, а был уже назначен посредник торговой сделки — калужский купец Носов.

Усадьба Галкино расположена в 15 верстах от Полотняного Завода. Учитывая резвость гончаровских коней и то, что Пушкин был прекрасным наездником, легко представить, что поэт был знаком с живописными окрестностями гончаровских владений. И он не мог не оценить преимуществ усадьбы Галкино. Она и сейчас поражает количеством каменных усадебных построек, их масштабом, размахом, добротностью. В центре — двухэтажный каменный

господский дом строгой архитектуры (в нем ныне школа) и остатки Никольской церкви на крутом зеленом берегу пруда с плотинкой. По плотине проходит дорога в село. Усадьба складывалась, начиная с XVII века, была во владении Бобрищевых-Пушкиных, Чернышовых, Салтыковых, Мятлевых, и сейчас сохраняются многие особенности старинного парка со сложной системой регулярных липовых аллей и прудов.

Березичи. Древнейшее упоминание об усадьбе Березичи Козельского уезда относится к 1638 году. Первые ее владельцы были Чичерины. Правнучка А.Г. Чичерина, Ольга Васильевна Чичерина, является бабкой А.С. Пушкина; в браке с полковником артиллерии Львом Александровичем Пушкиным она родила Сергея Львовича, отца поэта, и Василия Львовича, известного поэта, в свое время определившего юного А.С. Пушкина, племянника, в Царский лицей. Усадьба Березичи досталась Василию Львовичу после смерти его тетки. И была им продана незадолго до его смерти в 1831 году, к досаде А.С. Пушкина. По дороге в Белев и Орел А.С. Пушкин не мог миновать г. Козельска, ибо не существовало других дорог, как доказал в своих трудах В.С. Зеленев.

В дальнейшем усадьба Березичи принадлежала до начала XX века князьям Оболенским. От Чичеринских-Пушкинских времен сохранились в парке усадьбы посадки дубов, возраст которых 300 лет, а также планировочная система аллей, дорожек, подводивших к зданию усадьбы. Поскольку Березичи находятся в 10-ти верстах от Козельска, нельзя исключить возможность посещения ее А.С. Пушкиным.

Большой ряд исторических мест Калужского края прочно связан с героями его бессмертных литературных произведений. Прежде всего — это «Городня», усадьба князей Голицыных; прообразом «Пиковой дамы» явилась вполне реальная княгиня Наталья Петровна Голицына, жена бригадира.

Соседняя усадьба Авчурино вошла в историю как образцовое хозяйство, служившее в XIX веке эталоном экономического и культурного расцвета. Неспроста три российских императора в разное время были гостями у хозяев — Полторацких. Пушкина связывала с Полторацкими не только дружба, но и необходимость пользоваться известнейшей библиотекой, а кроме того романтическая связь с обаятельной Анной Керн, урожденной Полторацкой.

Таким образом, в Калужском крае имеется немало мест, связанных с именем Пушкина. Эта обширная тема требует своего дальнейшего изучения.

Г.М. Журова,
заведующая отделом

Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Художник — Н.С. Гончарова

В истории русского изобразительного искусства навсегда останется имя Н.С. Гончаровой. Н.С. Гончарова — из поколения русских художников, удивительно своеобразных и смелых, заявивших о себе в самом начале XX, теперь уже уходящего столетия.

Родилась Гончарова в 1881 году под Тулой. Н.Н. Пушкина была двоюродной бабкой ее отца — внука С.Н. Гончарова, любимого брата Пушкиной.

Начало творческого пути Н.С. Гончаровой относится к первому десятилетию XX века, когда она, студентка Московского училища живописи, ваяния и зодчества вместе со своим мужем и соратником в творчестве М.Ф. Ларионовым, принимает участие в выставках художников самых разных направлений — от «Союза русских художников», «Мира искусства» — до «Бубнового вальса», «Голубой розы» и совсем левых выставок «Ослиный хвост» и «Мишень».

Творческое развитие Гончаровой идет энергично, быстро. Ее художественные искания разнообразны. Свое творческое кредо о назначении искусства Гончарова выражает так: «Задачи, выдвигаемые мной, следующие: творчество новых форм жизни... Я иду против опошленной и разлагающейся проповеди индивидуализма. Я не боюсь жизненной пошлости и претворяю ее в художественные формы... нужно апеллировать непосредственно к улице, к народной массе вообще».

В 1904 году ее пастельные работы экспонируются на акварельной выставке в здании Московского литературно-художественного кружка. В 1905 году — выставка Московского товарищества художников. В 1906 году — работы Гончаровой и Ларионова экспонировались в Париже в русском отделении Осеннего сезона (устроитель Дягилев). Выставка в Берлине у Кассирера.

Всеобщее внимание любителей искусства и профессионалов привлекли новаторские поиски в области цвета, свет и форма в живописи. Интересы художницы лежали в области жанровой живописи. Сюжеты ее картин — самые простые явления жизни: городские сцены, чаще сельские: сбор картофеля, хмеля, яблок, винограда, ловля рыбы, рубка леса, полоскание или беление холста, пахота, жатва и т.п., свадьба, похороны. Гончарова любила

большие цветные плоскости. Декоративность у нее всегда соединена с экспрессией. Эта повышенная экспрессия ее героев и картин дает особую выразительность.

Большое впечатление на Гончарову произвела Испания. Ее работа «Испанки» необыкновенна. М. Цветаева приводит лучший отзыв о них одного из французских газетных рецензентов: «Да это не женщины, это соборы! Все от собора: и створчатость, и вертикальность, и каменность, и кружевность. Гончаровские испанки — именно соборы под кружевом, во всей прямоте под ним и отдельности от него».

Она утверждает русский эмпрессионистический примитивизм «Мытье холста» (1910), интерес к которому, по мнению Д. Сарабьянова, был характерен для многих художников начала XX столетия. Ее творчество испытывало влияние лучизма (один из первых опытов декоративного абстракционизма).

В начале первой мировой войны Гончарова создает серию автолитографий — «Мистические офорты войны». Один из экземпляров этого издания хранится в ЦГАЛИ в фонде Таирова (имеется дарственная надпись Таирова).

Там же, в ЦГАЛИ хранятся и другие автолитографии Гончаровой — иллюстрации к книгам В. Хлебникова, А. Крученых, С. Боброва. В иконописных работах Гончаровой (Георгий, Варвара-Великомученица, Иоанн Креститель — огненный, крылатый, в звериной шкуре; Алексей, человек Божий — в белой рубахе, толстогубый, очень добрый с длинной бородой, кругом цветущая пустыня, его жизнь) мы видим высшее проявление цельности художественного образа. Иконы Гончаровой сохранили чистоту и просторечие, непосредственность видения, что определяет их обаяние и своеобразие. Художница обратилась к животворному источнику народного творчества, защищая тем свое творчество от серости и бездушия.

Широкую известность Н.С. Гончаровой принесли ее театральные декоративные работы. С 1914 года судьба Гончаровой и Ларионова оказалась тесно связанной с труппой С.П. Дягилева. Они принимают участие в оформлении спектаклей и создании костюмов для постановок созданного Дягилевым Русского балета за границей. Спектакли «Золотой петушок», «Садко» на музыку Римского-Корсакова, «Свадебка» и «Жар-птица» И.Ф. Стравинского, «Русские сказки» А.К. Лядова, «Шут» С.С. Прокофьева, «Испанская рапсодия» Мориса Равеля восхищали публику Франции, Англии, Италии, Испании, Швейцарии, Германии. Русская тема всегда преобладала в искусстве Н. Гончаровой. В декорациях, в костюмах к балетам «Богатыри» Бородина, «Царь Салтан» Римского-Корса-

кова, «Свадебка», «Жар-птица», «Лиса» Стравинского проявилась необычайная фантазия и темперамент Гончаровой, ее удивительный декоративный дар, ее смелость, ее оригинальность.

Особое место в жизни и творчестве Н.С. Гончаровой занимал Полотняный Завод. В ее дневнике мы читаем: «Там я много работала. Если бы Вы знали, что такое Полотняный Завод — та жизнь! Нигде, нигде на свете, ни до, ни после, я не чувствовала такого счастья, не о себе говорю, в воздухе — счастья, счастливее самого воздуха! Вечный праздник и вечная праздность — все располагало; лестницы, аллеи, пруды... С утра пенье, а я с утра дверь на крюк. Потому что ведь нельзя иначе: не сейчас — так никогда!»

Наталья Сергеевна оставила память о Полотняном Заводе — рисунок Екатерининской спальни, из которой просматривается анфилада залов, в т.ч. и фрагмент «Китайской гостиной». Очень интересен рисунок, на котором мы видим фрагменты интерьера зала: зеркала с ломберным столиком под ними, знаменитые кресла с лирой, круглый столик и вазу китайского фарфора.

96 лет прошло с первой выставки Н.С. Гончаровой. Но интерес к творчеству русского художника и в России и в мире живет и в наши дни. В творчестве художницы совместились различные пласты русского и европейского искусства. Без ее личности и работ, в которых столько смелых находок, трудно представить себе историю русского художественного творчества.

Хочется верить, что вскоре появятся новые исследования об одной из оригинальнейших и талантливых представительниц русской художественной культуры.

Литература

1. ЦГАЛИ, ф. 2956, оп. 1, ед. хр. 25, лл. 1—2.
2. Цветаева М.И. Соб. соч., Т. VII. — М., 1994, С. 125.
3. ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 1079.
4. Цветаева М.И. Там же, с. 103.

С.И. Личенко,
научный сотрудник

Калужского областного художественного музея

Художественные произведения из имения Полотняный Завод в собраниях краеведческого и художественного музеев Калуги

Русская усадьба — это своеобразный феномен нашей истории и культуры. Возникнув, как жилой и хозяйственный комплекс вотчинника, она постепенно превращалась и в культурный центр, в котором синтезировались традиции семьи и рода, культура дворянская и крестьянская, культура города и провинции, культура России и Запада.

В истории русской усадебной культуры в Калужской губернии и российской провинции в целом Полотняный Завод занимает особое место, поскольку связан с личностью великого поэта — А.С. Пушкина. Традиционно Полотняный Завод, как и русскую усадьбу в целом, можно рассматривать как своеобразный микрокосмос, соединявший разнообразные проявления жизни в гармоническое единство: хозяйственная жизнь, жизнь природы, развитие камерных жанров искусства, связанных с усадебным бытом. Место Полотняного Завода в художественной культуре российской провинции определялось еще и тем, что усадьба фиксировала точку пересечения двух осей, по которым развивалась жизнь русского дворянина — фамильно-родовой и социально-иерархической. Через усадьбу происходило само определение человека в социокультурном пространстве, а роль наглядного пособия в этом процессе выполняла портретная галерея.

Портретная галерея в Полотняном Заводе в русле отечественной усадебной традиции состояла из двух разделов: фамильного и официального. Последний непременно включал изображения особ императорского дома, в частности, портреты императрицы Екатерины II. В собрании краеведческого музея находится портрет Екатерины II, приписываемый, по инвентарным данным И.Б. Лампи старшему (1751—1830), одному из крупнейших австрийских художников, который жил и работал в России на протяжении пяти лет (1792—1797). В течение восьми сеансов работы с натуры И.Б. Лампи старший пишет портрет государыни. Он делает много

эскизов и вариантов этого портрета, а официальный портрет заканчивает в 1793 году. В настоящее время оригинальный портрет Екатерины II кисти И.Б. Лампи старшего находится в собрании ГЭ, подписной, датированный 1793 годом. По своей образной концепции это портрет-идея: державный образ законодательницы, справедливой правительницы. По стилистическим и композиционным особенностям — это типично репрезентативный портрет, где дается фигурное изображение императрицы в парадном одеянии с соответствующими царскими регалиями, атрибутами и аллегорическими образами Истины и Крепости. Идеально-нормативное, столь присущее эстетике классицизма, оказывается здесь сильнее индивидуально-личностного. Программа классицизма с ее классическим идеалом подавляет человеческую основу, и процесс создания образа становится процессом приведения модели к изначально заданному идеалу. В настоящее время имеется большое число вариантов и эскизов этого портрета самого Лампи, а также копии русских и иностранных художников в ГРМ, в ГЭ, в Павловском дворце-музее и др. Относительно портрета из собрания краеведческого музея можно отметить следующее: без сомнения, это копияное произведение. Причем, если сам Лампи повторял свои работы, то он придерживался тщательного повторения композиции оригинала, в данном же случае мы видим отсутствие в правой части картины аллегорических фигур Истины и Крепости. Копии самого Лампи, как правило, соответствуют оригиналу по размерам, чего не наблюдается в картине из КОКМ: оригинал — 290x208, музейная работа — 57,3x41,5. Но хороший профессиональный уровень исполнения произведения делает вероятным предположение, что его мог выполнить И.Б. Лампи младший, который также работал в России и часто копировал работы своего отца.

Фамильный раздел портретной галереи Полотняного Завода представляет портрет Афанасия Абрамовича Гончарова. По утверждению А. Средин, с него было сделано две копии, и располагались они по разным комнатам дома. Исполненный неизвестным художником середины XVIII века, портрет сохраняет в своей образной структуре немало архаических парсунных черт: плоскостность изображения, застылость и замкнутость форм, локальность живописного решения.

Портреты супругов Бибиковых, входивших в фамильный раздел портретной галереи Полотняного Завода представляют классицистическую концепцию художественного образа в русской живописи 2-й половины XVIII века. Портрет В.А. Бибиковой, младшей дочери основателя Полотняного Завода, принадлежит кисти Д.Г. Левицкого (1735—1822). По стилистическим признакам и об-

разной концепции он в целом реализует каноны классицизма. Но в данном случае стиль активно работает на углубление образа, способствует выявлению индивидуально-личностного начала модели. Данная атрибуция была предложена И. Грабарем и П. Кориным в 1949 году во время реставрации портрета в ЦГРМ. На авторство Д. Левицкого указывал еще раньше в 1910 году А.Средин. Н.М. Гершензон-Чегодаева, крупнейший исследователь творчества художника, в монографии о Д. Левицком относит портрет В.А. Бибиковой к разделу «Произведения, атрибуция которых вызывает сомнения». Портрет И.Б. Бибикова, мужа В.А. Бибиковой, казанского губернатора, впоследствии — сенатора, по инвентарным данным КОХМ, выполнен неизвестным художником второй половины XVIII века в технике пастели. Специфические приемы работы пастелью: мощная моделировка объемов, тщательная проработка лица, большие, почти живописные локальные цветовые пятна, позволяют высказать предположение, что произведение выполнено русским художником, мастером психологического портрета.

В фамильном разделе портретной галереи Полотняного Завода были также представлены подписные, датированные портреты, в частности, акварельный портрет Дмитрия Дмитриевича Гончарова, датированный 1848 годом, имеющий подпись: В. Поляков. Акварельный портрет детей Дмитрия Николаевича, датированный 1848 годом, имеющий подпись на французском языке: Алексеев. Основой исследовательской работы в данном случае явилось определение личности художников, создавших данные произведения. Каталоги различных музейных коллекций не содержат никаких данных о художнике В. Полякове, и только в справочнике русских художников С.Н. Кондакова приводятся некоторые сведения о художнике: Василий Степанович Поляков — таково полное имя художника — родился в 1824 году, в 1850 году Академией художеств ему было присвоено звание «свободного художника живописи портретной акварельной». Алексеев И. — акварелист середины XIX века. В ряде музеев (ГТГ, ГРМ, ГЛМ) находятся акварельные портреты, подписанные художником на французском языке. Возможно, это тот живописец, который жил в 1848 году у Смирновых в Калужской губернии. Очевидно, о нем упоминает писатель П.А. Кулиш в рассказе о жизни Н.В. Гоголя в 1849 году в усадьбе А.О. Смирновой «Бегичево». Известный искусствовед А. Сидоров вводит творчество И. Алексеева в контекст провинциальной портретной графики.

Особую грань духовной жизни владельцев Полотняного Завода представляют произведения русской иконописи, иконы, находившиеся в имении: «Нил Столбенский на фоне монастыря»,

1774 г.; «Афанасий Александрийский и Татьяна», XVIII в.; «Св. Екатерина, Афанасий Александрийский, св. Никола», XVIII в. Икона «Нил Столбенский...» подписная, выполнена палехским художником Василием Баклашевым в 1774 году. «Сим образом» в 1779 г. московский митрополит Платон благословил А.А. Гончарова. Идея преобразования, строительства, обустройства родной земли, воплотившаяся в данной иконе, была близка основателю Полотняного Завода. Иконы «Афанасий Александрийский и Татьяна», «Св. Екатерина, Афанасий Александрийский, св. Никола», XVIII в. относятся к иконографическому типу «избранные святые». Однако подбор святых, в данном случае, достаточно избирателен: на иконах изображены патрональные святые представителей рода Гончаровых в молитвенном предстательстве перед Господом, дабы не оставил он своею милостью и покровительством представителей гончаровского рода. По стилистическим признакам иконы представляют образец иконописи XVIII в., где уже ошутимы черты барочного стиля. Обитатели имения видели в них не только материальную реликвию бытовой религиозности, но и изображение всей внутренней истории русского религиозного и вместе с тем национального самосознания.

Н.И. Лепихова,
главный специалист
Калужского областного центра народного творчества

Календарь народных праздников Калужского региона весенне-летнего периода (по материалам фольклорных экспедиций областного научно-методического центра народного творчества 1991—1993 гг.)

Обращение к теме календаря народных праздников Калужского региона не случайно. В общеизвестной научной литературе содержатся лишь разрозненные сведения на эту тему. Дополнение и систематизация имеющихся данных и стало основной задачей этой работы. Для специалистов может представлять интерес сравнительная таблица сроков некоторых видов крестьянской трудовой деятельности Калужского региона и средней полосы России.

В этой работе рассматриваются бытовые обряды весенне-летних народных праздников Калужского региона (большая часть сведений по Хвастовичскому району). Разбор праздников ведется в календарном порядке с указанием дат по новому стилю. Кроме того, даны некоторые наблюдения, приметы, замечания жителей сел — наших информантов.

«В старой русской жизни март считался первым месяцем в году.» И в нашей беседе с жительницами села Воткино (Хвастовичский район) Жуковой Марией Гавриловной и Исаевой Зинаидой Васильевной первым весенним праздником был назван День сорока мучеников — Сороки, не забыли при этом упомянуть.

17 МАРТА — Алексей-Алдакей. «Алексей, чуй, за рекой не ночуй». В этот день часто наблюдается разлив рек. «Утром за реку уйдешь пешком, а вечером обратно и на лодке не переберешься».

22 МАРТА — «Сороки» (бытовое), День сорока мучеников. В этот день закликали весну. Заклички пелись в основном детьми, которые забирались повыше — «на рыги», крыши амбаров, сараев — кликали весну, подбрасывая вверх жаворонков. Жаворонки — особый вид печенья в форме птички, чаще из ржаной муки, иногда из смеси с пшеничной. В тесто добавляли льняное семя и красную свеклу «для цвета и сладости». Каждому ребенку пекли по одному или два жаворонка. С одним играли, ходили весну кликать, подбрасывали вверх, а потом оставляли в тех местах, где весну закликали или «сажали» жаворонков на заборы. Зачастую, после ухода детей, оставленных жаворонков съедали собаки. Кроме жаворонков пекли 40 «бобочков» из того же теста. Раскатывали жгут из теста и разрезали его на 40 частей. Эти бобочки давали всем домашним животным. В день Сороков обычно прилетают жаворонки. С этого дня отсчитывают 40 утренников — утренних морозов.

«На Сороки — помидоры сеют».

7 АПРЕЛЯ — Благовещение. «На Благовещенье птица гнезда не завивает, девушка косы не заплетает». «В этот день не работали — грех большой». В селе Воткино Хвастовичского района были гулянья, водили хороводы. Особой популярностью пользовалась хороводная песня «Ой, клин-млада», известная в других районах под названием «А мы просо сеяли». На гуляньях играли «В лакту» (в лапту) и горелки. В этот день ждут дождя — «Пойдет дош (дождь) — будет рош (рожь)».

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ — «Вербное» (бытовое) — неделя до Пасхи, переходящий. Освящение в храмах вербных веток (окропление вербы святой водой), что по преданиям обеспечивает дожди летом и всяческое плодородие (обильный урожай хлебов,

хороший рост трав). «Освященная верба хранит от болезней людей и скот».

ПАСХА — переходящий праздник.

Содержание праздника обширно и многообразно. Празднику предшествует страстная неделя. Это неделя особо строгого поста. В эту неделю жилища, надворные постройки особо тщательно моются, все приводится в идеальный порядок.

Пасху празднуют неделю, называется эта неделя «светлой». Всю неделю поют «Христос воскрес!», совершают обходы домов и полей с иконами.

Через неделю — «поставное» воскресенье — иконы ставят на места в этот день.

До сих пор существует обычай «угощать» духов семейных предков. Всю «светлую» неделю на ночь не убирают остатки еды со стола.

6 МАЯ — Вешний Егорий — Юрьев день.

Начинают посевы яровых.

Часто в этот день первый выгон скота на луга. Хозяйки выгоняли скот вербой, оставленной с вербного воскресенья.

22 МАЯ — Вешний Никола.

«Николин день» (бытовое) устанавливает лето, определяет средний срок посева яровых.

Первый выгон лошадей на подножный корм.

С этого дня высаживают огурцы в грунт.

ВОЗНЕСЕНЬЕ — 40-й день после Пасхи, 10 дней до Троицы — переходящий.

Проводились обряды кумления, крещения кукушки.

Календарно Вознесенье приходится на разгар весны и переход к лету с его полевыми работами. В народе говорили: «Придет Вознесеньев день, сбросит весна-красна лень, летом обернется-прикинется, за работу в поле примется».

Существовал обычай печь из теста «лесенки» — печенье из хлебного теста в форме лестницы. После освящения в храмах «лесенки» часть оставляли на полях, чтобы хлеба были высокие, густые, колосистые; а часть давали детям, которые с радостью их съедали. Перебирали картошку. Сажали огород, картошку.

СЕМИК — седьмой четверг после Пасхи, три дня до Троицы.

День ярчайшего проявления славянского вспомоществования. На Семик хоронили «всем опчеством» сирых, убогих, безвестных, умерших прошедшей зимой в селе или близ него. До Семика тела хранятся в специально вырытой земляной яме общественного сарая без пола. Проводились обряды крещения кукушки, завивания венков.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА — день перед Троицей.
День поминовения усопших.

ТРОИЦА — переходящий, обычно, конец мая, начало июня.
Воскресенье 50-го дня от Пасхи.

Из обрядовых действий выделяется завивание березы.

В храмах освящают зелень — любые полевые, луговые растения, кроме осины, чаще всего береза, клен, рябина, дуб, липа.

С Семика по родительскую субботу в домах идет особо тщательная уборка, украшение зеленью.

В день Троицы водят хороводы, играют в «Столбы», «Лакту», «Куму», «Горелки». Игры в основном уличные. Обязательными обрядами являются: коллективная яичня на поле, на краю села катание на релях (качелях), каруселях, катание яиц, гадания на венках (венки бросали в воду, чей на месте стоит — изменений в жизни не предвидится, чей поплыл — замуж выйдет). На венках гадали девушки.

ДУХОВ ДЕНЬ — понедельник после Троицы.

Молодежь водит троицкие хороводы, иногда завивают венки. С этого дня устанавливается теплая погода. С духовя дня можно не одевать верхней одежды даже ночью, а «до Святого духа не снимай кожуха».

ЗАГОВЕНЫ — через неделю после Троицы

В этот день развивают венки.

22 ИЮНЯ — начало покоса.

7 ИЮЛЯ — «Иванов день» — «Ивана Купала».

Гуляют в рощах, по дорогам парами и группами. Умываются росой, собирают травы. Молодки играют песни «под амбар» («Звонит звонок», «Сегодня вечер скучный», «Он пел ей песню тихим тоном», в других регионах известную под названием «Шумел камыш», село Воткино, Хвастовичский район).

Совершали обряды очищений огнем — молодые прыгали через костер, скотные дворы окуривали факелами. В кострах старались сжечь рубашку больного, если таковой был в доме. Кроме того, сжигался всякий хлам, старье. По преданиям, чем больше дыма, тем дальше от селения отгоняются злые духи.

В «Иванов день» режут венки для бани. Считается, что эти венки обладают целебной силой.

8—9 ИЮЛЯ — зажинки.

10 ИЮЛЯ — начинают убирать рожь. Уборка длится около 2-х месяцев.

12 ИЮЛЯ — День Петра и Павла — «Петров день», «Петры-Павла» (бытовое). 5 недель и 4 дня от Троицы — Петровский пост — «петровки».

На Петров день собирают чернику.

Перед Петровым днем не спят, ждут восхода солнца. На солнце смотрят через подшальник, «солнце сияет всеми цветами радуги».

«Ишли глядеть, как сонца играя».

Пекут хлеб из «новины» (зерно нового урожая).

«Гулянья не было» (с. Воткино, Хвастовичский район).

21 ИЮЛЯ — Казанская летняя.

2 АВГУСТА — Ильин день.

«На Илью до обеда лето, после обеда — осень». «После обеда дош (дождь) польет «берном».

В этот день можно было купаться последний раз, позже купаться нельзя — «Илья в речку «ледянку» пустил».

После Ильи щавель не собирают и не едят — «Илья обоссал» (Жукова М.Г., Исаева З.В. — село Воткино, Хвастовичский район).

11 АВГУСТА — Маковей — разговляются маком.

19 АВГУСТА — медово-яблочный Спас. Объединяет в себе элементы первого (медового) Спаса — 14 августа и второго Спаса — Преображения — 19 августа.

С этого дня заметно холодает.

Этот день считается праздником земных плодов. В храмах проводится обряд освящения плодов, овощей, часто меда. Разговляются яблоками, есть которые до второго Спаса не разрешается.

28 АВГУСТА — Успенье.

За несколько дней до Успенья сеют озимые.

Близко к Успенью (конец августа) заканчивают жать рожь.

1—10 СЕНТЯБРЯ — роют картошку, косят овес.

14 СЕНТЯБРЯ — Семенов день — «Семенники» (бытовое).

В этот день «выпускают» семена из огурцов.

17 СЕНТЯБРЯ — окончание полевых работ.

21 сентября — Рождество Богородицы — «Аспошка», «Аспосов день» (бытовое).

Богородица — небесная покровительница земледелия, «подательница урожая», «спорительница хлебов».

В этот день — благодарность Богородице за собранный урожай.

Представленный календарь весенне-летнего периода содержит сведения не только праздничных дней, но и отдельных дат, свя-

занных с важными аграрными событиями. Составлен календарь на основе материалов фольклорных экспедиций Калужского областного научно-методического центра народного творчества и культурпросветработы и содержит далеко не полные сведения.

Наша работа продолжается и требует неоднократного возвращения к теме календаря народных праздников Калужского региона.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

сроков некоторых видов крестьянской трудовой деятельности Калужского региона и средней полосы России.

Род занятий	Сроки	
	Калужский регион	Регионы средней полосы России
Посев яровых	6 мая — Вешний Егорий — Юрьев день	14 мая — Еремей запрягальник. 15 мая — Борис и Глеб
Первый выгон скота	6 мая — Вешний Егорий — Юрьев день	14 мая — Еремей запрягальник.
Высадка огурцов в грунт	22 мая — Вешний Никола	2 июня — день Святого Филиппа
Посадка картофеля, огородных культур	Вознесенье (середина — конец мая, 20 мая 1999 г.)	1—10 мая
Начало покоса	22 июня	12 июля — Петра и Павла
Зажинки	8—9 июля	29 июля — Финогеновы зажинки
Начало уборки ржи	10 июля	29 июля — Финогеновы зажинки
Выпечка хлеба из «новины»	12 июля — Петра и Павла	2 августа — Ильин день
Окончание сенокоса	30—31 июля	10—13 августа
Посев озимых	20—25 августа	14—31 августа
Окончание жатвы	Конец августа близко к Успенью	Близко к Успенью, чуть позже
Уборка картофеля	1—10 сентября	1—20 сентября
Окончание полевых работ	17 сентября	Конец сентября

Литература

1. Сахаров И.П. Сказания русского народа, вып. 1, народный календарь, — М., «Советская Россия», 1990.
2. Народный дневник. Народные праздники и обычаи. Из «Сказаний русского народа», собранных И.П. Сахаровым. «Дружба народов», — М., 1991.

3. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, часть 1, — М., «Советская Россия», 1990.
4. «Круглый год». Русский земледельческий календарь. Издательство «Правда», — М., 1991.
5. Фольклор Калужской губернии, вып. 1. Составитель Н.М. Ведерникова. ООО Издательство «Родник», — М., 1997.
6. Сборник Калужского государственного музея, вып. 1. Издание Калужского государственного музея, — Калуга, 1980.
7. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого, т.1, — М., «Международные отношения», 1995.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка, изд. 7-е, стереотипное. Изд. СЭ, — М., 1968.
9. Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Д.Н. Ушакова. Государственный институт «Советская энциклопедия», — М., ОГИЗ, 1935, том 1.
10. Материалы фольклорных экспедиций Калужского областного научно-методического центра народного творчества и культурпросветработы 1991—1993 гг.

Н.В. Марченко,

*заместитель директора по научной работе
Калужского государственного объединенного краеведческого музея*

Полотняный Завод — историко-мемориальный памятник (к вопросу музеефикации усадьбы)

Изучение русской усадьбы всегда было ориентировано на цели сохранения усадебных комплексов. В годы Октябрьской революции, когда многие усадьбы постигла скорбная судьба, были предприняты некоторые попытки сохранения усадебных памятников: в 1918 году издан декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» и создан Комитет по охране памятников культуры, который с помощью энтузиастов собирал регистрационный материал и способствовал открытию в начале 20-х гг. ряда усадебных музеев: Архангельское, Кусково, Останкино, Михайловское, Ясная Поляна, Поленово и др.

Большую роль в исследовании, фиксации и популяризации усадебных комплексов, что немало способствовало их сохранению в те годы, сыграло Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), которое просуществовало с 1922 по 1931 годы. В своих исследовани-

ях Общество пошло дальше предшественников и прежде всего журнала «Старые годы», отдавая им должное как родоначальникам усадебной темы. В связи с этим упомянем замечательную искусствоведческую статью Александра Средина о Полотняном Заводе.

Возвращение к усадебной теме началось в 50—60 гг. исследованиями усадебной архитектуры и садово-парковых ансамблей эпохи классицизма. Полотняному Заводу были посвящены очерки Фехнер и Николаева. В дальнейшем раздвигались хронологические рамки исследований и сформировались новые подходы изучения усадебного искусства, которое стало рассматриваться в контексте общих процессов развития художественной культуры и усадебного быта. Подобной работы о Полотняном Заводе еще нет, но необходимость ее появления уже актуальна.

Новый исследовательский импульс дало возрожденное в 1992 году ОИРУ, которое постоянно поддерживает и будирует общественное внимание к судьбе русской усадьбы. Все чаще усадьбу называют среди подлежащих возрождению элементов русской культуры и ставится вопрос о путях восстановления усадеб, одним из которых является музеефикация. В этой связи показательна судьба Полотняного Завода. В настоящей работе будут рассмотрены проблемы, связанные с музеефикацией этой усадьбы.

Полотняный Завод — уникальный историко-мемориальный памятник XVIII—XX вв., вошедший в отечественную культуру, благодаря связи с именем А.С. Пушкина и своей замечательной исторической канве и традиции. Здесь в XVIII веке сложилось и успешно развивалось крупнейшее в России парусное и бумажное производство А.А. Гончарова, родоначальника дворянского рода. Рядом с фабрикой строилась и благоустраивалась усадьба, достигшая к началу XIX века своего расцвета. Следы былой роскоши и застал А.С. Пушкин, посетивший Полотняный Завод в 1830 г., когда приезжал познакомиться с А.Н. Гончаровым и уладить дела с приданым Н.Н. Гончаровой, и в 1834 году, когда прожил на Заводах две недели.

Полотняный Завод посещала Е.Р. Дашкова, в октябре 1812 года в усадьбе находился штаб русской армии и жил М.И. Кутузов. На рубеже XIX и XX веков здесь жил А.В. Луначарский. На волне широкого общественного подъема, связанного со 100-летним юбилеем со дня рождения А.С. Пушкина, в Полотняном Заводе удивительно творчески проявилась народная память о величайшем поэте России — был создан Пушкинский народный театр, на сцене которого играли представители семьи Гончаровых, О.Л. Книппер и рабочие бумажной фабрики; открыта библиотека-читальня, а в доме Гончаровых бережно хранили реликвии пушкинского времени и письма А.С. Пушкина.

После Октябрьской революции Полотняный Завод не был отнесен к категории усадеб, обладающих значительной художественной целостностью, служившей критерием для музеефикации, тем не менее в 1921 г. Калужскому отделу по делам музея и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса удалось сохранить значительную часть предметов искусства и быта этой усадьбы в собрании Губмузея. До некоторой степени сохранению усадьбы в тридцатые годы способствовало приспособление главного дома под школу, устройство там небольшого музея, а также размещение на территории парка пионерского лагеря и, конечно, работающая бумажная фабрика. В годы Великой Отечественной войны, как мы знаем, усадебный комплекс значительно пострадал. Но традиция народной памяти об этом историческом месте, о пребывании здесь А.С. Пушкина не угасала, и жила вера в возрождение этого культурного гнезда.

В 1972 году началась реставрация усадьбы, а в 1993 году было принято решение о создании музея, что связано с достижением сложной, но вместе с тем, высокой цели — возрождение одного из прекраснейших уголков старой России, прочно вошедшего в историю отечественной культуры и связанного с именем великого русского поэта А.С. Пушкина.

Данная постановка цели предполагает соответствующее музейное развитие, которое базируется на принципах поэтапного и комплексного решения задач создания музейного историко-архитектурного, литературного и ландшафтного заповедника «Полотняный Завод».

Принцип поэтапного развития заключается в последовательной музеефикации:

1 этап. Открытие первой очереди экспозиции, посвященной истории усадьбы и А.С. Пушкину, на втором и частично на третьем этажах (комната М.И. Кутузова) главного дома усадьбы в 1999 г.

2 этап. Открытие второй очереди музейной экспозиции, посвященной развитию одного из старейших полотняных и бумажных производств в России, в восстановленных ткацких палатах в 2015 г.

3 этап. Создание музейного историко-архитектурного, литературного и ландшафтного заповедника «Полотняный Завод». Фиксация его границ. В состав заповедника включены парк и пруды, соответствующими службами по уходу за ними, усадьба Щепочкиных. За пределы заповедника выведены сооружения, искажающие исторический облик усадьбы. Создание туристического комплекса с гостиницей в 2025 г.

Музейные экспозиции первого и второго этапов музеефикации Полотняного Завода создаются на принципах мемориально-тематического показа. На этапе создания музейного заповедника музеефикация может развиваться на принципах экомuzeя, так как в музейный комплекс войдут парк, пруды, восстановленные хозяйственные постройки (отметим как важное восстановление конного двора и манежа), а также непосредственное примыкание промышленной зоны с сохранившимся бумажным производством, которое предполагается включить в число экскурсионных объектов.

Экспозиционная идея первой очереди музея в Полотняном Заводе разрабатывается в новом русле традиционной для пушкиноведения темы «погибельное счастье». Новое течение проистекает из 70-х годов, когда в научный оборот были введены ранее неизвестные источники, обнаруженные в архиве Гончаровых и А.П. Араповой. Это письма Натальи Николаевны, ее сестер, братьев, матери и других членов семьи, а также хозяйственные документы Гончаровых. Данные источники рисуют другой образ жены поэта, который не страдает «комплексом вины», что долгое время исповедовали исследователи в названной теме.

Идейный замысел экспозиции состоит в воссоздании атмосферы, в которой выросла Н.Н. Гончарова. Это мир русской усадьбы, наполненный богатой историей преобразования и созидания, которую творили яркие личности. Атмосфера Полотняного Завода — это высокий стиль классицизма конца XVIII века, из недр которого вырос «золотой век» русской культуры с его ярчайшим представителем А.С. Пушкиным. Воплощение экспозиционного замысла возможно через реконструкцию мемориальных интерьеров в стиле русского классицизма конца XVIII века, что станет неординарным явлением в музейной практике воссоздания усадебных интерьеров указанного периода.

Содержание экспозиции должно решить следующие задачи:

1. Показать уникальную историческую судьбу усадьбы Полотняный Завод, незаурядную личность А.А. Гончарова, а также интересные судьбы других представителей этого дворянского рода;
2. Показать русскую провинциальную усадьбу со следами былой роскоши, где выросли и жили потомки А.А. Гончарова, составившие близкое окружение А.С. Пушкина в 30-е годы XIX века, и раскрыть многогранные связи поэта с Полотняным Заводом;
3. Рассказать о судьбе Н.Н. Гончаровой, ставшей избранницей великого поэта России, показать ее высокие духовные качества, которые высоко ценили ее близкие родственники и А.С. Пушкин: «... а душу твою люблю я еще более твоего лица»;

4. Рассказать о том, как в провинциальной глубинке России зародилась и продолжает жить традиция бережного и трепетного сохранения памяти об А.С. Пушкине.

Решение поставленных задач возможно на основе последовательной хронологической разработки экспозиционных тем: «Создание дворянской усадьбы и майората Полотняный Завод в XVIII в.», «А.С. Пушкин и семья Гончаровых», «Память об А.С. Пушкине и Полотняный Завод».

Музеефикация Полотняного Завода является наиболее удачным направлением возрождения этой русской усадьбы.

Кислицина М.В.,

научный сотрудник Калужского

государственного объединенного краеведческого музея

Народная библиотека-читальня в Полотняном Заводе в конце XIX— начале XX вв.

Настоящее сообщение посвящено деятельности Полотняно-Заводской бесплатной народной библиотеки-читальни конца XIX—XX веков. По данному вопросу мы встречаем в литературе лишь отдельные упоминания. В частности, в публикациях Д. Малинина «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии», 1912 г., В. Пантелеева «Полотняный Завод», 1970 г., К. Бедлинского «Страницы дней перебирая», 1992 г., местной периодической печати. Данное же исследование основано на изучении фондов ГАКО.

Большую роль в открытии бесплатных народных библиотек-читален сыграла в 1894 году инициатива Петербургского и Московского Комитетов Грамотности, поднявших их уровень сбором пожертвований деньгами и книгами. Многие владельцы помещичьих и дворянских усадеб Калужской губернии занялись устройством библиотек-читален в своих имениях. Одной из них была Ольга Карловна Гончарова, которая в 1895 году в Полотняном Заводе открыла такую библиотеку, предоставив под нее помещение в Красном доме.

Открытию Полотняно-Заводской библиотеки-читальни предшествовала большая подготовительная работа. В 1894 году был со-

ставлен Проект устава библиотеки-читальни из 20 пунктов. В том же году Петербургский Комитет Грамотности обратился к Калужскому губернатору Н.Д. Голицыну с ходатайством о содействии по открытию в Полотняном Заводе библиотеки, «которая будет призвана распространять грамотность и полезные знания среди сельского населения». Эти меры дали возможность Гончаровой О.К. 28 января 1895 года получить свидетельство на право содержания бесплатной народной библиотеки-читальни в Полотняном Заводе. В 1897 году в помещении библиотеки-читальни по решению Ольги Карловны была открыта книжная лавка, ответственным лицом которой был назначен ее сын Д.Д. Гончаров.

Заслуживает уважения желание О.К. Гончаровой закрепить в памяти местного населения имя великого поэта А.С. Пушкина, дважды посетившего Полотняный Завод — в 1830 и 1834 годах. В архиве сохранилось ходатайство Гончаровой на имя Калужского губернатора Голицына Н.Д. о разрешении присвоить библиотеке-читальне наименование «Пушкинской». Однако, Главное управление по делам печати от 8 февраля 1896 года отказало в просьбе, мотивируя его отсутствием денежных средств.

Представление о работе Полотняно-Заводской библиотеки-читальни дают регулярные отчеты членов библиотеки. Эти интересные документы позволяют судить о комплектовании фонда библиотеки, о контингенте читателей и их интересах, о видах работы и т. д. В отчете о деятельности библиотеки-читальни за 1898—1899 годы отмечалось: читателей, бравших книги на дом, было 200, из них — 174 мужчин и 26 женщин. По отделам прочитанные книги распределялись таким образом: богословские — 362, исторические — 533, словесные — 3245, математические — 6, географические — 702, естественные — 501, гигиена и медицина — 29, сельское хозяйство — 43, юридические — 13. В библиотеке-читальне проводилась культурно-просветительная работа. Было прочитано 23 лекции с показом туманных картинок на следующие темы: «Дедушка Крылов», «Начало христианства на Руси», «Иоанн Грозный», «О смутном времени на Руси», «Что мы видим ночью на небе?», «Куликовская битва» и т.д. Чтения посетили до 7 000 человек.

Финансовый отчет библиотеки-читальни о приходах и расходах за 1904—1905 годы раскрывает источник ее содержания. Всего на счет библиотеки поступило 624 руб. 34 коп. Расход средств составил 487 руб. 96 коп. Из них 108 рублей было потрачено на выписку журналов: «Нива», «Вокруг света», «Природа и люди», «Русский паломник», «Душеполезное чтение», «Родина», «Всходы», «Юный читатель», «Русская школа» и газет: «Новое вре-

мя», «Свет», «Московский листок». Остаток в 138 руб. 38 коп. поступил на счет библиотеки-читальни на следующие 1905—1906 годы.

Полотняно-Заводская бесплатная библиотека-читальня могла существовать за счет ежегодных взносов и добровольных денежных пожертвований частных лиц. Изучение списка членов библиотеки за 1898—1899 годы позволяет узнать имена жертвователей (всего их было 66 человек). Пожизненно почетными членами, внесшими по 100 рублей, были: Гончарова О.К., Гончарова Е.Д., Гончаров Н.Д. На счет библиотеки-читальни в этот период поступило 533 руб. 50 коп.

Взносы действительных членов библиотеки шли на приобретение книг и периодической печати. В 1908 году члены совета Полотняно-Заводской библиотеки-читальни постановили выписать для библиотеки 116 книг.

Подбор литературы характеризует не только широту взглядов членов совета, но и их стремление способствовать делу народного образования среди местного населения.

Художественная литература представлена произведениями русских и зарубежных писателей: Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Короленко, Вересаева, Золя, Мопассана, Твена, Сервантеса и т.д. Видное место в этом списке занимала литература, освещающая вопросы истории, литературы, ботаники, геологии, географии. Назову лишь некоторые издания: «Учебник русской истории» Виноградова, «Политическая экономия» Чупрова, «Царь Иван Грозный» Князькова, «История новейшей русской литературы» Скабичевского, «Растения — друзья человека» Вольногорского, «Первые уроки минералогии» Герда, «Путешествие на корабле Бигль» Дарвина и т. д.

За 15 лет (1895—1910 гг.) работы Полотняно-Заводской библиотеки-читальни сменилось 10 библиотекарей, что говорит о большой текучести кадров. Из документов архива видно, что чаще всего заведовали библиотекой-читальней и выдавали книги земские начальники и местные учителя.

Как же сложилась судьба Полотняно-Заводской бесплатной народной библиотеки-читальни?

После смерти Ольги Карловны в 1900 году право на содержание библиотеки-читальни получил ее сын Д.Д. Гончаров, ставший 12 декабря 1902 года ее ответственным лицом. В 1908 году после его смерти библиотека-читальня переходит в управление его вдовы, Веры Константиновны. Документы архива позволяют проследить работу библиотеки-читальни до 1910 года. Существует легенда о том, что Красный дом сгорел от пожара в 1918—1920 гг. вместе с книжным фондом. Поэтому вопрос о прекращении дея-

тельности Полотняно-Заводской народной библиотеки-читальни в дальнейшем требует своего разрешения.

В заключение можно сделать вывод, что Полотняно-Заводская бесплатная народная библиотека-читальня была поставлена на профессиональную основу. В библиотеке-читальне была налажена работа с читателями, велась ежегодная отчетность ее деятельности. Фонд библиотеки был представлен разнообразными изданиями классиков русской и зарубежной литературы. Таким образом, из сказанного следует, что Полотняно-Заводская библиотека-читальня играла определенную роль в культурно-просветительской жизни поселка.

Литература

1. ГАКО, ф. 32, оп. 9, д. 101, 1894—1910.
2. ГАКО, ф. 32, оп. 2, д. 257, 1897.
3. Морозова Г.М. «История библиотечного дела в Калужском крае», вып. № 1, — Калуга, 1991.

И.В. Лыцева,

комментатор ГТРК «Калуга»

Род Загряжских

(из Калужской Пушкинианы)

В гостиной усадьбы в Полотняном Заводе с портретами владельцев фабрики имения — Гончаровыми, украшением родовой галереи были портреты прямых родственников Гончаровых — Бибиковых, Булыгиных, Нестеровых, Загряжских. (1). Живописные портреты, камерные акварели, миниатюры, подписные известных мастеров XVIII—XIX вв. и созданные неизвестными «доморощенными» живописцами. Кто же они были такие — Загряжские?

Как свидетельствуют документальные источники: книги дворянских родов, выписки из Гербовника IV, сведения Военной энциклопедии 1911—1914 гг., составленные в свое время на основании Разрядного архива, писцовых книг родословия, определенный Тульского дворянского собрания — род Загряжских происходил из Орды. Потомки Загряжских служили государству Российскому в качестве воевод, наместников, послов. Имели высшие военные и придворные чины, а за верную службу были от-

мечены наградами. (2).

Род Загряжских упоминается и в местных изданиях — Калужская старина. Т. IV, V. — «Боровская десятина». Судя по выпискам из древних архивных источников, род Загряжских владел в XVII—XVIII веках в Боровском уезде землями, вотчинами на реках Луже, Протве, селами: Троицким, Верея, Кременское. Так, имение Загряжских «Сатино» представляет собой прекрасный образец русской дворянской усадьбы (3). Загряжские находились в прямом родстве с родом Гончаровых и в отдаленном с Пушкиными. Известно, что крупный вельможа, родственник князя Потемкина, А.А. Загряжский (1627—1698) был женат на внучке последнего независимого гетмана Украины П.Д. Дорошенко (1621—1642), которому правительница Софья в 1684 г. даровала село Ярополец. Одному из сыновей гетмана, женатому на П.Ф. Пушкиной из рода Пушкиных, отошла часть имения, перешедшая затем в род Загряжских. А.С. Пушкин дважды бывал в этом имении — в 1833 и 1834 годах и ходил на поклонение праху прадедушки Н.Н. Гончаровой-Пушкиной (4).

Загряжские в XVIII—XIX вв. занимали видное положение в сословной иерархии царской России. Так, Н.А. Загряжский (1744—1821) имел высший придворный чин, был женат на Наталии Кирилловне Разумовской, дочери президента Академии Наук, которую хорошо знал А.С. Пушкин. В образе старой графини из «Пиковой дамы» было много сходства с Н.К. Загряжской (5).

В Волоколамском уезде Московской губернии известен был Б.А. Загряжский, генерал-майор, уездный предводитель дворянства, брат Н.А. Загряжского.

И.А. Загряжский (?—1807) — отец Наталии Ивановны Гончаровой, дед Н.Н. Пушкиной, был военным генералом, участником Русско-Турецкой войны, войн с Наполеоном, при штабе князя Потемкина служил в должности генерал-адъютанта. Имел высшие боевые награды: Владимира II степени, Георгия III степени, Св. Анны II степени, ордена А. Невского. Современники

Портрет
Александра Ивановича Загряжского

отмечали необыкновенную ветреность характера Ивана Александровича Загряжского (6).

Дочь И.А. Загряжского — Екатерина Ивановна (1779—1842) фрейлина императрицы, принимала близкое участие в семейной жизни Пушкиных. Известно, что ее стараниями и Жуковского была предотвращена первая дуэль поэта с Дантесом.

В исторических источниках упоминаются Загряжские, имеющие непосредственную связь с историей калужского края XIX века. Это П.П. Загряжский (?—1836), генерал, участник войн с Наполеоном и Русско-Турецкой войны (7).

В краеведческой литературе находим имя Ф.В. Загряжского — вице-губернатора Калуги, для которого архитектор Ясныгин в 1816—1817 гг. ставил дом на Большой Дворянской улице (8).

О поступлениях в Государственный объединенный Калужский краеведческий музей из родового имения Гончаровых Полотняный Завод живописных портретов Загряжских конца 20-х свидетельствуют документы из музейного архива и Госархива Калужской области. Это портреты А.И. Загряжского (х., м.) и Григория Ивановича (х., м.) — детей И.А. Загряжского (9).

Портрет
Ивана Александровича Загряжского

который погиб молодым в 1812 году в битве при Лейпциге.

В рождении третьей дочери генерала Загряжского, Натальи, много любопытного. Известно, что она была рождена в двоеженстве от немецкой баронессы Ульрике фон Поссе (1761—1791) (10).

Как в роду Загряжских было много семейных легенд, так и портреты Загряжских, представляющие иконографию этого знатного рода, несут в себе тайны. Об одном из загадочных портретов

собрания из Полотняного Завода известно, что идентичные портреты деда Н.Н. Пушкиной Ивана Александровича Загряжского хранятся в Калужском и Зарайском краеведческих музеях. На Зарайском портрете мы остановимся подробнее.

Интересен факт, что портрет И.А. Загряжского был воспроизведен Ободовской и Дементьевым в книге «Пушкин в Яропольце», как оригинал (11). Перед исследователями встает вопрос об идентичности, оригинальности или авторском повторении портретов из Калужского и Зарайского музеев.

Известно, что А.А. Гончаров завещал имение Ильицыно в Зарайском уезде своим потомкам в 1778 году. В Зарайский районный музей из имения Ильицыно и поступил портрет Загряжского, атрибутированный как портрет представителя знатного семейства, отца Н.И. Гончаровой, Ивана Загряжского, неизвестного художника XVII века (12).

Изучение архивных материалов и стилистических аналогий, позволяет автору выдвинуть версию принадлежности портрета И.А. Загряжского из Государственного объединенного Калужского краеведческого музея, кисти художника М. Шибанова (? — после 1790). Искусствоведам известно, что Шибанов писал портреты Нестеровых, прямых родственников Гончаровых, внуков А.А. Гончарова, рожденных от старшей дочери Н.А. Нестеровой. Живописные полотна датированы 1770 годом и подписанные. Портрет Варвары Нестеровой, правнучки А.А. Гончарова, также с известной долей приписывается Шибанову. В 1960 годы портреты Нестеровых, родственников Гончаровых, ранее составляющие коллекцию А.В. Селиванова, переходят в частное собрание И.П. Анохиной в Москве и экспонируются на выставке в ЦДРИ в 1953 г. (13). Не исключено, что именно в это десятилетие мог «любимец Потемкина» Иван Загряжский, заказать свой портрет у знаменитого крепостного художника, князя Потемкина, который писал портреты знатных вельмож потемкинского окружения: графа Шувалова, фаворита императрицы Дмитриева-Мамонова, самого Потемкина, Екатерину II в дорожном костюме.

Как мы видим, род Загряжских дал Отечеству немало славных имен, которые либо имели родственные связи с А.С. Пушкиным, либо были просто современниками поэта, входили в его окружение, что придает особую значимость роду Загряжских, окутывает ореолом славы Пушкинской эпохи.

Литература

1. *Средин А.* Полотняный Завод. / Старые годы. — СПб. 1910. VI—IX. С. 80, 86—87.
2. *Дворянские годы.* / Сост. Г.А. Бобринский, ч.1. — СПб. 1890. С. 377—389. Военная энциклопедия. СПб. 1911—1914. *Руммель В., Голубцов В.* Родословный сборник дворянских фамилий. Т.1. СПб / Изд. Суворина, 1886.
3. *Калужская старина.* Т.IV, ч.4 / *Боровская десятина.* С.23, 42, 87, 98, 107—108, 128.
4. *Гиляровский В.* Ярополец. / Мир усадьбы. // Памятники Отечества. — М., С.15—16.
5. *Черейский Л.А.* Современники Пушкина. — Л. 1921. С. 254.
6. *Жихарев С.П.* Записки современника. — М., 1934. С.211—212. Указ.соч. С. 212. *Арапова А.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. // Новое время / СПб. 1907. С. 5—7.
7. Военная галерея 1812 г. — СПб. 1912. С. 25.
8. *Фехнер М.* — Калуга. — М., 1971.
9. КОКМ НА. Документы 1920—1922 гг, лист 30, 101. ГАКО, Ф.Р. — 2878, оп. 3, ед. хр. 41, л. 15. / Письмо в редакцию журнала «30 дней» от 19 марта 1928 г. *Извеков В., Шереметьева М.* Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского Государственного музея. / Калуга, 1930. С. 27—28.
10. Центральный Государственный архив Эстонской ССР. Ф. 650, оп. 1, д. 136. Л.3. Родословные исследования Тартуского немецкого общества.
11. *Ободовская И., Дементьев М.* Пушкин в Яропольце. — М., 1982. С.29, 33.
12. *Ободовская И., Дементьев М.* Указ.соч.
13. *Средин А.* Полотняный Завод. / Старые годы. — СПб. 1910. VI—IX. С. 30. ЦГАЛА. Ф. 1355, д. 47, л. 83. Возниковский уезд Владимирской губернии: *Врангель Н.* Несколько слов о Михаиле Шибанове. / Старые годы. 1910. Февраль. *Селиванов А.* По поводу портретов в собрании *Селиванова А.В.* / Старые годы, 1910. Февраль. С.30.

А.А. Зорин,
мастер по озеленению
Калужского городского парка

Парки Полотняного Завода

Во время пребывания А.С. Пушкина в Полотняном Заводе, здесь было уникальное сочетание различных парков и садов. Это были замечательные образцы садово-паркового искусства XVIII—XIX веков. Каждый имел свое лицо, да и создавался в разное время, но вот создателем их был один человек — Афанасий Николаевич Гончаров.

Парки были воплощением мыслей, настроений, капризов, которые посещали Афанасия Николаевича в те или иные годы.

Наиболее старым был Красный сад, создавался он, видимо, во второй половине 80-х годов XVIII века, сразу, как только Афанасий Николаевич стал хозяином Полотняного Завода.

Построив Красный дом, Гончаров фактически создал новую усадьбу, композиционно не связанную со старым домом, частью которой и стал Красный сад. Судя по описаниям это был типичный регулярный сад (хотя регулярность вышла в ту пору из моды). Сам дом «стоял на крутом обрыве, от сеней его вниз к самым прудам вели широкие каменные ступени, пруды в виде буквы «П» оживляли великолепный парк. Внизу были еловые аллеи; на полуострове, окаймленном прудами, были разбиты дорожки накрест и обсажены плодовыми деревьями редких сортов. По углам высокого частокола, окружавшего сад, высились восьмигранные беседки с полукруглыми окнами и островерхой кровлей, увенчанные полумесяцем, с другой стороны дома, выходящей на площадку, где теперь производится торг, был разбит великолепный цветник, устроено было несколько кругов, обсаженных сиренью, где стояли столы и лавки, и любили сидеть господа по вечерам. А в углу Красного сада была устроена высокая «улитка» с густо обсаженной акациями, винтом взбегающей вверх дорожкой». («Старые годы», 1910 г. Т. 111, с. 80). На «улитке» была устроена китайская беседка, китайские мотивы очень волновали тогда Гончарова, в доме была китайская комната, да и угловые беседки, островерхими кровлями, может быть, тоже были на китайский манер? Красный сад был уничтожен еще в конце 30-х годов XIX века, без ухода, без стрижки, на которые не было средств, сад быстро потерял свою привлекательность.

В последней трети XVIII века стали модными пейзажные парки, причём они сразу приобрели сентиментально-романтическое направление. Парк воспринимался как чувственное восприятие природы, но природы не реальной, а иллюзорной, нарисованной воображением. В парк перенесли образы из литературы, живописи, он стал театром со сценами, настраивающими и олицетворяющими определенное настроение, образ. Появляются сцены величественные, с буйством дикой природы, хижинами для отшельников, меланхолические с развалинами, обелисками в честь каких-то воспоминаний. Вот такие модные парки, возможно, по образу Царского села или Павловска, возникли в Полотняном Заводе. Пейзажный парк стал новым увлечением Афанасия Николаевича, которому он отдался с большим размахом. В 1800 году в рощу начали завозить дерн для лужаек, а весной 1802 года выса-

дили 845 деревьев, для устройства дорожек из Москвы привезли каменный каток. Работы по разбивке парка производил рядчик Рагушин, кроме этого, в имении был английский садовник, который контролировал ход работ согласно плану парка. Другая артель занималась строительством беседок. Появилась плевая хижина, видимо, где-то среди деревьев, может быть для отшельника, сенная беседка, декоративный стожок сена — это уже образы сельской фермы.

Построили беседку, которую впоследствии назовут Пушкинской — две башенки с переходом по середине, уж не по мотивам средневековья. Несколько позднее соорудили беседку наподобие сажени дров, обитую березовой корой, с погребом для хранения сливок. Вокруг устроили отдельный садик со скамеечками под сосной и обнесли все это частоколом. Настоящий приют для странника. В 1807 году в парке появился и грот. Все эти романтические затеи исчезли, но парк остался, а сохранившиеся дорожки ведут по нему, показывая его красоту. Путь начинается от парковых ворот по прямой аллее вдоль огромного плодового сада бывшего массива парка, показывая с небольшой высоты зеленую пойму реки с отдельными деревьями и панораму к ней. Но можно пройти вдоль самой реки и старых прудов, это уже другая точка зрения, здесь не видно противоположного берега, зато видны во всей красе огромные сосны парка. Другие дорожки ведут сквозь парк, здесь мы видим сочетание картин старых деревьев и полянок, к сожалению, почти заросших. Другой характер несет дорожка, идущая от дома Щепочкиных. Перед нами раскрывается великолепная панорама русских просторов, подчеркнутая группами вязов, дубов, лип, посаженных вдоль дорожки. Особенностью парка является то, что почти все дорожки сходятся у пушкинской беседки, и здесь в рамке старых деревьев открывается изумительный по красоте вид.

Еще один парк в Полотняном Заводе — заречный, находился напротив дома на извилистом пруде. Здесь были посажены вишневые деревья и перекинута мостики, это был маленький водный парк. Сейчас здесь сохранились одни живописные огромные ивы. Важным в этом парке был показ дома, открывавшемся перед нами в рамке из зелени.

В.П. Новиков, к.г.-м.н., З.А. Гарифуллина,
А.С. Днепровский, Л.А. Коршунова, к.б.н., А.Ю. Радина,
национальный парк «Угра»

Усадьба Шамордино на реке Высса

Усадьба Шамордино относится к числу исторических объектов, практически не упоминавшихся в краеведческой литературе и еще слабо изученных специалистами. Усадьба находится в Бабынинском районе, рядом с одноименной деревней. Деревня, располагавшаяся недалеко от старой Брянской дороги, известна с прошлого столетия. До 1843 года она относилась к владениям Богданова В.Д.; затем — коллежской асессорши Калыгиной А.И.; с 1863 года деревня записана за малолетним Прадке, опекуном у которого был поручик Прадке В.П. (1). В дальнейшем, по некоторым данным, деревня принадлежала помещику фон-Шлиппе (2), и, вероятно, с 90-х годов 19 века до 1917 года ею владели Келлаты Алексей Самойлович и Ольга Николаевна (3). В 1859—1863 гг. в деревне Шамордино было 8 дворов, 96 человек, из них 48 — мужчины (8 дворовых и 38 крестьян) (1, 4). К 1903 году население деревни (сельца), относившегося к Заборовской волости Перемышльского уезда, увеличилось до 100 человек. (5). В 1912 году в деревне была мельница и мелочная лавка мещанина Краснощекова А.С. (3).

Усадьба Шамордино располагается к югу от деревни и отделяется от нее оврагом, впадающим в реку Высса. Сама река огибает усадебный участок крутой излучиной с юга и запада, с восточной стороны находятся перелески и пахотные земли (рис.1). В бытность Келлатов, по землеустройству 1907 г., им принадлежал участок общей площадью 134 десятины, из них 68,5 десятины под пашней и

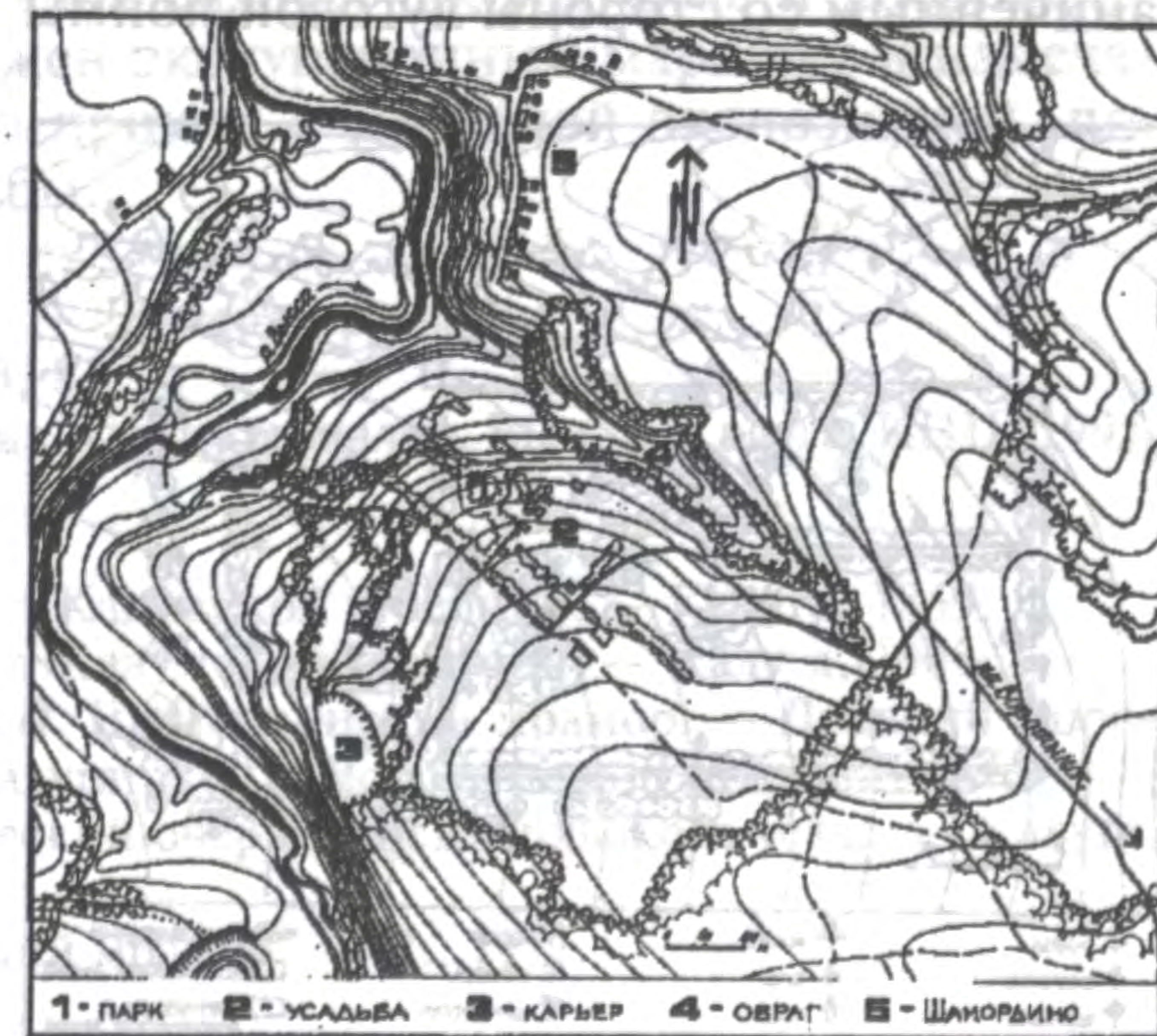

Рис. 1. Схема расположения усадьбы Шамордино.

46 десятин под лесом. Собственно усадьба состояла из комплекса жилых и хозяйственных построек и регулярного парка (рис. 2). Жилой комплекс включал большой барский дом, деревянный на кирпичном цоколе, и флигели для гостей и хозяйственных нужд (частично сохранились).

Большую часть усадьбы занимает парк с хорошо сохранившейся планировкой. Парк имеет правильную прямоугольную форму и, располагаясь к северо-западу от бывших построек, плавно спускается к реке (перепад высот более 20 м). Периметр парка оформлен посадками липы мелколистной в возрасте около 100 лет. Внешнюю сторону парка ограничивает протяженная двухрядная аллея (длина 185 м, ширина 5 м), со стороны реки проходит однорядная (длина 128 м). Культурные посадки вдоль оврага сохранились фрагментарно и представлены на отдельных отрезках липой и кленом остролистным. Замыкают прямоугольный контур парка посадки липы и тополя бальзамического, расположенные на одной линии с бывшим главным домом усадьбы. Центральную часть парка формирует двухрядная круговая аллея диаметром 37 м, от которой в сторону реки протягивается четкая аллея длиной 105 м. Другими, хуже просматривающимися, элементами планировки парка являются небольшие поляны, обсаженные липой, тополем и кленом. Вблизи построек, параллельно им, фиксируется еще один прерывистый ряд тесно посаженных лип, а также единичные экземпляры туй западной и кедра сибирского. На террасированном склоне реки парк, по-видимому, сменялся фруктовым садом, ограниченным со стороны луговой поймы естественными насаждениями тополя, осины, березы и дуба.

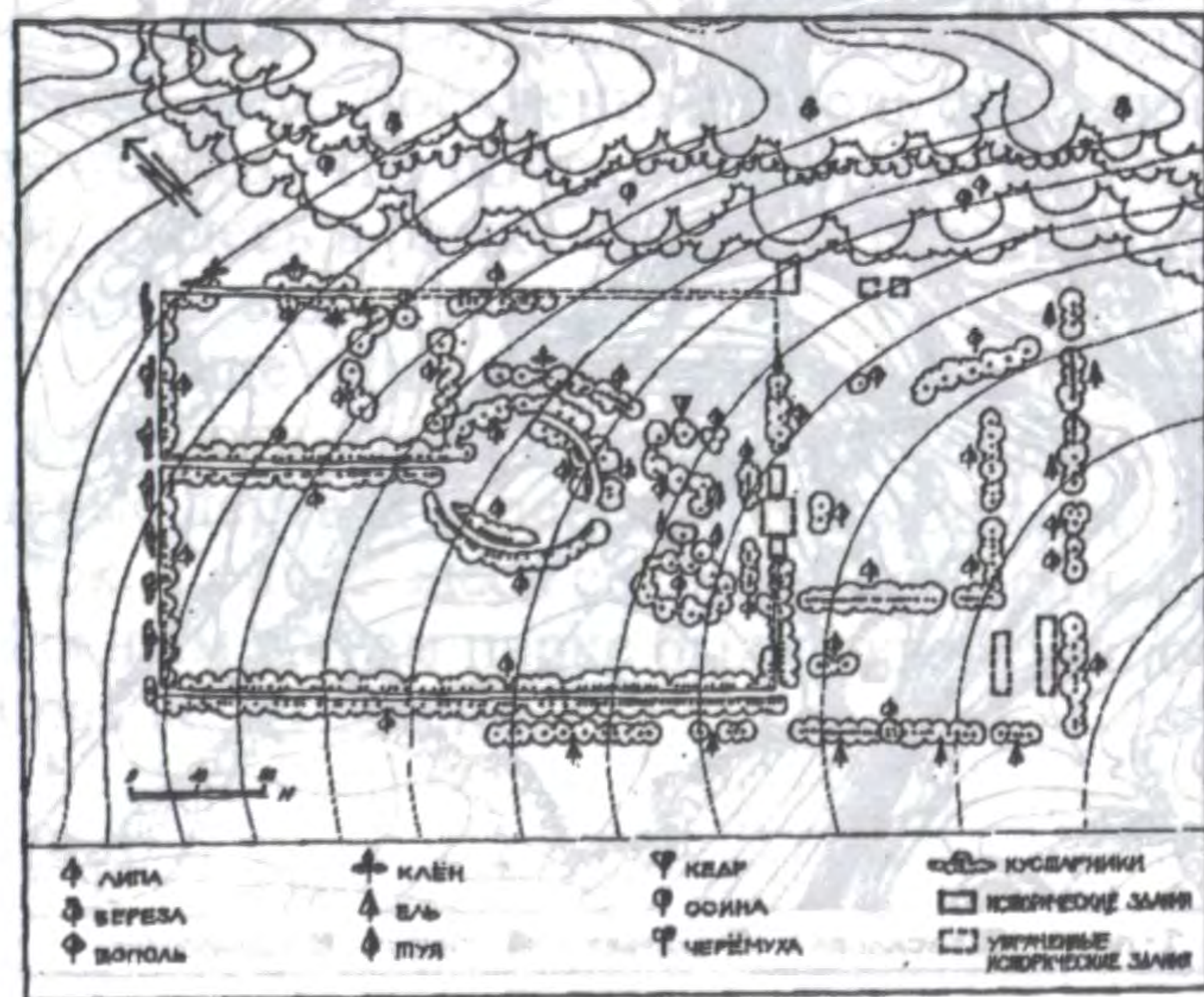

Рис. 2. Шамордино: план парка.

Главный въезд в усадьбу со стороны Воротынского в более позднее время оформлен системой линейных посадок, увеличивших общую площадь парка почти в половину. Внутренний контур, примыкающий к постройкам и использовавшийся, вероятно, под огороды и цветники, ограничивают ряды лип, внешний — декоративный и

ветрозащитный — ели и липы с редкими тополями. Еловые насаждения вдоль южной стороны парка — самые молодые, и, скорее всего, появились в последние годы существования усадьбы. После Октябрьской революции ее наследовали трудовая коммуна и детский дом.

Достопримечательностью Шамордино является не только парк, демонстрирующий образец позднего, неорусского стиля, но и известное для своего времени место добычи мраморовидного известняка — строительного и облицовочного камня, использованного при сооружении многих зданий в Калуге и Москве (6). Промышленные ломки мрамора были организованы А.С. Келлатом на крутом правом берегу Выссы и достигли наибольшего размаха в 1910—1911 гг. (7, 8). На заводе, существовавшем еще в 20-е годы, работало около 100 человек из окрестных сел и деревень. Известняк обрабатывался на месте и вместе с огнеупорными суглинками и кремнями, конной тягой, по узкоколейке вывозился к Брянскому тракту и полотну Московско-Киево-Воронежской железной дороги.

А.С. Келлат, по сведениям, любезно предоставленным его правнуком В.В. Никитинским, после Шамордино занимался строительными материалами других месторождений, работал в Горном Совете ВСНХ и Институте прикладной минералогии; умер в 1927 г. и похоронен в Москве.

В настоящее время усадьба Шамордино входит в границы Воротынского участка национального парка «Угра». С 1995 года здесь ведется расчистка парка силами школьников и добровольцев. К Шамордино проложен экскурсионный маршрут и намечается создание туристского приюта с музейной экспозицией, посвященной истории усадьбы.

Литература

1. ГАКО, ф. 30, оп. 1, 2, 3, 8.
2. Калужская энциклопедия. Сб. материалов. Вып. 2. Калуга: КНЦ, 1995, с.118—119.
3. ГАКО, ф. 401, оп. 1.
4. Список населенных мест Калужской губернии. — Калуга, 1859.
5. Список населенных мест Калужской губернии. — Калуга, 1903.
6. Новиков В.П., Есинов В.П. Шамординский мрамор. — Древний Воротынский и его окрестности. — Калуга: ИКЦ «Воротынский», 1995. С.57—61.
7. Пульхеров А. Географический очерк Перемышльского уезда. — Калуга, 1911.
8. Зорин П.А. Шамординский мрамор. — М., 1911.

И.Г. Ковшарь,
директор историко-архитектурного
и ландшафтного музея «Тульский некрополь»

Семейный участок купцов Ванькиных на Всехсвятском кладбище г. Тулы

Сохранение старинных русских кладбищ при внимательном к ним отношении дает нам понимание художественной и нравственной культуры наших предков как неразрывного синтеза нравственных, эстетических, мировоззренческих позиций и воплощения их в материальных памятниках. Казалось бы, какую пользу может принести в наш прагматичный век изучение кладбищ, какое нам дело до этики и эстетики давно живших и умерших людей? Однако, сегодня мы с тревогой говорим о бездуховности общества, о потере ощущения границы между добром и злом, мечемся среди разрозненных осколков нашего мировосприятия. И, углубляясь в изучение структуры старинного кладбища, мы начинаем для себя уяснять, что еще 150 лет назад человек обладал удивительно цельным видением мира. Память индивидуальная и память поколений, красота и функциональность, глубокие чувства и их ясное выражение, древние верования и вековые традиции, народное творчество и изобразительное искусство — все то, что пронизывает жизнь человека, синтезируется в мемориальных памятниках-надгробиях. Освоение этой мало изученной области русской культуры помогает нам понять духовную жизнь предшествующих поколений.

На территории города Тулы сохранились три старинных кладбища, возникшие в начале 1770-х годов и закрытые для погребений в 1960-х начале 1970-х гг. Самое большое из них — Всехсвятское, с момента возникновения было общегородским. В его земле погребена большая часть населения города за 200 лет — дворяне, купцы, духовенство, мещане, крестьяне, интеллигенция и т.д. На сегодняшний день на территории Всехсвятского кладбища сохранились тысячи, а возможно, и десятки тысяч старинных надгробий, в основном, белокаменных, обладающих высокой исторической и художественной ценностью. Среди них — три весьма скромных, по своему архитектурно-художественному решению, белокаменных саркофага на семейном участке купцов Ванькиных.

Д.Я. Ванькин (1816—1900) вошел в историю города как очень крупный меценат и благотворитель. На благотворительность по завещанию он оставил более 2 млн. руб., из них — 325 тыс. руб. — на

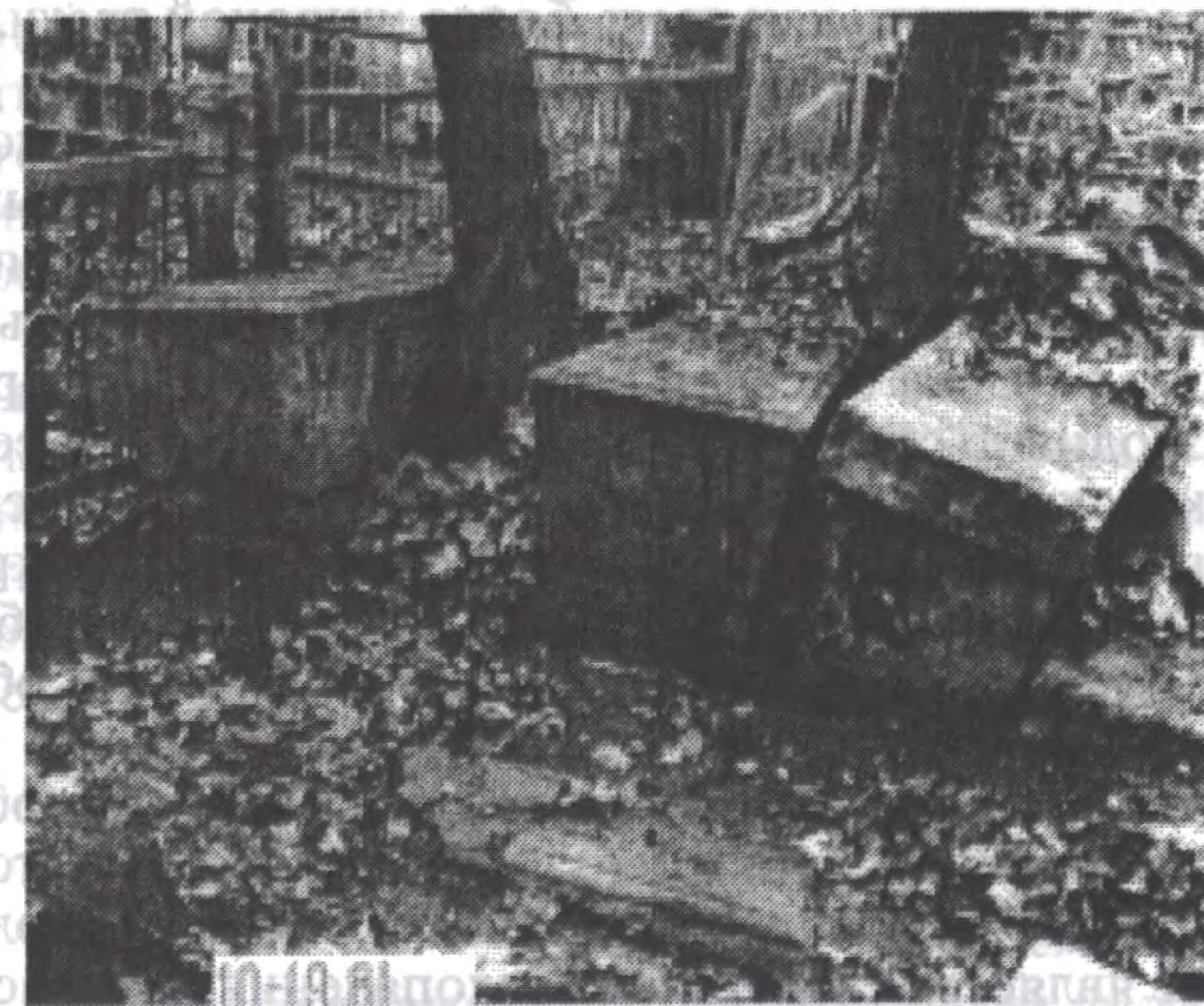
строительство городской больницы, которая получила его имя, как и улица, на которой она располагалась. Могила самого Д.Я. Ванькина утрачена. На Всехсвятском кладбище погребены его родители, дядя и родители его отца.

Два ранних надгробия участка Ванькиных относятся к 1814 году и представляют собой очень простые по декорировке саркофаги лаконичной трапецевидной формы без декоративных и сюжетных рельефов. Единственное украшение на них — прямоугольные ниши с текстами на южном и северном фасадах и круглая ниша с молитвой на западной торцевой плоскости памятника. Стилистически такое решение восходит к принципам последней стадии русского классицизма — ампиру.

Интересно, что в сохранившихся зданиях I половины XIX века в Туле мы встречаем аналогичное решение — спокойные плоскости фасадов декорированы лишь круглыми и прямоугольными нишами. Так, в частности, решены фасады здания, где сейчас размещены помещения музея «Тульский некрополь».

Отличительной особенностью саркофагов участка Ванькиных является их цветовое решение: плоскости фасадов надгробий были окрашены в коричнево-красный цвет, ниши — черные с золотыми буквами, золотом же окрашен крест на зелено-голубой крышке, изображение горки (Голгофы) — белое. Такая окраска саркофага подчеркивает его строгий, монументальный вид, характерный для классицизма.

Возможно, что на такое цветовое решение повлиял характер русской мебели стиля ампир, с ее подчеркнута простой формой, выделением ровных поверхностей, использованием красного дерева, на котором четко читались золоченые детали. Естественная

Участок купцов Ванькиных на Всехсвятском кладбище г. Тулы

окраска красного дерева в сочетании с небольшим количеством позолоты служила главным средством эстетического воздействия.

Но возможно также, что в цветовой гамме надгробий Ванькиных проявились черты архаичных пережитков народного сознания, истоки которых находятся в глубокой древности. Древний человек для постижения явлений мира использовал двухчленную классификацию, построенную на оппозиции понятий: свет — тьма, холодно — жарко, жизнь — смерть. Все, что нас окружает, мы можем представить в виде оппозиций. Но этот дуализм следует рассматривать как часть более широкой трехчленной классификации, которая персонифицировалась в конце концов, в Троистве Бога. Цветовая классификация в народном сознании связана с тремя основными цветами — белым, черным, красным, остальные — производные от них. В связи с этим мы можем рассматривать цветовое решение саркофагов Ванькиных следующим образом: окраска фасадов надгробия в красно-коричневый цвет (производный от красного) означает жизнь и ее земную сущность; окраска ниш с надписями об умерших в черный цвет означает страдание и смерть; покрытие изображения креста на крышке позолотой (золотой — превосходная степень белого) и Голгофы в белый цвет означает преодоление смерти и обретение новой, загробной жизни.

Таким образом, цветовое решение надгробия, построенное на народной семантике цвета, полностью соответствует сущности христианства как преодоления дуализма, расколотости мира, которое является следствием грехопадения. Эта расколотость была преодолена жертвенной смертью и воскресением Христа. На саркофагах более позднего времени, примыкающих к «неорусскому» стилю, эта идея будет выражена через сюжетные композиции западных фасадов: Распятие, Воскресение, Христос — Вседержитель, Троица Новозаветная и др.

В середине XIX века был установлен третий белокаменный памятник, под которым был погребен Яков Филиппович Ванькин (умер в 1848 г.) и его жена Анна Трофимовна (умерла в 1869 г.). Этот памятник также отличается простотой; такими лапидарными были гранитные надгробия, в силу твердости материала. Белокаменные надгробия, как правило, отличались большей сложностью форм и декора, так как известняк позволял создавать сложные формы и тончайшие рельефы. Очевидно, что простейшая форма надгробия родителей Д.Я. Ванькина, также как идентичная надгробиям 1814 года раскраска, указывают на то, что на семейном участке захоронений стремились сохранить преемственность типа и вида надгробий, их стилевое единство. Облик всех

надгробий, установленных на участке Ванькиных, характеризуется простыми геометрическими формами, отсутствием декоративных и сюжетных рельефов, окраской в соответствии с цветовой гаммой позднего классицизма и ампира и, очевидно, в соответствии с древнейшей цветовой семантикой, отражающей идеи жизни, смерти и воскресения.

Эти признаки, характеризующие надгробия участка Ванькиных, дают возможность выделить эти надгробия в особое семейство белокаменных памятников малой архитектурной формы.

В XX веке принципы, на основе которых были окрашены саркофаги, были забыты и чья-то «милосердная» рука покрасила все плоскости саркофагов масляной краской в один цвет.

Участок Ванькиных был обнесен оградой, от которой сохранились фрагменты белокаменного профилированного цоколя. Размер ограды был 2 на 2 сажени (440х430 см) и был рассчитан только на три могилы.

При изучении участка Ванькиных был удален слой мусора высотой более метра и слой нарощего грунта около 50 см. Сейчас участок представляет собой вполне приемлемую экспозиционную площадку, установлена информационная табличка. С этого участка начались работы по созданию экспозиции Всехсвятского некрополя.

*Н.А. Семенова,
директор Козельского краеведческого музея, филиала
Калужского государственного объединенного краеведческого музея*

Великий князь К.К. Романов в Оптиной Пустыни

Фигура князя Константина Константиновича Романова среди деятелей русской культуры XIX века как человека, как поэта, как государственного деятеля, как президента Академии наук, своим творчеством, помыслами, деяниями, служившего России, заслуживает самой высокой оценки.

Читатель в свое время был лишен общения с замечательным человеком и, не менее, замечательным поэтом. Сегодня многое утеряно навсегда, утеряно безвозвратно. Но сохранились материалы архивов, сохранились дневники августейшего поэта, которые он вел всю свою жизнь.

Что же представляют собой дневники Великого князя? Это небольшие, но добротные тетради в твердом переплете, записи в них сделаны черными чернилами. Обращает на себя внимание аккуратность, изящность почерка автора, что позволяет без труда прочесть написанное.

Нашли свое отражение в дневнике и факты, связанные с посещением Великим князем Калужского края: Оптиной Пустыни, Козельска, имения Кашкиных в Нижних Прысках, Калуги и Лаврентьева монастыря. Нам они особенно дороги, так как это не только неизвестная страница жизни поэта К. Романова, но и Калужского краеведения.

Путешествие в Оптину Пустынь заняло всего три дня. В дороге было множество ярких впечатлений и происшествий. В Оптинуехали из Москвы на Тулу и Чернь, а возвращались через Калугу.

Проехав Тульскую губернию, князь сделал короткую остановку в Белеве. И везде, где приходилось останавливаться, он непременно посещал местные храмы, внимательно осматривая их устройство и убранство. Особенно его интересовали древние иконы и предметы старины. С живейшим интересом он посещал места, связанные с известными личностями или историческими событиями.

В Белевском храме, где Его Императорское Высочество встречали со всеми подобающими почестями, он увидел балдахин с вензелем «Е», который осенял тело императрицы Елизаветы Алексеевны, скончавшейся в Белеве на пути из Таганрога. По его просьбе по императрице была отслужена краткая лития. Он посетил дом, где умерла государыня. Там устроена церковь и дом призрения для вдов. «От императрицы здесь остался только ее стол, кресло и сундучок, да еще риза на престол», — отметит в записях Константин Константинович под впечатлением от увиденного.

Недалеко от Белева находится родина В.А. Жуковского — село Мишинское. Константин Константинович не преминул побывать в родных местах уважаемого поэта.

«Мы попали в дом, и в сад, оттуда чудесный вид на дальние поля и на город. Управляющий показал нам крохотные, уютные комнатки и скамеечку в саду, где Жуковский любовался чудесным обширным видом».

В последнем местечке, не доезжая Оптиной Пустыни, уже в Козельском уезде, он был встречен исправником, полицейскими чинами, оптинским казначеем Флавианом. В таком сопровождении Константин Константинович благополучно добрался до монастыря.

«Вот она, заветная цель моих стремлений. Наконец-то сподобил Господь побывать здесь в этой святой обители, где, как лампада перед иконой, теплится православная вера, поддерживая в нас дух родного русского благочестия».

«Вот вдали за Жиздрой озаренный заходящим солнцем открылся нашим взорам Козельск. Я с волнением приближался к заветной цели поездки. Но вот показалась обитель со своими белыми строениями, колокольной, церквями и оградой. Наконец, мы подкатили и к самим воротам. Тут ожидал меня настоятель о. Архимандрит Исаакий, в облачении с митрой, низенький, седой, бородатый, с милым и добрым лицом. Его окружали другие монахи, в ризах со святой водой, с хоругвями. «Здесь же находился калужский губернатор Жуков, предводитель козельского дворянства, старый знакомый князь Алексей Оболенский, другие лица и множество народу». И далее: «Церковь (Введенская — соборный храм) сразу произвела на меня отрадное впечатление — все чисто, богато, даже красиво, пахло хорошо. Настоятель указал на небольшую икону Казанской Божьей Матери, и я приложился, кладя положенные поклоны».

На следующее утро был Николин день. Великий князь Константин Константинович присутствует на обедне во Введенском храме. «Поют хотя не очень хорошо, а служба идет прекрасно, тут и обедня служитя обыкновенно долгая», — заметит князь.

По окончании службы Константина Константиновича провели по монастырю, показали другие храмы, хозяйство, свечной заводик, скит.

Встреча со знаменитым оптинским старцем Амвросием, мудрость и простота которого произвели неизгладимое впечатление на Романова, нашли свое отражение в дневнике. Вот как он свидетельствует об этом: «Старец Амвросий привстал мне навстречу и благословил меня. Нас оставили вдвоем. Он среднего роста, худой, совершенно седой, с добрым лицом и умными пытливыми глазами. Он болеет ногами. Ему трудно ходить. Его приветливый вид, опрятность и вся простая обстановка комнатки, книги на полках, цветы на окне, портреты и картинки по стенам производят самое приятное впечатление».

Старец заговорил о том, что жена князя — католичка, и что надо приобщить ее к православной вере.

С этой целью Батюшка подарил Константину Константиновичу две книги «Иеромонах Климент Зедергольм» К. Леонтьева, одну для него, другую для жены, считая, что жизнеописание сего инока может помочь в обращении, так как отец Климент Зедергольм был сыном лютеранского пастора, но через великое испы-

тание пришел к православной вере, принял крещение и монашеское пострижение. В дневнике Константин Константинович отмечает, что он знаком с этой книгой, и именно она побудила его побывать в Оптиной Пустыни.

После свидания со старцем, Константин Романов вместе с князем Алексеем Оболенским поехали в Козельск. В Успенском соборе состоялась встреча с городским обществом, дорогому гостю были преподнесены хлеб-соль, в его честь для приветствия выстроен караул из местной команды. Константин Константинович осмотрел некоторые общественные места города: дом земской управы, больницу, ремесленное училище.

«Тут все мне показалось очень просто, дельно и хорошо», — замечает он после осмотра училища.

«Козельск — город маленький, каменных домов в нем очень мало, я видал и села позначительнее его, но приняли меня тут радушно и гостеприимно, что мне все понравилось», — запишет князь впоследствии в дневнике.

Наступил еще один день в Оптиной Пустыни. Отстояв обедню в скитской церкви и проведя еще полдня в монастыре, Константин Константинович прощался. Он специально сходил за благословением к батюшке Амвросию. «Многое я бы еще сказал ему, но у меня слов не хватило, я терялся в мыслях. Даст Бог, удастся мне когда-нибудь еще его повидать».

Прощание было трогательным. Все иноки, созванные колокольным звоном, вышли проводить его, а вместе с ними паломники, богомольцы.

«Никогда еще никто из нашего семейства не бывал в пустыни, и мне были рады, а я умилялся радушию, с которым меня принимали».

У парома распростились. Архимандрит отец Исаакий поехал провожать до первой почтовой станции. Далее до самой Калуги его сопровождал князь Алексей Оболенский.

Такова история посещения Великим князем Константином Константиновичем Романовым Оптиной Пустыни, путешествия, которое навсегда осталось одним из самых ярких и значительных событий в его жизни.

Литература

1. ГАРФ Ф. 660 Оп. 1, д. 43, л. 88—151.
2. «Исторический вестник» журнал, 1915 г., № 7.

А.В. Кандидов,

заведующий Ферзиковским районным краеведческим музеем на общественных началах

Великий русский педагог В.П. Вахтеров и Калужский край

На левом берегу Калужско-Алексинского каньона в 25 км от Калуги, близ деревни Наволоки, в 1909 году супруги Вахтеровы купили у профессора Московского медицинского института Никифорова дачу и пользовались ею до 1920 года включительно.

Василий Порфирьевич Вахтеров родился 25 января 1853 года в Арзамасе Нижегородской губернии.

Отец его служил вахтером в местном духовном училище. Мать — неграмотная добрая женщина, сумела организовать жизнь семьи, оставив в памяти сына самые лучшие воспоминания.

С 8 лет мальчика устроили учиться в духовное училище, а через пять лет с семью рублями в кармане отправили учиться в Нижегородскую духовную семинарию, по окончании которой работал он учителем в Васильсурске, куда к нему приехали на постоянное жительство его мать с двумя дочерьми.

Затем он работал учителем в Ардатове, где пишет свои первые научные статьи для журнала «Семья и школа».

В 21 год он учится на дополнительных курсах при Московском учительском институте и получает специальность учителя городского училища и домашнего учителя по арифметике и геометрии, получает назначение в Смоленскую губернию.

В 1881 г. В.П. Вахтеров назначается инспектором народных училищ четырех уездов Смоленской губернии. Затем — инспектором школ всей Смоленской губернии, в т.ч. и Юхновского уезда, входившего тогда в состав Смоленщины.

В 1897 г., отмечая юбилей Василия Порфирьевича, широко откликнулась на это событие общественность Москвы и Московской губернии, не осталась в стороне общественность Юхновского уезда, земское собрание которого прислало В.П. Вахтерову приветственный адрес следующего содержания: «В заседании Юхновского земского собрания гласные, вспоминая о деятельности Вашей в должности инспектора народных училищ, предложили собранию выразить Вам глубокую благодарность за Вашу плодотворную работу, направленную к расширению и распространению народного образования».

Хотя новый состав Управы и не был непосредственным свидетелем Вашей благотворной деятельности, но об этой деятельности достаточно свидетельствуют журналы прошлых земских собраний (перечисляются выдающиеся заслуги В.П. Вахтерова). Все это оставило в Юхновском уезде неизгладимую память о Вашей деятельности и вызывает чувство сожаления о том, что Вы оставили наш край».

15 лет проработал Василий Порфирьевич в Смоленской губернии, шесть лет — в Москве, а в департаменте полиции его деятельность характеризовалась как «прикрытие среди учителей Москвы неблагонадежного элемента».

1 сентября 1896 года В.П. Вахтерова переводят во Владимир, а 13 сентября того же года он подает в отставку.

Эмилия Орестовна писала в своих воспоминаниях, что годы после поражения первой русской революции были временем усиленных гонений на учителей... Многих учителей приходилось скрывать от внимания полиции. Иногда приходилось переправлять людей куда-нибудь в безопасные места, и был также ряд таких адресов (дача в Калужской губернии, земская больница под Москвой). В.П. Вахтеров был председателем комиссии обучающихся, Обуховским секретарем, который позднее вспоминал:

«Одно время я даже прожил у Вахтеровых целое лето на даче, недалеко от Калуги».

Калужское уездное земство предусмотрело в Наволоках строительство земской школы. Но дело затягивалось. Это совпало с покупкой дачи Вахтеровыми у М.М. Никифорова. Школа была построена земством, Вахтеровы пристроили к ней на свои средства три комнаты, в которых разместили библиотеку, педагогический музей и группу дошкольников.

Позднее жители деревни рассказывали, как они ходили в ясли, играли в игрушки, игры, питались вкусными продуктами, привозимыми из Москвы.

В 1913 г. в Наволоках вспыхнул большой пожар — Вахтеровы всем погорельцам оказали помощь — от 25 до 50 рублей деньгами и по 20 аршин ситцу.

Приезжая на дачу, сын Вахтеровых, Константин, устраивал для крестьян концерты художественной самодеятельности, ставил пьесы.

Пропагандируя в своих теоретических изысканиях необходимость усовершенствования трудового воспитания и обучения в сельских школах, Вахтеровы задумали пристроить к школе в Наволоках столярную мастерскую для мальчиков и швейную для девочек, даже завезли строительные материалы, но вспыхнувшая первая мировая война помешала им осуществить свое намерение.

Старожилы рассказывали мне, что супруги Вахтеровы проводили в деревне большую просветительскую работу, прививая детям и их родителям любовь к родной природе. И на участке у школы, на даче Вахтеровы заложили плодово-ягодные питомники, разбили образцовые сады. Любой крестьянин мог получить у них посадочный материал.

Местные жители рассказывали мне, как их отцы, будучи детьми, укрепляли ивовыми прутьями склоны оврагов, сажая быстро растущие кустарники. С первым «цыпулинским» пароходом привозили из Москвы в Наволоки несколько мешков сосновых шишек и желудей. Весной ребята привязывали шишки к веткам деревьев, а девочки выкапывали ямки около старых пней и закапывали в них по три — четыре желудя.

Садовый участок на даче на берегу Оки и был защищен аллеей из елей (с северной стороны), а по периметру весь был обсажен желтой акацией.

Роль Вахтеровых в вопросах экологии и влияния их на местное население трудно переоценить. И этот свой опыт Василий Порфирьевич обобщил в «Русском слове», призвав провинциальное учительство следовать его примеру.

В Наволоках В.П. Вахтеров написал статью для «Русского слова» — «Дорогу талантам», в которой отмечал, что у нас «слишком невелик тот слой, откуда мы берем людей для науки. Но откройте доступ сюда всему народу, и у нас будут тысячи талантливых и сотни гениальных людей — исследователей природы».

Он был превосходным лектором. Одна из его любимых тем — поиск самобытных дарований, скрытых в народных массах. Лекцию на эту тему В.П. Вахтеров прочитал в 1915 г. в Калуге.

На даче в Наволоках великий русский педагог, автор «Букваря», выдержавшего 50 изданий, прожил зиму 1919—1920 года (состоял на службе в Калужском УОНО). 2 декабря 1919 года Калужский уисполком выдал Василию Порфирьевичу справку такого содержания (документ № 3503): «выдана гражданину Вахтерову В.П. на право беспрепятственного проживания в Кольцовской волости на даче своей жены, как писателю-литератору, занимающемуся составлением педагогических и ученических учебников».

3 января 1920 года председатель Наволокского сельсовета Сергей Демин писал в Губисполком, что «проживающий при деревне Наволоках писатель Вахтеров Василий Порфирьевич встречает затруднения в своей работе по составлению учебных и педагогических книг, вследствие полного отсутствия спичек, керосина и даже гарного масла, а также чернил и перьев, и вследствие недостатка писчей бумаги, а между тем, по учебникам Вахтерова

учатся крестьянские и пролетарские дети, а его педагогические труды читают народные учителя».

2 февраля подотдел губисполкома (всего за месяц!) выписал наряд на уездный отдел народного образования «для получения со склада керосина и предметов для препровождения их Вахтерову».

На базе библиотеки при Наволокской школе были созданы губернские библиотечные курсы.

В 1920 году В.П. Вахтеров вернулся в Москву. Октябрь воспринял отрицательно, хотя в юности «ходил в народ», был демократом, скрывал «неблагонадежных учителей», сам дважды побывал и в царской Таганке, и в царской ссылке.

В 20-е годы В.П. Вахтеров в Москве преподавал на курсах красноармейцев, инвалидов, в кружках ликбеза, на курсах по подготовке учителей второй ступени. В 1923 году он работал лектором на педагогическом факультете Второго МГУ. По возвращении из Наволок в Москву по предложению Госиздата В.П. Вахтеров подготовил для переиздания «Русский букварь» и книгу для чтения «Мир в рассказах для детей». Но пошатнувшееся здоровье не позволило завершить работу до конца. Умер он в апреле 1924 года на 71-ом году своей жизни.

Василий Порфирьевич внес неоценимый вклад в теорию и практику методов обучения. В своих работах «Методическое руководство к обучению, письму и чтению», «Наши методы образования и умственный паразитизм», «Предметный метод обучения», «Спорные вопросы образования» и др. он развивал передовые для своего времени дидактические взгляды и освещал методы, повышающие активность и самостоятельность учащихся, побуждающие у них интерес к чтению.

Вахтеров научно обосновал звуковой метод обучения и взял его за основу при составлении «Букваря» («Русский букварь», «Первый шаг», «Новый русский букварь») и методические руководства к нему «На первой ступени».

В первые годы Советской власти (1918—1925) книга для чтения «Мир в рассказах для детей», «Новый русский букварь» рекомендовались Наркомпросом. К сожалению, в 20-е годы Наркомпросом руководила фанатичка атеизма Н.К. Крупская, предавшая огню все книги, в которых слово «Бог» писалось с прописной буквы. Такому же ostrакизму ею было подвергнуто и творчество выдающегося русского педагога В.П. Вахтерова, проведшего свои лучшие годы на даче близ Калуги, на левом берегу Калужско-Алексинского каньона. В 1927 году дача сгорела.

А.П. Черников, д.ф.н., профессор,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

Краеведческий материал на уроках литературы

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин.

Трудно переоценить ту огромную роль, которую играет в процессе обучения и воспитания школьников краеведение, в частности, краеведение литературное.

Существует тонкая и сложная взаимосвязь между художественным произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание. По справедливому мнению Д.С. Лихачева «понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе: они вырастают на родной почве и могут быть поняты только со всей родной страной».

Литературно-краеведческий материал, умело используемый на уроках и во внеклассной работе, углубляет представления учащихся об исторических и культурных связях родных мест с жизнью всей страны, способствует развитию чувства патриотизма, любви к малой родине, нравственному и эстетическому воспитанию. Сведения краеведческого характера помогают более глубокому осмыслению школьниками идейно-эстетического богатства и многообразия художественной литературы, наглядно демонстрируют ее органическую связь с жизнью, полнее и ярче характеризуют личность писателя, приближая его к читателю, зачастую открывают новые, неизвестные страницы его жизненной и творческой биографии.

Они делают изучаемых писателей и созданные ими художественные произведения ближе, «человечнее», ибо познаются через знакомое и близкое. Литературное краеведение вводит учащихся в творческую лабораторию писателя, помогая им уяснить путь автора от жизненных впечатлений к созданию художественных образов, эпизодов и картин, ставит перед ними увлекательные ис-

следовательские задачи, приобщая к технике и психологии литературоведческих разысканий, к работе с разнообразными архивными, музейными и научными источниками, пробуждает и активизирует их творческую мысль.

Калужский край чрезвычайно богат литературными связями, уходящими своими корнями в далекое прошлое. Можно назвать многие десятки художников слова, чьи биографии и отдельные стороны творчества так или иначе связаны с Калугой. Эти богатейшие литературные традиции позволяют учителям-словесникам успешно проводить краеведческую работу.

Формы и методы усвоения и использования в процессе обучения литературно-краеведческого материала разнообразны. Значительная часть этих сведений дается при изучении программных произведений. Так, при изучении древнерусской литературы и литературы XVII—XVIII веков учащиеся знакомятся с фактами пребывания в Боровско-Пафнутьевском монастыре протопопа Аввакума, с жизнью и творчеством в тарусском имении Сивцево поэта и драматурга А.П. Сумарокова, с посещением Калуги Г.Р. Державиным. Анализируя «Путешествие из Петербурга в Москву», они узнают о годах, проведенных его автором, А.Н. Радищевым, в родовом имении Немцово близ города Малоярославца, и о произведениях им здесь созданных.

Еще более обширный краеведческий материал включается в произведения XIX—XX веков, изучаемые в школьном курсе литературы. С Полотняным Заводом связаны важные события в жизни А.С. Пушкина. На территории Калужского края был расквартирован полк, в котором служил А.И. Полежаев, создавший здесь ряд стихотворений. Неоднократно бывал в Оптиной Пустыни и в Калуге Н.В. Гоголь. Здесь, на даче у своей приятельницы, жены калужского губернатора А.О. Смирновой-Россет, он читал главы из второй книги «Мертвые души». В мае 1846 года Калугу посетил В.Г. Белинский. Немалое место Калужский край занимает в творческой биографии И.С. Тургенева. В Калуге служил и создавал свои произведения И.С. Аксаков. С Оптиной Пустынью были многие годы связаны выдающиеся сыны России, братья Иван и Петр Киреевские, С. Нилус, Ф. Достоевский, В. Соловьев. На материале козельской старины написан исторический роман А.К. Толстого «Князь Серебряный». Некоторое время в Калуге жил и работал Г. Успенский. Калужский край — родина писателей К. Леонтьева, Н. Соловьева, П. Арского, А. Амфитеатрова, С. Куняева. Наш край по праву считается третьим, после Москвы и Ясной Поляны, Толстовским местом. Гениальный художник слова бывал здесь около десяти раз, и это нашло отражение в ряде его рас-

сказов, статей и писем. В селе Богимово прожил лето 1891 года А.П. Чехов, работавший здесь над своими известными произведениями «Дуэль», «Бабы», «Дом с мезонином». Благодатна роль нашего края в формировании личности и творчества Б.К. Зайцева, ряд важнейших произведений которого создан на местном материале. С Калужским краем прочно связаны имена М. Цветаевой, И. Шмелева, Л. Андреева, К. Паустовского, Н. Заболоцкого, В. Шукшина и других художников слова, чьи произведения также включены ныне в школьную программу по литературе.

Кроме того, с Калужским краем различными сторонами своей жизни и творчества связано немало и других писателей, произведения которых текстуально в школе не изучаются, но сыграли свою роль в историко-литературном процессе. Это выдающийся художник слова XX столетия Леонид Леонов, прозаики и поэты: Е. Алипанов, В. Архангельский, П. Горохов, И. Касаткин, Н. Красов, К. Бальмонт, В. Брюсов, С. Городецкий, И. Соколов-Микитов и многие другие. Их творчество необходимо изучать на уроках внеклассного чтения, а также путем организации широкой сети факультативов и спецкурсов.

Литературно-краеведческий аспект изучения в школе художественных произведений предполагает и знакомство учащихся с современными писателями, которые живут и трудятся в Калуге и области. Изучение литературы родного края рекомендуют ныне и школьные программы по литературе. Поэтому рассказы, повести, поэтические произведения таких писателей, как В. Терехин, А. Струк, В. Волков, С. Михеенков, С. Васильчиков, В. Бучарский и других непременно должны найти свое место на уроках литературы во всех наших школах.

В практику работы школы неотъемлемой частью должны войти такие формы работы как литературно-краеведческие олимпиады, викторины, конкурсы, читательские и научно-практические конференции, творческие сочинения. Отрадно, что эта и другая многообразная литературно-краеведческая работа активно и плодотворно ведется в школах Людиновского, Козельского, Малоярославского, Кировского, Тарусского районов, в средних школах № 28, 6, 9, 36, 15 г. Калуги.

Литературное краеведение в школе — проблема многоплановая, требующая постоянного совершенствования форм и методов его использования в практике изучения и преподавания. Только тогда это глубоко важное и необходимое дело может стать одним из действенных средств обучения и воспитания молодежи.

Н.-Л.М. Акуленко, к.ф.н., доцент,
Н.Ю. Калуженская, старший преподаватель,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

Культура произношения калужских студентов

(из опыта работы)

Одним из основных показателей мастерства современного учителя является умение эффективно общаться с учениками, родителями, коллегами.

Известно, что в процессе общения перед коммуникантом стоят следующие задачи:

- получение информации;
- передача информации;
- достижение поставленной цели путем убеждения собеседника и побуждение его к действию;
- получение дополнительной информации о собеседнике;
- позитивная самопрезентация.

Эффективность решения этих задач во многом зависит от качества звукового оформления устной речи.

Между тем, наши многолетние наблюдения, проведенные в Калужском государственном педагогическом университете им. К.Э. Циолковского, свидетельствуют о том, что 75—80% студентов типовой группы не владеют техникой дыхания, влияющего на звучность; примерно у 70% — артикуляционные мышцы не развиты или не тренированы; как правило, из десяти студентов трое имеют дефект дикции (например, картавость, т.е. произношение звука [р] как увулярного или заднеязычного; шепелявость, т.е. произношение [с] или [ш] как плоскощелевых звуков вместо круглощелевых; у-образное произношение звука [л] и т.д.). Двое из двадцати пяти студентов демонстрируют в речи назализацию, пятеро эмканье (смыкание губ в конце слов); 5% студентов имеют диалектные особенности ритмики и интонации. Среди обследуемых встречались студенты, чей голос отличается неприятным тембром, хрипом, сипом, малым диапазоном, напряженным звучанием. Публичная речь многих студентов характеризуется интонационной бедностью, т.е. монотонным и однообразным интонационным оформлением.

На кафедре русского языка и культуры речи КГПУ им. К.Э. Циолковского разработан специальный курс «Технология ре-

чевой коммуникации», целью которого и является работа над звуковой техникой устной речи студентов — будущих учителей.

Несмотря на то, что этот курс практический, он предполагает определенную теоретическую подготовку учащихся, которая позволяет им более осмысленно воспринимать изучаемый материал и сознательно работать над звуковой стороной речи. На занятиях студенты получают представление о строении и функционировании органов речи, о процессах речеобразования, о звуковых качествах речи и об их оптимальных параметрах.

Знание строения и функционирования произносительного аппарата дает возможность обеспечить экологию респирации (организации дыхания), фонации (образования голоса), артикуляции (производства звуков).

Хорошая дикция отличается четкой артикуляцией, а также отсутствием недостатков речи, которые можно отнести к манере произношения. Комплекс корректировочных упражнений способствует исправлению дефектов дикции и совершенствованию навыков произношения.

Большое внимание в курсе уделяется работе над качествами голоса. Хороший голос характеризуется красивым тембром, силой, полетностью, выносливостью, большим диапазоном. Недостатками голоса являются неприятный тембр, хрип, сип, малый диапазон, напряженное звучание.

Методика упражнений для развития голоса включает:

- 1) упражнения, развивающие качества голоса;
- 2) упражнения, способствующие свободному звучанию.

Осмысленное использование компонентов интонации (мелодики, логического ударения, темпа, паузы) позволяет добиться убедительности, яркости, выразительности устной речи. Работа над интонационными конструкциями и интонационно-кинетическим комплексом выполняется не механически, а с опорой на создаваемый невербальными средствами «зрительный образ». Значительное место на занятиях отводится не только интонированию художественных текстов, но и анализу того, насколько оно соответствует авторскому замыслу. Изучение эмоциональных интонаций в неразрывной связи с их жестомимическими коррелятами способствует более свободному продуцированию и адекватному восприятию эмоциональных высказываний разного типа.

На филологическом факультете особое внимание уделяется обучению выразительному чтению, под которым понимается «правильное литературное произношение и правильное тонирование речи с известным минимумом эмоциональной окрашенности» (Фирсов Г.П.). Выразительное чтение художественных текстов во

многим предопределяет как культуру восприятия художественного контекста, так и силу эстетического воздействия звучащего художественного слова.

Как известно, при подготовке текста к выразительному прочтению необходимо сначала выполнить литературный анализ, а потом произвести языковую обработку, основанную на знании законов и правил орфографии и интонации.

В курсе для студентов — будущих филологов, дается общая характеристика русской интонации, формулируются ее законы и правила. На материале художественной речи подробно рассматриваются основные ритмоинтонационные единицы русской речи (особенности их строения и все пограничные сигналы), характеризуются способы пунктуационного и не пунктуационного отражения интонации в письменной речи, а также приемы прочтения «заданной» автором интонации.

Попутно осуществляется лингво-стилистический анализ текста, т.к. типовые интонационные конструкции изучаются во взаимодействии с синтаксическими структурами, и дается общая стилистическая оценка интонационно-синтаксических явлений.

Студенты знакомятся с аспектами и последовательностью обработки текста для выразительного чтения: устанавливают количество и границы синтагм, определяют синтагматическое и фразовое ударение, рассматривают своеобразие мелодики синтагм, специфику их темпового и тонального варьирования, выполняют полную интонационную разметку. В качестве образцов на занятиях сначала анализируются готовые речевые партитуры прозаических и стихотворных текстов, а потом ведутся поиски вариантов чтения и интонирования. На последнем этапе работы языковая обработка текста выполняется студентами самостоятельно.

Как справедливо пишет Н.В. Черемисина, составление речевой партитуры, интонационная разметка текста и выразительное чтение на их основе обогащают студента опытом в сфере правильного интонирования русской речи. Этот опыт постепенно и естественно переходит в практику обычной устной речи, делая ее выразительной. Именно таким образом и подготавливается путь к овладению основами ораторского искусства, являющегося составной частью профессиональной компетенции учителя-словесника.

Конечно, обучение технике устной речи — процесс трудоемкий и длительный. Однако, при должной мотивации, как показал опыт нашей работы в студенческой аудитории, он дает ощутимые и существенные результаты.

*Н.Ю. Калуженская, старший преподаватель,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

Обучение национальной культуре общения иностранных студентов

Многолетним опытом работы с иностранными студентами продиктовано стремление создать такую модель учебно-педагогического процесса в вузе, при которой успешно сочетались бы усвоение специальных знаний с постижением национальной культуры народа, язык которого изучается.

В этой модели обязательным компонентом является единство учебной и внеучебной деятельности, которая рассматривается как полноценный познавательный процесс, начинающийся во всех звеньях институтской работы с выходом за пределы вуза.

Система аудиторной — внеаудиторной работы построена с учетом того, что большое место в ней отводится общению с русскими людьми, ибо, таким образом, накапливается необходимый опыт, помогающий созданию атмосферы взаимопонимания в иноязычной среде, и, следовательно, воздействие русской национальной культуры на иностранных студентов усиливается.

Богатейшие возможности, стимулирующие процесс аккультурации будущих русистов, включает в себе хорошо продуманная система целостного педагогического процесса, посвященного теме «Праздники».

Подготовка факультетского «Вечера русского чая» — он традиционно проводится по окончании изучения лексической темы. «Праздники» — включают в себя комплекс заданий: на фонетике разучиваются русские народные песни, на домашнем чтении — русские народные сказки, на практике разговорной речи идет расширенная работа над загадками, пословицами, поговорками.

Во внеаудиторное время русские студенты помогают иностранцам постичь характер и настроение русского человека в озорной кадрили и лирическом хороводе. Методисты Областного центра народного творчества знакомят с русским народным костюмом, некоторыми русскими национальными обычаями и традициями.

Соприкосновение с глубоко самобытной стороной русской культуры пробуждает у иностранцев интерес к более глубокому знакомству с русским человеком, его национальным характером и психологией. Для русских студентов и преподавателей, участву-

ющих в подготовке «Вечера русского чая», есть прекрасная возможность почувствовать близость и единение с людьми другой национальной культуры в общечеловеческом плане.

*Н.-Л.М. Акуленко, к. ф. н., доцент,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

Речевая субкультура калужан

Одной из наиболее обширных сфер общения является область неофициально-повседневного, бытового общения, в которой на основе активной дискурсивной деятельности и происходит формирование языковой личности.

Коммуникативная культура языковой личности основывается на эмоциональной культуре, культуре мышления и культуре речи, под которой понимается совокупность и система свойств и качеств речи, говорящих о ее совершенстве. Речевая культура обнаруживается в продуктах речетворчества — текстах, представляющих собой устные и письменные монологические и диалогические высказывания, посредством которых и осуществляется общение.

В процессе коммуникации происходит не только личностная интерпретация общекультурных норм языкового поведения и лингво-стилистических традиций, но и используются готовые речевые продукты. Как писал М.М. Бахтин, «индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими, индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс освоения — более или менее творческого — чужих слов (а не слов языка)».

Таким образом, внутриязыковые семиотические заимствования («чужие слова»), переходящие из одного индивидуального текста в другой, могут включаться в любое речевое произведение в качестве своего рода престижных образцов. И если исходить из того, что культура есть механизм коллективного сознания, коллективной памяти (Ю.М. Лотман), а в операционном плане культуру можно определить, как образ жизни, передаваемый от поколения к поколению (С. Мосс, С. Таббс), то, следовательно, одной из ее составляющих являются многократно повторяющиеся рече-

вые тексты, в которых отражены социально значимые идеи и взгляды, а также традиционные национальные духовные ценности.

Между тем, в повседневной речевой среде активно функционируют и очень частотны речевые формулы, представляющие собой обрывки популярных речевых произведений или созданные на их основе перифразы, которые, являясь выразителями «житейской идеологии» (М.М. Бахтин), отражают основополагающие стереотипы бытового мышления и понимания как общей действительности, так и частных ее сфер (жизненные принципы, поведение в быту, профессиональные контакты, интимно-сексуальные отношения и т.д.). Подобные «тексты в тексте» и составляют то, что называется речевой субкультурой.

Русская речевая субкультура в целом и речевая субкультура калужан в частности представляют явление еще малоизученное, поскольку любая субкультура теснейшим образом связана с ситуативной жизнью конкретного социума и с языковой модой, т.е. ограничена временными и территориальными рамками.

Можно выделить следующие источники современной речевой субкультуры жителей г. Калуги:

1) тексты художественных произведений («После первой не закусывают» (М. Шолохов); «Сами с усами» (К. Чуковский); «Лед тронулся, господа присяжные заседатели», «Утром деньги, вечером стулья» (И. Ильф, Е. Петров) и т. д.);

2) тексты кинофильмов и мультфильмов («Ну и рожа у тебя, Шарапов» (к/ф «Место встречи изменить нельзя»); «Грешно смеяться над больным человеком»; (к/ф «Кавказская пленница»); «За чужой счет пьют даже язвенники и трезвенники» (к/ф «Бриллиантовая рука»); «Ребята, давайте жить дружно» (м/ф «Телевизор кота Леопольда») и т.д.);

3) тексты популярных песен («А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо» (из песни Л. Утесова); «Если долго мучиться, что-нибудь получится» (из песни А. Пугачевой); «Не сыпь мне соль на рану» (из песни В. Добрынина) и т.д.);

4) тексты анекдотов («Жить-то хочется, а жить-то не с кем. Вот и живешь с кем попало»; «Дура дурой, а четвертной в день имеет»; «Хорошо сидели. Верни тех, двоих» и т.д.);

5) тексты выступлений сатириков и юмористов («В греческом зале, в греческом зале... (А. Райкин); «Маленькие — по три, большие — по пять» (Р. Карцев); «Мужик, ты сам понял, что спросил?» (Я. Арлазоров) и т.д.);

6) профессионализмы («Выйти на оперативный простор» (из речи военных); «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит» (из речи юристов) и т.д.);

7) лозунги («Каждому пассажиру по мягкому месту»; «Наша сила в плавках» и т.д.);

8) фразеологизмы («Рыба ищет, где глубже, а человек — где рыба»; «Каждый сам кузнец своего несчастья»; «На бабка и зверь бежит» и т.д.);

9) тексты марксистских постулатов («Материя не исчезает бесследно, она только переходит из одних рук в другие»; «Битие определяет сознание» и т.д.);

10) высказывания политиков («Не могу поступиться принципами» (Н. Андреева); «Борис, ты не прав» (Е. Лигачев); «Процесс пошел» (М. Горбачев); «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда» (В. Черномырдин) и т.д.);

11) рекламные тексты («Ну о-о-чень смешные цены!»; «Баунти! Райское наслаждение»; «До первой звезды нельзя. Ждем-с»; «В мои критические дни»);

12) иноязычная речь («Айн момент» (нем.); «О, мама миа!» (итал.); «По фейсу кейсом» (англ.) и т.д.).

Особенностью субкультурных речевых формул является семантическая двуплановость, значимая двухфокусность, поскольку использованные «чужие слова» приносят с собой и свою экспрессию, и свой оценивающий тон, который осваивается, перерабатывается, переакцентируется (М.М. Бахтин). Участникам коммуникации обычно хорошо известен источник заимствования и условия изначального функционирования фразы. Эти знания эмоционально окрашивают новые речевые произведения и часто создают своеобразный стереофонический и стереоскопический эффект, напоминая о первоначальном употреблении текста.

Элементы субкультуры могут представлять собой цитаты, инкрустированные в высказывание с сохранением исходного значения. Если в тексте-источнике фраза имела ситуативно-конкретное значение, то в результате заимствования она часто приобретает обобщающий смысл, начиная относиться к любому «я». В ряде случаев происходит трансформация и семантическое переосмысление начальных текстов. Например, существенной переработке подвергаются серьезные тексты широко известных классических произведений: «Онегин, я тогда моложе и лучше качеством была»; «Уж климакс близится, а Германа все нет»; (А.С. Пушкин); «И скучно, и грустно, и некому морду набить» (М.Ю. Лермонтов); «Оставь одежду, всяк сюда входящий» (Данте) и т.д.

В подобных перифразах высокая патетика исходной фразы заменяется ернической «смеховой» грубоватостью, т.е. самоцелью коммуниканта является резкое снижение общей тональности высказывания, смещение акцентов.

Источниками речевой субкультуры калужан служат, прежде всего, сатирические или юмористические произведения. Для коллективного мироощущения и житейской философии русского народа, выразителем которых и является речевая субкультура, характерно жизнеутверждающее восприятие действительности, проявляющееся в «карнавальной самоосмеянии» (М.М. Бахтин). Это в полной мере относится и к речевой субкультуре жителей Калуги.

Литература

1. Лотман Ю.М. Биография писателя//Ю.М.Лотман. Пушкин. — СПб., 1995. С.127.
2. По мнению Измайлова Н.В., стихотворение обращено к М.Н. Раевской. См.: Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. — Л., 1976. С. 98.
3. ЦГАЛИ, ф. 2956, оп. 1, ед. хр. 25, лл.1—2.
4. Цветаева М.И. Собр. соч., т. VII, — М., 1994, С. 125.
5. ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 1079.
6. Цветаева М.И. Там же. С. 103.

Природа Верхнего Поочья

Л.П. Паутова,
главный лесничий национального парка «Угра»

Об истории создания в Калужской области государственного природного заповедника

«Калужские засеки»

(к 80-летию заповедного дела в России)

Первые особо охраняемые территории в Калужской области начали создаваться более 500 лет назад. Это были леса засечной черты Русского государства, создаваемые с оборонной целью. Упоминания о засеках, как средствах обороны, неоднократно встречаются в русских летописях уже с IX—X веков.

«Русь в лесах сохранилась, от лесу и сила у нее».

Пограничный с лесостепью край леса, входящего в состав крупного непроходимого массива широколиственных лесов, служил преградой на пути движения конницы степняков и укрытием местных жителей. На юго-востоке Калужской области в бассейнах рек Жиздры и Вытебети располагались 3 участка засечной черты: Дубенская, Столпицкая и Бобриковская засеки.

Засечная черта состояла из участков естественных заграждений — рек, лесов, болот, озер и оврагов, которые в опасных местах дополнялись искусственными укреплениями: лесными завалами (собственно засеками), валами, рвами, надолбами, частоколами, острогами, кольем, набитым в дно реки и т.д.

На более опасных местах черты, особенно в, так называемых, засечных воротах, или там, где она пересекала большие дороги, сооружались деревянные и земляные форты с башнями, мостами, острогами.

Заповедный лес имел строго определенные межевые границы и охранялся. Для охраны черты были поставлены специальные должностные лица — засечные воеводы, приказчики, головы, сторожа.

Режим охраны этих лесов был очень строгим: запрещалось не только рубить, выжигать и распахивать леса засечной черты, но даже и посещать их, чтобы не образовывалось тропинок, которые могут быть использованы врагом.

Виновных в нарушении заповеди строго наказывали. Охрана засек была затруднена небрежным отношением к засечной черте со стороны населения. «А по государеву указу, которые в засеках порухи делают и стежки накладывают, и тем бывает большое наказание, а иным смертная казнь». Обычно за порубку леса взыскивали пеню, т.е. штраф.

На то, какое важное значение придавалось засекам, указывает тот факт, что в XIV веке личный досмотр их проводил сам царь Иван Грозный.

Указом от 19.11.1703 г. Петр I запретил рубить дуб, клен, ильм, вяз, карагач, лиственницу, сосну в двенадцать вершков и толще в радиусе 50 км от больших рек и 20 км от впадающих в них малых рек. За вырубленное дерево назначался штраф — 10 рублей, а если дуб или большая порубка других деревьев — смертная казнь.

Козельские (Дубенские) и Белевские (Бобриковские) засеки упоминаются в Книге к Большому чертежу, составленной в 1627 г. в Разрядном приказе. Засечная черта Московского государства, в которую входили Козельские засеки, протянулась от Переяславля-Рязанского до Козельска. Она была обращена на восток, юг и запад по границе Руси с Литвой в XIV—XV веках. Козельские засеки включали в себя отдельные звенья — Столпицкую, Дубенскую, Кцынскую, Сенецкую. Общая протяженность вместе с Бобриковской засекой — 92 версты 450 сажень.

Столпицкая засека простиралась на 31 версту 478 сажень. В 1638 году в ней насчитывалось 22 версты лесного завала. Посреди Столпицкого заповедного леса были устроены Столпицкие ворота, на реке Песошне был город. С Дубенской засеки (по названию современной реки Дубенки) черта поворачивала на запад.

К западу от Дубенской шла примыкавшая к ней Кцынская засека, длиной 15 верст 530 сажень.

Сенецкая засека, получившая свое название от реки Сенеди,

начиналась от замка Кцынской засеки и шла по реке Жиздре. В 1638 г. на Сенецкой засеке был устроен на всем протяжении лесной завал.

Последний раз засекались леса во время войны с Карлом XII при Петре I в 1709 году.

Заповедный режим в Козельских засеках соблюдался до конца XVIII века, после чего началось постепенное расчленение массива, его вырубка и распашка. В 1738 году Калужские засеки были приписаны к Тульскому оружейному заводу, которому принадлежали до 1798 года.

Согласно Генерального межевания 1772—1774 годов Столпичкая и Дубенская Козельские засеки принадлежали Тульскому оружейному заводу, а Белевская Бобриковская засека была распродана частным владельцам — князьям Д.Ю., И.Н., И.А., С.А. Трубецким, князю А.М. Голицыну, княжне М.А. Долгорукой.

В 1898 г. было учреждено Казенное лесное управление, которому переданы в управление все казенные леса, в т.ч. засеки, в составе которого эти леса сохранились до Великой Октябрьской революции.

По утвержденным в 1806 г. Правилам лесопользования, разрешалось ежегодно вырубать не более 1/500 части взрослых дубовых деревьев.

В советское время большая часть сохранившихся в Столпичкой и Дубенской засеках лесов была пройдена лесовосстановительными рубками.

В 1988 г., обеспокоенная судьбой уникальных засечных лесов, группа московских ученых МГПИ — заместитель проректора по НИИ А.И. Макулин, заведующий проблемной биологической лабораторией В.И. Павленков, доктор биологических наук О.В. Смирнова, заведующий кафедрой высших растений биофака МГУ, член-корреспондент АН СССР, профессор В.Н. Тихомиров обратились с письмом в Калужский облисполком с предложением об организации заповедника.

В 1990 году московскими учеными С.В. и Е.В. Пономаренко и Г.А. Офман было подготовлено обоснование необходимости организации на территории бывшей Козельской засечной черты в Ульяновском районе Калужской области государственного природного заповедника. При обосновании, наряду с обычными в этих случаях материалами, были использованы исторические исследования. По материалам Актов XVI века, писцовых книг XVII века, материалам Генерального межевания XVIII века, картографическим и текстовым источникам XIX века была восстановлена уникальная история Калужских засек, не подвергавшихся сильным антропогенным нагрузкам, по крайней мере, последние 500 лет.

Благодаря этому, предложенная к заповеданию территория имеет уникальную ценность, как сохранившая эталонные участки лесных экосистем и почв дославянского периода истории. Естественные леса с такой глубиной ретроспективы нигде более не установлены в зоне широколиственных лесов европейской части страны. В древостое преобладают такие ценные породы, как дуб, ясень, ильм, клен, липа, растут яблоня, клен полевой, бересклет европейский и многие другие. В травянистом ярусе в изобилии растут черемша, хохлатка Маршала, встречается лунник оживающий и другие редкие растения Средней России.

В Ягодненском лесничестве встречаются участки с необычно большим разнообразием типов почв — от травянисто-подзолистых, наиболее широко распространенных в северной тайге, до бурых лесных, с основным ареалом значительно западнее и черноземовидных почв, сходных с более южными степными черноземами.

Территория заповедника является местом обитания богатой фауны. Весьма высокая плотность поселения хищных птиц является индикатором полноценной трофической структуры экосистем заповедника. Здесь отмечены занесенные в Красную книгу РФ малый подорлик и змеяяд.

Для того, чтобы учредить заповедник, в 1988 — 1992 годах было подготовлено более 20 писем, решений, документов регионального и федерального уровней, после чего постановлением Правительства Российской Федерации от 5 ноября 1992 года № 849 был образован первый в Калужской области государственный природный заповедник «Калужские засеки».

Литература

1. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке. — М., 1916.
2. Энциклопедический словарь. Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. т. 12. — СПб., 1892 г., т. 23. — СПб., 1894 г.
3. Пономаренко С.В., Пономаренко Е.В., Офман Г.А. Обоснование необходимости организации государственного природного заповедника в Ульяновском районе Калужской области. — М., 1990.

О восстановлении широколиственных лесов бывшей засечной черты Русского государства на территории национального парка «Угра»

Около 5 тысяч лет назад господствующим типом растительности Восточной Европы были широколиственные леса с преобладанием дуба, ясеня, ильма и других широколиственных пород, высоким биоразнообразием флоры и фауны.

В результате более чем тысячелетней истории природопользования на этой территории сильно сократились площади широколиственных лесов, они стали островными, вместе с ними исчезло множество видов растений и животных, уменьшилось почвенное плодородие. В настоящее время площадь широколиственных лесов (по оценкам международных экспертов) составляет не более 0,2 % от первоначальной.

Сохранившиеся в России фрагменты широколиственных лесов — уникальные объекты международного значения. Они являются генетическими резерватами все сокращающегося биологического разнообразия и потенциальным источником ресурсов для человека. Велико их научное, экологическое, эстетическое значение. Они являются эталонными участками для организации мониторинга за глобальными изменениями биосферы.

В Калужской области сохранились фрагменты старовозрастных (100—150 лет) широколиственных лесов в границах Жиздринского участка национального парка «Угра» и примыкающего к ним заповедника «Калужские засеки». Они занимают территорию в несколько тысяч гектаров и тянутся сплошным массивом бывшей Заокской засечной черты Московского государства (Слободская и Столпицкая засеки).

В X—XVIII вв. пограничные полосные засечные леса служили оборонительной системой от набегов степных народов и иных иноземных захватчиков и поддерживались государством вплоть до середины XVIII века.

Основу засечной черты составляли труднопроходимые широколиственные и хвойно-широколиственные леса, простиравшиеся единым массивом и дополняемые в некоторых местах

искусственными фортификационными сооружениями. В момент опасности эти леса «засекались» — т.е. рубились по опушкам сплошной полосой и становились непроходимыми для конницы врага.

Охранный режим этих лесов был очень строгим. Для охраны «заповеди» содержались на казенные деньги «засечные сторожа».

Благодаря особой охране, эти участки меньше всего пострадали от рубок. Встречаются кварталы, которые последние 500 лет не подвергались сплошным рубкам и не использовались для подсечно-огневого земледелия.

Березичское лесничество национального парка «Угра» в Козельском районе — одна из наименее нарушенных частей Заокской засечной черты, сохранившая максимальное количество лесов, близких к первичным.

Однако в результате длительного лесопользования породный состав и структура лесов существенно изменились. Леса стали более сомкнутыми, одновозрастными, естественные опушки и поляны исчезли и естественное возобновление светолюбивых видов (дуба и сосны) внутри лесных массивов прекратилось.

На 80 процентах этой территории некогда произрастали широколиственные леса. Однако за последние 50—70 лет на месте вырубок создавались посадки хвойных пород (ели — 600 га и лиственницы — 50 га) или они оставались под естественное зарастание березой и осинкой. В результате площади под широколиственными лесами сократились почти вдвое и занимают сейчас 42% площади лесничества.

Благодаря созданию в Калужской области национального парка «Угра», стало возможным осуществление идеи восстановления коренных широколиственных лесов. Парком разработана Программа изучения и реставрации устойчивых дубово-широколиственных лесов, рассчитанная до 2012 года. Программа является составной частью региональной программы «Леса Калужские».

Учитывая, что 30% территории Березичского лесничества относится к заповедной зоне, а большая часть остальной территории по функциональному зонированию входит в особо охраняемую зону с заказным режимом, все работы по реконструкции насаждений возможно проводить в ограниченных объемах в целях эксперимента и научных исследований.

В зависимости от эколого-возрастных особенностей, лесной массив лесничества разбивается на несколько условных групп, требующих различной стратегии ведения лесного хозяйства с целью восстановления насаждений, соответствующих сложившимся условиям местопроизрастания.

Наиболее перспективными для восстановления широколиственных лесов оказались насаждения спелой и перестойной березы и осины с участием широколиственных пород в подросте и во II ярусе.

При восстановлении сообществ с участием широколиственных видов деревьев (ясеня, липы, вяза, кленов остролистного и полевого) необходимо стремиться к формированию разновозрастных, смешанных по составу и сложных по форме (многоярусных) насаждений.

В рамках Программы намечено создание научного Центра по изучению широколиственных лесов и разработке стратегии и методов их восстановления, проведение работ по искусственному лесовосстановлению на максимально возможных площадях (около 800 га).

Естественное восстановление леса без вмешательства человека займет 150—200 лет, а на некоторых участках, не обеспеченных достаточным количеством подроста и семенного материала главных пород, это вообще не произойдет.

Сократить срок восстановления в 10 раз возможно путем искусственного моделирования природных процессов (проведение рубок реконструкции и последующей посадки леса).

В случае успешной реализации Программы возможно восстановление различными методами широколиственных лесов на общей площади более трех тысяч гектаров.

О.Н. Волошина,

Центр охраны дикой природы.

А.А. Могильнер,

руководитель детского экологического клуба «Следопыт»

Природная ценность Калужско-Алексинского каньона реки Оки

Калужско-Алексинский каньон Оки (протянувшийся от Калуги до Алексина), издавна привлекал внимание исследователей самых разных специальностей. На этой территории русло Оки — «молодое», сформировавшееся начиная с периода Московского оледенения, и река, зажата высокими берегами, прорезает толщи известняков. В конце прошлого века геологи А. Струве и Н.Н. Бого-

любов описали обнажения каменноугольных известняков урочища Любовец как эталонные (стратотип) и предложили этот уникальный объект к охране (под охрану до сих пор не взято). На территории каньона сделано множество археологических находок, а его ботаническая ценность описана С.Н. Милютиным в 1890 г. С тех пор ботаники на этой территории не работали, хотя Милютин обнаружил здесь природные комплексы с множеством редких южных растений, несомненно, нуждающиеся в охране.

Восполнить этот пробел была призвана наша работа. Материалы собирались во время наших комплексных экспедиций с кружком «Следопыт» 21—28.06.94 (бассейн реки Некисны) и 3—18.07.95 (была обследована территория от деревни Авчурино до поселка Дугна площадью около 40 тыс.га), а также экскурсий с Т.О. Яницкой на реке Некисне 5.07.94 и с к.б.н. С.Р. Майоровым в район устья реки Калужки 27.04.96. Материал по участку левобережья Оки ниже устья реки Калужки собран С.Р. Майоровым, которому мы также очень признательны за ценные консультации и помощь при определении гербарного материала. Мы благодарим энтомолога Л.Б. Волкову, участвовавшую в экспедиции 1995 г.; Т.О. Яницкую, а также программу «Семена демократии» ISAR и В.Г. Астрова за финансовую поддержку наших исследований в 1995 г.

Впервые результаты работы были доложены на конференции «Биологическое разнообразие Калужской области» (апрель 1996 г., Калуга) и частично опубликованы (Волкова, 1996, Соколова и др., 1996; Voloshina, Mogilner, 1997).

Природная уникальность территории каньона и сохранность ценнейших экосистем, на наш взгляд, обусловлена крутизной склонов Оки; узостью и (нераспаханностью) поймы, близким залеганием и выходами известняков, наличием песков в пойме Оки; а также тем обстоятельством, что Ока в пределах каньона течет с запада на восток, и протяженность теплых склонов южной экспозиции велика. Долина Оки в районе каньона V-образная, террасы практически не выражены, собственно пойма чрезвычайно узка и расширяется только там, где склоны становятся более пологими.

На территории каньона поля и луга чередуются с небольшими участками лесов, сохранившимися по долинам притоков и склонам Оки, — широколиственных (с участием дуба, клена остролистного, липы, ясеня и вяза *Ulmus glarba* и *U. laevis*; со снытью, зеленчуком, пролесником, осокой волосистой и подмаренником Шультеза в травяном ярусе), в том числе и остепненных; вторичных лесов с примесью широколиственных пород. Сосновых боров немного. Высокая пойма Оки в основном занята узкой полосой пастбищ и лугов; есть хорошо сохранившиеся богатые суходольные луга.

Экономические трудности и отмена судоходного сообщения по Оке (работа проводилась в 1994—1995 гг.) привели к резкому сокращению рекреационной нагрузки и сокращению поголовья скота, что, вероятно, благоприятно отразилось на состоянии лугов.

Разнотравные остепненные луга, хорошо сохранившиеся широколиственные и сосновые леса, в том числе и остепненные, места обитания редких и нуждающихся в охране видов растений, насекомых и позвоночных животных выделены нами как Ценные Природные Участки (ЦПУ, см. рис.1). Здесь найдены некоторые редкие растения, до сих пор отмечавшиеся в Калужской области в 1—2 точках: в районе реки Некисны обнаружена небольшая популяция чабреца Леви (*Thymus laevianus*), ива Виноградова (*Salix vinogradovii*), эндемик Среднерусской возвышенности; капуста черная (*Brassica nigra*). К югу от устья реки Калужки С.Р. Майоров нашел небольшие популяции фиалки душистой (*Viola odorata*) и шлемника высокого (*Scutellaria altissima*).

На территории каньона довольно полно представлена «окская флора». Этот тип растительных сообществ пока не представлен в ООПТ области (за исключением НП «Угра» и отчасти памятника природы «Барсуки»). Южные элементы концентрируются в основном на левобережье Оки: на разнотравных богатых лугах высокой поймы и на лугах немногочисленных безлесных южных склонов долины Оки, а также по опушкам южной экспозиции. «Классических» остепненных нагорных дубрав с рединами, занятыми лесостепными видами, здесь нет — за исключением, пожалуй, относительно пологого олуговелого склона Оки на участке «река Некисна» (ЦПУ № 6), где в I ярусе дуб соседствует с березой, а также имеется участок чахлых сосновых посадок с возобновлением дуба и неморальным травяным покровом, клевером альпийским, геранью кроваво-красной, таволгой обыкновенной, ластовнем, язвенником и ветреницей лесной.

В разреженных немногочисленных остепненных лесах и на опушках преимущественно на левом берегу Оки обнаружены: герань кроваво-красная *Geranium sanguineum* (№ 1, 4, 6, 8, 15 — здесь и далее — номера ценных природных участков); клевер альпийский *Trifolium alpestre* (№ 1, 6, 8, 13, 15, 9, 10, 11); ластовень *Vincetoxicum hirsutinaria* (№ 6, 14, 15); ломонос прямой *Clematis recta* (№ 1, 6, 8, 14, 15). Ветреница лесная *Anemone sylvestris* в значительных количествах найдена нами на участке «Река Некисна» (№ 6), но вероятно, есть и на других участках.

По южным опушкам, а также на остепненных лугах отмечался вязель разноцветный *Coronilla varia* (на всех ЦПУ левобережья кроме № 7, на правом берегу — на участках № 2 и 10) и астрагалы

солодколистный *Astragalus glycyphyllos* и нутовый *A. cicer* (№ 8, 13, 15), которые часто встречались вместе, но *A. glycyphyllos* — чаще (№ 3, 4, 6, 8, 12, 13, 14, 15, 9, 10). Вязель интересен еще и как одно из кормовых растений для гусениц бабочек пестрянки-эфиды и голубянок малой, серебристой и зубчатой; а астрагалы — кормовые растения для гусениц малой и зубчатой голубянок (Красная книга Московской области, 1998).

Обычными компонентами богатых разнотравных остепненных лугов в высокой пойме и на склонах Оки были такие «окские» виды, как шалфей мутовчатый *Salvia verticillata* (№ 5, 9, 10 и все левобережные ЦПУ, кроме № 7 и 12) и луговой *S. pratensis* (все левобережные ЦПУ, кроме № 1, 7 и 14); синеголовник плосколистный *Eryngium planum* (№ 5, 9, 10 и все левобережные ЦПУ, кроме 7 и 13); мордовник шароголовый *Echinops sphaerocephalus* (№ 1, 3, 8, 12 — 15, 9); скабиоза желтая *Scabiosa ochroleuca* (№ 5, 10 и все левобережные ЦПУ, кроме 7 и 13); зопник клубненосный *Phlomis tuberosa* (№ 1, 3, 6, 8, 2). Таволга обыкновенная *Filipendula vulgaris* отмечена нами на лугах на участках № 1, 6, 8, 14, 15 и 10.

Стальник полевой *Ononis arvensis*, как наименее стравливаемый скотом, встречался и на более обедненных лугах. Нами он был отмечен на всех ЦПУ левобережья, кроме 12, на правом берегу Оки (№ 2, 9 и 10), а также на лугах и пастбищах левого берега, не вошедших в состав ЦПУ. Эспарцет песчаный *Onobrychis arenaria* отмечен на участках № 3 и 6. На сухих открытых местах и окраинах полей на песках найдены бурачок пустынный *Alyssum turkestanicum* (№ 3, 6, 8, и 12) и более обычный синяк *Echium vulgare* (№ 3, 6, 8, 12, 14, 15, 10).

Горечавка крестовидная *Gentiana cruciata* встречалась довольно часто на лугах с близким залеганием известняков в основном на левобережье Оки (№ 1, 3, 6, 13, 14, 15, 2, 11).

В высокой пойме или выше на пологих открытых склонах на лугах встречается земляника зеленая *Fragaria viridis* (№ 3, 6, 8, 2, 11).

Кирказон *Aristolochia clematidis*, кормовое растение бабочки поликсены (нами не обнаруженной), и спаржа лекарственная *Asparagus officinalis* найдены исключительно на левом берегу Оки, причем спаржа встречалась вместе с кирказоном на открытых местах на прирусловом валу Оки: немного — на участке № 6 и значительные заросли — на участках № 12 и особенно 8. Кирказон на территории каньона, помимо прируслового вала (№ 6 — немного, 8, 12), отмечался по ручьям и понижениям среди кустарников (№ 4 и 15 — немного, 8 — довольно много); в островках пойменных сероольшаников (№ 12), а также образовывал заросли в виде ленты, шириной 3—5 м и длиной от 10 до 100 м, по южным опуш-

кам широколиственных лесов на окских склонах, под кронами деревьев (№ 15 — немного; 8, 13, 14). Суммарная протяженность этих опушек, окаймленных лентой кирказона, на участках 8, 13 и 14 составляет более 2 км.

Клен полевой *Acer campestre* и жёстер слабительный *Rhamnus cathartica* встретились нам всего в одной точке, в северной части уч-ка 3, почти на окраине деревни Авчурино. Терн на территории каньона не встречен.

Нами отмечены здесь также ирис сибирский *Iris sibirica* (№ 6) и молодило побегоносное — *Jovibarba sobolifera* (№ 1 и 6) — редкие растения, несомненно заслуживающие охраны. Довольно обычны здесь колокольчик крапиволистный *Campanula trachelium*, широколистный *C. latifolia*, рапунцеливидный *C. rapunculoides*, персиколистный *C. persifolia* и болонский *C. bononiensis*.

Серая ольха *Alnus incana*, находящаяся здесь на границе ареала, отмечена нами повсеместно на обоих берегах Оки, часто по прирусловому валу или отдельными островками в высокой пойме или по опушкам окских склонов, а также почти по всем притокам Оки в глубоких каньонах, непосредственно у русла и в устьях. Черная ольха располагается здесь выше по склону или ближе к истокам речек. Мы отметили *A. incana* не менее чем в 19 точках. По реке Некисне она доходит почти до деревни Староселиваново, по ручью Железник — до деревни Караваинки, по ручью Находино — до деревни Поливаново, по реке Куровке — до Оберегаевки, по реке Передут — как минимум до деревни Брагино.

Заслуживают упоминания также отмеченные на территории каньона *Ajuga genevensis*, *Angelica archangelica*, *Anthyllis macrocephala*, *Artemisia procera*, *Carex caryophylla* и *C. montana*, *Festuca polesica*, *Gagea erubescens*, *Inula helenium*, *Lathyrus niger*, *Lavatera thuringiaca*, *Nepeta nuda*, *Nonea pulla*, *Petasites spurius*, *Potentilla alba*, *Pulmonaria angustifolia*, *Pyrus communis*, *Scrophularia umbrosa*, *Serratula tinctoria*, *Seseli annuum*, *Silene tatarica*, *Verbascum nigrum*, *Veronica teucrium* и *V. spicata*.

Суммарная площадь наиболее богатых разнотравных остепненных лугов невелика (около 200 га), однако они вносят огромный вклад в биоразнообразие области. Эти очень уязвимые экосистемы, в первую очередь страдающие от распашки, застройки и перевыпаса, являются редкими в масштабах всей средней полосы. Кроме того, именно редкость мест массового произрастания кормовых растений является лимитирующим фактором распространения и причиной чрезвычайной редкости в Центре Европейской части России видов насекомых, связанных с остепненными лугами и найденных Л.Б. Волковой на территории каньона, — таких, как пестрянка-эффальт (*Zygaena ephialtes* (L.)), голубянки малая

(*Cupido minimus* (Fuessly), серебристая (*Polyommatus coridon* (Poda) и зубчатая (*P. daphnis* (Den. et Schiff.)), а также шмель плодовый (Красная книга Московской области, 1998).

Возможно, в условиях каньона «окская флора» существует в обедненном варианте, однако наличие множества подходящих однотипных местообитаний на крутых теплых склонах южной экспозиции с выходами известняков привело к тому, что небольшие по площади места концентрации южных растений и редких насекомых сливаются во взаимосвязанную систему, способную поддерживать видовое разнообразие на протяжении около 40 км долины Оки. Пространственные разрывы между выделенными нами ЦПУ невелики (см. рис. 1). Мы полагаем, что природная ценность Калужско-Алексинского каньона выходит за рамки областного значения. Эта территория хорошо вписывается также в областную сеть ООПТ, примыкая к НП «Угра» и заповеднику в качестве «третьего лепестка».

На территории каньона нашей экспедицией 1995 г. найдено не менее 20 редких и сокращающих численность видов насекомых, в том числе 6 видов, занесенных в Красную книгу СССР: жук восковик-отшельник *Osmoderma eremita* Scop., бабочки зубчатая голубянка *Polyommatus daphnis* (Den. et Schiff.), малиновая орденская лента *Catocala sponsa* (L.), махаон *Papilio machaon* L., а также шмель плодовый *Bombus pomorum* (Pz.) и шмель байкальский *Bombus subbaicalensis* (Vogt.). Редкие насекомые представлены видами, характерными как для лугово-степных сообществ, так и видами-индикаторами хорошо сохранившихся широколиственных лесов, а также локально встречающимися европейско-сибирскими таежными видами, находящимися в области вблизи южной границы своего ареала. (См. подробнее Волкова, 1996).

Фауна позвоночных также довольно интересна.

Обнаружен жилой барсучий городок (№ 5); найдено поселение бобров в норах, вырытых в окском берегу.

На территории каньона обитают птицы, тяготеющие к речным долинам, небольшим лесным массивам, чередующимся с полями и лугами — т.е. в основном виды луго-полевого орнитокомплекса. Многочислен канюк; обычны луни, луговой (*Circus pygargus*) и полевой (*C. cyaneus*). На территории от Авчурино до Дугны, в полосе 3—4 км от Оки, по нашим оценкам, обитает не менее чем по 2 пары каждого вида луней.

На этой территории отмечена всего одна пара пустельги (*Cerchneis tinnunculus*); гнездо было найдено 23.06.94 в 1,5 км к западу от устья реки Некисны на опушке. 27.06 птенцы еще были в гнезде. В погадках пустельги, найденных неподалеку на окском

пляже, были надкрылья жуков, осколки раковин моллюсков, кости мышевидных грызунов и бурозубки. 5.07.94 наблюдали, как в устье Некисны канюк отнял у пустельги пойманную полевку. 6.07.95 птицы держались здесь же.

Перепел (*Coturnix coturnix*) отмечался повсеместно (по головам токующих самцов) на лугах и полях, как в пойме, так и на плакоре. Специальных учетов мы не проводили, однако на этой территории мы насчитали не менее 20 мест обитания этих птиц.

Тетеревятник (*Accipiter gentilis*) гнезился в Тимошевском бору: 8.07.95 были встречены взрослая и молодая птицы. Зеленого дятла (*Picus viridis*) отмечали всего однажды, 4 птицы 5.07.95 у Оки к северу от деревни Ахлебино. Удоды (*Upupa epops*) встречены дважды: 2 птицы — 5.07.95 в 1 км к юго-востоку от деревни Усадье и 2 птицы — 11.07.95 в 1 км к востоку от деревни Воронино.

Пойма Оки здесь узкая; мокрых пойменных лугов и болот нет, и птиц околводного комплекса мало, за исключением черного коршуна (*Milvus korschun*). На 34 км маршрута вдоль Оки (от Авчурино до Дугны) мы насчитали 4—5 пар. Одна пара 10—12.07.95 докармливала птенцов в гнезде; выводок другой пары держался 12.07 неподалеку от оставленного гнезда; гнезда располагались на облесенных склонах долины Оки.

Серая цапля (*Ardea cinerea*) на Оке встречалась ежедневно; максимальное число птиц, встреченных одновременно — 17 (9.07.95). Вероятно, где-то на территории каньона колония, но ее найти не удалось; птенцы уже вылетели.

Крутые склоны притоков Оки являются подходящим местом гнездования для зимородка (*Alcedo atthis*). Жилая нора была найдена 15.07.95 в устье реки Дугны, а К.И. Ширяев 6—8.07.95 наблюдал зимородков на реке Некисне.

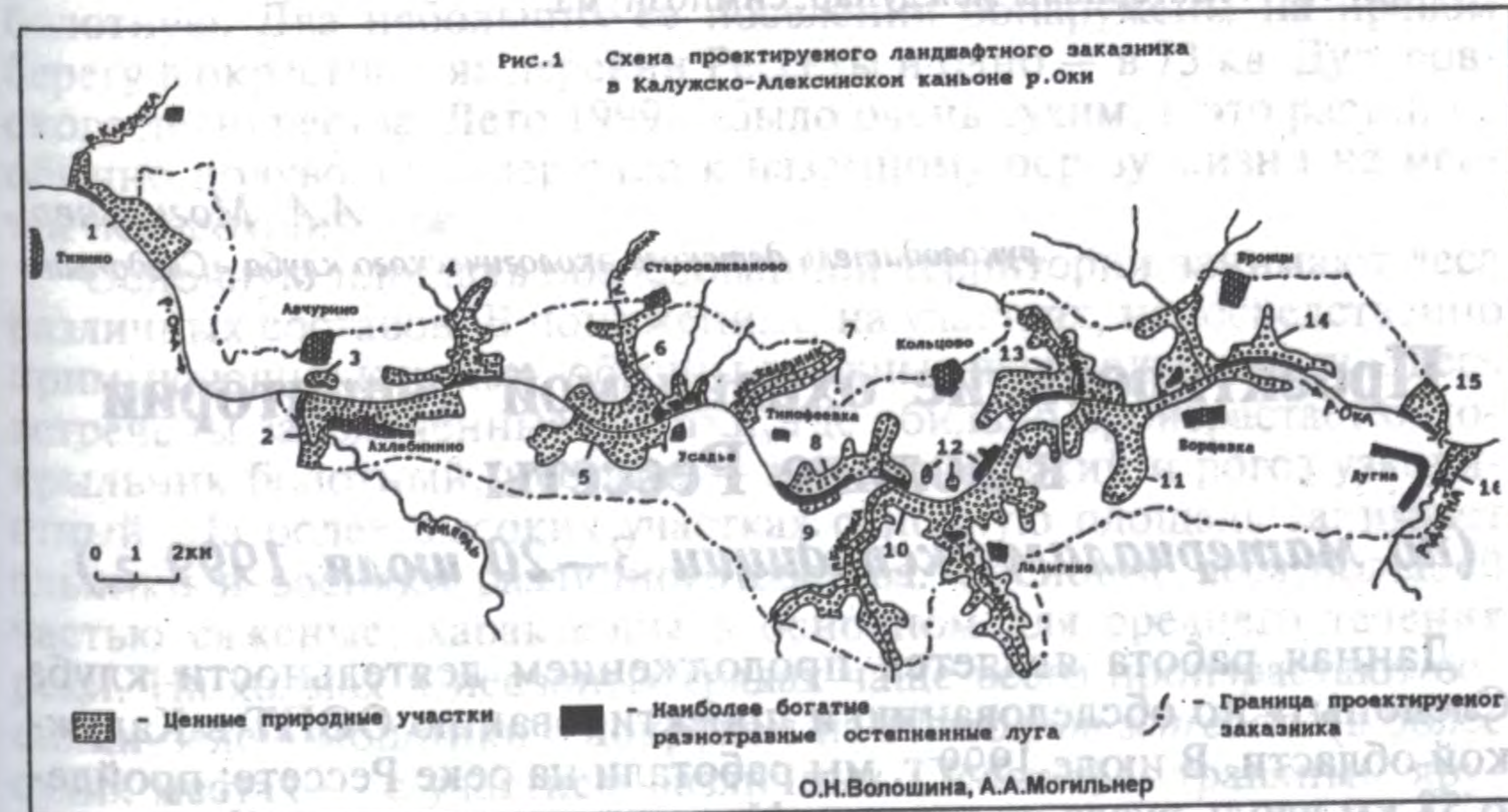
На прудике, недалеко от деревни Агарково, слышали жерлянок. На участке № 6 встречена веретенница (данные Л.П. Паутовой).

На ручьях Любовец и Железник, на реке Передут и в карьере урочища «Каменная гора» интересны также обнажения известняков и пещеры. На территории каньона есть несколько оползней, нуждающихся в изучении.

В нашей работе, к сожалению, не было уделено должного внимания фауне рукокрылых. В настоящее время данных о состоянии популяций и статусе видов рукокрылых в Центральной России чрезвычайно мало (Борисенко, Крускоп, 1996). Известно, что чрезвычайно уязвимые зимние скопления приурочены к закарстованным речным долинам со скальными, обычно известковыми выходами и пещерами, и эти зимовочные убежища, дефицитные в Центральной России, оказываются ключевыми и приоритетными

в плане охраны рукокрылых местообитаниями. Изучение рукокрылых на территории каньона (особенно на участках 7, 8, 10 и 13), предоставляющего кормовую базу в летний период (многочисленных и разнообразных насекомых) и зимовочные убежища, может оказаться перспективным как для прояснения статуса этой малоизученной группы, так и для повышения значимости спроектированной нами ООПТ.

Мы предлагаем организовать на этой территории комплексный (ландшафтный) заказник областного значения, общей площадью около 15 тыс. га, задача которого — сохранение существующего природопользования и предотвращение неконтролируемой застройки, сведения лесов, рекреации и прочего изменения инфраструктуры. Заказник будет состоять из 16 участков (общей площадью около 3.600 га) с более строгим режимом, в основном — некоторыми ограничениями существующего выпаса скота. Остальная территория — это зона охраняемого эталонного среднерусского ландшафта. В охране нуждается весь долинный комплекс Оки, со всеми притоками, т.к. создание 16 небольших ООПТ не сможет предотвратить деградации природных комплексов. Кроме того, долина Оки имеет огромную водоохранную, противоэрозионную,

геологическую, культурно-историческую, археологическую, эстетическую и рекреационную ценность: на территории каньона расположено четыре существующих памятника природы комплексного природно-исторического значения (усадебные и парки) и нуждающаяся в охране усадьба Н. Голицыной около деревни Жарки, а также более 20 археологических объектов.

Литература

Боголюбов Н.Н. Материалы по геологии Калужской губ., ч.1, стр.163—168. — Калуга, 1895, тип. Земской управы.

Борисенко А.В., Крускоп С.В. Охрана рукокрылых в России: введение в проблему. Бюлл. «Охрана дикой природы», 1996 г., № 8, стр.8—9. — М., Центр охраны дикой природы.

Волкова Л.Б. Насекомые как индикаторы сохранности лугово-степных и лесных сообществ Калужско-Алексинского каньона Оки. Там же, 1996, ч. 1, стр.92—100.

Есинов В.П. Калужско-Алексинский каньон р. Оки. Геология и экология» в сб. Бюллетень РНИИ «Верхнее Поочье». — Калуга, 1993, стр. 6—8.

Милютин С.Н. Материалы по флоре известняков реки Оки в сб. Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. — М., 1890, вып. 1, стр.93—167.

Соколова О., Якухина Н., Могильнер А.А., Волошина О.Н. Гидробиологическое обследование реки Оки. В сб. «Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития ООПТ». Материалы Калужской научно-практической конф., ч. II, стр.116—117. — Калуга, 1996 г.

Красная книга Московской области. — М., 1998 г., «Аргус», «Русский университет».

Voloshina Olga, Mogilner Anna. Damaged dry forests in the Oka valley near Kaluga (central Russia). «Biodiversity in managed forest — concepts and solutions». Sweden, 1997. Материалы междунар. симпозиума.

А.А. Могильнер,

руководитель детского экологического клуба «Следопыт»

Проектирование охраняемой территории в долине Ресеты

(по материалам экспедиции 3—20 июля 1999 г.)

Данная работа является продолжением деятельности клуба «Следопыт» по обследованию и проектированию ООПТ в Калужской области. В июле 1999 г. мы работали на реке Ресете; пройдено 58 км вдоль русла от деревни Новоселки до деревни Чернышено (Хвастовичский, Ульяновский и Думиничский районы). Обследованы в основном территории, непосредственно примыкающие к реке (поймы и леса, расположенные не далее 1—2 км от русла). Река течет с юга на север, ее южная часть примыкает к территории национального парка «Орловское Полесье», а устье находится недалеко от границы национального парка «Угра».

1. Растительность долины Ресеты

В верхнем (окрестности деревень Новоселки—Харитоновка—Мокрые Дворики) и среднем течении Ресеты (по левому берегу в районе деревень Мойлово—Сусея) обширную площадь занимает влажная пойма; это прежде всего заросли различных осок, тростника обыкновенного, таволги вязолистной; местами — небольшие куртины ив. Высокие кочки и вода делают пойму практически непроходимой. В более сухих местах обычны луга различного состава, используемые в качестве сенокосов и пастбищ. Мы описывали здесь луга с преобладанием лютика ползучего и погремка (среднее течение, правый берег), таволги вязолистной и осок (правый берег, против устья реки Дубны), щавеля конского, василька лугового и гравилата речного (левый берег возле реки Ловатянки), и некоторые другие.

Из околводных и водных растений Ресеты наиболее обычны рогоз узколистый, стрелолист, сусак зонтичный; местами — водокрас лягушачий. Кубышку желтую встречали, в основном, на старицах, а кувшинку чистобелую отметили лишь в трех местах (дважды на реке и один раз на старице). Из редких растений, приуроченных к влажным местообитаниям, следует упомянуть турчу болотную. Два небольших ее поселения обнаружены на правом берегу в окрестностях деревни Ресеты и одно — в 73 кв. Дудоровского лесничества. Лето 1999 г. было очень сухим, и это растение, обычно полуводное, перешло к наземному образу жизни на местах пересохших луж.

Основную площадь обследованной территории занимают леса различных составов. В понижениях, на участках, непосредственно примыкающих к пойме, обычны влажные черноольшаники. Здесь встречены заболоченные участки, где обильно произрастает белокрыльник болотный, местами — ирис сибирский и рогоз узколистый. На более высоких участках основную площадь занимают ельники и сосняки различного состава. Сосновые леса большей частью сажены, характерны в основном для среднего течения реки. На холмах и песчаных грядах чаще всего произрастают сосняки-зеленомошники с покровом из *Pleurozium schreberii* (в более сухих местах — с участием различных *Cladonia*) и травяным ярусом с преобладанием ландыша, брусники, черники, майника двулистного, иногда — вереска и орляка. В пойме в непосредственной близости от реки их сменяют разнотравные сосняки, в нижнем ярусе которых встречены тысячелистник, копытень, золотая розга, лапчатка прямостоячая, марьянник дубравный. Естественное возобновление сосны идет крайне медленно; в подросте она встречается только изредка на опушках и полянах, преобладают же ель

и дуб, иногда (в зависимости от рельефа и условий увлажнения) осина или береза. Особенно интересны участки сосновых посадок на правом берегу реки к востоку от деревень Мойдово и Хотьково. Вероятно, ранее эти территории занимали широколиственные леса, поэтому под сосной растут в основном дуб и липа, местами — клен. Травяной ярус больше соответствует покрову широколиственного леса (осока волосистая, сныть, медуница неясная, будра плющевидная, марьянник дубравный, купены: лекарственная, многоцветковая и др.).

Калужская область относится к зоне хвойно-широколиственных лесов; по ее южной части проходит граница зоны широколиственных лесов (Пашканг К.В., 1992), поэтому дубравы и липняки с примесью других широколиственных пород здесь обычны, особенно в среднем и нижнем течении реки. Наиболее интересны пойменные дубравы, которые обычно занимают многочисленные излучины Ресеты. Это небольшие (до нескольких га), довольно разреженные участки, где в древесном ярусе, кроме дуба, обычна примесь липы, изредка — клена и сосны, а в травяном преобладают земляника, марьянник дубравный, вербейник обыкновенный, различные подмаренники, будра плющевидная, золотая розга, зеленчук желтый, часто — купена многоцветковая, реже, лекарственная и др. Возобновление дуба в большинстве дубрав обильное; хорошо чувствует также подрост липы, клена, местами — вяза.

По правому берегу реки в 3 км ниже Ловатянки (73 квадрат Дудоровского лесничества) обследован участок широколиственного леса с древостоем из дуба, липы и клена (отдельные дубы достигали высоты более 25 м и диаметра более 1 м); в подросте обильны дуб, липа, клен и вяз, а в травяном ярусе — ластовень ласточкин, будра плющевидная, щитовники мужской и игольчатый. Ластовень на обследованной территории встречали редко. Кроме описанного участка, он отмечен в липняке с дубом в окрестностях деревни Хотьково. В подлеске дубрав и липняков, помимо обычных черемухи, жимолости лесной, крушины ломкой и др., большую площадь занимал бересклет европейский, который в нашей области находится близко к северной границе своего ареала (Ареалы деревьев и кустарников СССР, 1986); местами бересклет европейский явно преобладает. Здесь же расположен небольшой участок (около 0,3 га) ясеневое леса (в подросте также преобладал ясень); в других местах ясень встречали редко лишь в качестве примеси к основной породе.

Липняки занимают довольно обширную часть обследованной территории и более обычны для среднего и нижнего течения реки. Чаще всего вместе с липой произрастают дуб, клен, местами —

вяз; также обычны липняки с примесью березы, осины, реже — ольхи и ели. В подросте преобладает липа; также обильны клен, вяз и дуб. Другие древесные породы возобновляются в липняках значительно реже. Травяной ярус обычен для этого типа леса — сныть, будра плющевидная, осока волосистая, зеленчук желтый, страусник обыкновенный. Обращает внимание зависимость типа растительности от рельефа местности — большинство липняков расположено на склонах реки, в местах, где уклон был достаточно заметен.

Ельники занимают достаточно большую площадь долины, хотя и относительно меньшую, чем в северных районах области. Чаще всего это обычные ельники-зеленомошники с черникой и кислицей, с примесью березы, сосны или дуба; в подросте, кроме ели, обычен дуб, местами — липа и клен. На одном из участков (по правому берегу к северо-востоку от деревни Чернышено) в травяном покрове присутствовала линнея северная — вид, обычный для северных ельников и довольно редко встречающийся на юге нашей области. На тех участках, где ель не является абсолютным доминантом в древостое, травяной покров немного иной — копытень, живучка ползучая, сныть, марьянник дубравный и другие растения, более свойственные широколиственным лесам.

Смешанные леса долины Ресеты можно условно разделить на два типа. Первый — мелколиственные леса с елью. Это наиболее обычный для области тип леса; в травяном ярусе чаще всего встречали ландыш, чернику, бруснику, звездчатку жестколистую, местами — зеленые мхи. В подобном биотопе (осиново-березовый лес с елью) среди высокотравья найден крайне редкий для области вид — гладыш широколистный. Мы приносим благодарность за устную консультацию преподавателю КГПУ Н.В. Воронкиной и за помощь в его определении сотруднику Государственной ботанического сада Н.В. Лазаревой. Большая часть смешанных лесов Ресеты относятся к другому типу — вместе с мелколиственными растут широколиственные породы — дуб, клен, липа, вяз; соотношение видов зависит от конкретных условий участка. Травяной ярус соответствует древостою — преобладают сныть, осока волосистая, медуница неясная и т.п.

2. Фауна

1). Наибольший интерес представляет орнитофауна обследованного района. Она очень богата и разнообразна — за две недели отмечено 103 вида птиц.

О природной ценности долины свидетельствует, прежде всего, обилие хищных птиц, некоторые виды которых крайне редки не только в Калужской области, но и на территории России (Крас-

ная книга Московской области, 1998; Редкие виды птиц Нечерноземного центра России, 1998). Здесь было встречено 3 вида, находящихся под угрозой исчезновения (скопа, подорлик, змеяяд)*, 2 вида, сокращающие численность (перепел, клинтух), редкие для области птицы, численность которых еще относительно стабильна (серый журавль, зимородок, белоспинный дятел, ястребиная славка), 2 вида, находящиеся на границе своего ареала (орел-карлик, удод), 2 малочисленных вида, расселяющихся в центральных областях России (горихвостка-чернушка, белый аист), а также 4 вида, относящихся к уязвимым (большой улит, коростель, обыкновенный козодой и черный коршун).

Наиболее интересны окрестности деревни Мойлово. Обширная площадь влажной труднопроходимой поймы с небольшими группами деревьев привлекает большое количество пернатых хищников. Здесь 13 июля встречены змеяяд, подорлик, орел-карлик (молодая особь белой морфы), осоед, ястреб-перепелятник. Змеяяда отмечали еще дважды — 4 июля у деревни Грива, и 10 июля в 60 квартале Кцынского лесничества. Наиболее вероятно, что это была одна и та же кочующая особь. В покинутой людьми деревне Харитоновке 5 июля отмечена скопа. Недалеко от деревни Красное отмечены болотный и луговой луни, дважды (окрестности деревни Грива и правый берег против деревни Харитоновки) — ястреб-тетеревятник, возле деревни Мойлово — перепелятник. Был обычен канюк, численность которого достигала около 5 особей на 10 км маршрута; можно предположить гнездование 4 пар (птицы проявляли явные признаки беспокойства). Количество черного коршуна существенно ниже — 0,5 птиц на 10 км. Довольно обычен осоед. В 5 км к северу от д. Ловатянки 10 июля обнаружено гнездо с плохо летающим птенцом; дважды мы отмечали одиночек и один раз — старую птицу с молодым (13 июля около деревни Мойлово). Конечно, утверждать о гнездовании некоторых хищников в долине Рессеты рано — требуется подробное и тщательное обследование, но летние встречи змеяяда, орла-карлика, скопы, подорлика свидетельствуют о большой природной ценности этого региона.

Из воробьиных птиц наиболее интересны встречи выводков: 5 июля ястребиной славки в д. Мокрые Дворы и 8 июля горихвостки-чернушки в д. Рессеты.

Ряд видов птиц, являющихся в нашей области редкими и охраняемыми (Список..., 1993), на Рессете были довольно обычны.

* — жирным шрифтом выделены виды птиц, занесенные в Красную книгу РФ, курсивом жирным — в Красную книгу Калужской области, обычным курсивом — уязвимые. Некоторые категории статусов редкости, приводимые автором, не соответствуют действительности. (Прим. ред.).

Зимородок отмечен нами 10 раз (по 2 особи на 10 км течения реки), из них дважды — молодые особи; *дрозд-деряба* — 4 раза (из них 2—4 июля у деревни Терebenь и выводки — 8 июля к востоку от реки Дубны), дважды — обыкновенный козодой, четырежды встречен удод в среднем течении реки. Крик серой неясыти слышали 12 июля возле деревни Мойлово. Клинтуха отмечали дважды у деревни Мокрые Дворики и к северо-востоку от деревни Ловатянки. Участки пойменных дубрав, расположенные в небольших излучинах реки, часто занимали черные стрижи. Их гнезда (мы обнаружили 7 колоний со средней численностью 20—30 пар) были расположены в дуплах старых дубов.

Серый журавль также постоянно обитал в долине Рессеты. Трижды мы слышали крики одиночных птиц и один раз — унисональный дуэт (16 июля на правом берегу реки к северо-востоку от деревни Хотьково), что говорит о наличии здесь территориальной пары.

Белый аист постоянно гнездится в населенных пунктах долины Рессеты, используя для строительства гнезд водонапорные башни. Для Калужской области это наиболее предпочтительное место их расположения (Галчонков, 1999). Нами обнаружено 6 жилых построек с птенцами в селах: Красное, Колодясы, Клиницы, Хотьково, Кцынь и Грива.

Мы выражаем благодарность орнитологу, сотруднику экоцентра «Кадастр» Ю.Д. Галченкову, который принимал активное участие в экспедиции.

2) Из млекопитающих долины Рессеты следует отметить ондатру. Ее тропы и норы были обычны по всему течению реки, особенно к северу от деревни Ловатянки. Бобры довольно редки. Мы нашли лишь одно жилое поселение на старице в окрестностях деревни Новоселки и старые погрызы; свежих следов бобров не обнаружено. Возможно, это связано с постоянным браконьерством. Редки были также лось и кабан, их следы мы отмечали всего на 2 из 20 маршрутов; более обычна косуля.

3) К сожалению, в составе экспедиции не было энтомолога, поэтому из интересных находок мы можем отметить лишь махаона, которого встретили за все время 9 раз.

Заключение

Обследование, проведенное детским клубом «Следопыт», выявило значительную природную ценность долины Рессеты. Малая ее населенность, наличие разнообразных биотопов, и, как результат, большое количество редких видов животных и растений, выгодное географическое положение делают долину одной из необходимых «деталей» создающегося в настоящее время природно-

го каркаса Русской равнины (Соболев, Руссо, 1998). К угрозам факторам следует отнести попытки мелиорации поймы, следы которых заметны по правому берегу к востоку от деревни Ресета, и массовое браконьерство. Река более чем в 20 местах перегородена сежами — браконьерскими орудиями, которые используются в основном для отлова рыбы весной, часто мы встречали рыбаков с бреднями и сетями.

Результаты обследования дают необходимые сведения для придания этому участку статуса особо охраняемой природной территории. Эти материалы находятся в стадии подготовки.

Литература

1. Галченков Ю.Д. К изучению белого и черного аистов на территории Юхновского района Калужской области // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). — Калуга, 1999.
2. Красная Книга Московской области. — М.: «Аргус», 1998.
3. Определитель растений Мещеры. — М.: МГУ, 1987.
4. Определитель сосудистых растений Центра европейской России. — М.: Аргус, 1995.
5. Пашканг К.В. Атлас Калужской области. — М., 1992.
6. Редкие виды птиц Нечерноземного центра России. — М., 1998.
7. Список видов растений, признанных редкими для территории Калужской области. Приложение к решению малого Совета областного Совета народных депутатов «Об усилении охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения животных и растений Калужской области» № 157 от 16.09.93 г.
8. Соболев Н.А., Руссо Б.Ю. Картографический анализ состояния природного каркаса Центра Русской равнины // Формирование экологической сети Центра Русской равнины. — М., 1998.

А.Ю. Радина,

лаборатория биоиндикации КГПУ им. К.Э. Циолковского

К вопросу о биоиндикации состояния агроценозов

Хозяйственная деятельность человека является мощнейшим фактором преобразования природы. Один из результатов этого преобразования — агроценозы — неустойчивые, искусственно созданные и регулярно поддерживаемые человеком экосистемы культурных полей (И.И. Дедю, 1990). В настоящее время пахотные земли занимают около 11% территории суши (В.И. Данилов-Данильян, 1997). Искусственное снижение биоразнообразия, поддерживаемое с целью увеличения

продуктивности отдельных культур, нарушение естественного хода биологического круговорота веществ и ряд других факторов при постоянном увеличении затрат энергии на единицу сельскохозяйственной площади делают эти территории проблемными, экологически разбалансированными. Предлагаемые пути оптимизации нуждаются в предварительной оценке степени нарушения агроэкосистем. Биологическая оценка, в основе которой лежит изучение реакций живых организмов на изменения в окружающей среде, является наиболее интегральной и дает возможность говорить о пригодности среды для живой природы и человека (В.М. Захаров, 1993). Одно из перспективных разработываемых направлений биоиндикации — метод анализа флуктуирующей асимметрии. С помощью этого метода уже проводилась предварительная оценка состояния различных экосистем, но агроценозы не оценивались. При существующей ориентации сельского хозяйства прежде всего на достижение высоких урожаев, попытки оценить состояние агроэкосистемы часто сводились к исследованию показателей ее урожайности. Между тем необходим экосистемный подход к агроценозам и их интегральная оценка. И возможность получить ее может дать применение метода анализа флуктуирующей асимметрии. Этот метод эффективен для оценки любого стрессирующего воздействия, т.к. изучает первую реакцию (В.М. Захаров, Д.М. Кларк) на такие воздействия — изменение гомеостаза развития организмов.

Материал и методы. Нами была разработана методика сбора и обработки материала для оценки стабильности развития сортов пшеницы, овса, ячменя и других злаков. Апробация данной методики на полях совхоза-колледжа «Детчинский» (Калужская обл., Малоярославецкий район, поселок Детчино) и совхоза «Росва» (Калужская область, Московский район, поселок Росва, поселок Угра) дала обнадеживающие результаты.

Материалом для настоящей работы послужили выборки озимой пшеницы, ячменя и овса. В общей сложности было проанализировано 1225 растений. Анализировалась ширина левой и правой половинок листа от главной жилки. Измерения проводились в средней части листа. Для оценки флуктуирующей асимметрии использовалась величина дисперсии различий между сторонами. Описание выборки, помимо подробной привязки к местности, включало такие характеристики как степень засоренности участка поля в точке выборки и жизненность растений.

Степень засоренности (Сельскохозяйственный энциклопедический словарь, 1989) определялась по следующей системе: слабая — единичные сорняки, средняя — до 1/4 травостоя, сильная — сорняков примерно столько, сколько культурных растений, очень сильная — сорняки преобладают.

Жизненность выборок (Старостенкова и др., 1977) оценивалась по трехбальной шкале:

1 — растение в фитоценозе нормально цветет и плодоносит, взрослые особи достигают нормальных для видов размеров;

2 — растение угнетено, что выражается в мелких размерах взрослых особей;

3 — растение угнетено так сильно, что наблюдаются резкие отклонения в морфологическом облике взрослых растений, семенное размножение отсутствует.

При описании выборки учитывался микрорельеф поля и густота посева.

Примечание. Через поля совхоза-колледжа «Детчинский» проходит Киевская автомобильная трасса, которая, в силу интенсивности движения, является существенным фактором воздействия на окружающую среду. Выборки растений были взяты на определенных расстояниях от этой дороги, при этом учитывалось наличие лесозащитных полос.

Результаты и обсуждение.

Детальное обследование трех полей, засаженных ячменем и озимой пшеницей, показало следующее.

Поле № 148 (ячмень). Поселок Детчино.

Выборки у дороги, но за горкой и лесополосой (т. № 7,10) характеризуются большими значениями коэффициента флуктуирующей асимметрии. Это можно объяснить тем, что потоки пыли от дороги вместе с вредными веществами задерживаются такими препятствиями, как лесополоса и горка (на этом принципе основано размещение лесозащитных полос в населенных пунктах) и, в конечном итоге, накапливаются непосредственно у дороги. На открытых участках существует тенденция отнесения от дороги веществ с потоками воздуха (т. № 3, 6). Особенно ярко это выражено летом, когда воздух над асфальтированной дорогой теплей и легче.

Подтверждением наших предположений может служить аналогичная ситуация на поле № 38 (озимая пшеница). Поле отделено от дороги лесозащитной полосой, в которой имеются разрывы.

Но не всегда мы наблюдаем такую зависимость. Влияние дороги может быть и не определяющим фактором. В качестве одного из примеров можно привести результаты анализа выборок ячменя у поселка Угра. Поле находится у дороги с гораздо менее интенсивным движением автотранспорта. Наибольшим значением коэффициента флуктуирующей асимметрии отличаются выборки, в которых растения угнетены, низкорослы и в точке выборки — сильная разреженность и засоренность посева.

Таким образом, действие отдельного фактора тем сильнее, чем больше он находится по сравнению с другими экологическими факторами в минимуме.

Анализ полученных результатов выявил прямую зависимость между:

1 Степенью засоренности и величиной коэффициента флуктуирующей асимметрии.

2 Степенью угнетенности (жизненностью) растений и коэффициентом флуктуирующей асимметрии.

3 Степенью влияния дороги как загрязнителя (один из показателей — интенсивность движения) и величиной коэффициента флуктуирующей асимметрии.

Для определения степени достоверности обнаруженных нами тенденций необходимо дополнительное исследование на большем количестве материала при более тщательном учете возможных факторов влияния на стабильность индивидуального развития.

Х.Х. Сюняев, к.б.н., доцент,

О.И. Сюняева, старший преподаватель,

Ю.В. Щербакова,

КФ МСХА им. К.А. Тимирязева

Использование местных ресурсов Калужской области для повышения плодородия почв и продуктивности сельскохозяйственных культур

В связи с социально-экономическим кризисом в стране развитие сельскохозяйственного производства происходит без его достаточной химизации, что, несомненно, сказывается на состоянии потенциального и эффективного плодородия почв и продуктивности с/х культур. Так, применение минеральных удобрений в сельском хозяйстве Калужской области снизилось в 10—15 раз. За последние 10 лет резко упали темпы известкования и фосфоритования почв области. Внесение органических удобрений сократилось с 6—8 до 1—2 тонн на гектар пашни в год, хотя известно, что для поддержания положительного баланса гумуса почв области требуется вносить порядка 10—14 т/га органики в год. Такое положение с удобрением почв определяется, прежде всего, следующими факторами: невозможностью сельских товаропроизводителей приобретать из-за паритета цен минеральные удобрения и свер-

тиванием государственных целевых программ, направленных на комплексное поддержание и повышение плодородия почв.

В связи с этим является очень актуальным поиск других, более дешевых ресурсов для сохранения и повышения плодородия почв и продуктивности с/х культур. Целью наших исследований являлось изучение эффективности ряда местных ресурсов, как агро сырья в качестве удобрения с/х культур и мелиоранта плодородия почв области. Целесообразность применения местных агроудобрений определяется также возможным их экономическим и экологическим преимуществом. На первом этапе исследований решались следующие задачи: провести сравнительную оценку эффективности влияния местных ресурсов, торфа и глауконита, по сравнению с минеральными удобрениями на урожайность и качество зерна овса; выявить мелиоративные свойства торфа и глауконита на параметры плодородия основных типов почв области; дать комплексный, продукционный, экономический, экологический и энергетический анализ использования местных ресурсов в качестве удобрения с/х культур и мелиоранта почв.

В качестве объекта исследования были выбраны: почва — дерново-подзолистая среднесуглинистая на моренных отложениях; с/х культура — овес сорта Скакун; местные природные ресурсы — торф низинный и глауконитовые пески. Схема опыта включает следующие варианты: 1. Контроль (без удобрений). 2. Рекомендованная доза $N_{60}P_{60}K_{60}$. 3. Местное удобрение — торф в норме 30 т/га. 4. Местное удобрение — глауконит в норме 15 т/га. Повторность опыта — 4-х кратная. Размещение вариантов — систематическое, двухъярусное. Размеры делянок 5 x 2 м. В исследованиях применялись общепринятые в полевых опытах стандартные методы.

Основные результаты исследования представлены в обобщенной таблице.

Эффективность местных ресурсов Калужской области в качестве мелиоранта почв и повышения продуктивности овса

Вариант опыта	Урожайность, ц/га	Масса 1000 семян, граммов	Окупаемость затрат	Энергозатраты, МДж/га	Гумус, %	pH _{сол}	P ₂ O ₅ , мг/кг	K ₂ O, мг/кг
1. Контроль (без удобрений)	10,7	25,3	0,95	12227	1,80	5,5	110	90
2. $N_{60}P_{60}K_{60}$	20,8	32,4	0,75	18757	1,82	5,4	115	95
3. Торф	17,2	29,5	1,09	13600	1,85	5,5	116	97
4. Глауконит	15,8	27,6	1,02	12890	1,81	5,5	110	99

Полученные результаты исследований позволяют сделать следующие предварительные выводы: во-первых, торф и глауконит могут служить местным агро сырьем для повышения плодородия почв и продуктивности зерновых культур; во-вторых, наиболее эффективным местным ресурсом в качестве агроудобрения является торф низинный; в-третьих, хотя торф и глауконит уступают минеральным удобрениям в качестве удобрения овса по урожайности, но по экономическим, энергетическим и экологическим показателям они превышают агрохимикаты; в-четвертых, торф и глауконит по всем оценочным показателям являются более эффективными, чем возделывание овса без всяких удобрений.

Таким образом, в условиях экономического кризиса в стране можно рекомендовать для стабилизации производства зерна в Калужской области использовать в качестве удобрения местные ресурсы — торф низинный и глауконитовые пески.

*А.В. Шемораков, к.б.н.,
начальник отдела Калужского центра «Агрохимрадиология»*

Многолетние травы в экосистемах Калужской области

Значение сеяных многолетних трав в сельскохозяйственных системах, в том числе в почвообразовательных процессах, кормопроизводстве, севооборотах отмечали в своих работах Стебут, Советов, Вильямс, Андреев и другие ученые. Роль сеяных многолетних трав в сельскохозяйственных экосистемах Калужской области возросла в период перевода животноводства на промышленную основу, при использовании в сельском хозяйстве средств химизации, строительстве оросительных систем, использовании на полях орошения навозных стоков животноводческих комплексов, сточных вод с высоким агро мелиоративным потенциалом.

В условиях промышленного животноводства, а также в фермерских хозяйствах основу кормопроизводства составляют многолетние травы, используемые на выпас и для скашивания. Удобряют их здесь, как правило, навозными стоками (до 300 кг/га азота). Урожайность при этом достигает 90 ц/га сухого вещества. При этом не только складывается бездефицитный баланс элементов питания в почве, но и создаются благоприятные усло-

вия для повышения потенциального и эффективного плодородия почв.

При длительном удобрении многолетних трав навозными стоками изменяется морфологическое строение почвы, усиливается интенсивность темного окрашивания гумусом верхних слоев, увеличивается мощность гумусового горизонта.

Многолетние травы, благодаря способности усваивать значительное количество питательных веществ из почвы, уменьшают вероятность попадания загрязняющих веществ с полей в водоемы во время паводков, с ливневыми водами.

Формируя значительный урожай вегетативной массы многолетних трав, выносят из почвы не только основные элементы питания, внесенные с навозными стоками, но и микроэлементы и тяжелые металлы.

Многолетние травы дают высокий выход с 1 га зеленой и сухой массы, сырого и переваримого протеина, что, в свою очередь, обеспечивает рост продуктивности животных и производства продуктов животноводства.

Особую роль в земледелии играют бобовые культуры, в том числе бобовые травы — они способны усваивать азот окружающей среды.

Таким образом, многолетние травы, как элемент сельскохозяйственной системы, обеспечивают устойчивость круговорота веществ. При этом они служат надежным источником кормов, повышают плодородие почвы, снижают вероятность загрязнения отходами жизнедеятельности водоемов и других объектов системы.

А. С. Харламов,
лаборатория биоиндикации Калужского государственного педагогического
университета им. К.Э. Циолковского;
Г. А. Шестакова, д.б.н., профессор,
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

О возможности применения микробных тест-объектов для биомониторинга селитебных территорий

Предотвращение деградации экосистем, находящихся под влиянием антропогенных факторов, невозможно без разработки и дальнейшего совершенствования экспрессных интегральных методов оценки состояния как биогеоценоза в целом, так и его отдельных компонентов. На наш взгляд, наиболее перспективными исследованиями по определению степени влияния экзогенных химических веществ на окружающую среду, будут экотоксикологические эксперименты с микроорганизмами, короткий жизненный цикл которых делает их наиболее быстро реагирующими биоиндикаторами. Причем, реакция этого «биодатчика» может наступать при ультрамалых количествах загрязняющих веществ, и она будет характеризовать их суммарное неблагоприятное воздействие.

Микротоксы применяются в прикладной водной экотоксикологии и контроле за состоянием водных объектов, но их использование для экспрессной оценки состояния наземных экосистем, в том числе почв, ограничено. Анализ литературных данных показывает, что причинами, затрудняющими использование бактериальных биодатчиков в оценке состояния почв, являются: длительность и сложность культивирования биообъекта, сложность регистрации ингибирующего действия исследуемых ксенобиотиков внешней среды, громоздкость методов и использование стационарной (лабораторной) аппаратуры для регистрации ингибирующих эффектов.

Нами было предложено определение степени токсичности почв с использованием в качестве тест-объекта бактерии группы сенной палочки *Bacillus subtilis*.

Причинами выбора данного объекта-биосенсора было широкое его распространение в почвах территории, подлежащей исследованию, простота культивирования, доступность методов работы с ним и имеющиеся в литературе сведения об использовании этого микроорганизма в качестве тест-объекта (Tagumo С.С. (патент (JP) № 3-25160).

Работы проводились на территории города Калуги в 1996 и 1998 гг. Было обследовано 83 точки на территории города.

Производился засев культуры *B. subtilis* (с учетом разведений) на чашки Петри с МПА с добавлением анализируемых водных вытяжек (эксперимент) и без таковых (контроль). Для удобства интерпретирования полученных данных, вычислялся процент выживания бактерий (за 100% выживания бралась контрольная группа).

Предлагаемый метод прошел лишь предварительную экспериментальную оценку, но показал возможность его применения и необходимость дальнейших практических исследований. Так, выявилась определенная корреляция между угнетением роста бактериальных колоний и приуроченностью почв к различным индустриальным объектам или местам возможного антропогенного воздействия на почвенную среду.

К примеру, по результатам исследований 1996 года, наиболее интенсивно угнетался рост *B. subtilis* в вытяжках, полученных из почв, отобранных в районе полигона по захоронению твердых бытовых отходов (ТБО, Ждамирово) — 33,33%; фабрики «Аккорд» — 27,08% выживания и Механического завода № 35 — 33,33% соответственно.

Как крайне неблагоприятно можно оценить состояние почв в локальном районе поймы реки Киевки — 6,25% выживания тест-культуры.

Экспериментальное определение токсичности почвенной среды с помощью микробных тест-объектов может являться одним из элементов комплексной оценки состояния окружающей среды в системе биомониторинговых исследований.

Б.М. Тюриков,
к.т.н., заведующий лабораторией ВНИИ
охраны труда Минсельхозпрода России,
В.И. Сиволапенко,

к.т.н., доцент, Орловский государственный университет

Формирование типовых модулей регионального мониторинга в природно-техногенной сфере села

В настоящее время под мониторингом подразумевается многоцелевая информационная система, основные задачи которой заключаются в наблюдении, оценке и прогнозе изменений в природной среде с целью предотвращения критических экологических ситуаций, которые возникают в результате вмешательства в окружающую среду.

Мониторинг представляет собой сложную систему, иерархически организованную и целенаправленную функционирующую совокупность большого числа информационно связанных и взаимодействующих элементов.

К важнейшим свойствам мониторинга, как сложной системы, следует отнести иерархичность организации, целенаправленность функционирования, большое число элементов, наличие информационной связи между элементами, наличие взаимодействия между элементами.

Организация единого мониторинга основывается на принципе синтеза обобщенных структур его типовых модулей по различным аспектам, например, природно-техногенной сферы с помощью ограниченного числа элементов, входящих в обобщенные структуры.

При этом под обобщенными структурами понимают наиболее общие, принципиальные модули, в которых выделены главные закономерности их формирующие с учетом назначения и специфики направленности модуля мониторинга.

Общая схема мониторинга должна включать взаимосвязи, совокупность, признаки, функциональные свойства типовых модулей и переменных элементов, формирующих их.

Ключевым качеством жизнедеятельности человеческой популяции является качество труда — его продуктивность, вооруженность, совершенство механизмов распределения.

Природно-техногенная сфера села в социальном плане имеет свои специфические особенности, если в городских условиях быт и производственная деятельность человека практически отделены

друг от друга, то в сельской местности, образ жизни, например, фермера неразрывно связан с производством и не имеет четких границ, как по роду деятельности, так и во времени.

Кроме того, если в индустриальном производстве или объединениях сельхозпроизводителей в виде предприятий различных организационно-правовых форм работники проходят централизованное обучение охране труда, другим предметам, связанным с сохранением собственного здоровья, то в индивидуальном хозяйстве многие лица, особенно выполняющие технологические операции, связанные с непрямой производственной деятельностью, видят только немедленную выгоду заработать больше, не задумываясь о риске для жизни или последующих хронических заболеваниях.

По данным НИИ медицины труда Минздрава России от 20 до 38 % заболеваний связано с условиями труда, а еще 20% — с условиями окружающей среды в районе предприятия.

Для снижения и предотвращения риска получения травм или профессиональных заболеваний работающими в природно-техногенной сфере села целесообразно в общий мониторинг включать типовой модуль по наблюдению и контролю аварийности и травматизма. В свою очередь, модуль может состоять из более мелких элементов и подсистем регионального, отраслевого принципов деления или отдельных направлений рассматриваемой проблемы, в нашем случае — трудовой.

Так, например, в Орловской областной целевой программе улучшения условий и охраны труда на 1998 — 2000 гг., утвержденной постановлением Главы администрации Орловской области, поставлена задача разработать техническое задание на технологию регионального мониторинга обеспеченности и эффективности применения средств индивидуальной защиты (СИЗ) в пилотном проекте на базе агропромышленного комплекса Орловской области.

Технология мониторинга будет базироваться на аналитическом обзоре реальной ситуации, сложившейся в настоящее время в агропромышленном комплексе региона по следующим параметрам: анализ данных по производственному травматизму (на первом этапе — летального) и профессиональной заболеваемости, вызванных отсутствием или неправильным применением СИЗ; анализ численности и профессионального ранжирования работников АПК; оценка рынка СИЗ и объема потенциальных поставок; выявление основных производителей и поставщиков СИЗ.

В результате работы планируется разработка рекомендаций по оптимизации обеспечения работающих в регионе средствами индивидуальной защиты и их рациональному использованию, а также установление моральных и материальных стимулов для их производителей.

С.С. Писаренко,
к.б.н., методист Калужского областного
эколого-биологического центра учащихся;

А.В. Т.С. Писаренко,
студент Калужского государственного педагогического
университета им. К.Э. Циолковского

Использование экологического мониторинга для выявления биологических эффектов в зонах радиационного загрязнения

В результате Чернобыльской аварии на огромных территориях сложилась сложная радиационная обстановка, которая, согласно имеющимся научным представлениям, могла существенно повлиять на живые организмы. Однако морфологам, генетикам, иммунологам, физиологам, медикам, биохимикам и ученым других специальностей, проводившим исследования в зонах радиационного загрязнения, не удалось найти статистически достоверных различий в ожидаемых биологических эффектах, которые характерны для их профилей, и это, несмотря на то, что в экспериментальных исследованиях они достаточно хорошо изучены (Ю.И. Москалев, 1991). Парадоксальность полученных результатов, с точки зрения эколога, вполне объяснима. Она связана с тем, что в основу методологии выявления биологических эффектов в зонах радиационного загрязнения был положен биологический, а не экологический мониторинг.

В связи с чем, большинство исследований проведено на молекулярном, клеточном, тканевом, организменном уровнях, которым придана экологическая направленность путем экстраполяции результатов изыскания на популяционный уровень. Специалисты многих биологических направлений по-разному трактуют понятие популяция, что наложило отпечаток на подходы к изучаемому объекту и результаты их исследования. Кроме того, в качестве контроля, который необходим для любого классического исследования, они брали интересующие их данные или биоптатов без строгого анализа радиоэкологической обстановки их обитания за период изучения. В ряде случаев, наблюдения за биологическими объектами были непродолжительными по времени, что не соответствует требованиям к экологическим исследованиям проводимым в природе.

Все выше изложенное в полной мере относится ко многим медико-биологическим исследованиям, проведенным на территории Калужской области.

По мнению В.А. Межжерина (1996) узкоспециализированный подход привел к необычайной пестроте результатов, за которыми утрачивается экологическая специфика. На наш взгляд, это создает дополнительные трудности в анализе литературных данных. Неслучайно академик В.Л. Адамович (1991) считает, что проблема ликвидации эпидемиологических последствий Чернобыльской катастрофы без экологов решена не будет.

На основании такого подхода получения адекватных результатов в радиобиологических исследованиях в зонах радиоактивного загрязнения необходимо проводить экологический мониторинг, основной задачей которого является тесная взаимосвязь биологического и геофизического мониторингов на уровне экосистем.

При проведении экологического мониторинга особое внимание необходимо обратить на подбор объектов исследования. Это, в первую очередь, должны быть животные, за которыми ранее проводились постоянные наблюдения. Далее — виды, которые занимают разные экологические ниши, отличаются продолжительностью жизни и сроками наступления половой зрелости, а также потреблением различных видов кормов. Среди них могут быть дикие, домашние и синантропные виды млекопитающих. Особое внимание следует уделить охотничье-промысловым и сельскохозяйственным животным. Население пострадавших районов должно стать основным объектом в эколого-медицинском мониторинге.

С.С. Писаренко,
к.б.н., методист Калужского областного
эколого-биологического центра учащихся;

Т.С. Писаренко,
студент Калужского государственного педагогического
университета им. К.Э. Циолковского

Медико-биологические исследования в Чернобыльских зонах радиационного загрязнения

Чернобыльская катастрофа привела к расширению экспериментальных и клинических исследований в области эффектов малых доз ионизирующего излучения на организм человека и животных. Так, директор ВНИИСХР г. Обнинска, академик ВАСХНИЛ Р.М. Алексахин с соавт. (1986) обратил внимание на увеличение числа случаев, когда дозы облучения от природного фона оказываются близкими к предельно допустимым уровням профессионального облучения или даже превышают эти пределы. Проведены многочисленные медико-биологические изыскания. Но до сих пор не выявлено каких-либо отклонений в состоянии здоровья населения загрязненных районов России, что можно было бы связать с действием радиации (Р.И. Халитов и др., 1994). Из исследований, проведенных мультидисциплинарной командой научных сотрудников из ряда институтов Российской Академии Наук и Российской Академии Медицинских Наук, которые были выполнены под руководством доктора биологических наук В.М. Захарова по проблеме интегральной оценки здоровья среды, осталось не ясным, что нужно контролировать и что при этом должно вызывать тревогу (В.М. Захаров, Е.Ю. Крысанова, 1996).

Слабое проявление биологического эффекта в зонах радиационного загрязнения свидетельствует о том, что существующие научные представления о механизмах биологического действия малых доз ионизирующего излучения весьма ограничены, неполны и по многим ключевым аспектам противоречивы (В.А. Барабоя, 1990; С.Г. Гераськина, 1995). По мнению профессора С.П. Ярмоненко (1997), основные итоги современной радиобиологии можно было бы сформулировать в том же виде десять, а в значительной мере и пятнадцать — двадцать лет назад. В этой связи Ю.Б. Кудряшов (1991) считает, что современный период в радиобиологии ставит новые научные проблемы, главными из которых

являются углубленные радиоэкологические исследования, требующие по-новому оценить тот огромный фактический материал, который был получен ранее в лабораторных условиях, т.е. в «чистом эксперименте».

Причина этих противоречий, на наш взгляд, кроется в том, что, на 60—70-ые годы приходится не только пик радиобиологических исследований, но и радиоактивных глобальных выпадений, которые возникли в результате техногенных аварий на предприятиях ядерного промышленного комплекса. Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 9 апреля 1970 года № 247-86 и от 31 мая 1973 года № 361 на территории всей страны была организована система наблюдения и лабораторного контроля за зараженностью объектов внешней среды радиоактивными веществами (Г.Т. Воробьев и др., 1993). Наблюдения за ними в Москве были начаты в 1975 г. (А.С. Зыкова, Т.В. Воронина, 1993). Несмотря на тщательность проводимых лабораторных и полевых радиобиологических экспериментов, а также наблюдений на радиозагрязненных территориях, исследователи никогда не учитывали действие искусственных радионуклидов, образовавшихся в результате испытания ядерного оружия, на объекты своего изучения.

Анализ опубликованных работ показывает, что даже специалисты-радиобиологи, участвовавшие в изучении последствий аварии на ЧАЭС, не располагали достаточной информацией о локальных, региональных и глобальных выпадениях радионуклидов, не говоря уже об ученых других направлений. Это негативно отразилось на результатах их исследований.

С.С. Писаренко,
к.б.н., методист Калужского областного
эколого-биологического центра учащихся

Нарушение сперматогенеза у биоптатов в зонах с разным уровнем радиационного загрязнения на территории Калужской области

Репродуктивная система является одной из наиболее чувствительных звеньев, быстро реагирующих на воздействие неблагоприятных факторов среды, особенно на радиационное загрязнение (Н.Е. Чайка, 1971; А.И. Кузин, Д.А. Каушинский, 1981; Ю.И. Москалев, 1991; О.Н. Савченко, 1992; И.Д. Кирпатовский и др., 1995, 1997, С.С. Писаренко, Н.Н. Шербак, 1995 и др.). Однако сведения о воздействии ионизирующего излучения на репродуктивную функцию человека и животных в среде их обитания очень ограничены и, в основном, базируются на лабораторных исследованиях (И.И. Горпинченко, 1992; Р.А. Алексахин, 1993). Поэтому на первый план выступает изучение воздействия хронического ионизирующего излучения на половые железы мужчин и самцов млекопитающих животных.

Выбор территории Калужской области в качестве объекта исследования обусловлен тем, что он является типичным среди пострадавших от аварии Чернобыльской АЭС областей России (И.В. Дубровина, 1993). В Калужской области жители и млекопитающие животные постоянно контактируют с радионуклидами в процессе своей жизнедеятельности. Диапазон радиационного загрязнения в местах их проживания колеблется в пределах от 0,08 до 20,5 Ки/км². Это обстоятельство обусловило проведение исследования по выяснению степени тяжести нарушения сперматогенеза у мужчин и самцов диких, домашних и синантропных видов животных от уровня радиационного загрязнения среды их обитания.

Гистологически был исследован материал 82 половых желез, из которых 41 принадлежит 15 видам домашних и диких видов животных. Другая половина получена при судебно-медицинских вскрытиях от 41 мужчины, внезапно погибших от сердечно-сосудистых заболеваний или травматических повреждений. Из них 37 мужчин были в возрасте от 16 до 76 лет, а 4 мальчика — от 7 до 9 лет. Для оценки степени тяжести структурных изменений мужских

гонад использовалась морфологическая классификация повреждения яичка при бесплодии, разработанная А.И. Лысенко и И.Д. Кирпатовским (1991).

Приведенные в таблице сведения о морфологическом состоянии семенников в разных радиоэкологических условиях свидетельствуют о том, что 71,1% биоптатов, имеющих нормальный спер-

Степень изменения яичка у человека и млекопитающих животных от уровня загрязненности местности

Уровень загрязнения	Норма	Степень поражения						Всего	
		Гипосперматогенез			Асперматогенез		Задержка развития		Другие формы
		I степени	II степени	III степени	Синдром клеток Сертоли	Склероз канальцев			
0,08—1	27	3	2	6	3	3		44	
1—5	9	5	1	9	3		2	1*	
5>	2	1	1	1	—	1	2		
Итого	38	9	4	16	6	4	4	2	82

Примечание: * — семенник недифференцирован. Гипосперматогенез, проживало в местности с уровнем радиационного загрязнения от 0,08 до 1 Ки/км², а соответственно 30 и 20% в зоне с уровнем содержания цезия-137 от 1 до 5 Ки/км² и более 5 Ки/км². Таким образом, просматривается тенденция, указывающая на то, что с увеличением уровня загрязнения среды обитания, уменьшается процент самцов, которые имели нормальное строение извитых канальцев, и, соответственно, от 38 до 80% возрастает наличие особей с нарушением сперматогенеза.

В результате проведенного гистологического анализа 82 семенников мужчин (*Homo sapiens*) и 15 видов самцов домашних, синантропных и диких млекопитающих было установлено, что у 53,7% обследованных индивидуумов, относящихся к 11 видам, наблюдается нарушение сперматогенной функции в гонадах. Такой высокий процент нарушения сперматогенеза у представителей класса млекопитающих на территории Калужской области свидетельствует о масштабном воздействии такого неблагоприятного фактора, которым является ионизирующее излучение.

Л.А. Соколова,
к.б.н., преподаватель КФ ТСХА им. К.А. Тимирязева;
Н.В. Воронкина,
к.б.н., доцент Калужского государственного университета
им. К.Э. Циолковского

Современное состояние озер Боровое и Гороженое

(к вопросу о биомониторинге стариц
поймы реки Жиздры)

Озеро Гороженое находится на территории национального парка «Угра», озеро Боровое — на прилегающей территории военлеса. Они требуют к себе постоянного и пристального внимания, поскольку являются интересными в ботаническом смысле экосистемами. Озеро Гороженое — старица реки Жиздры, памятник природы — в нем произрастают чилим и сальвиния плавающая. Боровое, возможно, возникшее, как старица, в настоящее время не сообщается с Жиздрой. Оба озера подвергаются определенной антропогенной нагрузке: недалеко от Гороженого построены дачи, по берегу встречаются кострища; озеро Боровое является выигрышным объектом разрабатываемой в настоящее время экологической тропы «Отрада — озеро Боровое — Отрада». За озером Гороженое ведутся периодические наблюдения, в частности, за жизнеспособностью популяции чилима. Однако необходимо комплексное изучение водоемов, одной из сторон которого является определение физико-химических показателей воды и характера зарастания озер.

Исследования воды проводились приборами и наборами реактивов немецкой фирмы Наппа, описание растительности геоботаническими методами.

Некоторые физико-химические показатели качества воды озер Боровое и Гороженое, 1998 г.

Озеро	Дата, время	Температура воды	Минерализация, мг/л	рН	ЕН, мV	Концентрация, мг/л			Жесткость, CaCO ₃	Щелочность, мг/л CaCO ₃
						O ₂	PO ₄ ³⁻	CO ₂		
Боровое	21.07, 17.00	9,8—21,2	110	7,5—7,8	185	7,9	30	0,5	42	120
Гороженое	23.07, 11.00	25	49	8,2	217	9,0	10	1,9	57	45

Обращает на себя внимание очень низкое содержание минеральных ионов в воде озера Гороженое и повышенное содержание фосфат-ионов (в природных водах оно не должно превышать 0,1 мг/л), что, очевидно, связано с определенной антропогенной нагрузкой, а в Боровом — за счет процессов естественного эвтрофирования в лесной экосистеме. Содержание кислорода достаточно высоко в обоих озерах, концентрация углекислого газа зависит от времени суток в связи с активностью фотосинтеза. Оба водоема относятся к мягководным.

Растительность водоемов представлена в основном макрофитами.

Озеро Боровое имеет подковообразную форму и расположено как бы в расселине. Его берега высокие и крутые, местами почти отвесные, поросшие ельником с липами, рябиной обыкновенной и дубом черешчатым. На высоком берегу можно увидеть заросли линнеи северной (*Linnaea borealis* L.) — очень изящного и редкого растения Калужской области. Непосредственно у воды растет ольха черная.

Это лесное озеро имеет заводи, поросшие ассоциациями земноводных растений, а также островки, на которых растет по 1—2 дерева и мокролуговая растительность. Часто встречается топляк из упавших в воду деревьев. На нем среди обычных околоводных растений поражает воображение своими ажурными листьями редкий в нашей области папоротник щитовник болотный (*Dryopteris telipteris*). Озеро защищено лесом от ветров, и поэтому гладь занята мощно развитыми плавающими растениями, зеркало воды открыто примерно на 1/5, тип зарастания поясово-сплошной. Основной пояс образует телорез алоеидный (*Stratiotes aloides* L.) в ассоциации с водокрасом лягушачьим (*Hydrocharis morsus-ranae* L.), многокоренником (*Spirodela polyrriza* (L.) Schleid.), ряской трехдольной (*Lemna trisulca* L.), пузырчаткой обыкновенной (*Utricularia vulgaris* L.), часто встречающейся в стоячих и медленно текущих водах. Встречается и редкая в нашей области пузырчатка средняя (*Utricularia intermedia* Hayne.). Оба растения имеют ловчие пузырьки и питаются мелкими водными организмами. Как и пузырчатки полностью в воде находятся растения роголистника погруженного (*Ceratophyllum demersum* L.), урути колосистой (*Myriophyllum spicatum* L.) и элодеи канадской (*Elodea canadensis* Michx.). Местами довольно обильна кубышка желтая (*Nuphar lutea* (L.) Sibth. et Sm.).

Характерны также чистые большие заросли многокоренника и ряски малой (*Lemna minor* L.).

В зоне прибрежных гидрофитов растут омежник водный (*Oenanthe aquatica* (L.) Poir.), вех ядовитый (*Cicuta virosa* L.), щавель водяной (*Rumex aquatilis* L.), сабельник болотный (*Comarum*

palustre L.), осоки ложносытевидная и лисья (*Carex pseudocyperus* L., *C. vulpina* L.), частуха подорожниковая (*Alisma plantago-aquatica* L.), стрелолист обыкновенный (*Sagittaria sagitifolia* L.), вахта трехлистная (*Menianthes trifoliata* L.), поручейник широколистный (*Sium latifolium* L.), подмаренник болотный (*Gallium palustre* L.).

Хорошо развитая плавающая и погруженная растительность служит основой сложных и разветвленных пищевых цепей не только пастбищного, но и детритного типа.

Озеро Гороженое — старица в широкой пойме реки Жиздры, почти со всех сторон поросшая ивами и ольхой черной. Зарастание макрофитами фрагментарное, земноводные макрофиты образуют заросли шириной 1—2 м от берега, основные ассоциации формируются рогозом узколистным, тростником обыкновенным или ежеголовником ветвистым. Наибольший интерес представляет зона растений с плавающими листьями: чилим (*Trapa natans* L.s.l.), кубышка желтая (*Nuphar lutea* (L.) Smith), рдест плавающий (*Potamogeton natans* L.), из плавающих встречается также сальвиния (*Salvinia natans* (L.) All.), телорез и водокрас. Наиболее крупную заросль чилим образует в западной части озера, ее площадь до 30 м², кроме этого по всему озеру он встречается отдельными экземплярами, как и сальвиния — в зоне высоких (земноводных) гидрофитов. Заросли чилима по сравнению с 1985 г. сократились примерно на треть. Характер зарастания водоема указывает на развитие преимущественно пастбищных пищевых цепей.

Таким образом, озера различаются типом зарастания и характером пищевых цепей. Количество общих видов растений — 11, из них — 7 земноводных. В озере Гороженое представлены растения, тяготеющие к проточной воде — биогеоценоз формируется в условиях периодического, но, вероятно, не ежегодного, затопления паводком, Боровое — как лесное с подпочвенным стоком питательных веществ в его воды. Требуют охраны в озере Боровое: ирис водяной (*Iris pseudacorus* L.), 2 вида пузырчатки; в озере Гороженое — чилим, сальвиния плавающая, кубышка желтая, ирис водяной. Однако для того, чтобы их сохранить, требуется сохранить сформировавшиеся в озерах экосистемы. Это особенно актуально для мягководных озер, обладающих довольно небольшой экологической пластичностью.

Н. В. Воронкина, к. б. н., доцент,
Калужский государственный педагогический университет
им. К. Э. Циолковского;
Е. Кони́на, студентка,
Калужский государственный педагогический университет
им. К. Э. Циолковского

Растительный мир и растительный покров опушки соснового леса около поселка Стекольный завод (Березичи) Козельского района

Массив соснового леса от станции Слаговищи до механического завода г. Козельска очень своеобразен. Необычны его поляны и опушки. На одной из опушек, напротив усадьбы князя Оболенского, на правом берегу речки Песоченки, расположился материковый луг с неоднородным рельефом, характеризующийся небольшими возвышенностями и западинами. Всюду сухо. Пейзаж очень красив и привлекает внимание интересным сочетанием растительных группировок. Здесь можно выделить четыре ассоциации золотой розги, вейника наземного, земляники зеленоцветковой и гвоздики песчаной.

Наиболее интересная ассоциация гвоздики песчаной (*Dianthus arenarius* L.) занимает самую возвышенную и засушливую часть. Здесь сухая и песчаная почва. Проекция наземных частей растений на почву составляет 65—75%. Хороший подрост из редких пушистых сосен высотой 1,5—2,5 м. Рядом с покрытосеменными растениями здесь растут кустистые лишайники кладонии и цетрарии. Из покрытосеменных растений поражает воображение красотой и ароматом белых пушистых цветов песчаная гвоздика. Местами она образует фон и цветет с июня до августа. В Калужской области была отмечена Литвиновым (1895) на песках Козельского уезда по реке Жиздре и в Перемышльском уезде близ станции Андреевской. В тех же местах и в окрестностях деревни Корекозеве она растет и сейчас. Внесена в Красную книгу Московской области. Заслуживает статуса редкого вида Калужской области и соответственно внесения в Красную книгу Калужской области.

Не менее интересен растущий здесь же редкий в нашей области злак овсяница полесская (*Festuca polesica* Zapal.) с жесткими листовыми пластинками, с 5—7—9 ребрами внутри, покрытыми

густо расположенными волосками. Это южное растение, растущее на песках в разреженных борах, в других районах Калужской области не отмечено.

Наголоватка васильковая (*Jurinea cyanoides* (L.) Rchb.). Это редкое растение из семейства сложноцветных в изобилии растет только в этом регионе. Внесена в Красную книгу Московской области. Безусловно, будет внесена в Красную книгу Калужской области. Семпервивум русский (*Sempervivum ruthenicum* Schnittsp. et C. V. Lehm.) — многолетник, растущий по известнякам, выходам мела и боровым пескам в южных районах России. Литвиновым (1895) был отмечен в Козельском уезде на песках по реке Жиздре против Козельска. Эта популяция, сохранившаяся до наших дней очень многочисленна и жизнеспособна. В июле 1998 года было отмечено много цветущих экземпляров. В других районах Калужской области не встречается. Отсутствует и в Московской области.

Смолевка мелкоцветковая (*Orites parviflora* Grossh., *Silene parviflora* (Ehrh.) Pers.). Многолетник, цветущий в июне—августе. Встречается на песках в остепненных борах, преимущественно черноземной зоны. В других местах Калужской области не отмечена.

Здесь же встречается целый ряд ксероморфных злаков и других покрытосеменных растений: келерия сизая (*Koeleria glauca* (Spreng.) DC.), тимофеевка степная (*Phleum phleoides* (L.) Karst.), вейник наземный (*Calamagrostis epigeios* (L.) Roth.), букашник горный (*Jasione montana* L.), золотая розга (*Solidago virgaurea* L.), гвоздика Фишера (*Dianthus fischeri* Spreng.), дивала многолетняя (*Scleranthus perennis* L.) — довольно редкое гвоздичное, растущее на песках в светлых лесах, полынь австрийская (*Artemisia austriaca* Jacq.). Вереск обыкновенный (*Calluna vulgaris* (L.) Hill.). На этой опушке и по многочисленным полянам он образует большие и обильно цветущие массивы. В небольшом количестве здесь встречается колокольчик круглолистный (*Campanula rotundifolia* L.), цмин песчаный (*Helichrisum arenarium* (L.) Moench.) — ценное лекарственное растение, красиво цветущий ранней весной прострел раскрытый (*Pulsatilla patens* (L.) Mill.). К тому же на песчаной колее проселочной дороги было отмечено всего несколько экземпляров однолетнего злака росички обыкновенной (*Digitaria ischaetum* (Schreb.) Muehl.), вероятно занесенного из более южных регионов России. Особо нужно отметить очиток большой или заячью капусту (*Sedum maximum* (L.) Hoffm.). Считается, что на нем кормятся гусеницы бабочки Аполлона обыкновенного (*Parnassius apollo*). Взрослые особи этого вида, занесенного во все Красные книги (СССР, РСФСР, МСОП, Московской области) были отмечены

здесь нами в июле 1987 г. (Воронкина) и 1998 г. До этого времени считалось, что этот вид полностью исчез из центра Европейской России*.

В ассоциации золотой розги отмечено большое число видов (32) и проективное покрытие растений составляет 100 %. Здесь растет келерия большая (*Koeleria grandis* Bess ex Gorski.), вероника седая (*Veronica incana* L.) — обычная для степей и опушек сосновых лесов — включена в Красную книгу Московской области, зубровка душистая (*Hierochloa odorata* (L.) Beauv.) и целый ряд других.

Таким образом, остепненные опушки этого соснового леса нуждаются в самом бережном отношении из-за обилия редких видов растений и очень редкой бабочки Аполлона обыкновенного (в Московской области последний экземпляр этого вида был пойман в 1975 году).

Л.Л. Киселева, к.б.н., доцент;

М.А. Ипатовна, студентка,

Орловский государственный университет

Фитоценологическая характеристика лесных экосистем окрестностей города Орла

Одной из экологических проблем города является сохранение и рациональное использование природных рекреационных ресурсов. Им угрожает перспектива не только хозяйственного вмешательства, угроза исходит также и со стороны все возрастающего потока отдыхающих, которые желают провести время «на лоне природы». Вот почему, целью данного исследования явилось определение степени рекреационной нагрузки на экосистемы Медведевского и Знаменского лесов, прилегающих к городу Орлу.

Медведевский лес примыкает к городу Орлу с северной стороны, а Знаменский — с южной. Эти леса являются вторичными по происхождению, восстановленными на месте уничтоженных во время Великой Отечественной войны лесов. В них отмечено 313 видов сосудистых растений (Сотников, 1998). Это лиственные леса, первый ярус которых представлен дубом черешчатым, липой серд-

* Эти сведения достоверны только для Калужской области (прим. ред. колл.)

целистной, ясенем обыкновенным, березой бородавчатой, кле-ном остролистным и осиной. В небольших количествах встречаются хвойные породы — сосна лесная и ель европейская. Вторым ярус образуют рябина красная, яблоня лесная, груша обыкновенная; по влажным местам — ивы, клен татарский. В подлеске преобладают бересклет бородавчатый и европейский, лещина обыкновенная, жимолость лесная.

Сбор полевого материала проводился в течение вегетационных периодов 1997—98 гг. с применением следующих методик: стандартные геоботанические описания пробных площадок площадью 100 кв. метров, метод экологических профилей, метод трансект, маршрутные исследования. Оценка обилия видов проводилась с использованием пятибалльной шкалы. В описываемых фитоценозах выделялось 3 яруса: древесный, кустарниковый (подлесок), травяно-кустарничковый. Отдельно рассматривался подрост деревьев и кустарников. Для определения распределения видов по фитоценологическим группам была использована компьютерная база данных исторических свит Зозулина (1955, 1969).

Результаты и их обсуждение.

В результате исследования рекреационной зоны Медведевского и Знаменского лесов было сделано около 70 геоботанических описаний. Выявленный видовой состав исследованных широколиственных фитоценозов составил 119 видов сосудистых растений. В прилегающих к городу экосистемах Медведевского и Знаменского лесов выявлены следующие типы рекреационной деградации (табл. 1).

Нулевая степень деградации характерна для сравнительно отдаленных от окраины леса (на 30 и более метров), тропинок и полян лесных фитоценозов. Здесь отмечается максимальная сомкнутость древесного яруса (до 0,85), полностью сохраняется подлесок и подрост, а для травянистого покрова характерны неморальные виды: осока волосистая, копытень европейский, пролесник многолетний, купена многоцветковая и др. Обилие этих видов составляет 2—4 балла. Нелесные виды (луговой и антропогенной свит) отсутствуют.

Слабо нарушенные насаждения первой стадии деградации характерны для широколиственных фитоценозов, расположенных недалеко от лесной опушки, а также вблизи дорожек и тропинок. Здесь уже в травяном покрове появляются виды луговой и антропогенной свит, обилие которых, как правило не превышает 2 баллов.

Средняя степень нарушенности лесных сообществ (II стадия деградации) характерна для самых посещаемых мест — окраины леса, опушек вблизи полян, кострищ и т. п. В напочвенном покрове по площади преобладают вытопанные места, общее проективное покрытие травяно-кустарничкового яруса может понижаться

Таблица 1. Характеристика стадий рекреационной деградации Медведевского и Знаменского лесов близ города Орла

Стадии деградации	Состояние лесной экосистемы	Состояние ярусов				Содержание нелесных видов
		древостоя	подлеска	подроста	травостоя	
Нулевая	Ненарушенные насаждения	Сомкнутость древостоя 0,6—0,85	Полная сохранность			—
I	Слабо нарушенные насаждения	Полная сохранность, сомкнутость 0,4—0,7	Полная сохранность	Заметное повреждение молодого подроста	Слабо затронут, общее проективное покрытие 30—60%	До 15% видового состава
II	Средняя степень нарушения сообщества	Выпадение отдельных деревьев, сомкнутость 0,4—0,7	Заметные повреждения		Угнетенное общее проективное покрытие 10—60%	15—30% видового состава

до 10%. Количество нелесных видов возрастает до 30%. Причем антропогенные виды проникают также в подрост и подлесок. Это — клен американский, ирга колосистая, жимолость татарская. Особенно часто и в большом обилии (до 4 баллов) в травяном покрове встречаются такие виды, как подорожник большой, крапива двудомная, гравилат городской. Для опушечных фитоценозов характерно повышение до 23% луговых растений (таволга обыкновенная, черноголовка обыкновенная, фиалка собачья, луговик дернистый, тысячелистник обыкновенный и др.).

В рекреационной зоне исследованных лесных массивов нами встречены редкие и нуждающиеся в охране растения Орловской области. Это — колокольчик персиколистный, ломонос прямой, земляника мускусная, ландыш майский, чина черная, кислица ключевая, гладыш широколистный.

Выводы:

1. Выявленный видовой состав рекреационной зоны Медведевского и Знаменского лесов близ города Орла составил 119 сосудистых растений, из которых 7 — редкие и нуждающиеся в охране.

2. Широколиственные фитоценозы рекреационной зоны исследованных лесных экосистем характеризуются слабой и средней степенью нарушения.

М.Н. Сионова,
учитель с.ш. № 26 г. Калуги;
С.К. Алексеев,
Калужский областной эколого-биологический центр учащихся,
Руководитель экологического клуба «Stenus»

Редкие грибы (*Mycota*, *Basidiomycetes*) Калужской области

Грибы и бактерии являются основными редуцентами в экосистемах. В мире насчитывается около 100 тысяч видов грибов. Существует множество экологических групп грибов. Особое место в наших лесных биоценозах занимают почвенные гименомицеты — микоризообразователи, подстилочные сапрофиты и ксилофиты. Мицелий грибов пронизывает своей сетью лесную подстилку, мёртвые и ослабленные деревья, расщепляя их до простых минеральных веществ. Обычно о существовании этих видов грибов мы узнаём тогда, когда находим их плодовые тела — «грибы». Ряд видов грибов ввиду своей редкости и слабой изученности занесён в Красную книгу России.

Несмотря на огромную экологическую, научную, практическую и хозяйственную значимость этого царства живой природы до настоящего времени микофлора Калужской области практически не изучена.

С 1994 по 1998 гг. авторы обнаружили на территории Калужской области 12 видов редких для области грибов, часть которых входят в «Красные книги» России и Московской области.

Класс Сумчатые грибы — *Ascomycetes*

Порядок Пецицевые — *Pezizales*

Семейство Пиронемовые — *Pyrrenomataceae*

Otidea onotica (Fr.) Fuck. — Отидия ослиная или Ослиные уши

Класс Базидиальные грибы — *Basidiomycetes*

Порядок Непластинчатые или Афиллофоровые — *Aphyllorphorales*

Семейство Фистулиновые — *Fistulinaceae*

Fistulina hepatica Fr. — Печеночница обыкновенная

Семейство Альбатрелловые — *Albatrellaceae*

Grifola umbellata (Pers.: Fr.) Pilat — Грифола зонтичная или Трутовик разветвленный, или Гриб-баран

Семейство Рогатиковые (*Clavariaceae*)

Clavulina amethystina (Fr.) Donk. — Рогатик аметистовый

Семейство Ежовиковые (*Hydniaceae*)

Hydnum repandum Fr. — Ежовик жёлтый
Семейство Герициевые — *Hericiaceae*
Hericium coralloides (Fr.) Pers — Ежовик коралловидный или
Гериций коралловидный
Порядок Болетальные — *Boletales*
Семейство Болетовые — *Boletaceae*
Gyroporus castaneus (Bull.: Fr.) Quel. — Каштановый гриб или
Каштановик
G. cyanescens (Bull.: Fr.) Quel. — Гиропорус синеющий или Си-
няк — *Leccinum percandidum* (Vassilk.) Watling — Осиновик или По-
досиновик белый
Порядок Пластинчатые — *Agaricales*
Семейство Строфариевые — *Strophariaceae*
Pholiota squarrosa (Fr.) Kumm. — Чешуйчатка ворсистая или обык-
новенная
Семейство Паутинниковые — *Cortinariaceae*
Cortinarius violaceus (L.: Fr.) Fr. — Паутинник фиолетовый
Порядок Веселковые, или Фаллюсовые — *Phallales*
Семейство Веселковые или Фаллюсовые — *Phallaceae*
Dictyophora duplicata (Bosc) E. Fischer — Диктиофора сдвоенная
или Сетконоска

Из перечисленных видов редкими для юго-востока Калужской области являются: — печеночница обыкновенная (одна находка в пойменном лесу, близ деревни Наволоки (Ферзиковский район); диктиофора сдвоенная (две находки в августе 1997—98 гг. на территории северного участка заповедника «Калужские засеки» в широколиственных лесах); рогатик аметистовый (одна находка группы грибов в смешанном лесу близ деревни Волосово-Звягино и одиночный гриб в смешанном хвойно-широколиственном лесу на северном участке заповедника) и отидия ослиная (три гриба в августе 1998 г. в хвойно-широколиственном лесу на северном участке заповедника).

С.Р. Майоров, к.б.н.,
научный сотрудник Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Шлемник высокий (*Scutellaria altissima* L., Labiatae) в Калужской области

Шлемник высокий — редкое растение Центральной России. В Калужской области он известен давно, указывался еще К. Ледебуром. Позднее П.П. Саницкий (1884) в «Очерке флоры Калужской губернии» привел его точное местонахождение: известняки под с. Андреевским. Эта точка является, вероятно, самой северной в ареале вида и вошла во многие флористические сводки по европейской части России. Тем не менее, в гербарии Калужского государственного педагогического университета есть сборы этого растения ниже по Оке из окрестностей деревни Сивково.

Впервые нам удалось увидеть этот шлемник именно у села Андреевское. Оказалось, что он в изобилии растет прямо «под селом», как это было написано у П.П. Саницкого и Д.И. Литвинова. Он обитает в тенистом липняке в нижней трети эрозионного склона правого берега долины реки Оки. Помимо обычных видов дубравного широколиственного леса, в этом месте также в массе растет еще *Ompalodes scorpioides* (Haenke) Schrank — пупочник ползучий — редкий вид Калужской флоры. В Липецкой области по Дону и в Воронежской на Хопре, где нам приходилось встречать *S. altissima*, шлемник рос в похожих условиях. На Дону в липняке вместе с ним тоже был *O. scorpioides*, а на Хопре это была гораздо более сухая и светлая дубрава, но шлемник рос по бровке промоины. По-видимому, он принадлежит к видам, требовательным к цено-тической среде, но с пониженной конкурентной способностью, для которых просто необходимы нарушения растительного покрова.

Основываясь на этих наблюдениях, мы предприняли поиск шлемника ниже по Оке. Выше по течению в подходящем месте у села Голодское, против Перемышля, найти его не удалось. Оказалось, что по правому берегу Оки ниже села Андреевское на протяжении примерно 10 км *S. altissima* встречается довольно регулярно. Всегда это тенистые липняки или дубравы в нижней трети склона. Если такие условия присутствуют, то на этих 10 км шлемник растет с высокой степенью вероятности. Затем он исчезает и ниже по правому берегу, несмотря на наличие подходящих вроде бы условий, его нет. Но на левом берегу шлемник вновь встречен ниже Калуги,

примерно в 2—3 км ниже устья реки Калужки. Здесь обнаружено всего немногим более десятка растений, на границе «висячего» черноольшаника, в небольшом участке с доминированием *Ulmus laevis* Pallas.

Участок левого берега долины Оки от устья Калужки вниз около 3—4 км до небольшого ручья, несомненно, нуждается в охране. Здесь по склону Оки много видов, так называемой, «окской флоры». Самыми интересными из них являются *S. altissima* и *Linum flavum* L. — лен желтый, увы, известные по считанным экземплярам. Необходима организация заказника на указанном склоне.

А.А. Шмытов,

методист Калужского областного
эколого-биологического центра учащихся

Заметки по флоре юго-запада Средней России

Считаю целесообразным сообщить о новых находках некоторых редких видов высших сосудистых растений на территории Калужской, Орловской и Смоленской областей, сделанных в течение полевых сезонов 1995—1998 гг.

Виды растений расположены по системе Энглера. Часть гербарных образцов переданы на хранение в Гербарий МГУ им. Д.П. Сырейщикова (MW) и Гербарий ГБС РАН (МНА).

Используемые сокращения:

См.о. — Смоленская область; Т — Темкинский р-н., Уг. — Угранский р-н.

К.о. — Калужская обл.

О.о. — Орловская область.

1. *Polystichum braunii* (Spenn.) Fee — Многорядник Брауна.

См.о., Т., 21 км на запад от с. Темкино, в 2 км к западу от д. Рассолово, левый берег р. Угры, лесной овраг, 17.07.1997, А.К. Скворцов. — XG₂.

2. *Sparganium gramineum* Georgi — Ежеголовник злаковый.

См.о., Уг., 10 км на северо-восток от пос. Знаменка, оз. Жолобовское, 13.07.1997, А.К. Скворцов, А.А. Шмытов. (MW) — XF₁.

3. *Potamogeton trichoides* Cham. et Schlecht. — Рдест волосовидный.

См.о., Уг., 32 км на запад от с. Вскоды, окр. д. Сельцо (нежил.), старица на левом берегу р. Угры, 12.07.1998 — WF₁.

4. *Phleum phleoides* (L.) Karst. — Тимофеевка степная.

См.о., Уг., 9 км на северо-северо-восток от пос. Знаменка, в 1,5 км к востоку от д. Александровки, склон левого высокого коренного берега р. Угры, боровые опушки, 14.07.1997. (MW, МНА). — XF₁.

5. *Calamagrostis langsdorffii* (Link) Trin. — Вейник Лансдорфа.

См.о., Уг., 10 км на северо-восток от пос. Знаменка, оз. Жолобовское, 13.07.1997. — XF₁.

6. *Poa remota* Forselles — Мятлик расставленный.

См.о., Уг., 18 км на север от пос. Знаменка, д. Тякино, правый берег р. Вороновки, пойма на месте бывшего пруда, у ключа, 15.07.1997. — XG₂.

7. *Eleocharis mamillata* Lindb. fil. — Болотница сосочковая.

См.о., Уг., 18 км на север от пос. Знаменка, д. Тякино, правый берег р. Вороновки, на месте бывшего пруда, 15.07.1997. (MW) — XG₂.

См.о., Т., 18 км на северо-северо-восток от пос. Знаменка,

1,5 км на северо-восток от д. Станино, эвтрофное болото в пойме ручья, на левом берегу р. Угры, 16.08.1997. — XG₂.

8. *Carex diandra* Schrank — Осока двутычинковая.

К.о., Ульяновский р-н, 14 км на северо-северо-восток от с. Ульяново, 2 км севернее с. Волосово-Дудино, 7.06.1997 — XE₃.

9. *Lemna gibba* L. — Ряска горбатая.

См.о., Уг., 33 км на юго-западо-запад от пос. Угра, старица на правом берегу р. Угры, напротив с. Бол. Захарьевское, 14.07.1998. (MW, МНА) — WF₃.

10. *Iris sibirica* L. — Ирис сибирский.

См.о., Уг., 32 км на запад от с. Вскоды, окр. д. Сельцо (нежил.) левый берег р. Угры, по сырым лугам около стариц, 9.07.1998 — WF₁.

См.о., Уг., 40 км на юго-западо-запад от пос. Угра, д. Селипка (нежил.), на сырой заросшей дороге, 10.07.1998 — WF₁.

См.о., Уг., 33 км на юго-западо-запад от пос. Угра, правый берег р. Угры, напротив с. Бол. Захарьевское, по берегам стариц и болотистым лугам на пойме, на сырой опушке в бору, 14.07.1998 (MW, МНА) — WF₃.

11. *Gladiolus imbricatus* L. — Шпажник черепитчатый.

О.о., Болховский р-н, около 6 км на северо-северо-восток от г. Болхов, окр. д. Зубари, долина р. Рог, 500 м выше моста, 22.06.1998 (MW) — CW₂.

См.о., Уг., 32 км на запад от с. Виходы, окр. д. Сельцо (нежил.), левый берег р. Угры, по лугам на притеррасной пойме, 9.07.1998 (MW, МНА) — WF₁.

См.о., Уг., 33 км на юго-западо-запад от пос. Угра, правый берег р. Угры, напротив с. Бол. Захарьевское, по сырым лугам на пойме, 14.07.1998 — WF₃.

12. *Malaxis monophyllos* (L.) Sw. — Мякотница однолистная.

См.о., Уг., 40 км на юго-западо-запад от пос. Угра, окр. д. Селипка (нежил.), ельник, 11.07.1998, Могильнер А.А. — WF₁.

13. *Delphinium elatum* L. — Живокость высокая.

См.о., Т., около 18 км к западу от пос. Темкино, 1 км на северо-запад от д. Базулино, левый берег р. Жижалы, луг на верхней террасе, 19.07.1997 (MW) — XG₂.

См.о., Уг., 33 км на юго-западо-запад от пос. Угра, с. Бол. Захарьевское, правый берег р. Угры, пойменный луг, на прирусловом валу, выше кладей через р. Угру, 14.07.1998 — WF₃.

14. *Lunaria rediviva* L. — Лунник оживающий.

См.о., Уг., 33 км на юго-западо-запад от пос. Угра, с. Бол. Захарьевское, правый берег р. Угры, крутой склон берега старицы, поросший широколиственным лесом, 14.07.1998 (MW, МНА) — WF₃.

К.о., Малоярославецкий р-н, около 2 км на северо-северо-запад от с. Ильинское, склон левого коренного берега р. Лужи, поросший широколиственным лесом. 26.08.1998, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов — СА₁.

15. *Hottonia palustris* L. — Турча болотная.

См.о., Т., 18 км на северо-северо-восток от пос. Знаменка, 1,5 км на северо-восток от д. Станино, эвтрофное болото в пойме ручья на левом берегу р. Угры, 16.07.1997 (MW) — XG₂.

См.о., Уг., 32 км на запад от с. Виходы, окр. д. Сельцо (нежил.), старица на левом берегу р. Угры, 9.07.1998 — WF₁.

16. *Armeria vulgaris* Willd. — Армерия обыкновенная.

См.о., Уг., 30 км на северо-восток от пос. Угра, правый берег р. Угры под д. Красное, под ЛЭП, пойменный луг, стравленный скотом, А.К. Скворцов, 13.07.1997 — XF₁.

17. *Gentiana pneumonanthe* L. — Горечавка легочная или обыкновенная.

К.о., Брятинский р-н, около 5 км северо-северо-восточнее от с. Бярино, около 2,5 км северо-северо-восточнее с. Красный Холм, берег заросшего озерка, сырой луг у ивняка, 4.08.1997 — XF₂.

18. *Pedicularis palustris* L. — Мытник болотный.

К.о., Ульяновский р-н, около 15 км на северо-северо-восток от с. Ульяново, около 2 км севернее с. Волосово-Дудино, заболоченная пойма ручья, 7.06.1997 — XE₃.

К.о., Хвастовичский р-н, около 17 км на запад от с. Хвастовичи, левый берег пруда в д. Слобода, заболоченный редкий ивняк, 7.08.1997 — XE₂.

19. *Galium trifidum* L. — Подмаренник трехнадрезанный.

См.о., Уг., 10 км на северо-восток от пос. Знаменка, оз. Жолобовское, по краю сплавины, 13.07.1997 (MW) — XF₁.

См.о., Т., 18 км на северо-северо-восток от пос. Знаменка, 1,5 км на северо-восток от д. Станино, осоковое болото в пойме ручья, на левом берегу р. Угры, на кочках, 16.07.1997 — XG₂.

20. *Cruciata laevipes* Opiz — Круциата гладконогая.

См.о., Уг., около 20 км к востоку от пос. Знаменка, д. Староселье, разнотравный луг за домом Синельниковых, 8.07.1998, Д.В. Синельников (MW, МНА) — XF₁.

21. *Campanula cervicaria* L. — Колокольчик жестковолосистый или олений.

К.о., Мосальский р-н, около 22 км на запад от г. Юхнова, около 9 км южнее пос. Климов Завод, справа от дороги перед д. Семижа (нежил), сырой луг, 1.07.1998 (MW, МНА) — XF₁.

См.о., Уг., около 16 км к югу от пос. Темкино, около 2 км юго-восточнее с. Кобелево, опушка березняка в 300 м на запад от р. Уйки, 5.07.1998 — XF₁.

22. *Onopordum acanthium* L. — Татарник колючий.

См.о., около 32 км на запад от с. Виходы, окр. д. Сельцо (нежил.), левый берег р. Угры, старая сорная куча на опушке леса, напротив остатков старого моста, 9.07.1998 — WF₁.

23. *Mycelis muralis* (L.) Dumort. — Мицелис стенной.

К.о., Козельский р-н, около 12 км к северу от г. Козельска, около 1 км на юго-восток от Отрады, просека между бором орешниковым и липняком осоковолосистым, 27.07.1995 — XE₃.

В заключение автор выражает большую благодарность А.К. Скворцову (ГБС РАН) за всестороннюю помощь и консультации во время экспедиций по Смоленской области.

А.А. Шмытов,
методист Калужского областного
эколого-биологического центра учащихся;

А.В. Щербаков, к.б.н.,
научный сотрудник Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова.

Интересные находки во флоре водоемов Калужской области

Изучением флоры Калужской области со второй половины XIX в. занимались многие исследователи. Можно сказать, что к настоящему времени она изучена относительно хорошо (Тихомиров и др., 1998). Тем не менее, и в настоящее время список видов растений Калужской области продолжает пополняться.

Перспективными направлениями в этой работе могут стать подробные исследования флор определенных фитоценозов или конкретных территорий области, например, национального парка «Угра», адвентивной флоры, флоры Мещовского Ополя и т. п. Это позволяет исследователю либо более тщательно изучить относительно небольшую территорию, либо специально сосредоточить свое внимание на конкретных экологических группах видов. Оба этих направления при грамотном планировании и разумном применении ведут в сумме к более подробному и точному изучению флоры области в целом.

Настоящая статья посвящена некоторым редким видам флоры водоемов Калужской области.

Используемые сокращения:

К. о. — Калужская область

MW — материал хранится в гербарии МГУ им. М. В. Ломоносова.

MHA — гербарий хранится в ГБС РАН, г. Москва.

XF₁, CA₂ — обозначения квадратов на карте Европы в трансвертальной проекции.

СПИСОК ВИДОВ.

1. *Sparganium minimum* Wallr. — Ежеголовник малый.

• Бабынинский р-н, 20 км на север от пос. Бабынино, заросшее озерко посреди полей в 1,5 км на запад от д. Буланцево, 20.08.1998, А.А. Шмытов (MW, MHA) — XF₃.

По мнению флористов, вид в К. о. не особенно редок, тем не менее за период работы автора по флоре водоемов К. о. (1996—98 гг.)

он встретил его впервые, что, вероятно, можно объяснить тяготением вида к очень малым водоемам, не всегда попадающим в поле зрения исследователя. Места обитания — лесные болота и их мочажины, небольшие ручейки, заболоченные водоемы, дренажные канавы, по краю сплавин (Пешкова, 1967). При обследовании крупных озер и прудов К. о. вид пока не обнаружен. По территории Калужской области в пределах ареала проходит южная граница повышенной встречаемости вида: в Тульской и Липецкой областях он редок, а в Орловской области пока неизвестен вообще. (Щербаков, 1999).

2. *Potamogeton gramineus* L. — Рдест злаковый.

• Бабынинский р-н, 20 км на север от пос. Бабынино, заросшее озерко в 1,5 км на запад от д. Буланцево, 20.08.1998, в лужицах между кочками *Carex acuta* L., А.А. Шмытов — (MW, MHA) — XF₃.

Вторая достоверная находка в области.

Первая — Баятинский р-н, близ Калугово, северная окраина Шатина болота, тростниковый участок, 14.07.1965, Пешкова. (MW) — VF₄. На территории К. о. вид редок, но при систематических исследованиях можно ожидать новых находок, особенно на ее севере и северо-западе. В Средней России этот вид всюду редок, и причины этого непонятны (Щербаков, 1999).

3. *Zizania latifolia* (Griseb.) Stapf — Цицания широколистная.

• Жуковский р-н, с. Высокиничи, старица на левом берегу р. Протвы выше моста через реку образует сплошные заросли на мелководье по всей старице, 27.08.1998, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов. (MW, MHA) — CA₃.

Новый вид для флоры области. По устному сообщению А.Г. Девятова, в большом количестве встречается по берегам р. Протвы между г. Кременки Жуковского р-на и г. Протвино. Адвентивный вид флоры области. Родина этой цицании — Дальний Восток, но она нередко культивируется в охотничьих угодьях.

4. *Scolochloa festucacea* (Willd.) Link — Тростянка овсяницеvidная.

• Баятинский р-н, 35 км на запад от г. Мосальска, оз. Бездон, 31.07.1997, А. В. Щербаков, А. А. Шмытов (MW, MHA) — WF₄.

Вид в области обнаружен вторично. Первая находка была сделана в оз. Калугово Мосальского р-на (Дмитриев, 1961). Встречается изредка по всему центру Европейской России, причем явно тяготея к крупным водоемам (озерам, поймам больших рек). Поэтому он также редок в Тульской области, неизвестен в Орловской области, тогда как в Московской известен почти из всех больших озер (Щербаков, 1990, 1999).

5. *Blysmus compressus* (L.) Panz. ex Link — Блисмус сжатый.
- Жуковский р-н, 27 км восточнее г. Обнинска, пруд в д. Митино, левый, стравленный скотом берег, на кочках, 28.07.1998, А.А. Шмытов, (MW, МНА) — СВ₄.
- На территории Волжского бассейна вид встречается изредка (Лисицына и др., 1993), в Средней России тяготеет к сырým лугам и местам выходов грунтовых вод (Щербаков, 1999). Нередко просматривается.
6. *Eleocharis mamillata* Lindb. fil. — Болотница сосочковая.
- Медынский р-н, 2,5 км на юго-восток от г. Медыни, 1 км на юг от д. Уланово, выработанный торфяной карьер, 29.07.1997, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов — XF₃.
 - Юхновский р-н, 10 км на юго-восток от г. Юхнова, берег озера в д. Озерки, 30.07.1997, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов — XF₃.
 - Боровский р-н, 2 км на юго-восток от г. Боровска, большой выработанный торфяной карьер в д. Комлево, 30.07.1998, А.А. Шмытов — СВ₂.
- Ранее в К. о. обнаружен другими исследователями:
- Спас-Деменский р-н, М. Игнатовское болото, 15.08.1965, Пустовское болото, у края карьера, 17.08.1965, Пешкова (MW) — WF₄.
 - Боровский р-н, близ д. Тишнево (Алексеев, Макаров, 1961) — СВ₂.
 - Жиздринский р-н, 4 км на север от ст. Судимир, озеро у д. Озерская, 16.08.1995, В.Б. Лукин (MW) — XE₂.
- Поскольку вид габитуально похож на обычный *E. palustris* (L.) Roem. Et Schult., он часто просматривается, а его встречаемость занижается. Возможно, этот вид редким в К. о. не является. Все указанные выше находки приурочены к водоемам со слабым и умеренным режимом минерального питания. По нашим наблюдениям, эта болотница тяготеет к северным, северо-западным и западным районам области, где и сосредоточено большинство указанных водоемов.
7. *Rhynchospora alba* (L.) Vahl — Очеретник белый.
- Дзержинский р-н, 7,5 км на юго-запад от г. Кондрово, 1 км на юго-восток от д. Галкино, большой выработанный торфяной карьер, сплавина на противоположном от деревни берегу, 29.07.1997, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов (MW, МНА) — XF₃. Местами на сплаvine, окружающей карьер, образует сплошные заросли. Несколько годами раньше в этом же карьере собирался Е. Дацюк (MW).
 - Боровский р-н, 500 м. южнее г. Боровска, верховое болото с частично выработанным торфяным карьером, лежащее между д. Комлево и газораспределительной станцией у шоссе Боровск —

- Малоярославец, 31.07.1998, А. А. Шмытов (MW, МНА) — СВ₂.
- Сплавинный вид сфагновых болот., относительно редкий в К. и сопредельных областях вид.
8. *Carex appropinquata* Schum. — Осока сближенная.
- Барятинский р-н, д. Милятино, Милятинское вдхр., заболоченный берег, 31.07.1997, А. В. Щербаков, А. А. Шмытов — WF₄.
 - Жиздринский р-н, 4 км на север от ст. Судимир, озеро у д. Озерская, на сплаvine, 6.08.1997, А. В. Щербаков, А. А. Шмытов — XE₂.
 - Ульяновский р-н, 16 км на северо-восток-восток от с. Ульяново, старица на левом берегу р. Песочни, 1 км выше Новой Деревни (нежил.), заповедник «Калужские засеки», 15.06.1998, А.А. Шмытов — XE₃.
- Вид встречается изредка, почти по всему Волжскому бассейну (Лисицына и др., 1993), в К. о. есть и другие находки (Пешкова, 1967).
9. *Carex riparia* Curt. — Осока береговая.
- Окр. г. Калуги, левый берег р. Оки у д. Анненки, 16.07.1994, С.Р. Майоров — СА₂.
 - Ульяновский р-н, 25 км на юго-юго-запад от г. Козельска, притеррасная старица на лев. берегу р. Вытебеть у д. Волосово-Дудино, 7.06.1996, А. А. Шмытов — XE₃.
 - Ульяновский р-н, 4 км на северо-восток от с. Ульяново, старица на правом берегу р. Вытебеть напротив д. Слободки, 14.06.1998, А.А. Шмытов — XE₃.
 - Малоярославецкий р-н, 5 км на северо-восток от ст. Суходрев, 1 км на север от д. Мандрино, старица на правом берегу р. Суходрев, 21.07.1996, А. В. Щербаков, А. А. Шмытов — СА₁.
 - Козельский р-н, 14 км на северо-восток от г. Козельска, 2,2 км на восток от моста через р. Серену у д. Полошково, старица на правом берегу р. Жиздра — оз. Княжеское, 18.08.1997, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов — XF₄.
- В области вид относительно редок; чаще он встречается в южных и юго-восточных ее р-нах в основном в поймах рек Вытебеть и Жиздры, вероятно, редким не является.
10. *Calamagrostis langsdorffii* (Link) Trin. — Вейник Лангсдорфа.
- Барятинский р-н, д. Милятино, Милятинское вдхр., заболоченный берег, 31.07.1997, А. В. Щербаков, А.А. Шмытов — XF₄.
 - Жиздринский р-н, 4 км на север от ст. Судимир, озеро сплаvinного типа у д. Озерская, 6.08.1997, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов — XE₂.
 - Боровский р-н, 2 км на юго-восток от г. Боровска, большой выработанный торфяной карьер в д. Комлево, 30.07.1998, А.А. Шмытов — СВ₂.

В Средней России вид всюду довольно редок и обычно связан в своем распространении с торфяными болотами.

11. *Rumex hydrolapatum* Huds. — Щавель прибрежный.

• Козельский р-н, 14 км на северо-восток от г. Козельска, 2,2 км на восток от моста через р. Серену у д. Полошково, старица на правом берегу р. Жиздры — оз. Царское, 8.08.1997, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов — XF₄.

В Средней России вид явно предпочитает заболоченные низменности: на территории Брянско-Жиздринского полесья в Калужской, Орловской и Брянской областях он, вероятно, не столь уж и редок; скорее всего, есть он и на севере и северо-западе нашей области, в прочих же районах области вид редок или отсутствует.

12. *Stellaria uliginosa* Murr. — Звездчатка топяная.

• Ульяновский р-н, 16 км на северо-восток-восток от с. Ульяново, 1,5 км на восток от Новой Деревни (нежил.), около дороги на подкормочные площадки, у лесного ручья, заповедник «Калужские засеки», 11.06.1998 (MW), А.А. Шмытов — XE₃.

В К. о. известны лишь отдельные находки (Пешкова, 1967; Пешкова, Хомутова, 1979; Скворцов, 1987). Очевидно, вид является редким для области. Редок он и в Орловской области, где обнаружен В.И. Радыгиной (личное сообщение) близ наших границ лишь в 1998 г.

13. *Ranunculus lingua* L. — Лютик длиннолистный.

• Барятинский р-н, 35 км на запад от г. Мосальска, оз. Бездон, в воде у берега, среди высокотравья, 31.07.1997, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов — WF₄.

• Барятинский р-н, 5 км на северо-северо-восток от с. Барятино, зарастающее озерко в 2, 5 км северо-северо-восточнее д. Красный Холм, 4.08.1997, А.В. Щербаков, А.А. Шмытов — XF₂.

• Юхновский р-н, 20 км западнее г. Юхнова, лесное болото в урочище Дюкино, 1.07.1998, А.А. Могильнер — XF₁.

В К. о. этот очень декоративный лютик встречается изредка, всегда в небольшом количестве, растет в труднодоступных местах: в обводненных болотах и в воде вдоль заболоченных берегов водоемов среди прибрежного высокотравья. Из-за гидромелиоративных работ в нашей и сопредельных областях вид редок (Щербаков, 1999), его встречаемость за последние десятилетия сильно уменьшилась.

14. *Barbarea stricta* Andrz. — Сурепка прямая.

• Мосальский р-н, 6 км на северо-восток от г. Мосальска, 1 км юго-западнее д. Симоново, правый берег р. Рессы, у воды, 16.06.1995 — XF₂.

А.В. Щербаков, к.б.н.;

М.Л. Прудникова, студентка

Московского государственного университета

им. М.В. Ломоносова

Особенности зарастания выработанных торфяных карьеров национального парка «Орловское Полесье»

Система выработанных торфяных карьеров расположена к востоку, северу и северо-западу от поселка Жудрё Хотынецкого района Орловской области. Торфоразработки велись 30–60 лет назад, площадь отдельных карьеров колеблется от 10 до 70 га, глубины от 1 до 1,2 м; на глубине около 1–2 м торф подстилается песком.

В зависимости от размеров и положения в рельефе и связанного с этим волнобоя, толщины оставшейся невыработанной торфяной залежи и берегового окружения выработанные карьеры принадлежат к эутрофному или дистрофному типам.

Карьеры небольшого размера к настоящему времени заросли практически полностью, превратившись в тростниковые болота с отдельными окнами воды, занятыми *Potamogeton natans*. При этом их зарастание, вероятно, шло следующим способом:

- у берегов поселилась травянистая растительность;
- в группировке травянистой растительности поселились сплавинообразующие виды, а в дальнейшем зарастание карьеров шло путем образования сплавины;
- в сплавины внедрился тростник, давший в ней мощную систему корневищ, а в дальнейшем покрывший ее полностью; под весом тростника сплавина затонула на глубину около 30 см;
- между стеблями тростника с внешней стороны водоемов поселились сфагновые мхи, осоки и некоторые другие виды, фактически, образовав по внешнему периметру тростниковых зарослей вторую сплавины, расположенную поверх более старой.

От берегов на более молодую сплавины стали поселяться береза пушистая (*Betula pubescens*) и сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris*); особенно активно этот процесс шел по гривам, оставленным при торфоразработках.

Более крупные карьеры зарастают несколько по-иному. Процесс сплавинообразования здесь выражен слабее из-за волнобоя, но в большей степени наблюдается на наветренных берегах:

- пояс тростника развивается и по внешней стороне сплави-

ны; при этом его корневища также расположены в сплаvine, на ней же поселяется и береза;

- почти по всей не занятой сплавиной акватории встречаются в заметном количестве водные укореняющиеся гидрофиты: ближе к берегу — растения с плавающими листьями (*Nymphaea candida*), а дальше от него — полностью погруженные (*Ceratophyllum demersum*, *Potamogeton berchtoldii* и др.).

В последние годы, по словам местных жителей, несмотря на практически заповедный режим, темпы зарастания карьеров возросли, что, вероятно, связано с постоянно увеличивающимся объемом биогенов, вовлекаемых в биогеохимический круговорот.

В процессе работ на выработанных торфяных карьерах были обнаружены несколько новых и редких для флоры Орловской области видов сосудистых растений: *Potamogeton acutifolius* Link, *P. friesii* Rupr., *Radiola linoides* Roth, *Galium trifidum* L.

С.К. Алексеев, М.Н. Сионова, М.П. Шашков,
экологический клуб «Stenus»

Результаты Калужского фаунистического краеведения к концу XX века

Фаунистические исследования — один из первых этапов изучения биocenозов. Чем детальнее изучена фауна, её распространение, численность, связь с биocenозами, тем более эффективными будут природоохранные мероприятия, направленные на сохранение биоразнообразия края. Согласно современной классификации (Р. Барнс и др., 1992), фауна Калужской области относится к 19 типам царства животных, из которых наиболее изучен — тип Хордовые.

Первая известная краеведческая сводка по хордовым относится к началу XIX века (Зельницкий, 1804). Спустя столетие, выходит ряд фаунистических работ, в которых приводятся уже довольно полные списки позвоночных Калужского края (Gendler, Kawelin, 1909; Саницкий, 1912; Филатов, 1915; Седов, 1919; Николаев, 1925 и др.) Ещё через полвека выходит в свет работа М.Е. Кунакова «Животный мир Калужской области» (1979), как бы подводящая итоги первого этапа фаунистического изучения фауны позвоночных области. В 60—80-е годы А.А. Ворониным и

его учениками (Л.С. Баранов, А.Л. Васильев, С.М. Заикин, В.А. Марголин, Г.М. Овсянников, С.С. Писаренко, А.Б. Стрельцов и др.) проводится ряд эколого-фаунистических исследований позвоночных области, значительно расширивших знания о краевой фауне. Благодаря этим исследованиям, к настоящему времени из позвоночных наиболее изученными группами являются: охотничье-промысловые млекопитающие и птицы, рептилии и амфибии. Начиная с 1994 года, к изучению позвоночных Калужского края подключается общественный экологический клуб «Stenus». В результате исследований (работы 1995—98 гг. — А.В. Антимоновой, С.К. Алексеева, Д.А. Баркова, А.С. Завгороднего, О.С. Костюхиной и М.П. Шашкова) накоплен и частично опубликован краеведческий материал по фауне, биологии и экологии насекомых, летучих мышей, грызунов, рептилий и амфибий.

Несмотря на довольно полные списки по позвоночным Калужского края, изучение фауны Хордовых ещё далеко от завершения. Например, требуется тщательная ревизия ихтиофауны области. Совершенно не изучена териофауна мелких млекопитающих верховых болот и остепнённых лугов. Практически не изучены летучие мыши и грызуны — обитатели древесно-кустарникового яруса. До сих пор нет кадастров ни по одному из классов Хордовых.

Если фауна Хордовых Калужской области насчитывает немногим более 380 видов, включая залётные и пролётные виды птиц, то фауна беспозвоночных, по самым скромным прогнозам, должна быть в 15—20 раз больше (по аналогии с Московской областью, более менее хорошо изученной в фаунистическом отношении).

Первая работа по беспозвоночным Калужского края, из известных нам, была посвящена бабочкам (Assmuss, 1857). Наиболее интенсивно беспозвоночные области изучались в начале нашего столетия, благодаря созданию в 1910 году «Калужского общества изучения природы местного края». Здесь следует отметить работы энтомологов: А.Н. Кириченко (1912, 1918, 1922, 1930); А.П. Чернышова (1919, 1923, 1930); Г.В. Артоболевского (1923); А.И. Ильинского (1923); В.Н. Лучника (1923); В.Н. Старка (1926); А.И. Добродеева (1930); Ф.А. Зайцева (1930); А.А. Штакельберга (1930). Фауну водных беспозвоночных изучали и описывали в те годы — В.В. Асонов (1913); В.Л. Беклемишев (1916); Бенинг (1919); В.И. Жадин (1924). Затем, в связи с закрытием «... общества ...» и ликвидацией «Калужской станции по защите растений», с 30-х до 60-х годов, число публикаций, посвященных фауне беспозвоночных области становится единичным. В 60—80 годах исследования этой группы животных проводили Л.А. Зеленова, Е.А. Казанни-

ков, В.Ф. Палий, Е.Н. Хлопунов и их ученики. Большая часть этих работ носила прикладной характер. В настоящее время изучением фауны беспозвоночных Калужской области занимаются — Г.В. Голубева (ТСХА), Е.А. Казанников (КГПУ), И.В. Шмытова, Е.А. Телеганова (Областной краеведческий музей) и клуб «Stenus» (М.П. Шашков, А.С. Завгородний, Д.А. Барков, М. Баканов и др.).

Но несмотря на полуторавековое исследование фауны беспозвоночных, степень её изученности в области осталась на крайне низком уровне. К настоящему моменту наиболее полные и достоверные сведения есть только о чешуекрылых, шмелях, нескольких семействах жуков, водных моллюсках и о некоторых других немногочисленных таксонах беспозвоночных. Все вместе они составляют, в лучшем случае, не более 20—30% ожидаемой фауны. Списки же начала века требуют ревизии в связи со значительными изменениями за прошедшие десятилетия в систематике и в природных фаунистических комплексах, что отмечено рядом исследований, например В.Ф. Палием и Н.Ю. Захарченко (1990).

В то же время необходимость и насущность составления максимально полных кадастров животного мира Калужской области стала очевидной. Это, в первую очередь, связано с образованием в крае новых, обширных особо охраняемых природных территорий (национальный парк и заповедник); с ведением областного экологического мониторинга и подготовкой «Красной книги» Калужской области.

*М.Н. Сионова, С.К. Алексеев, М.П. Шашков,
Калуга, экологический клуб «Stenus»*

Краеведческая научно-исследовательская деятельность общественного экологического клуба «Stenus»

Общественный экологический клуб «Stenus» образован в 1994 году при Калужском областном эколого-биологическом центре учащихся. Членами клуба являются учащиеся, студенты и преподаватели Калуги и области, активно занимающиеся природоохранной и научно-исследовательской деятельностью по изучению природы Калужского края.

В последние несколько лет в Калужской области организованы: заповедник «Калужские засеки», национальный парк «Угра» и другие, особо охраняемые, природные территории (ООПТ). Область, одна из первых в России, проводит биомониторинг своей территории и города Калуги. Кроме того, в области существует ряд экологических проблем, связанных с последствиями Чернобыльской аварии. В то же время по многим группам живых организмов нет даже полноценных списков для территории Калужской области. Поэтому все исследования, проводимые членами клуба, сориентированы на экологическую, природоохранную тематику, актуальную для жителей нашей области.

В результате в работе клуба сложились следующие направления научной деятельности:

- создание кадастров животных, грибов, лишайников и мхов области;
- изучение животного населения отдельных биоценозов;
- фауна агроценозов;
- исследование фауны города Калуги;
- сбор первичного материала для биомониторинга области;
- фауна и животное население ООПТ;
- влияние антропогенного воздействия на природные комплексы области;
- редкие и охраняемые виды Калужской области.

Первичный материал (коллекции, учеты) собирается, определяется и обрабатывается под руководством специалистов области, а при необходимости переопределяется (в зависимости от объекта) в ВУЗах и НИИ Москвы, Санкт-Петербурга и других ведущих учреждениях России. Это позволяет избежать ошибок и неточностей в результатах исследований. Окончательные результаты работ (отчеты, доклады, статьи, списки и т.п.) рецензируются специалистами в соответствующей области знаний.

За 1994—98 гг. членами клуба «Stenus» выполнены или близки к завершению исследования:

- фауна и животное население насекомоядных юго-востока Калужской области;
- фауна и животное население насекомоядных Жиздринского участка национального парка «Угра»;
- фауна насекомоядных заповедника «Калужские засеки»;
- грызуны юго-востока Калужской области;
- грызуны Жиздринского участка национального парка «Угра»;
- грызуны заповедника «Калужские засеки»;
- земноводные юго-востока Калужской области;
- земноводные Жиздринского участка национального парка «Угра»;

- земноводные заповедника «Калужские засеки»;
- фауна и животное население мелких млекопитающих широколиственных лесов юго-востока Калужской области;
- фауна и животное население земноводных широколиственных лесов юго-востока Калужской области;
- фауна и животное население жувелиц национального парка «Угра»;
- фауна и животное население жувелиц широколиственных лесов заповедника «Калужские засеки»;
- фауна и животное население жувелиц широколиственных лесов юго-востока Калужской области;
- мертведы юго-востока Калужской области;
- сезонная динамика активности массовых видов жувелиц;
- распространение в Калужской области и сезонная динамика активности навозника лесного;
- микростабиальное распределение околводных беспозвоночных;
- фауна прибрежных жувелиц Калужской области;
- фауна и животное население жувелиц приусадебных участков города Калуги;
- фауна жувелиц города Калуги;
- роль валежника в лесах;
- зимовки беспозвоночных;
- обитатели и разрушители древесины.

На основе собранного материала лаборатория «Биомониторинга» КГПУ, проводит часть своей работы. Списки, отчеты, публикации используются в «Летописи природы» заповедника «Калужские засеки». Они служат основой для составления «Кадастра фауны и флоры Калужской области», национального парка «Угра» и т.п. Собирается материал и по федеральной программе «Возрождение Волги». Материалы, собранные и обработанные членами клуба «Stenus», отражаясь в отчетах, летописях и научных публикациях — приносят существенную пользу в решении ряда природоохранных и научно-теоретических проблем Калужской области. За 1995—98 гг. членами клуба «Stenus» опубликовано или сдано в печать более 50 научных публикаций по вышеперечисленной тематике.

Калужский общественный экологический клуб «Stenus» всегда готов к сотрудничеству со всеми заинтересованными лицами и организациями.

Наш адрес: 248019, г. Калуга, Старообрядческий пер., дом 20, КО ЭБЦУ, клуб «Stenus». E-mail: stenus@yahoo.com, Тел: (0842) 56-20-39

С.К. Алексеев,
Калужский областной эколого-биологический центр учащихся,
руководитель экологического клуба «Stenus»

Список жесткокрылых (*Insecta, Coleoptera*) рекомендуемых для «Красной книги» Калужской области

Одна из задач охраны окружающей среды — сохранение видового разнообразия живых организмов. В связи с этим созданы и создаются «Красные книги» различного уровня. Целью «Красных книг» является привлечение внимания населения к необходимости охраны всех групп живых организмов на планете. Создание областных списков «краснокнижных» видов ставит перед собой задачу охраны видового разнообразия на региональном уровне.

Учитывая огромное превосходство видового разнообразия беспозвоночных над другими группами живых организмов и их крайне недостаточную изученность, не стоит подходить к ним с теми же критериями оценки для выделения в группу «краснокнижных», что и у позвоночных животных, иначе списки «краснокнижных» беспозвоночных будут слишком обширными. Кроме того, при недостаточной изученности биологии беспозвоночных большие сложности возникают при разработке их статусов, рекомендаций по сохранению видов и мер охраны, не говоря уже о контроле за соблюдением этих мер. Поэтому, чтобы избежать излишне обширных, хотя и справедливо составленных (с позиций выделения «краснокнижных» позвоночных), списков Жесткокрылых (*Insecta, Coleoptera*) рекомендуемых в «Красную книгу» Калужской области, мы руководствовались следующими принципами.

1. Вид занесен в «Красную книгу» Российской Федерации.
2. Редкий вид, исчезающий (резко сокративший свою численность в последнее десятилетие) или не отмеченный в последнее десятилетие на территории области, являющийся представителем аборигенных сообществ беспозвоночных.
3. Вид имеет незначительную численность или с достаточно высокой численностью, но встречающийся на очень ограниченной точечной территории и при этом занесен в «Красную книгу» соседних областей.
4. Вид-индикатор редких для области сообществ или фаунистических комплексов, состояние которых может оказаться критическим из-за воздействия (или прекращения воздействия) человека.

5. Вид с незначительной численностью, являющийся единственным представителем таксонов надродовых рангов или являющийся представителем не характерной для области фауны или жизненной формы, имеющий научный, практический или коммерческий интерес.

Исходя из вышеуказанных принципов, нами предлагается следующий список жесткокрылых, достойных для внесения в «Красную книгу» Калужской области.

Отряд Жесткокрылые — Coleoptera

Семейство Жужелицы — Carabidae

1. *Cicindela silvatica* Linnaeus, 1758 — Скакун лесной
2. *C. arenaria viennensis* Schrank, 1781 — Скакун песчаный
3. *C. maritima* Dejean, 1822 — Скакун приморский.
4. *Calosoma sycophanta* (Linnaeus, 1758) — Красотел пахучий
5. *C. inquisitor* (Linnaeus, 1758) — Красотел малый
6. *C. auropunctatum* (Herbst, 1784) — Красотел золотоямчатый
7. *C. investigator* (Illiger, 1798) — Красотел изыскатель
8. *Carabus clatratus* Linnaeus, 1761 — Жужелица золотоямчатая
9. *C. estreicheri* Fischer von Waldheim 1822 — Жужелица эстрейхери
10. *C. menetriesi* Hummel, 1827 — Жужелица Менетрие
11. *C. nitens* Linnaeus, 1758 — Жужелица блестящая
12. *C. arvensis* Herbst, 1784 — Жужелица арвензис
13. *C. violaceus* Linnaeus, 1758 — Жужелица фиолетовая
14. *C. coriaceus* Linnaeus, 1758 — Жужелица шагренева
15. *Nebria livida* (Linnaeus, 1758) — Небрия ливида
16. *Olisthopus rotundatus* (Paykull, 1798) — Олистопус округлённый
17. *Pristonychus terricola* (Herbst, 1783) — Пристоникус земляной
18. *Sphodrus leucophthalmus* (Linnaeus, 1758) — Сфодрус норный
19. *Diachromus germanus* (Linnaeus, 1758) — Диахромус германский
20. *Masoreus wetterhali* Gyllenhal, 1813 — Мазореус веттерхали
21. *Callistus lunatus* (Fabricius, 1775) — Каллистус лунный
22. *Chlaenius spoliatus* (Rossi, 1790) — Хлениус обездоленный
23. *Ch. costulatus* Motschulsky, 1859 — Хлениус костулатус
24. *Odacantha melanura* (Linnaeus, 1766) — Одоканта меланура
25. *Cymindis angularis* Gyllenhal, 1810 — Циминдис угловатый

Семейство Плавунцы — Dytiscidae

26. *Dytiscus latissimus* Linnaeus, 1758 — Плавунец широчайший

Семейство Водолюбы — Hydrophilidae

27. *Hydrous atterrimus* Escherich — Водолюб большой

Семейство Таёжники — Sphaeritidae

28. *Sphaeritis glabratus* (Fabricius, 1792) — Таёжник голый

Семейство Мертвоеды — Silphidae

29. *Pteroloma forstroemi* Gyllenhal, 1810 — Птеролома форстрэми

30. *Necrophorus germanicus* Linnaeus, 1758 — Могильщик германский

Семейство Стафилины — Staphylinidae

31. *Emus hirtus* Linnaeus, 1758 — Стафилин великолепный

Семейство Рогачи — Lucanidae

32. *Lucanus cervus* Linnaeus, 1758 — Жук-олень
33. *Sinodendron cylindricum*. (Linnaeus, 1758) — Носорог малый
34. *Ceruchus chrysomelinus* (Hochenwarth, 1785) — Рогач золотистый

Семейство Пластинчатоусые — Scarabaeidae

35. *Bolboceras armiger* (Scopoli, 1772) — Больбоцерас трюфельный
36. *Geotrupes vernalis* Linnaeus, 1758 — Навозник весенний
37. *Aphodius bimaculatus* Laxmann, 1770 — Афодий двупятнистый
38. *Copris lunaris* Linnaeus, 1758 — Копр лунный
39. *Oryctes nasicornis* (Linnaeus, 1758) — Жук-носорог
40. *Osmoderma eremita* (Scopoli, 1763) — Восковик отшельник
41. *Gnorimus octopunctatus* (Fabricius, 1775) — Пестряк чёрный
42. *Potosia aeruginosa* (Drury, 1770) — Бронзовка зелёная большая
43. *Potosia lugubris* (Herbst, 1786) — Бронзовка мраморная

Семейство Златки — Vuprestidae

44. *Chalcophora mariana* (Linnaeus, 1758) — Большая сосновая златка
45. *Scintillatrix rutilans* (Fabricius, 1775) — Златка рутиланс

Семейство Бориды — Boridae

46. *Borus schneideri* Panzer — Борус шнейдера

Семейство Нарывники — Meloidae

47. *Lytta vesicatoria* Linnaeus, 1758 — Шпанская мушка

Семейство Усачи Cerambycidae

48. *Prionus coriarius* (Linnaeus, 1758) — Усач кожевник
49. *Tragosoma depsarium* (Linnaeus, 1767) — Косматогрудый усач
50. *Lamia textor* (Linnaeus, 1758) — Ивовый корневой усач
51. *Purpuricenus kaehleri* (Linnaeus, 1758) — Усач Келера
52. *Necydalis major* Linnaeus, 1758 — Коротконадкрыл большой
53. *Dorcadion holosericeum* Krynicki, 1832 — Доркадион шелковистый

Конечно, при подготовке «Красной книги» Калужской области детальные исследования должны внести изменения в данный список. Но к настоящему моменту степень изученности фауны жесткокрылых области позволяет нам видеть список «краснокнижных» видов именно таким. Ближайшие исследования, скорее всего, только расширят этот список.

Л.В. Большаков,
научный сотрудник Объединения «Тульский объединенный
историко-архитектурный и литературный музей»

Некоторые проблемы развития региональной системы ООПТ

В свете энтомологических исследований

Важнейшее условие восстановления регуляторной роли биосферы, как основы для обеспечения устойчивого развития — сохранение всего генофонда живых организмов, а также сохранение и восстановление всех экосистем. В настоящее время уже вряд ли кто-то станет оспаривать, что реальным и экологически обоснованным условием сохранения биоразнообразия является реализация комплексного подхода. В концепциях эколого-хозяйственного баланса и создания экологического каркаса устойчивого развития (Реймерс, Штильмарк, 1978; Пономаренко и др., 1994; Кочуров, 1995; Тишков, 1995) комплексный подход к охране природы представляется, как повсеместное сохранение экосистем (и сопряженной с ними биоты) во всем их многообразии, с учетом степени их вовлечения в хозяйственный оборот и дифференциацией по уязвимости от антропогенных воздействий, на основании чего должен определяться гибкий, сбалансированный режим природопользования, с ориентацией на перспективу экологической реставрации территории. Индивидуальный и узкоспециализированный (отраслевой) подходы к сохранению отдельных редких, угрожаемых или хозяйственно-полезных таксонов и групп живых организмов, нашедшие широкое практическое воплощение в форме организации узкоспециализированных (ботанических, зоологических, энтомологических и др.) особо охраняемых природных территорий (ООПТ), должны рассматриваться лишь как временная мера, хотя и чрезвычайно полезная в нынешних социально-экономических условиях и на начальном этапе создания экологического каркаса территории (ЭКТ).

Сопряженность подавляющего большинства бионтов (насекомых, других беспозвоночных и многих мелких позвоночных животных, а также растений) с экогеосистемами малой размерности и их уязвимость на биогеоэкологическом и консортивном уровнях (Горностаев, 1986) определяет основные направления и методику региональных созобиологических мероприятий, заключающихся в придании им соответствующей «разрешающей способ-

ности» (Большаков, 1997, 1998). Ценопопуляции редких и локальных растений, наиболее заметных насекомых и других животных являются биоиндикаторами, которые (наряду с геоморфологическими компонентами и растениями-эдикаторами) определяют «физиономический облик» ландшафтов, позволяют произвести их экспресс-анализ и выделить те узловые заповедные участки ЭКТ, которые предстоит «погрузить» в охранные зоны и соединить экологическими коридорами, ограниченно вовлеченными в хозяйственный оборот.

Говорить о комплексном подходе к созданию ООПТ и ЭКТ, а также об оптимизации на них режимов природопользования, можно только при условии привлечения к этой работе различных специалистов, но обязательно — энтомологов (что не должно вызывать сомнения в связи с доминирующей ролью энтомофауны в экосистемах). На практике (вероятно, почти повсюду в России) созданием ООПТ обычно занимаются небольшие группы энтузиастов, узких специалистов определенного профиля, при очень редком участии крайне «дефицитных» опытных энтомологов-полеводов. В итоге едва ли не все ООПТ получают узкую специализацию, что не может способствовать сохранению других компонентов природных комплексов и в корне противоречит комплексному подходу. Квазикомплексные ООПТ («комплексность» которых лишь декларируется) ориентированы преимущественно на сохранение основных средообразователей — элементов рельефа, растений-эдикаторов, иногда — также позвоночных животных.

Представляется правомерной точка зрения, что большинство нынешних изолированных ООПТ, от компактных памятников природы (ПП) до биосферных заповедников, не способны надежно обеспечить сохранение биоразнообразия даже в актуальном масштабе времени. Дело не только в систематических нарушениях режимов природопользования и даже не в том, что относительно простые изолированные сообщества в микроландшафтах менее устойчивы к экологическим нарушениям; в реальном масштабе времени этим, в большинстве случаев (но не во всех, как будет показано ниже), можно пренебречь. Почти на всех ООПТ допускается ограниченная хозяйственная деятельность, которая, будучи не согласованной со специалистами, часто оказывается губительной для населения биогеоценозов, причем в большей степени для фауны. Так, сенокосение, выпас скота, рубки, ухода и даже выжигание травы, бывают необходимы для поддержания определенных фитоценозов и фиксации сукцессионных стадий, а в некоторых случаях, но в строго регламентированном объеме — для существования популяций многих видов насекомых. Поэтому не-

обходимо детально изучать все тонкости взаимоотношений в конкретных сообществах и разрабатывать оптимальные режимы подменяющего природопользования. До завершения столь сложного и длительного природного эксперимента представляется целесообразным более или менее полное заповедание исследуемого участка (Нухимовская, 1995).

Созданные в результате таких комплексных исследований компактные ООПТ мы предлагаем называть *биогеоценотическими* (микро- и мезоландшафтными) ПП, в дополнение к крупным — биосферным (макроландшафтным) нацпаркам, заказникам, заповедникам (Большаков, 1997, 1998). Термин «комплексный», в связи с его широким практическим толкованием, представляется целесообразным применять к природно-историческим, экологически значимым умеренно трансформированным и антропогенным ландшафтам. Узкая специализация ООПТ может быть оправдана только для особо уникальных точечных (дискретных) и некоторых микроландшафтных объектов (артефактов), сохранение которых либо должно быть достигнуто даже ценой утраты других (банальных или экологически незначимых) компонентов природных комплексов, либо возможно независимо от них.

Среди почти 60 имеющихся в пределах Тульской области ООПТ есть не менее 22 микроландшафтных ботанических и геологических ПП, являющихся рефугиумами угрожаемой биоты или их составной частью. Около 10 макро- и мезоландшафтных ПП, считающихся «комплексными», организовывались без участия квалифицированных энтомологов, и энтомологический аспект в их документации не отражен. Все ООПТ Тульской области требуют ревизии и упорядочения режимов природопользования, а также выделения охранных зон и экологических коридоров, т.е. формирование на первых порах местных участков (ячеек) ЭКТ.

Как выяснилось в ходе наших многолетних полевых исследований, в определенных биотопах, сохранившихся по неудобным для освоения местам, совместно обитают локальные виды растений и насекомых, не всегда консортивно связанные между собой. Гусеницы многих локальных видов чешуекрылых развиваются на обычных широко распространенных растениях, которые зачастую произрастают либо на иных участках биотопа (фациях), чем редкие локальные растения, либо в биотопах, в которых вообще нет редких растений. Некоторые из таких биогеоценозов, судя по всему, являются рефугиумами реликтовой биоты, экологически сопряженной с местообитаниями в гиперпространстве факторов. Если еще учесть, что взрослые насекомые (речь только о локальных видах) часто широко разлетаются из стаций преимагинального

развития, а видовой состав энтомофауны в нашем регионе минимум в 5 раз многочисленнее флоры, то можно сделать следующие выводы, которые можно проиллюстрировать отдельными примерами (из многих, которые невозможно описать в объеме статьи).

1. Биотопическое и стацциальное размещение локальной энтомофауны (особенно — лучше изученной лепидоптерофауны) может, наряду с основными системообразующими — геоморфологическими и геоботаническими — признаками биогеоценоза, служить важнейшим критерием, определяющим границы заповедуемой территории и режим природопользования. Следует учитывать, что экспресс-анализ биогеоценоза по энтомофауне может быть сделан лишь по локальным и достаточно плотным популяциям насекомых. Для редко встречающихся насекомых необходимо накопление статистических данных и анализ причин их редкости, т.к. они могут оказаться залетными (заносными).

2. Локальные и редкие фитоценозы в большинстве случаев не перекрывают все пространство угрожаемого биогеоценоза, а являются лишь его компонентом, занимающим отдельные фации. Следовательно, микроландшафтные ботанические ПП не могут «с ходу» преобразовываться в биогеоценотические, т.к. не включают в себя всю угрожаемую геобиоту. Почти все ныне имеющиеся в Тульской обл. ботанические ПП должны стать структурной частью расширенных (функционально и территориально) биогеоценотических ООПТ; насчет «комплексных» ПП выше уже сказано.

В лесостепных районах Тульской области, в лугово-степных изолытах (в некоторых из которых имеются ботанические ПП — урочища Нижний Дубик [Водяное Поле], Юрлевка [Татинки] и все места по реке Красивая Меча) пока еще обитают очень локальные, находящиеся на грани исчезновения, ценопопуляции двух видов чешуекрылых, занесенных в Красную книгу МСОП — голубянок *Maculinea telejus* (Bgstr.) и *M. nausithous* (Bgstr.). Эти бабочки — монофаги, трофически связанные с не очень редким (и неохраняемым) растением кровохлебкой лекарственной (*Sanguisorba officinalis* L.). Последняя обычно произрастает на низинных участках, которые не всегда входят в ПП и везде регулярно подвергаются тотальным сенокосам в период откладки бабочками яиц и развития молодых гусениц, что приводит к массовой гибели их с сеном. В этом случае (в качестве «пожарной меры») необходимо включить данное растение в число охраняемых и запретить его утилизацию.

В аналогичных методах заповедания нуждаются многие другие локальные виды чешуекрылых. Мы привели здесь лишь наиболее угрожаемые из них вследствие специфики пространственной структуры популяций.

3. В еще большей степени все только что сказанное касается большинства геологических ПП. Практически все точечные обнажения геологических структур расположены в угрожаемых лесостепных и лугово-степных биогеоценозах. Например, ПП «Белая Гора» на окраине Плавска (площадью всего 2,5 га) находится в лугово-степном изоляте, занимающим крутой склон площадью около 20 га. Естественно, что этот точечный геологический ПП должен войти в намного более крупный биогеоценозический.

Представляет интерес для биологических исследований такие, казалось бы, сугубо геологические объекты, как карстовые озера, Лихвинский разрез и система подземных ходов у села Гремячее.

4. Биогеоценозические ПП (микро- и мезоландшафтные) смогут выполнять свое предназначение — сохранение в полном составе локальной и угрожаемой геобиоты в историческом временном масштабе — только при условии скоординированной работы специалистов разного профиля во взаимодействии с землепользователями и местной администрацией как на этапе проектирования резервата, так и при проведении регулярного мониторинга и специальных мероприятий, которые в ряде случаев окажутся необходимы для поддержания заданного состояния (а в идеале — его улучшения). Нынешняя малочисленная группа энтузиастов в Тульской области сможет «осилить» ограниченное количество компактных ПП, которых в перспективе должно стать несколько сотен. Таким образом, увеличение числа ПП желательно сопровождать, во-первых, созданием местных ячеек экологического каркаса, которые должны снизить эндогенные и экзогенные нагрузки на резерваты в актуальном временном масштабе; во-вторых, — включать ПП в крупные ООПТ с относительно демократичным статусом (заказники, нацпарки), но со штатным персоналом.

Известный пример утраты охраняемого вида насекомого, когда это дело «пущено на самотек» — выпадение популяции бабочки Аполлон, *Parnassius apollo* (L.), в Приокско-Террасном заповеднике (Осипов, Самодуров, 1988), вида крупного и очень стенопного, особенно уязвимо от экологических нарушений (в т.ч., от спонтанного зарастания кустарником лесных полян), к тому же — коммерчески угрожаемого. В настоящее время на грани исчезновения из-за комплекса аналогичных причин находится популяция Аполлона в нацпарке «Угра» (восточнее Козельска Калужской обл.).

Более масштабный пример — печальная судьба Алексинского бора, постепенно превратившегося в рекреационную территорию со всеми вытекающими последствиями (Алюшин, 1982).

В долине реки Оки имеются различные по площади, составу и структуре участки хвойных и смешанных лесов с участием бореальных, неморальных и интразональных элементов, а также вторичные леса и насаждения. В Тульской и сопредельных областях эта полоса характеризуется наибольшим биоразнообразием и является рефугиумом специфической, экологически реликтовой и угрожаемой энтомофауны (Большаков, 1996, 1998). При этом некоторые консорции и локальные популяции насекомых какое-то время сохраняются в сильно трансформированных биогеоценозах, что указывает на сложную и глубокую природу их сопряженности с местообитаниями. По нашему мнению, вся долина Оки достойна стать биосферным резерватом, в котором можно смело заповедывать все хвойные и смешанные леса и насаждения, а также производные от них мелколиственные формации и открытые участки на песчаных почвах, используя любой из трех вышеупомянутых ведущих признаков биогеоценозов.

Литература

- Алюшин А.И., 1982. Растения Тульского края. — Т., Приокское кн. изд-во. 144 с.
- Большаков Л.В., 1996. Угрожаемые и редкие виды дневных чешуекрылых (Lepidoptera, Rhopalocera) лесных экосистем Окско-Жиздринского водораздела (Козельский р-н Калужской обл.)// Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Материалы Калужской НПК, апрель 1996 г. Часть II. — Калуга. С.132—142.
- Большаков Л.В., 1997. Проблемы сохранения биоразнообразия насекомых Тульской области// Краеведческие чтения, посвященные 220-летию Тульской губернии. Сб.тезисов докладов 18—19 декабря 1997 г. — Тула, «Гриф и К». С.116—118.
- Большаков, Л.В. 1998. Булавоусые чешуекрылые Тульской области. (Lepidoptera, Rhopalocera). Опыт дифференцированного хоролого-экологического и созобиологического анализа. — Тула. «Гриф и К». 64 с.
- Горностаев Г.Н., 1986. Проблемы охраны исчезающих насекомых//Итоги науки и техники. Серия «Энтомология». Т.6. — М., ВИНТИ. С.116—204.
- Кочуров В.И., 1995. Баланс экологии и хозяйства//Земля и Вселенная, 4—1995. С. 39—44.
- Нухимовская Ю.Д., 1995. Принципы управления лесным покровом в заповедниках//Проблемы сохранения разнообразия природы степных и лесостепных регионов. — М., КМК Scientific press LTD. С.70—71.
- Осипов И.Н., Самодуров Г.Д., 1988. Дневные бабочки Приокско-Террасного заповедника (эколого-фаунистический обзор). Пушино, ОНТИ НЦБИ. 22 с.
- Пономаренко С.В., Пономаренко Е.В., Офман Г.Ю., Хавкин В.П., 1994. Проект «Зеленая стена России». Каким образом можно создать территориальный экологический каркас и остановить экологическую деградацию ландшафтов России? — М., Социально-экологический союз. 24 с.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р., 1978. Особо охраняемые природные территории. — М., «Мысль». 295 с.

Тишков А.А., 1995. Формирование регионального природоохранного каркаса как основы устойчивого развития// Проблемы сохранения разнообразия природы степных и лесостепных регионов. Ред. Н.И. Золотухин и др. — М., КМК Scientific press Ltd. С. 241—242.

Л.В. Большаков,
научный сотрудник Объединения «Тульский объединенный историко-архитектурный и литературный музей»

Моле-листовертки (Lepidoptera, Choreutidae) Тульской области

Настоящая работа представляет продолжение цикла, освещающего фауну чешуекрылых Тульской области, и посвящена весьма немногочисленному, но хорошо обособленному семейству моле-листовертки (Choreutidae). Региональный эколого-фаунистический обзор данного таксона предпринимается впервые как для области, так и в Европейской России. О фауне моле-листоверток отдельных макрорегионов до сих пор можно было судить лишь в самых общих чертах, по работе А.С. Данилевского и В.И. Кузнецова (1981), акцентированной на описании морфологии имаго, но обобщающей и некоторые аспекты зоогеографии, биологии и экологии видов фауны СССР. В отдельных региональных фаунистических сводках можно встретить данные, лишь констатирующие немногие находки видов моле-листоверток.

Материал по Choreutidae Тульской области собран с 1983 по 1998 гг. в основном автором данной статьи, при участии В.Н. Крылова, А.Ф. Лакомова, С.А. Рябова и хранится в фондах Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей». Таксономическая идентификация проведена Л.В. Большаковым. Автор сердечно благодарит сборщиков материала, а также А.В. Свиридова и Е.М. Антонову (Зоологический музей МГУ), оказывающих разностороннюю помощь при проведении исследований.

На исследованной территории обнаружено 6 видов Choreutidae, список которых приводится ниже. Система и номенклатура принята по вышеупомянутой работе (Данилевский, Кузнецов, 1981), на основании которой также даны ареалогические характеристики видов, сведения о стадиях зимовки и кормовых растениях гусениц. Аннотации видов содержат оригинальные данные об объеме

исследованного материала, местонахождениях, сроках лёта, частоте встречаемости, зональной, биотопической и (или) стациональной приуроченности бабочек. Для очень редких авторских находок приводятся их конкретные даты и другие обстоятельства поимки. Координаты местонахождений, а также принятая шкала частоты встречаемости видов, указаны в работе по разноусым чешуекрылым Тульской области (Свиридов, Большаков, 1997).

1. *Anthophila fabriciana* (L.)

Циркумпозитональный вид.

Материал: 27 экз. Агролес, Далматовка, Иншинский, Камышенка, Косая Гора, Ланьшинский [4 км на запад от Приокской], Лупишки, Медвежка, Орлово, Приокская, Рассвет, Скуратовский [здесь и далее — Ленинского района], Струково, Тула, Черепеть, Ясная Поляна. Конец мая — середина сентября, не менее 2 генераций, бабочки зимуют. Часто.

Эвритопный лесо-луговой мезофил. Встречается преимущественно в лесной зоне, в лесах и посадках всех типов, по сыроватым разрежениям и опушкам. Бабочки держатся на кустарниках и широколиственных травах, предпочитая заросли крапивы — одного из кормовых растений гусениц.

2. *Choreutis diana* (Hbn.)

Циркумтемператный вид.

Материал: Берники, 3.08.1995, 1 самка, опушка сосново-широколиственного леса.

3. *Choreutis pariana* (Cl.)

Голарктический полизональный вид.

Материал: 7 экз. Косая Гора, Менделеевский, Тула. Конец апреля — сентябрь, не менее 2 генераций, бабочки зимуют. Редок.

Синантропофильный лесо-луговой вид. Все находки — в административных границах г. Тулы, в садово-парковых ценозах. Бабочки держатся, в основном, на кустарниках и травах, изредка прилетают на свет.

4. *Prochoreutis myllerana* (F.)

Транспалеарктический температурный вид.

Материал: Варушницы, 3.08.1997, 1 самец; Косая Гора, 21.08.1998, 1 самец.

По-видимому, умеренно стенотопный лесо-луговой мезофил. Находки в старых смешанных и широколиственных лесах, по разнотравным полянам.

5. *Prochoreutis sehestediana* (F.)

Евро-Кавказский температурный вид.

Материал: Варушницы, 3.08.1997, 1 самка; Ланьшинский, 25.07.1998, 1 самец; Скуратовский, 19.06.1997, 1 самец; Тула,

4.08.1997, 1 самка; Черепеть, 13.08.1997, 1 самец. Возможно 2 генерации (тогда первая факультативна).

Умеренно стенотопный лесо-луговой мезофил. Собран в лесной зоне, в экосистемах старых смешанных и широколиственных лесов и лесопарков, по разнотравным опушкам и полянам.

6. *Prochoreutis ultimana* (Krul.)

Субтрансевразиатский (на запад — до Скандинавии, Польши) бореальный вид.

Материал: Дедиловские Выселки, 16.07.1998, 1 самка, опушка старого широколиственного леса.

Анализ изложенного материала показывает, что в пределах Тульской области обнаружены почти все виды Choreutidae [кроме *Tebenna bierkandrella* (Thnbg.)] ранее указанные для центра Европейской России (Данилевский, Кузнецов, 1981), 3 вида из нашего списка имеют обширные гомарктические ареалы, 2 вида — транс-палеарктические и 1 — западнопалеарктический. Не исключено, что бореальный вид *P. ultimana* на исследованной территории находится близ южной границы распространения, обусловленной переходом от лесной зоны к лесостепной.

Почти все виды Choreutidae (кроме *A. fabriciana*) в условиях Тульской области встречены в лесной зоне. Весьма вероятно, что некоторые из них (особенно, синантропофильный *Ch. pariana*) имеют локалитеты в лесостепных районах. Редкая встречаемость большинства видов моле-листоверток пока не позволяет приступать к комплексному анализу этого таксона, однако основные черты регионального экологического облика видов вполне различимы. Предлагаемое ниже обсуждение опирается на ранее выполненный анализ региональных фаун булавоусых чешуекрылых (Rhopalocera) и огневок (Pyraustidae, Crambidae) (Большаков, 1998; а также работа в печати).

Бабочки всех видов моле-листоверток активны преимущественно днем. При некотором навыке их можно уверенно находить в характерных стациях. Имаго хорошо узнаваемы в позе покоя: они обычно садятся на поверхность листьев и частично расправляют крылья (примерно на 30° от горизонтали), что придает им сходство с булавоусыми, особенно — с толстоголовками (Hesperiidae). Несомненно, что моле-листовертки весьма оседлы и не способны к сколько-нибудь существенным миграциям.

Виды *Anthophila* и *Choreutis* зимуют на стадии имаго. Более обильные из них развиваются не менее, чем в 2 генерациях и летают с поздней весны до ранней осени, причем более многочисленны поздние (зимующие) генерации. В некоторые годы у этих видов (а также, вероятно, у редкого *Ch. diana*), возможно, развивается только

одна зимующая генерация. Виды *Prochoreutis* зимуют на преимагинальных стадиях и летают в летний период (отмечены преимущественно во второй половине или в самом конце лета). Редкая встречаемость почти всех видов семейства (кроме *A. fabriciana*) может быть обусловлена не только низкой плотностью популяции, но и кратковременностью лета бабочек, что повышает уязвимость ценопопуляций от случайных неблагоприятных факторов.

Согласно литературным данным о пищевых связях гусениц *Ch. diana* — дендрофаг и монофаг (на березе), *Ch. pariana* — дендротамнофаг и олигофаг (на розоцветных), остальные виды — хортофаги: *A. fabriciana* факультативный полифаг (на крапивах и бумрачниковых), а исследованные виды *Prochoreutis* — олиго- или монофаги (на губоцветных). Бабочки всех видов имеют вполне развитый хоботок, однако антофилия для них не очень характерна. Нам доводилось встречать их сидящими на цветках значительно реже, чем на поверхности листьев, где, видимо, они и находят большинство необходимых питательных веществ.

Все виды *Choreutidae* мезофильны, сопряжены с лесными экосистемами и относятся к лесо-луговой экологической подгруппе. Среди моле-листоверток представлены оба основных экологических типа: дендро(тамно)фаги и фанеробионты (виды *Choreutis*), а также хортофаги и хортотамнобионты (остальные виды). Распределение видов по комплексному градиенту, отражающему, в конечном счете, степень потенциальной уязвимости их местообитаний, показывает, что 2 вида способны развиваться в культурных ландшафтах. Из них *Ch. pariana* синантропофил, так как найден пока только в садово-парковых ценозах, но *A. fabriciana* проникает в подобные сообщества лишь местами. Остальные виды, судя по всему, сопряжены с типичными условно дикими лесными биогеоценозами. Три наиболее редких вида (*Ch. diana*, *P. myllerana*, *P. ultimana*) на исследованной территории можно признать угрожаемыми, однако в системе созобиологической дифференциации региональной энтомофауны (Большаков, 1998) они пока могут быть отнесены к категории «недостаточно изученные».

Несмотря на небольшой видовой состав и невысокое обилие в стациях, моле-листовертки вполне могут служить биоиндикаторами состояния своих местообитаний — природных комплексов малой размерности. Присутствие популяций автохтонных видов насекомых является одним из основных критериев, определяющим созобиологическую значимость природных комплексов, а изучение пространственной структуры популяций, экологии и биологии индикаторных видов позволяет установить границы природных резерватов и других элементов экологического каркаса терри-

тории, а также выработать оптимальные режимы природопользования. Редкие и угрожаемые виды насекомых должны стать приоритетным объектом дальнейших исследований.

Литература

Большаков Л.В. 1998. Булавоусые чешуекрылые Тульской области (Lepidoptera, Rhopalocera). Опыт дифференцированного хоролого-экологического и созобиологического анализа. — Тула, «Гриф и К°», 64 с.

Большаков Л.В. (в печати). Закономерности зоогеографии и экологии огневков ширококрылых и травянок (Lepidoptera, Pyraustidae, Crambidae) Калужской и Тульской областей // Бюлл. МОИП. Отд. биол.

Данилевский А.С., Кузнецов В.И. 1981. 22 Сем. Choreutidae — моле-листозвертки или хореутиды // Определитель насекомых Европейской части СССР. Т. IV. Чешуекрылые. Ч.2. — Л., «Наука». С.103–136.

Свиридов А.В., Большаков Л.В. 1997. Разноусые чешуекрылые Тульской области (Lepidoptera, Macroheterocera excl, Noctuidae, Geometridae). Аннотированный список видов. — Тула. «Гриф и К°». 40 с.

И. В. Шмытова, к. б. н.,

ученый секретарь Калужского государственного
объединенного краеведческого музея

Находки редких видов чешуекрылых в бассейне верхней и средней Угры (Смоленская область)

по материалам экспедиций 1997–1998 гг.

Изучение фауны и флоры Смоленского участка реки Угры было предпринято с целью возможной организации там природного национального парка.

Передо мной стояла задача качественной и количественной оценки состава лепидоптерофауны исследуемой территории.

Фундаментальные работы, посвященные данной теме, отсутствуют. Информацию о бабочках в Красной книге Смоленской области (1997 г.) вряд ли можно считать серьезным научным трудом, поэтому анализ распространения видов базировался на результатах собственных многолетних исследований в Калужской области, работах по Московской области, а также на работах по Окскому бассейну в Тульской области (Сироткин, 1986; Шмыто-

ва 1990, 1995, 1996 а, б, 1997, 1998 а, б; Чешуекрылые Приокско-Террасного заповедника, 1994; Большаков, 1995, 1996, 1997, 1998; Антонова, Большаков, 1995; Свиридов, Большаков, 1997а, б, 1998; Красная книга Московской области, 1998).

Использовалась общепринятая методика сборов, монтировки и определения Lepidoptera.

Было собрано около 600 экземпляров, относящихся более чем к 30 семействам, обработанный материал хранится в фондах Калужского областного краеведческого музея.

Использованные сокращения: МО — Московская область, КО — Калужская область.

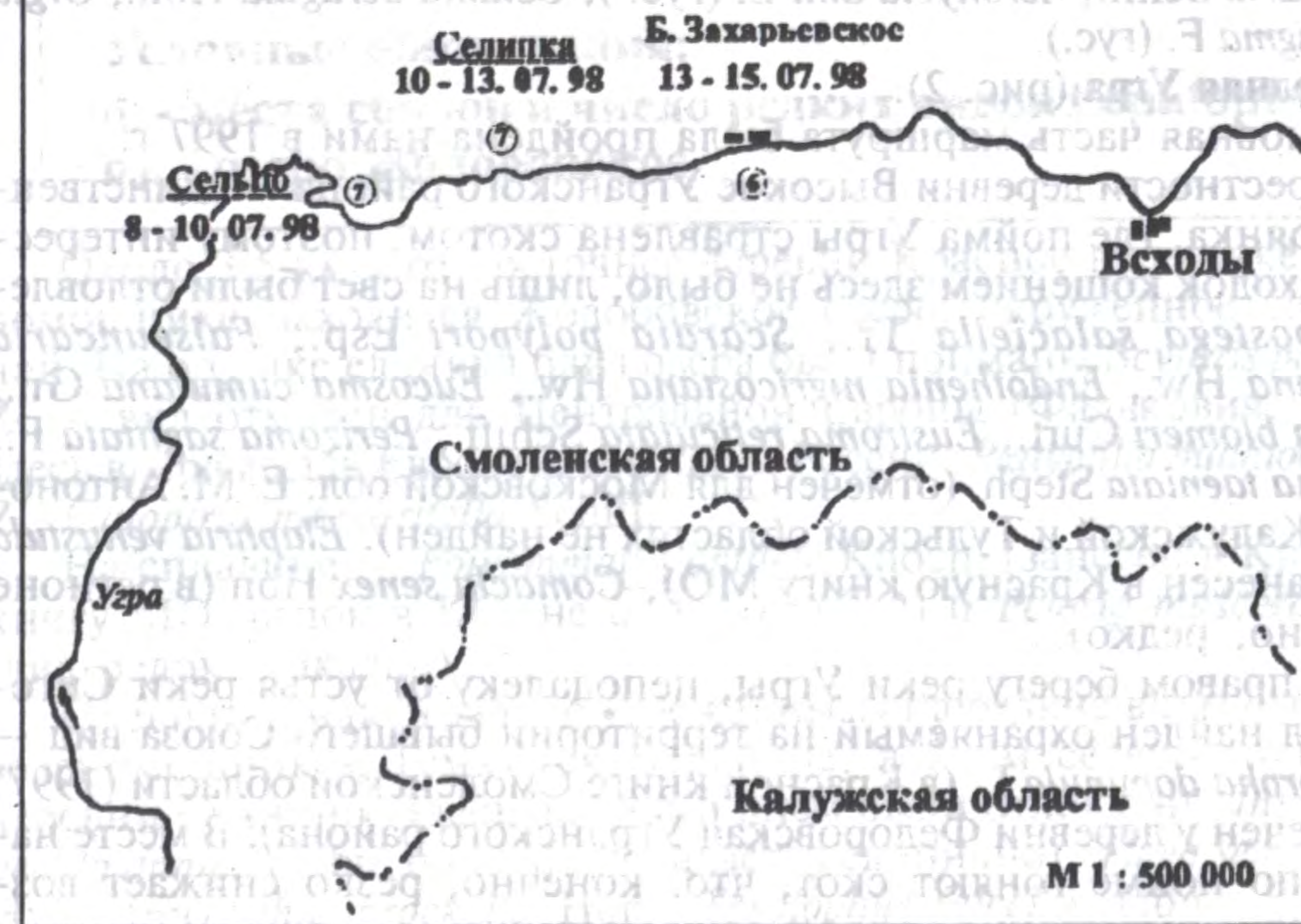
Верхняя Угра (рис. 1).

Самым «удаленным» от цивилизации местом была стоянка на левом берегу Угры, напротив бывшей деревни Сельцо Угранского района (35 км северо-западнее поселка Вихоры).

Рис. 1 Маршрут экспедиции "Угра-98".

Условные обозначения:

(1) - места сборов и число редких видов Lepidoptera

На пойменном лугу были пойманы *Opostega salaciella* Tr. и *Oxyptilus pilosella* Z., а на небольших суходольных притеррасных луговинах — *Ochsenheimeria bisontella* Z., *Odezia atrata* L., *Melitaea diamina* Lang., *Plebeius argus* L. (последний вид не очень редок, но локален); на свет — *Hemitea aestivaria* Hbn.

У бывшей деревни Селипка (27 км северо-западнее поселка Виходы) на притеррасных луговинах были отловлены *Aethes kindermanniana* Tr., *Clepsia strigana* Hbn., *Celypha rufana* Sc., *Celama aerugula* Hbn. (*centonalis* Hbn.), *Boloria eunomia* Esp (*aphirape* Hbn.) — занесен в Красную книгу МО, редок в КО, не отмечается в ТО; *Chrysophanus dispar* Haw. (занесен в Красную книгу МО, в КО и ТО нередок, в пойме Угры довольно обычен).

На опушке ельника-зеленомошника — *Olethreutes arcuella* Cl. На левом берегу реки Угры, в сосняке-зеленомошнике у деревни Б. Захарьевское был пойман 1 экземпляр уникального вида — *Eversmannia exornata* Ev. — единственного представителя семейства *Epiplemidae* в Западной Палеарктике. В европейской части России известно всего 9 местонахождений этого вида — в Московской, Рязанской, Ивановской, Брянской и Тульской областях (Dubatolov, Antonova, Kosterin 1993). Очевидно, что это место сбора — самая западная точка нахождения этого вида в России в настоящее время.

На этой же стоянке были отмечены *Phiaris olivana* Tr., *Epione parallellaria* Schiff, *Acronycta alni* L. (гус.), *Celama aerugula* Hbn., *Orgia gonostigma* F. (гус.).

Средняя Угра (рис. 2).

Основная часть маршрута была пройдена нами в 1997 г.

Окрестности деревни Высокое Угранского района — единственная стоянка, где пойма Угры стравлена скотом, поэтому интересных находок кошением здесь не было, лишь на свет были отловлены *Opostega salaciella* Tr., *Scardia polypori* Esp., *Falseuncaria ruficiliana* Hw., *Endothenia nigricostana* Hw., *Eucosma cumulana* Gn., *Venusia blomeri* Curt., *Eustroma reticulata* Schiff., *Perizoma sagittata* F., *Perizoma taeniata* Steph. (отмечен для Московской обл. Е. М. Антоновой, в Калужской и Тульской областях не найден), *Elaphria venustula* Hbn (занесен в Красную книгу МО), *Comacla senex* Hbn (в регионе локально, редко).

На правом берегу реки Угры, неподалеку от устья реки Сигосы, был найден охраняемый на территории бывшего Союза вид — *Callimorpha dominula* L. (в Красной книге Смоленской области (1997) он отмечен у деревни Федоровская Угранского района). В месте находки по пойме гоняют скот, что, конечно, резко снижает возможности «выживания» вида в этих местах.

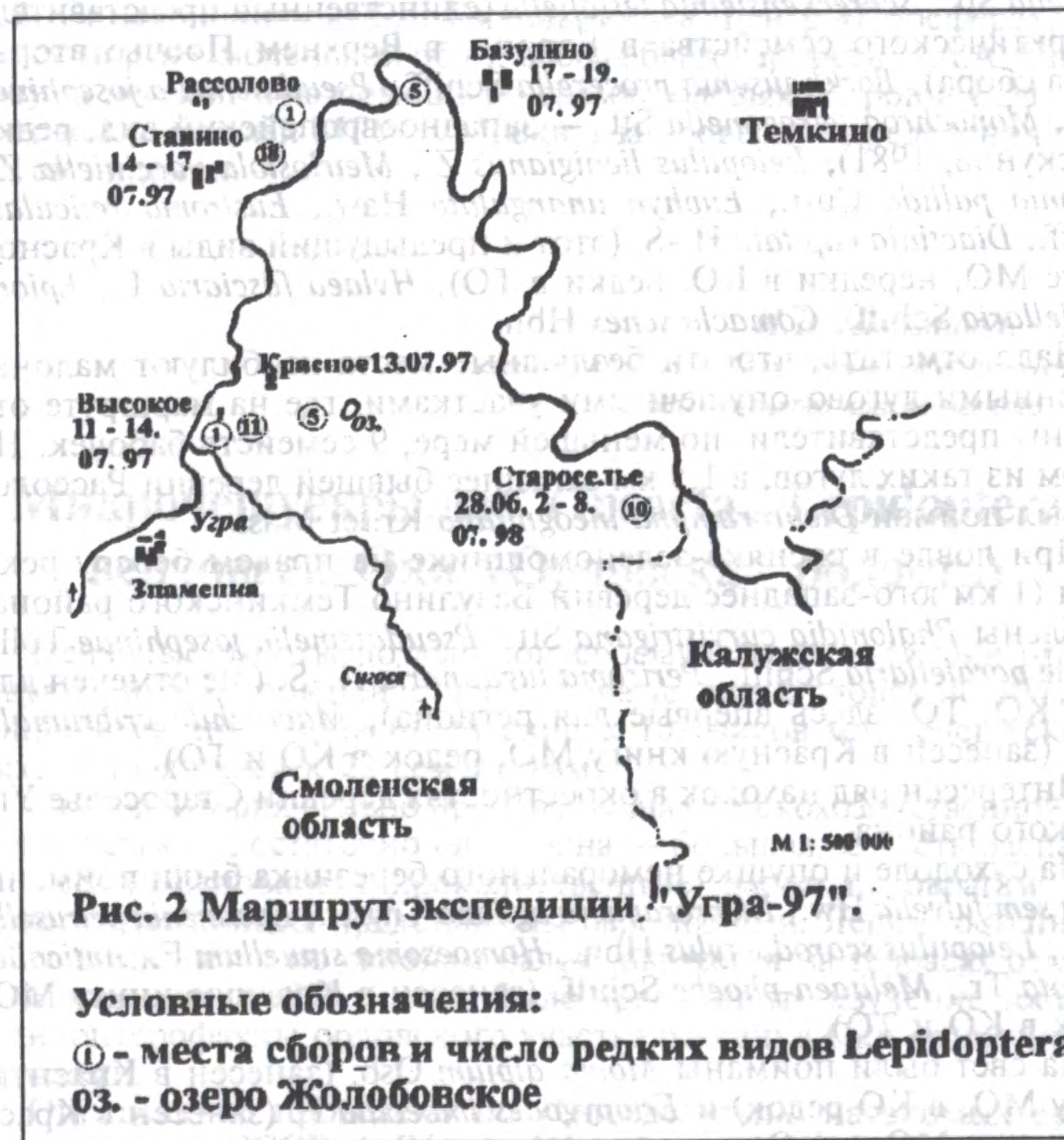

Рис. 2 Маршрут экспедиции "Угра-97".

Условные обозначения:

- ① - места сборов и число редких видов *Lepidoptera*
- оз. - озеро Жолобовское

Около 3,5 км юго-восточнее деревни Красное в ельнике-зеленомошнике находится Жолобовское озеро, окруженное сплавиной. На опушке ельника близ озера были пойманы *Scythris palustris* Z. — вид отмечен для Центральной Европы (Фалькович, 1981), здесь впервые для Европейской части России, *Platyptilia miantodactyla* Z., *Catoptria margaritella* Schiff.

На сплавине — *Polyommatus optilete* Knoch. (занесен в Красную книгу МО, редок в КО, не отмечен в ТО) и *Pelosia muscerda* Hfn (вид редок, локален).

Очевидно, максимально «урожайным» на редкие виды был бор-зеленомошник в Темкинском районе, в 2 км северо-восточнее деревни Станино. Здесь на свет и днем были отловлены *Incurvaria oechlmanniella* Hbn. (обычно попадает единично), *Tinea semifulvella* Hw., *Argyresthia brockella* Hbn., *Ypsolophus falcellus* Hbn., *Elachista*

alpinella Stt., *Schreckensteinia festaliella* (единственный представитель голарктического семейства в Европе, в Верхнем Поочье вторая точка сбора), *Borkhausenia procerella* Schiff., *Pseudatemelia josephinae* Toll., *Monochroa tetragonella* Stt. — западноевропейский вид, редко (Пискунов, 1981), *Leioptilus lienigianus* Z., *Metriostola vacciniella* Z., *Eudonia pallida* Curt., *Euphya unangulata* Haw., *Eustroma reticulata* Schiff., *Diactinia capitata* H.-S. (этот и предыдущий виды в Красной книге МО, нередки в КО, редки в ТО), *Hylaea fasciaria* L., *Epione paralellaria* Schiff., *Comacla senex* Hbn.

Надо отметить, что эти безлюдные места изобилуют малонарушенными лугово-опушечными участками, где на маршруте отмечены представители, по меньшей мере, 9 семейств бабочек. На одном из таких лугов, в 1,5 км западнее бывшей деревни Рассолово, был пойман *Dichrorampha incognitana* Kr. et Masl.

При ловле в сосняке-зеленомошнике на правом берегу реки Угры (1 км юго-западнее деревни Базулино Темкинского района) выявлены *Phalonidia curvistrigana* Stt., *Pseudatemelia josephinae* Toll., *Epione paralellaria* Schiff., *Perizoma lugdunaria* H.-S. (не отмечен для МО, КО, ТО, здесь впервые для региона), *Macrochilo cribrumalis* Hbn. (занесен в Красную книгу МО, редок в КО и ТО).

Интересен ряд находок в окрестностях деревни Староселье Угранского района.

На суходоле и опушке неморального березняка были пойманы *Tinea semifulvella* Hw., *Dichrorampha agilana* Tngstr., *Epermenia petrusella* Heyl., *Leioptilus scarodactylus* Hbn., *Homoesoma sinuellum* F., *Anticollix sparsata* Tr., *Melitaea phoebe* Schiff. (занесен в Красную книгу МО, редок в КО и ТО).

На свет были пойманы *Moma alpium* Osb. (занесен в Красную книгу МО, в КО редок) и *Eriopygodes imbecilla* F. (занесен в Красную книгу МО, в КО редок, очень локален).

4—6 июля на некошенной луговине в пределах деревни в сумерки, при низкой температуре (8°С), наблюдался массовый лет *Comacla senex* Hbn.

Выводы.

1. В ходе исследований в бассейне верхней и средней Угры в Смоленской области нами отмечено 64 редких вида чешуекрылых. 63 из них впервые приводятся для Смоленской области. 1 вид приводится впервые для Европейской части России.

2. Очевидно, что сохранение этих, пока малонарушенных мест, необходимо и возможно через создание здесь смоленского участка национального парка «Угра».

В заключение благодарю членов клуба «Следопыт» и их руководителя А.А. Могильнер (г. Обнинск Калужской области),

Д.В. Синельникова и Д.Д. Синельникова (центр «Ноосфера», Угранский р-н Смоленской обл.); особая благодарность — А.А. Шмытову за неоценимую помощь во время полевых сборов и Е.М. Антоновой (Зоомузей МГУ, г. Москва) за проверку определения ряда видов пядениц.

И.В. Шмытова, к. б. н.,
ученый секретарь Калужского государственного
объединенного краеведческого музея

Микрочешуекрылые (Insecta, Lepidoptera) верховьев Оки (Орловская область)

Печатные работы по лепидоптерофауне верховьев Оки отсутствуют, и в настоящей статье впервые для Орловской области приводится аннотированный список 102 видов микрочешуекрылых, относящихся к 22 семействам.

Эта территория сильно преобразована сельскохозяйственной деятельностью и достаточно однородна — большая её часть распахана, леса (в основном широколиственные) растут по оврагам, полезащитные полосы представлены березняками. Легкая остепненность встречается по склонам балок, оврагов и на террасах рек.

В мае—июне 1998 г. нами было предпринято изучение состава лепидоптерофауны орловского участка бассейна Оки различными методами.

Определение проведено по «Определителю насекомых европейской части СССР» т. IV ч. I—III, т. 5 вып. 1 и т. 4 вып. 3 «Фауны СССР»; по этим же источникам указана номенклатура. Обработанный материал хранится в фондах КОКМ.

Использованные сокращения:

Г — окрестности д. Головлёво (12 км ю-з г. Мценска), остепненные луговины и разреженная посадка дуба.

Ч — окрестности д. Чернодье (24 км ю г. Кромы), дубрава и березняк неморальный.

Т — окрестности д. Тагино (20 км ю пос. Глазуновка), пойменные луга, террасы р. Оки и широколиственный лес.

З — окрестности д. Зубари (7 км с. г. Болхова), пойменные луга в долине р. Рог, остепненные склоны и широколиственный лес.

Автор благодарит Шмытовых Александра Анатольевича и Анатолия Афанасьевича за неоценимую помощь во время полевых сборов.

СПИСОК ВИДОВ.

1. *Micropteryx aruncella* Sc. 3 22.06, Т. 24.06.
2. *Micropteryx silesiaca* Toll. Т. 24.06
3. *Hepialus humuli* L. Т. 23. 06
4. *Opostega salaciella* Tr. Ч. 22. 06
5. *Nematopogon swammerdamellus* L. Т. 19. 05
6. *Adela degeerella* L. 3 22.06, Ч. , Т. 23. 06
7. *Adela fibulella* Schiff. Т. 19. 05
8. *Tinea semifulvella* Hw. Т. 24. 06
9. *Monopis monachella* Hbn. Ч. 23. 06
10. *Zygaena meliloti* Esp. Т. 24. 06
11. *Zygaena scabiosae* Sch. Ч. 22. 06
12. *Falseuncaria ruficiliana* Hw. Ч. 19. 05
13. *Cochylis flaviciliana* Westw. Ч. 22. 06
14. *Aethes hartmanniana* Cl. Г. 18. 05
15. *Aethes margaritana* Hw. Ч. 23. 06
16. *Eana argentana* Cl. 3. 22. 06
17. *Eana incanana* Stph. 3. 22. 06
18. *Choristoneura diversana* Hbn. Т. 24. 06
19. *Pandemis heparana* Schiff. Ч. 23. 06
20. *Aphelia unitana* Hbn. Ч. 22. 06
21. *Archips crataegana* Hbn. Ч. 23. 06
22. *Archips xylosteana* Ч. 22. 06
23. *Archips podana* Sc. Т. 24. 06
24. *Syndemis musculana* Hbn. Г. 18. 05, Ч. 19. 05
25. *Bactra lacteana* Car. Ч. 22. 06
26. *Hedya ochroleucana* Frol. Ч. 22. 06
27. *Celypha cespitana* Schiff. 3. 22. 06, Т. 23.
28. *Celypha striana* Schiff. Ч. 22. 06, Т. 23. 06.
29. *Apotomis capreana* Hbn. Ч. 22. 06
30. *Syricoris rivulana* Sc. Ч. 22. 06
31. *Endothenia nigricostana* Hw. 3. 20. 05
32. *Endothenia quadrimaculata* Hw. Т., Ч. 23. 06.
33. *Ancylis laetana* F. Г. 18. 05, 3. 20. 05
34. *Ancylis mitterbacheriana* Schiff. Г. 18. 05
35. *Ancylis obtusana* Hw. Ч. 19. 05
36. *Ancylis unculana* Hw. Ч. 22. 06
37. *Epinotia cineriana* Hw. 3. 20. 05
38. *Epinotia stroemiana* F. Г. 18. 05
39. *Epinotia tetraquetra* Hw. Г. 18. 05, Ч. 19. 05
40. *Gypsonoma dealbana* Frol. Ч. 22. 06
41. *Gypsonoma oppressana* Tr. Ч. 22. 06
42. *Notocelia uddmanniana* L. Т. 23. 06
43. *Thiodia citrana* Hbn. Ч. 22. 06
44. *Dichrorampha aeratana* P. et M. Ч. 22. 06
45. *Dichrorampha alpinana* Tr. Ч. 22. 06
46. *Dichrorampha nigrobrunnea* Toll. 3. 22. 06
47. *Dichrorampha obscuratana* Wolf. 3. 20. 05, Ч. 22. 06
48. *Grapholitha compositella* F. Г. 18. 05

49. *Grapholita pallifrontana* Z. Ч. 22. 06
50. *Lathronympha strigana* F. Ч. 22. 06
51. *Anthophila fabriciana* L. Ч. 22, 23. 06
52. *Caloptilia alchimiella* Sc. Т. 19. 05
53. *Calybites auroguttella* Stph. 3. 20. 05, 22. 06, Ч. 22. 06
54. *Parornix betulae* Stt. Ч. 19. 05, 3. 20. 05
55. *Lithocolletis corylifoliella* Hw. Г. 18. 05
56. *Lithocolletis harrisella* L. Т, Ч. 19. 05, 3. 20. 05
57. *Lithocolletis insignitella* Z. Ч. 19. 05
58. *Lithocolletis pyrifoliella* Grsm. Г. 18. 05
59. *Lithocolletis pomiella* Grsm. Г. 18. 05, Ч. 19. 05
60. *Lithocolletis scopariella* Z. Ч. 19. 05, Т. 24. 06
61. *Yponomeuta evonymellus* L. Т. 23. 06
62. *Plutella macullipennis* Curt. Г. 18. 05, Т. 19. 05, 3. 20. 05
63. *Argyresthia goedartella* L. 3. 22. 06, Ч. 23. 06
64. *Argyresthia retinella* Z. Ч. 22, 23. 06
65. *Epermenia illigerella* Hbn. . 22. 06, Т. 24. 06
66. *Epermenia dentella* Z. 3. 22. 06
67. *Elachista pullicomella* Z. Т. 19. 05, 3. 22. 06
68. *Diurnea fagella* Schiff. Ч. 19. 05
69. *Semioscopis steinkellneriana* Schiff. Т. 18. 05
70. *Agonopterix angelicella* Hbn. Т. 24. 06
71. *Agonopterix heracliana* L. Т. 18. 05
72. *Ethmia funerella* F. Т. 23. 06
73. *Gelechia muscosella* Hw. Т. 24. 06
74. *Metzneria lappella* L. Т. 24. 06
75. *Eulamprotes atrella* Schiff. Ч. 22. 06
76. *Bryotropha terrella* Schiff. 3. 20. 05
77. *Bryotropha senectella* Z. Ч. 20. 05
78. *Acompsia cinerella* Ч. 22., 23. 06
79. *Brachmia dimidiella* Schiff. Ч. 22. 06
80. *Anacampsis blattariella* Hbn. Ч. 22. 06
81. *Pterophorus pentadactylus* L. 3. 22. 06, Т. 23. 06
82. *Platyptilia pallidactyla* Hw. 3, Ч. 22. 06
83. *Stenoptilia stigmatodactyla* L. 3, Ч. 22. 06, Т. 23. 06
84. *Geina didactyla* L. Ч. 22. 06
85. *Merifieldia fuscolimbata* Dup. 3. 22. 06
86. *Merifieldia leucodactyla* Schiff. 3. 22. 06
87. *Scoparia arundinalis* Thnb. Ч. 22, 23. 06
88. *Scoparia basistrigalis* Knaggs. 3, Ч. 22. 06
89. *Scoparia arundinalis* Thnb. Ч. 22, 23. 06
90. *Sitochroa verticalis* L. Ч. 22. 06, Т. 24. 06
91. *Ostrinia nubialis* Hbn Ч. 22. 06
92. *Eurrhypara hortulata* L.
93. *Phlyctaenia coronata* Hfn. Ч. 22. 06, Т. 23. 06
94. *Anania verbascalis* Schiff. Ч. 23. 06

- 06 95. *Udea olivalis* Schiff. Т. 23.
06 96. *Udea prunalis* Schiff. Т. 23.
18. 05, 3., Ч. 22. 06
97. *Nomophila noctuella* Schiff. Т.
06, Т. 23. 06
98. *Pleuroptya ruralis* Sc. Ч. 22.
22. 06, Т. 23. 06
99. *Chrysoteuchia culmella* L. Т.
23. 06
100. *Crambus nemorellus* Hbn. 3,
Ч. 22. 06
101. *Crambus pascuellus* L. 3. 22.
06, Ч. 23. 06, Т. 24. 06
102. *Crambus perlellus* Sc. 3., Ч.
22. 06, Т. 23. 06.

И. В. Шмытова, к. б. н.,
ученый секретарь Калужского государственного
объединенного краеведческого музея

Нолиды (Lepidoptera, Nolidae) верхней Оки

Бабочки-нолиды составляют небольшое семейство, в бассейне верхней Оки представленное пока всего четырьмя видами. (Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Свиридов, Большаков, 1997). За многие годы исследований накопился материал по конкретным местам находок этих чрезвычайно редких бабочек. Публикация всех известных мест сбора нолид и является задачей этой статьи.

Новейшие сборы были сделаны на территории Калужской области в 1992—1997 гг. и в Смоленской области в 1997—1998 гг. автором статьи (если не помечено иначе) и в Тульской области — Л. В. Большаковым (г. Тула, объединение ТОИАМ) в 90-х гг.

Использовалась традиционная для подобных работ методика исследований, отлов в основном производился на свет керосиновой лампы и ДРЛ-250.

Номенклатура приведена по каталогу Karsholt & Razowski (1996 г.)

Кормовые растения гусениц указаны по литературным данным (Koch, 1984).

Использованные сокращения: К. о. — Калужская область, Т. о. — Тульская область, См. о. — Смоленская область, гус. — гусеница.

Meganola strigula (Den. et Schiff., 1775)

К. о.: с. Л. Толстого (20 км с-з г. Калуги), 17. 06. 1992, 1 экз., бор неморальный; 1 км с. пос. Грачевский (22 км ю-в г. Козельска), 31. 05, 4 экз.; 1. 06. 1995, 2 экз., опушка дубово-ясеневое леса.

Т. о.: Песоченский, 8. 07. 1992, 1 экз., в старом хвойно-широколиственном лесу.

Вид встречается локально, единично, редко; гусеницы на дубе, липе.

Nola cucullatella (L., 1758)

К. о.: д. Извеково (15 км с-з с. Бабынино), 15. 07. 1994, 1 экз.

Встречается единично, редко; гусеницы на терне, яблоне, сливе, рябине, боярышнике.

Nola confusalis (H.-S., 1847)

К. о.: окр. г. Калуги (Чернышов, 1919); Отрада (11 км ю-з г. Козельска) 21. и 22. 05. 1995, 5 экз., в старом хвойно-широколиственном лесу; 1 км с. пос. Грачевский (22 км ю-в г. Козельска), 31. 05. 1995, 2 экз., 1. 06. 1995, 1 экз., опушка дубово-ясеневое леса; г. Калуга (городской бор), 25. 05. 1995, 2 экз.

Т. о.: Камышенка, 6. 06. 1992, 1 экз.; Чекалин, 8. 06. 1991, 1 экз. В старых смешанных лесах.

Встречается единично, локально; гусеницы на дубе, чернике.

Celama aerugula (Hbn., 1793) (*centonalis* Hbn.)

К. о.: ст. Калуга II, 1964 г., М. И. Сироткин, 1 экз.; окр. д. Сивково (15 км ю-з г. Калуги), 27. 06. 1995, 1 экз., 3. 07. 1994, 1 экз., долина р. Оки; 1 км с. д. Наволоки (20 км ю-в г. Калуги), 9. и 11. 07. 1996, 5 экз., А. А. Шмытов, бор неморальный на террасах р. Оки; д. Терebenь (12 км ю-в с. Хвастовичи), 26. 07. 1995, 1 экз.; д. Озерки (10 км в г. Юхнов), 29. 07. 1997, 1 экз., опушка смешанного леса.

См. о.: бывшая д. Сельцо (35 км с-з пос. Выходы) 9. 07. 1998, 1 экз. лев. берег р. Угры, опушка бора; с. Б. Захарьевское (15 км с-з пос. Выходы), 14. 07. 1998, 1 экз., окраина бора-зеленомошника.

Встречается очень локально, единично, редко; гус. на лядвенце рогатом, клевере луговом, эспарцетах.

Интересно проследить особенности распространения некоторых нолид.

Вероятней всего, самым редким видом из них является *Nola cucullatella* L. Это может быть связано со следующими причинами: известно, что бабочки лучше летят на более сильные источники света (например, на лампы ДРЛ), а такой отлов проводился довольно редко и возможен не везде; кроме этого, возможно, необходима большая «концентрация» кормовых растений (в данном случае плодовых розоцветных), что наиболее вероятно в агроценозах.

Последняя причина, очевидно, определяет и распространение *Celama aerugula* Hbn. преимущественно по долине р. Оки и ее крупных притоков, где растет масса представителей т. н. «окской флоры» — растений сем. бобовых.

Все виды нолид рекомендованы мной для занесения в Красную книгу Калужской области.

Автор благодарит А. А. и М. А. Шмытовых, Е. А. Телеганову за помощь во время полевых сборов.

В.А. Марголин, к.б.н., доцент,

лаборатория зоологического мониторинга

Калужского государственного педагогического университета

им. К.Э. Циолковского;

М.А. Черников,

главный специалист Госкомитета по охране окружающей среды Калужской области

К изучению миноговых Калужской области

В центральных регионах европейской России обитает два вида — украинская минога (*Eudontomyzon mariae* Berg, 1931) и ручьевая (*Lampetra planeri* Bloch, 1784). Первая занесена в Красную книгу РФ, как очень редкий вид с неуклонно сокращающейся численностью и при дальнейшем воздействии отрицательных факторов он может в короткие сроки попасть в категорию находящихся под угрозой исчезновения. Вторая рекомендована нами к внесению в соответствующий список Калужской области.

Ихтиофауна Калужской области, расположенной на разделе водных систем Волги и Днепра, весьма своеобразна. На ее территории ручьевые миноги впервые обнаружены в конце первой четверти текущего столетия в бассейне реки Десны (Николаев, 1925). Здесь, по словам этого автора, миног встречали нередко, и в начале спада вешних вод животные в массе заходили для нереста в мелкие реки, а летом исчезали. Они обнаружены как обычные в начале апреля в реке Болве и отмечены в качестве редких в ее притоке — реке Неручь у деревни Бакеевки (Кировский район), где было поймано несколько экземпляров. Их длина составляла не более 10—15 см.

В дальнейшем, очевидно, эти сведения перекочевали в работы М.Е. Кунакова (1962, 1979), который приводил их практически дословно. Кроме того, он допустил ошибку, указывая, что миноги полупаразиты — присасываются к рыбам. На самом деле, животные, обитающие на территории нашей области, являются непаразитическими. Личинки — пескоройки зарываются в мягкий

грунт дна и пассивно отфильтровывают пищевые частицы из воды. Через несколько лет, достигнув половой зрелости, у них хотя и формируется ротовой аппарат, но организм существует за счет жировых запасов, накопленных в личиночной стадии, а кишечник не функционирует. В мае—июне взрослые особи собираются группами и после нереста погибают.

В ежегодных отчетах Государственной инспекции по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства по Калужской области (1996, 1997), вероятно, также по инерции ручьевая минога упоминается для бассейна реки Десны, но она указана и для рек Оки и Угры. Действительно, 17.06.1979 г. близ устья реки Яченки (приток Оки) П.М. Ковалевым в мутник были пойманы две закончившие икрометание самки этого вида и впоследствии нами определены. Абсолютная длина их тела составила 15 и 17 см.

Самка украинской миноги впервые обнаружена В.А. Марголиным 1.05.1996 г. на мелководье реки Оки у села Столпово Перемышльского района. Несколько десятков экземпляров этого вида отловлены 12.05.1998 г. в реке Ужать (приток Болвы) в поселке Шайковка Кировского района, а в Лабораторию зоологического мониторинга Л. Бобылева доставила три особи. Цвет их тела имел серебристые тона. Самец достигал длины 16.2, самки — 17.6 и 19.2 см. Диаметр икры составлял около 1 мм. Еще 7 самцов и 5 самок, пойманные 27.05.1999 г. в реке Сукремль у деревни Романовки Людиновского района, привезены О. Харитоновой.

Обращают на себя внимание следующие факты. Ареал украинской миноги связан, в частности, с бассейнами Черного и Азовского морей, в том числе с верховьями Днепра и его притоками (Решетников, 1998). Для последних водоемов, как было изложено выше, ранее указана ручьевая минога, но она распространена преимущественно по Верхней Волге и бассейну Балтийского моря. Следует отметить, что первый из этих двух видов описан Л.С. Бергом только в 1931 г. Поэтому В.А. Николаев (1925) смог отнести, имевшихся у него особей, только к ручьевой миноге.

Нахождение украинской миноги в реке Оке, на первый взгляд, невероятно. Однако можно предположить, что это обусловлено ее расселением каким-то образом, очевидно, через притоки реки Жиздры. С другой стороны ручьевая минога была обнаружена Л.С. Бергом (1932) в 1906 г. в несвойственной для нее акватории — бассейне реки Дон на территории Саратовской губернии, где проходит водораздел с Волгой.

В нашем распоряжении имеются личинки миног из рек Болва, Ужать, Сукремль, Рессета, Вытебеть, Угра и Ока, но определить их пока не представляется возможным в связи с отсутствием в

определителях отличительных признаков. Для выяснения распространения миноговых на территории Калужской области требуются дополнительные исследования.

Литература

Берг Л.С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран, ч. 1. — Л.: Всесоюзный институт озерного и речного рыбного хозяйства, 1932, 543 с.

Кунаков М.Е. Позвоночные животные // Растительный и животный мир Калужской области, вып.2. — Калуга, 1962, с.70—182.

Кунаков М.Е. Животный мир Калужской области. — Тула: Приокское книжное издательство, 1979, 168 с.

Николаев В.А. Животный мир Калужской губернии // Очерки Калужской губернии, раздел 2. — Калуга: Издательство Калужского губернского общества краеведения, 1925, № 1, 22 с.

Решетников Ю.С. Семейство Petromyzontidae Bonaparte, 1832 — миноговые // Аннотированный каталог круглоротых и рыб континентальных вод России. — М.: Наука, 1998, с.15—19.

Рыбные запасы // Доклад «О состоянии окружающей природной среды Калужской области в 1996 году», — Калуга, 1997, с: 41—42.

Рыбные запасы // Доклад «О состоянии окружающей природной среды Калужской области в 1997 году», Калуга, 1998, с. 35—37.

*В.М. Амелютин, Н.И. Дудковский,
Калужский филиал Московской сельскохозяйственной
академии имени К.А. Тимирязева*

О важности и реальности экологически чистого рыбоводственного освоения водоемов Калужской области

Для специалистов-рыбоводов очевидным является тот факт, что огромное количество пустующих (в рыбном понимании) водоемов на территории Калужской области является основным резервом получения дополнительной рыбной продукции. Мы прежде всего имеем в виду пруды, построенные в сельскохозяйственных предприятиях как водоемы комплексного назначения, а также озера и водохранилища, в том числе и Яченское.

Восемь лет назад кафедра общей зоотехники КФ МСХА выпустила методические рекомендации для проведения комплексной инвентаризации водоемов в целях их рыбоводственного освоения (Амелютин В.М., Гринь А.В., 1990). В соответствии с этими

рекомендациями под нашим руководством эту важную работу проводят студенты-практиканты зооинженерного факультета КФ МСХА. Успешно защищены и рекомендованы ГАК к внедрению дипломные работы по рыбоводственной оценке прудов в Юхновском, Козельском, Малоярославецком районах, на территории совхоза «Циолковский». Совместно с областной и городской СЭС проводится рыбоводно-гидрохимическая оценка Яченского водохранилища. Наш опыт работы свидетельствует о том, что среди руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий очень мало тех, которые рассматривают водоемы, как возможный источник рыбной продукции. Основная причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что интенсивное рыбоводство дело весьма сложное, и специалисты-рыбоводы сосредоточены почти исключительно в специализированных рыбхозах.

Однако, в современных условиях есть очень простой выход из этой ситуации. Мы имеем в виду поликультурное рыбоводство — выращивание в одном водоеме различных видов рыб, которые не конкурируют друг с другом в питании. Например, с 1 гектара прудовой водной площади в Калужской области можно получить ориентировочно 120 кг двухлеток карпа, которые питаются донными беспозвоночными (мотыль, малощетинковые черви), 150 кг двухлеток белого толстолобика, которые питаются фитопланктоном (это водоросли хлорелла, анабена и др.), 150 кг пестрого толстолобика, питающегося зоопланктоном, а если в водоеме много мелких подводных растений, например элодея канадская, хара ломкая, роголистник, то один гектар водной площади может дать дополнительно 40 кг трехлеток белого амура. Если в водоеме много сорной рыбы, например золотого карася, верховки, уклей, пескаря, то весьма эффективным будет зарыбление его личинками щуки, которые к осени достигают средней массы 300—800 г — это еще 40 кг/га ценной рыбы. И так, в общей сложности получается 500 кг/га рыбы высочайшего качества без каких-либо затрат искусственных кормов. И это еще не предел. Если рядом с водоемом есть пастбище, пригодное для выпаса гусей, то можно внедрить особенно экономичную интегрированную технологию «рыба—гуси», которая даст дополнительно не только гусиное мясо, пух по теплоизоляционным свойствам, уступающий только гагачьему, но и повышение рыбопродуктивности в 2—3 раза. Итак, с 1 гектара водной площади можно получить не менее 1 тонны рыбной продукции за один сезон.

Конечно, для достижения этих результатов необходимо выяснить, во-первых, нет ли факторов, исключаящих экономное поликультурное рыбоводство с рыбами-планктофагами (например,

высокой проточности), во-вторых, необходимо провести элементарные расчеты, позволяющие приобрести посадочный материал нужных видов рыб в нужном количестве. Это могут сделать уже студенты третьего курса зооинженерного факультета КФ МСХА. А более сложные вопросы под силу нашим студентам-дипломникам. Калужская область находится в особенно благоприятных условиях, ибо посадочный материал рыб (при соответствующей договоренности) можно приобрести в 70 км от города Калуги в Черепетском рыбхозе (г. Суворов Тульской области).

Безусловно, что прежде чем обращаться за помощью к рыбводам, хозяйственные руководители должны положительно решить вопрос охраны водоема в течение всего сезона выращивания и особенно во время осеннего отлова рыбы. В некоторых хозяйствах дополнительно к рыбоводству оказывается целесообразным организовать платное рыболовство.

В заключение отметим, что экстенсивное поликультурное рыбоводство не только наименее затратный, но и наиболее экологически чистый метод хозяйствования. Освоение этого метода рыбоводства возможно не только в Калужской области, но и на базе водоемов всего Верхнего Поочья.

А.С. Завгородний, С.К. Алексеев, М.П. Шашков,
экологический клуб «Stenus»

Спектры питания массовых видов земноводных (*Amphibia*)

в широколиственных лесах юго-востока Калужской области

Исследования питания амфибий проводились на территории Жиздринского участка национального парка «Угра» и государственного заповедника «Калужские засеки» в 1995—1997 гг. Основной задачей было исследование почвенной мезофауны, для чего в широколиственных лесах этих территорий устанавливались ловушки Барбера, в количестве не менее 30 в каждом обследуемом биотопе. Кроме того, в 1997 году брались пробы подстилки и почвы на почвенную мезофауну (25x25 см). Параллельно с беспозвоночными

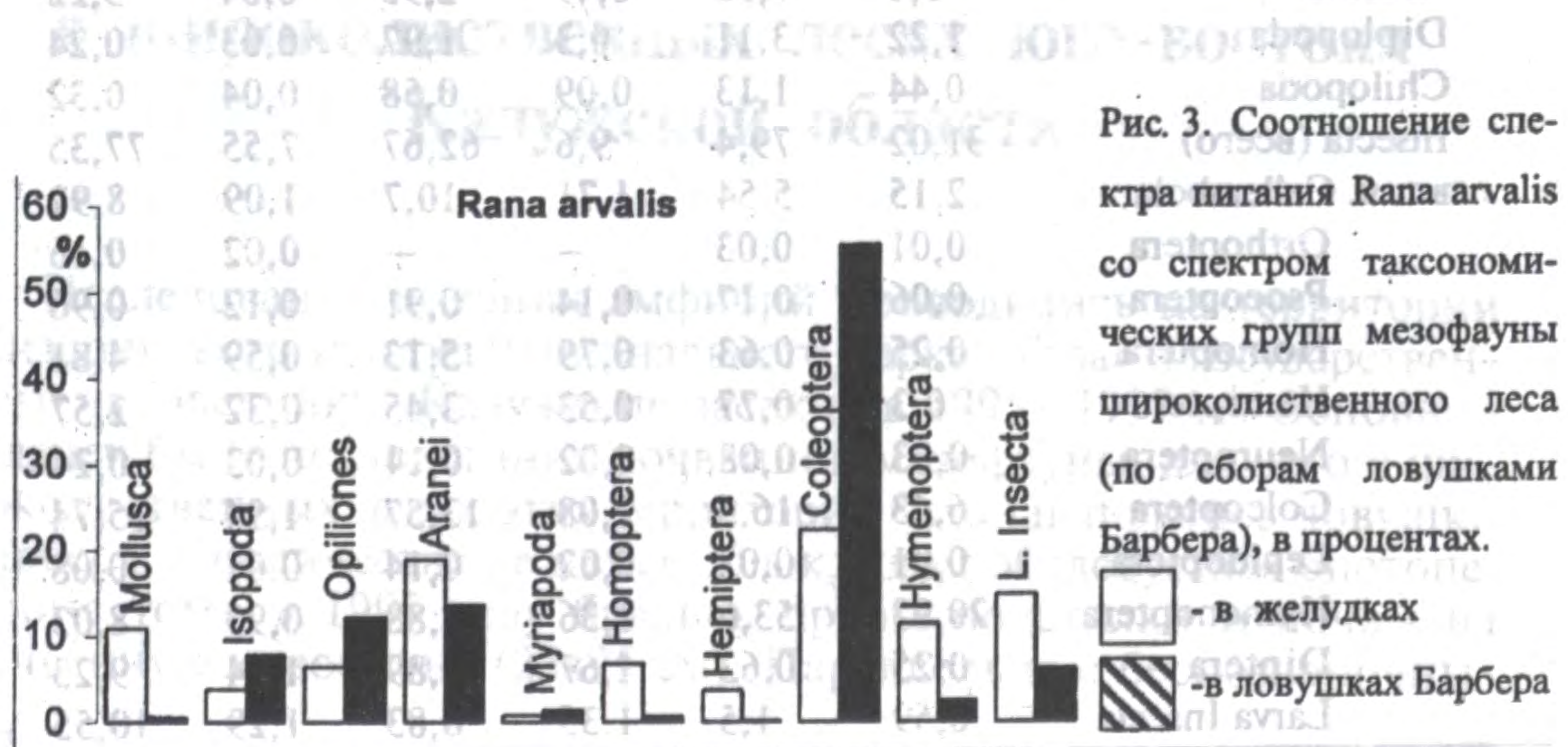
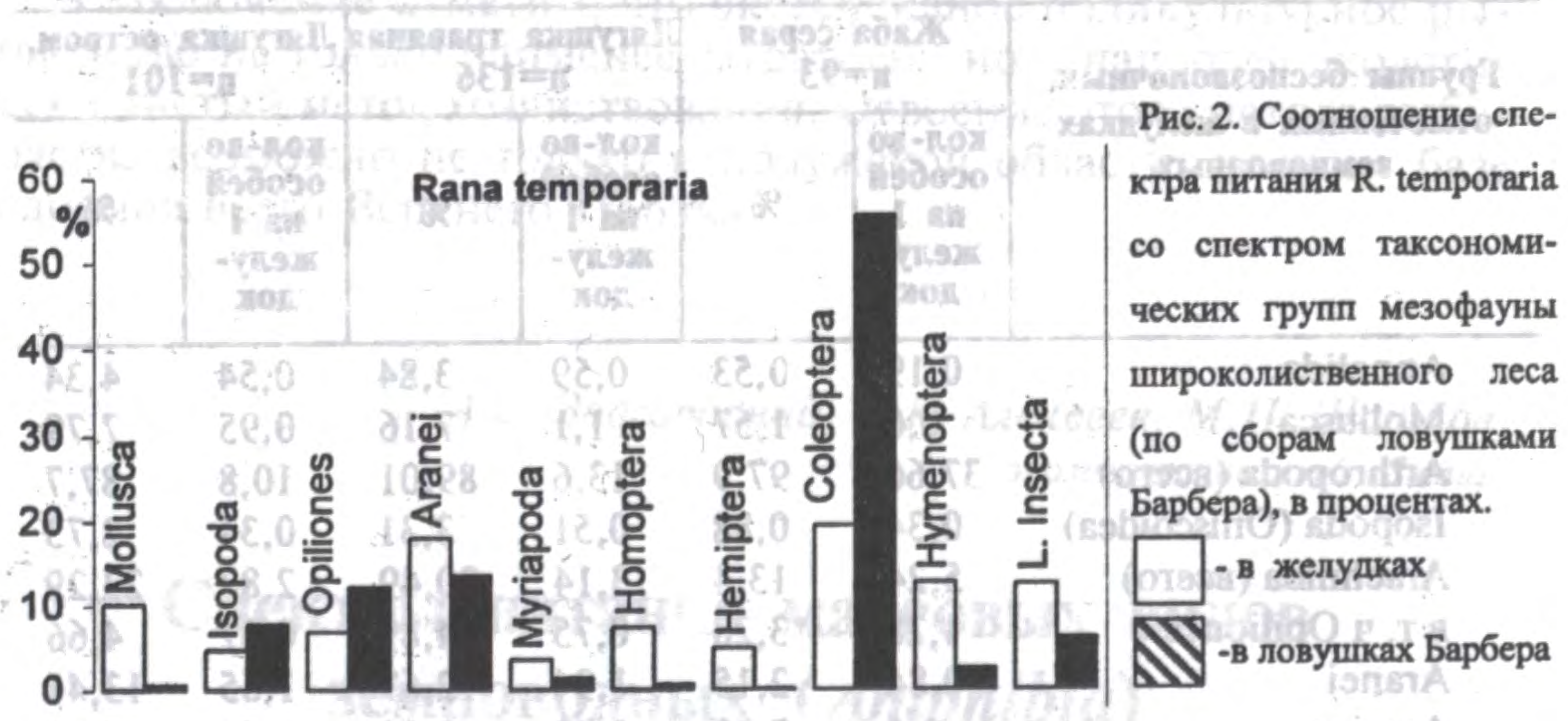
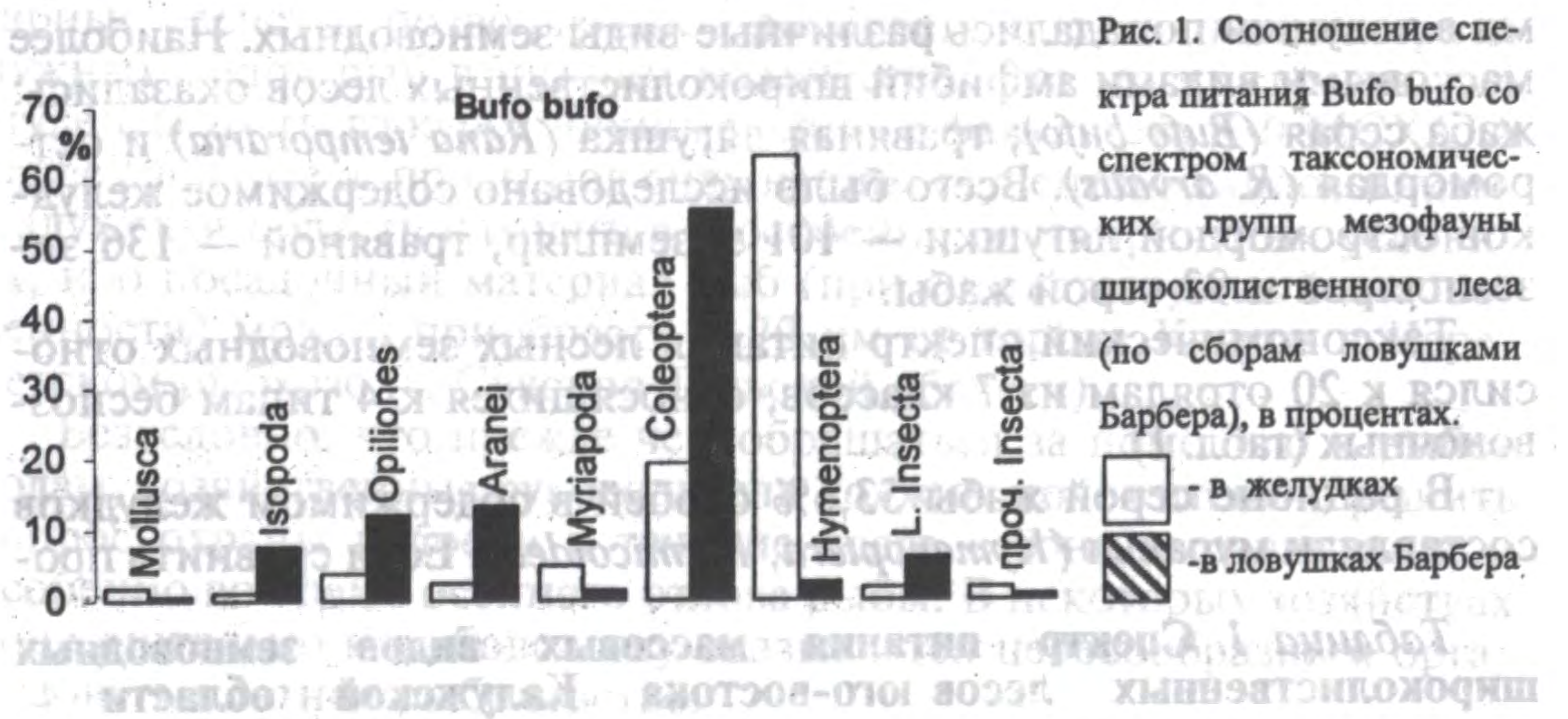
ми в ловушки попадались различные виды земноводных. Наиболее массовыми видами амфибий широколиственных лесов оказались: жаба серая (*Bufo bufo*); травяная лягушка (*Rana temporaria*) и остромордая (*R. arvalis*). Всего было исследовано содержимое желудков остромордой лягушки — 101 экземпляр, травяной — 136 экземпляров и 93 серой жабы.

Таксономический спектр питания лесных земноводных относился к 20 отрядам из 7 классов, относящихся к 4 типам беспозвоночных (табл. 1).

В рационе серой жабы 53,6% особей в содержимом желудков составляли муравьи (*Hymenoptera, Formicoidea*). Если сравнить про-

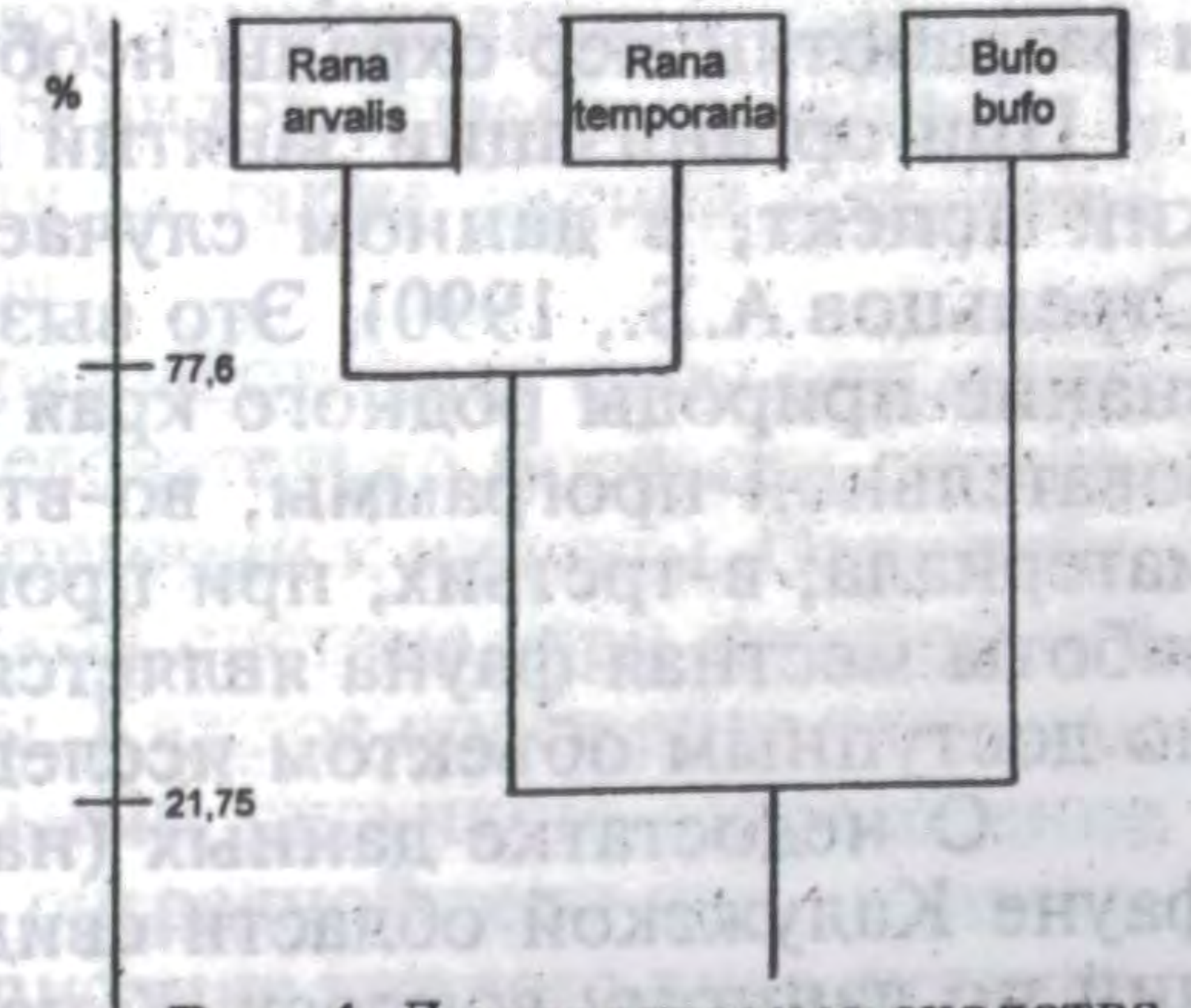
Таблица 1. Спектр питания массовых видов земноводных широколиственных лесов юго-востока Калужской области

Группы беспозвоночных, отмеченных в желудках земноводных	Жаба серая n=93		Лягушка травяная n=136		Лягушка остром. n=101	
	кол-во особей на 1 желу- док	%	кол-во особей на 1 желу- док	%	кол-во особей на 1 желу- док	%
Annelida	0,19	0,53	0,59	3,84	0,54	4,34
Mollusca	0,6	1,57	1,1	7,16	0,95	7,79
Arthropoda (всего)	37,66	97,9	13,6	89,01	10,8	87,7
Isopoda (Oniscoidea)	0,34	0,88	0,51	3,31	0,34	2,73
Arachnida (всего)	5,24	13,4	3,14	20,49	2,87	23,29
в т. ч. Opiliones	1,28	3,28	0,75	4,89	0,57	4,66
Aranei	0,84	2,15	1,94	12,67	1,65	13,41
Acarina	3,1	7,93	0,49	2,93	0,64	5,22
Diplopoda	1,22	3,11	0,3	1,97	0,03	0,24
Chilopoda	0,44	1,13	0,09	0,58	0,04	0,32
Insecta (всего)	31,02	79,4	9,6	62,67	7,55	77,35
в т. ч. Collembola	2,15	5,54	1,71	10,7	1,09	8,92
Orthoptera	0,01	0,03	—	—	0,02	0,16
Psocoptera	0,06	0,17	0,14	0,91	0,12	0,96
Homoptera	0,25	0,63	0,79	5,13	0,59	4,81
Hemiptera	0,3	0,77	0,53	3,45	0,32	2,57
Neuroptera	0,03	0,08	0,02	0,14	0,03	0,24
Coleoptera	6,43	16,5	2,08	13,57	1,94	15,74
Lepidoptera	0,01	0,03	0,02	0,14	0,01	0,08
Hymenoptera	20,93	53,6	1,36	8,88	0,99	8,03
Diptera	0,25	0,63	1,67	10,89	1,14	9,23
Larva Insecta	0,59	1,5	1,35	8,83	1,29	10,55

центное отношение этой группы в рационах массовых видов земноводных широколиственных лесов, то видно, что жабы поедают муравьев в 6—7 раз больше, чем лягушки (табл. 1; рис. 1—3). Второй группой по численности в желудках жабы были жуки (*Coleoptera*), они составляли более 16% (преобладали семейства *Staphylinidae*, *Carabidae*, *Curculionidae*). Третьими в рационе были паукообразные (*Arachnida*) — 13,4%. У сеголетков серой жабы около 8% численности съеденных беспозвоночных составляли мелкие почвенные клещи (*Acarina*) и 5,5% ногохвостки (*Collembola*). Многоножки (*Myriapoda*, *Diplopoda* et *Chilopoda*) составляли около 5,5%, причем жабы поедали их вдвое чаще, чем травяные лягушки, и в 8 раз чаще, чем остромордые. Процент особей других таксономических групп беспозвоночных был в среднем не более 1,5%.

Спектр питания травяной и остромордой лягушек на уровне больших таксономических групп оказался на удивление схож (табл. 1; рис. 2, 3). У обоих видов в питании доминировали паукообразные (соответственно, здесь и далее 20% у травяной и 23,3% у остромордой), среди которых доминировали пауки (*Aranei*) — около 13% всех беспозвоночных. Вторыми в рационе были жуки — 13,6% и 15,7%, соответственно. На видовом уровне, по жукам, рационы у лягушек значительно отличались. У травяной преобладали более крупные виды, с более твердыми покровами из семейства *Carabidae*, у остромордой преобладали *Staphylinidae*. Двукрылые (*Diptera*) составляли 10,9 и 9,2% в рационах лягушек, это в 17—18 раз чаще, чем их было найдено в желудках жаб. Так же распределялся процент особей крупных поверхностно-подстилочных ногохвосток (*Collembola*). Личинки насекомых (*larva Insecta*) поедались лягушками в 6—7 раз чаще, чем жабами. Моллюски (*Mollusca*) составляли 7—8% особей в желудках лягушек и в 4—5 раз чаще, чем у жаб. Довольно высокий процент дождевых червей (*Annelida*) и мокриц (*Isopoda*, *Oniscoidea*), по сравнению с жабами (в 5—8 раз), поедался лягушками (соответственно, 3,8 и 4,3% и 3,3 и 2,7%). Клопы (*Hemiptera*) и цикадки (*Homoptera*, *Cicadelidae*) также в 5—9 раз чаще съедались лягушками.

Рассчитав коэффициент таксономического сходства спектров

Рис. 4. Дендрограмма сходства спектров питания массовых видов земноводных в широколиственных лесах.

питания массовых видов земноводных в широколиственных лесах, с учетом обилия пищевых объектов (рис. 4), получили, что сходство рационов лягушек очень высокое (77,6%). Спектр питания жабы, обитающей в тех же местах, выделяется своей избирательностью и мало похож на рацион лягушек (коэффициент сходства 20,5—23%).

Е.Л. Константинов,
лаборатория биоиндикации Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского

Компьютерный «Определитель земноводных и пресмыкающихся Калужской области»

Компьютеризация школ и других общеобразовательных учреждений получила широкое распространение, и все ошутимее становится нехватка современных компьютерных методических пособий.

Герпетология — одна из областей, где необходима активная просветительская деятельность. Сложившееся на протяжении веков отрицательное отношение и промысловая деятельность человека вносят свою лепту в сокращение численности видов в данной группе (Даревский И.С., Орлов Н.Л., 1988; Кузьмин С., 1993).

Для широкого привлечения школьников и студентов к изучению земноводных и пресмыкающихся, для учета их численности и разработки мер охраны необходимы доступные определители.

При организации занятий необходимо учитывать краеведческий аспект, в данном случае, фаунистический (Зубарев А.Е., Стрельцов А.Б., 1990). Это вызвано тремя причинами: во-первых, знание природы родного края — необходимая часть любой образовательной программы; во-вторых, это связано с доступностью материала; в-третьих, при проведении научно-исследовательской работы местная фауна является основным, а порой, и единственным доступным объектом исследования.

О недостатке данных (научных, методических) по герпетофауне Калужской области свидетельствует малое число публикаций по данному вопросу. К настоящему времени нет пособия по определению герпетофауны Калужской области. Имеющиеся определители по территории СССР не удобны в использовании из-за загруженности определительных таблиц описаниями других ви-

дов, не встречающихся на территории области. Выпуск последнего определителя герпетофауны СССР датируется 1977 годом. За прошедшие 21 год, ряд сведений уже устарел, и сама книга стала библиографической редкостью (Банников А.Г. и др., 1977).

Цель работы — разработка компьютерной программы «Определитель земноводных и пресмыкающихся Калужской области».

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**: анализ имеющейся литературы по земноводным и пресмыкающимся Калужской области; обзор компьютерных программ (энциклопедий, справочников и т.п.) по данному вопросу; разработка концепции компьютерного определителя земноводных и пресмыкающихся и создание на ее основе доступного и достаточно содержательного компьютерного определительно-справочного пособия.

Программа написана с использованием программы Visual Basic 5.0 professional с подключаемой базой данных в формате Microsoft Access. Для составления технической части компьютерной программы мною привлекались специалисты Лаборатории биоиндикации КГПУ им. К.Э. Циолковского.

Для установки программы требуется наличие операционной системы Windows 95, свободного места на жестком диске не менее 70 Мб. Звуковая плата. Должна быть включена опция проигрывания MPEG файлов в модуле Active Movie. Разрешение экрана 256 цветов, размером 640 на 480 пикселей. Манипулятор «мышь».

С помощью данной программы можно установить видовую принадлежность представителей герпетофауны Калужской области, и (или) получить различного рода информацию о каком-либо виде: текстовой, прослушивание голоса, просмотр видеоролика. Программа содержит определение 16 видов земноводных и пресмыкающихся (10 видов земноводных и 6 видов пресмыкающихся) и описание каждого вида, фотографии, а также записи голосов 8 видов земноводных и 5 видеороликов.

Основу определителя составляет разработанная нами определительная таблица, позволяющая последовательно провести определение от высших таксономических категорий к низшим. Определительная таблица построена по шведской системе, при которой всё изложение разбито на тезы и антитезы. Каждое положение тезы или антитезы сопровождается пояснительным рисунком. Определение продолжается до тех пор, пока после очередной тезы или антитезы мы не приходим к описанию вида. Описание каждого вида включает в себя: русское название; латинское название, автор, год описания; дополнительные диагностические признаки; описание биотопа; суточная активность; питание; зимовка: место, сроки; размножение: сроки, метаморфоз, наступление половой зрелости.

Программа позволяет работать в двух режимах: во-первых, можно определять животное по определительной таблице; во-вторых, если животное известно и необходимо только получить дополнительную информацию о нём, то можно, минуя определительную таблицу, обратиться сразу к описанию вида.

Разработанная программа может применяться на уроке, факультативе или герпетологическом кружке в следующих ситуациях:

- определение видовой принадлежности земноводных и пресмыкающихся Калужской области;
- объяснение принципа работы с определителем;
- знакомство с представителями герпетофауны Калужской области;
- наглядное пособие при изучении раздела «Земноводные и пресмыкающиеся»;
- занятия по Краеведению, при знакомстве с природой Калужской области;
- прототип (образец) компьютерного определителя по другим группам живых организмов.

Компьютерный определитель является одним из немногих современных пособий, имеющих познавательный характер и применимый в процессе обучения, способствуя синтезу знаний по биологии и информатике и имея ряд преимуществ перед печатными изданиями, так как дает возможность воспроизведения видео- и звуковой информации.

Литература

1. Банников А.Г. и др. Определитель земноводных и пресмыкающихся фауны СССР. — М.: Просвещение, 1977. 415 с.
2. Биологический энциклопедический словарь/ Гл. ред. М.С. Гиляров. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. 864 с.
3. Даревский И.С., Орлов Н.Л. Редкие и исчезающие животные. Земноводные и пресмыкающиеся. — М.: Высш. шк., 1988. 463 с.
4. Дерим-Оглу Е.Н., Леонов Е.А. Учебно-полевая практика по зоологии позвоночных. — М.: Просвещение. 1979. 192 с.
5. Кузьмин С. Террариумистика и сокращение численности земноводных// Аквариумист. 1993. № 7. с. 54 — 59.
6. Кунаков М.Е. Задачи зоологического исследования в Калужской области // Тезисы докладов 1 краеведческой конференции Калужской области. — Калуга—Москва, 1967 г., с. 47—49.
7. Кунаков М.Е. Позвоночные животные//Животный мир Калужской области. — Тула: Приокское книжное издательство, 1979 г.
8. Кунаков М.Е. Позвоночные животные//Растительный и животный мир Калужской области. — Калуга: Калужское книжное издательство, 1962 г., вып. 2.
9. Николаев В.А. Животный мир Калужской губернии//Очерки Калужской губернии. — Калуга: Издательство Калужского губернского общества краеведения, сб. 1, 1925 г.

10. Писаренко С.С. Новое в систематике земноводных и пресмыкающихся Калужской области//Тезисы докладов 5 краеведческой конференции Калужской области.—Обнинск, 1990 г.

11. Зубарев А.Е., Стрельцов А.Б. Экологическое краеведение//Пятая краеведческая конференция Калужской области. — Обнинск, 1990, с. 407—409.

12. Чугунов Ю.Д., Аралов В.В. Полевой определитель земноводных и пресмыкающихся западной лесной зоны//Вопросы биологии. Сборник. Выпуск № 2. — Тула: ТПГИ, 1969. С. 180.

В.А. Марголин, к.б.н., доцент,
лаборатория зоологического мониторинга Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского

История изучения птиц в Калужской области

В развитии орнитологических исследований на территории нашего края условно можно выделить три взаимосвязанных направления — изучение фауны, фенологические наблюдения, вопросы экологии и микроэволюции.

Первый краткий обзор орнитофауны опубликован профессором Калужской гимназии, краеведом Григорием Кирилловичем Зельницким на страницах местного периодического издания «Уrania» за первую четверть 1804 года. Затем, в материалах по географии и статистике, собранных офицерами Генерального штаба губернии, их составитель — подполковник М. Попроцкий, (1864) перечислил некоторые, преимущественно обычные виды. Результаты исследований за июль—август 1879 г. в Боровском уезде были доложены В.В. Лавровым (1880) на заседании Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. На основании наблюдений, проведенных с 1881 до 1891 г.г., написал статью настоятель Калужской римско-католической церкви, первый почетный член общества изучения природы местного края Петр Петрович Саницкий (1912).

В «Орнитологическом ежегоднике» доктором Иозефом Генглером и Евгением Кавелиным опубликованы материалы, подводившие итоги наблюдений за вторую половину прошлого — начало текущего столетий в окрестностях г. Козельска (Gengler, Kawelin, 1909). Тщательные исследования, охватывавшие период с 1900 по 1913 г.г., проведены В.А. Филатовым (1915). До настоящего времени обобщающий обзор Виталия Анатольевича наиболее полно

характеризует орнитофауну нашего края. В трудах вышеперечисленных авторов было упомянуто 236 видов. На основании последней сводки написан очерк о птицах губернии (Николаев, 1925) и с незначительными дополнениями издана научно-популярная книга (Кунаков, 1979).

Начало регулярным орнитофенологическим исследованиям положено Е.А. Кавелиным, который проводил длительные наблюдения в окрестностях г. Козельска (Марголин, 1998). Заметки за 1865—1879 г.г. опубликованы в журнале «Природа и охота» (Кавелин, 1878; 1879; 1880). Материалы, охватывающие 1880—1908 г.г., приведены в фаунистической сводке (Gengler, Kawelin, 1909). Краткое обобщение фенологических явлений в жизни более чем 50 видов за весь период работы Евгения Александровича по 1917 г. напечатано в журнале «Мироведение» (Самсонов, 1925).

Архивные материалы о пролете птиц у города Калуги, собранные с 1895 г. областным обществом краеведения и Д.Н. Кайгородовым, использовал в своей статье Г.А. Ремизов (1949). Эти и некоторые дополнительные данные из пригородной зоны, но без указания периода их сборов, приведены в «Календаре природы» (Костина, 1963).

В 1921—1922 г.г. при Калужском губернском метеорологическом бюро начали создавать любительскую корреспондентскую сеть, в основном, из крестьян и школьных работников. В сборнике о сезонном развитии природы приведены данные за 1924—1938 г.г. С.А. Комарова из Жиздры и Т.Д. Ртищевой со станции Жуковской (ШигOLEV, Шиманюк, 1949).

Наблюдения наших земляков использовала в ежегодных обзорах фенологическая комиссия Московского филиала Географического общества СССР. Результаты частично опубликованы в сборниках: «Сезонная жизнь природы Русской равнины». Л., 1969, 1970, 1979; «Календари природы центральных областей Европейской части СССР». М., 1982. Нами проанализированы архивные материалы Московского центра Русского географического общества, собранные за период с 1955 по 1995 г.г.

Планомерные орнитологические исследования были начаты с 1961 г. А.А. Ворониным (1933—1994). Им написан ряд трудов и защищена кандидатская диссертация, посвященные охотничье-промысловым животным (Воронин, 1970). Работая в Калужском педагогическом институте, Александр Александрович увлек и сплотил вокруг себя студентов, организовав в 1967 г. зоологический кружок. При изучении птиц они проводили многолетние коллективные исследования по фауне, населению, сезонным миграциям, гнездованию, экологии и многим другим вопросам (Воронин

и др., 1991). С 1971 г. Л.С. Барановым, а со следующего сезона и автором начата интенсивная работа по мечению птиц, в которой приняли активное участие студенты, выпускники, школьники. В течение многих лет развешивали и обследовали на заселенность искусственные гнездовья. Особую инициативу в их конструировании проявил фотограф-натуралист К.И. Ширяев (1996). Калужской группой орнитологов или с их участием опубликовано около 130 научных работ.

Помимо участия в общих темах студенты А.Л. Васильев, Ю.Д. Галченков, В.И. Горшков, Л.С. Минаев, С.И. Нетреба, Г.М. Овсянников, Е.В. Тимошин и другие занимались самостоятельными исследованиями. Активные наблюдения проводили энтузиасты В.Н. Белов, А.Д. Борисов, Т.Ф. Губарева, В.М. Котюков, А.А. Могильнер. Калужской группой орнитологов или с их участием опубликовано свыше 100 научных статей. Автором защищена кандидатская диссертация, посвященная сезонным перемещениям и зимовкам врановых (Марголин, 1985).

На территории области проведено изучение фенотипической изменчивости врановых птиц на основе щиткования ног, выявлены гомологические ряды изменчивости массовых видов (Марголин, Стрельцов, 1977; 1985; 1989). Оологические материалы использованы для сравнительного анализа окраски и метрических признаков яиц врановых и озерной чайки, обитающих в разных регионах (Климов, 1997).

Многие выпускники зоологического кружка активно работали со школьниками. Особенно интенсивно орнитологическими исследованиями, в том числе кольцеванием, увлекались воспитанники областной станции юных натуралистов А. Соколов, С. Пермяков, Д. Губанов, В. Левкин, В. Егоров, А. Иванов, В. Середенко и другие.

На территории нашего края проводили исследования представители Московского педагогического университета В.М. Галушин (1971), В.Т. Бутьев (1996), С.А. Ежова и Г.И. Френкина (Френкина, 1987). В течение 1980—1990 г.г. работали В.М. Константинов (1997), В.Г. Бабенко и С.Д. Кутьин (Кутьин и др., 1990, Кутьин, 1996). Фауну заповедника «Калужские Засеки» изучали в 1989 г. В.С. Фридман (1995) и в летние сезоны последних лет под руководством А.Б. Костина (Костин, 1995; Костин, Егорова, 1996; 1997; Kostin, Egorova, 1997)).

В 1997 г. организована Лаборатория зоологического мониторинга КГПУ. Ее сотрудники продолжают начатые с их участием исследования, проанализировали практически всю доступную литературу и архивные материалы. В результате появилась возможность сравнения данных по фауне птиц, собранных в течение пос-

ледных 30 лет, и материалов за прошедшие столетия (Марголин, Галченков, 1996). К настоящему времени автором подготовлена монография, в которой обобщены сведения по 261 виду в пределах современных административных границ области, выявлены существенные изменения в населении птиц, факты, указывающие на смещение фенологических фаз их жизненного цикла. На основании предшествующих и последних двухлетних полевых сезонов ведется выявление ключевых орнитологических территорий области. Впервые даны характеристики авифаун национального парка «Угра» и заповедника «Калужские Засеки». Организована работа по созданию региональной Красной книги.

Литература

Бутьев В.Т. Заметки о некоторых редких видах птиц юга Калужской области // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Тезисы сообщений Калужской научно-практической конференции, ч. 2. — Калуга, 1996, с. 146—148.

Воронин А.А. Охотничьи животные и охотугодя Калужской области: Автореферат диссертации ... кандидата биологических наук: 097. — М.: МОПИ им. Н.К.Крупской, 1970, 19 с.

Воронин А.А., Марголин В.А., Баранов Л.С., Овсянников Г.М., Галченков Ю.Д. Птицы Калужской области // Материалы 10-й Всесоюзной орнитологической конференции, ч. 2, кн. 1. — Минск: Наука і техника, 1991, с. 117—118.

Галушин В.М. Численность и территориальное распределение хищных птиц Европейского Центра СССР // Труды Окского государственного заповедника, вып. VIII. Работы Центральной орнитологической станции, 3. — М.: Лесная промышленность, 1971, с. 5—132.

Зельницкий Обзорение Калужской губернии в естественном ее состоянии // Уралия. Периодическое издание в Калуге, 1804, первая четверть, с. 15—56.

Кавелин Е. Таблица прилета птиц за десять лет (Калужская губерния, Козельский уезд) // Природа и охота, 1878, т. II, июнь, с. 272—273.

Кавелин Е. Прилет птиц. Калужской губ., г. Козельск // Природа и охота, 1879, т. IV, ноябрь, с. 285—286.

Кавелин Е. Из Козельска // Природа и охота, 1880, т. I, март, с. 507—508.

Климов С.М. Внешняя ооморфология как отражение экологической изменчивости и дифференцировки птиц: Автореферат диссертации ... доктора биологических наук: 03.00.16. — М.: Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова Российской академии наук, 1997, 47 с.

Константинов В.М. Фауна, население и экология птиц антропогенных ландшафтов лесной зоны Русской равнины: Автореферат диссертации ... доктора биологических наук, представленной в форме научного доклада по совокупности работ: 11.00.11. — М.: ИЭМЭЖ, 1992, 52 с.

Костин А.Б. Хищные птицы заповедника «Калужские Засеки» // Чтения памяти профессора В.В. Станчинского, вып. 2. — Смоленск, 1995, с. 35—39.

Костин А.Б., Егорова Н.А. О гнездовании малого подорлика в заповеднике «Калужские Засеки» // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий.

Тезисы сообщений Калужской научно-практической конференции, ч. 1. — Калуга, 1996, с. 74—75.

Костин А.Б., Егорова Н.А. Хищные птицы заповедника «Калужские Засеки» // Научное наследие П.П. Семенова-Тяньшанского и его роль в развитии современной науки. Материалы Всероссийской научной конференции, ч. 2. — Липецк, 1997, с. 39—40.

Костина В.В. Календарь природы. Метеорологическая, агрометеорологическая и гидрологическая характеристики Калужской области. — Калуга, 1963, 104 с.

Кунаков М.Е. Животный мир Калужской области. — Тула: Приокское книжное издательство, 1979, 168 с.

Кутыин С.Д. Птицы Мещовского ополья — история и современность // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Тезисы сообщений Калужской научно-практической конференции, ч. 1. — Калуга, 1996, с. 70—73.

Кутыин С.Д., Константинов В.М., Бабенко В.Г. Особенности пространственного размещения славковых птиц в островных лесах Мещовского ополья // Экологические аспекты охраны и рационального использования диких животных. Межведомственный сборник научных трудов. — М.: Ветеринарная академия, 1990, с. 117—122.

Лавров В.В. ... результаты ... фаунистических исследований в Боровском уезде Калужской губернии // Труды СПб общества естествознания, т. XI, вып. 2. СПб., 1880, с. 186—192.

Марголин В.А. Сезонные перемещения и зимовки врановых в Центральном районе Европейской части СССР: Автореферат диссертации ... кандидата биологических наук: 03.00.08. — М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985, 16 с.

Марголин В.А. Творческое наследие Е.А.Кавелина // 1—2 Козельские чтения «Проблемы археологии, истории, этнографии, культуры Козельского района». — Козельск—Калуга, 1998, с. 69—71.

Марголин В.А., Галченков Ю.Д. Характеристика гнездящихся птиц Калужской области // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Тезисы сообщений Калужской научно-практической конференции, ч. 1. Калуга, 1996, с. 67—69.

Марголин В.А., Стрельцов А.Б. К изучению фенотипической изменчивости сороки // Тезисы докладов VII Всесоюзной орнитологической конференции, ч. 1. — Киев: Наукова Думка, 1977, с. 17—18.

Марголин В.А., Стрельцов А.Б. Гомологические ряды изменчивости четырех видов семейства врановых (Corvidae) // Фенетика популяций. Материалы III Всесоюзного совещания. — М., 1985, с. 192—193.

Марголин В.А., Стрельцов А.Б. К изучению фенотипической изменчивости врановых // Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах. Материалы II Всесоюзного совещания, ч. 1. — Липецк, 1989, с. 61—64.

Николаев В.А. Животный мир Калужской губернии // Очерки Калужской губернии, раздел 2. — Калуга: Издательство Калужского губернского общества краеведения, 1925, № 1, 22 с.

Попроцкий М. Материалы для географии и статистики Калужской губернии, ч. 1. — СПб., 1864, 705 с.

Ремизов Г.А. Календарь природы г. Калуги // Календарь природы СССР. Естественно-исторический справочник, кн. 2. — М.: МОИП, 1949, с. 293—299.

Самсонов Н. Орнито-фенологические наблюдения Е.А. Кавелина близ Козельска, Калужской губ. с 1865 по 1917 г. // Мирознание. М.-Л., 1925, т. 14, № 1, с. 120—125.

Саницкий П.П. Орнитологические наблюдения в Калужской губернии // Известия Калужского общества изучения природы местного края, кн. 2, ч. 1. — Калуга, 1912, с. 75—90.

Филатов В.А. Птицы Калужской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, отдел зоологический, вып. 14, — М., 1915, с. 194—379.

Френкина Г.И. Трофические связи насекомоядных птиц в лесах, подверженных антропогенным воздействиям: Автореферат диссертации ... кандидата биологических наук: 03.00.08. — М.: ВНИИ Охраны природы и заповедного дела, 1987, 24 с.

Фридман В.С. К вопросу об экологической истории и родственных связях белоспинного дятла (*Dendrocopos leucotos* Bechst., 1803). — М.: КМК Лтд., 1995, 52 с.

Шиголов А.А., Шиманюк А.П. Сезонное развитие природы Европейской части СССР. — М.: Главное издательство географической литературы, 1949, 240 с.

Ширяев К.И. Рекомендации по изготовлению и развеске комплекта дощатых гнездовых для изучения фауны дупел // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Тезисы сообщений Калужской научно-практической конференции, ч. 1. — Калуга, 1996, с. 84—91.

Gengler J., Kawelin E. Die Vugel von Koselsk und Umgebung // Ornithologisches Jahrbuch, 1909, H. 5,6, s. 165—191.

Kostin A.B., Egorova N.A. The Lesser Spotted Eagle in the South of Kaluga Region // First meeting of the European Ornithological Union. Bologna, 1997, p. 36.

В.А. Марголин, к.б.н., доцент,

Г.М. Овсянников, Ю.Д. Галченков

лаборатория зоологического мониторинга КГПУ

Об изменениях сроков весенних миграций птиц

В последние десятилетия происходят изменения в миграционной активности птиц. Смещение сроков сезонных перемещений, сокращение протяженности пролетных путей, увеличение степени оседлости выявлено у синантропных видов врановых (Марголин, 1985; Константинов, Марголин, Баранов, 1986; Марголин, Константинов, 1993; Марголин, 1989).

Таблица. Результаты сравнения орнитофенологических наблюдений на территории Калужской области

Виды	Кол-во лет наблюдений	Дата встреч передовых особей		Разница крайних сроков*	Средние даты	Разница средних в днях
		ранние	поздние			
Серая цапля	22(35)	25.03.1909	22.04.1913	-7-14	6 апреля 29 марта	8
	24	18.03.1998	8.04.1970			
Гуси	28	18.03.1876	25.04.1908	-8-7	8 апреля 1 апреля	7
	39	10.03.1994	18.04.1959			
Кряква	24(39)	10.03.1876	19.04.1865, 1875	-6-1	8 апреля 25 марта	14
	38	4.03.1995	18.04.1963			
Канюк	41(45)	28.03.1903	19.04.1868	-24-3	10 апреля 31 марта	10
	23	4.03.1997	16.04.1980			
Серый журавль	45	31.03.1891	3.05.1917	-6-7	14 апреля 8 апреля	6
	35	25.03.1989	26.04.1963			
Коростель	20(29)	25.04.1872	29.05.1917	0-2	15(18) мая 10 мая	5 (8)
	31	25.04.1987	27.05.1964			
Чибис	48	11.03.1876	13.04.1908	-6-6	31 марта 23 марта	8
	29	5.03.1995	7.04.1980			
Чайки	28(31)	13.03.1876	23.04.1881	9-7	8(10)апреля 27 марта	12 (14)
	36	4.03.1997	16.04.1963			
Клинтух	40	11.03.1914	18.04.1875	-11-9	31 марта 18 марта	13
	22	28.02.1982	9.04.1994			
Кукушка	42	16.04.1917	12.05.1865	-1-8	1 мая 23 апреля	8
	41	15.04.1983	4.05.1961			
Черный стриж	47	4.05.1927	30.05.1917	-5-7	17 мая 9 мая	8
	39	29.04.1997	23.05.1962			
Деревенская ласточка	60	16.04.1936	8.05.1875, 1877,1917	-5-5	28 апреля 23 апреля	5
	38	11.04.1975	3.05.1960			
Полевой жаворонок	69	6.03.1925, 1936	17.04.1931	-10-8	25 марта 20 марта	5
	42	24.02.1990 1995	9.04.1958			
Белая трясогузка	50	19.03.1890	24.04.1929	-4-12	4 апреля 30 марта	5
	38	15.03.1965	12.04.1959			
Обыкновенный скворец	64	5.03.1936	13.04.1880, 1908	-8-14	28 марта 13 марта	15
	42	25.02.1995	30.03.1963, 1996			
Грач	53	3.03.1880	31.03.1870	-11-11	16 марта 6 марта	10
	38	20.02.1995	20.03.1964			
Обыкновенный соловей	54	17.04.1876, 1888	19.05.1865	1-8	4 мая 1 мая	3
	41	17.04.1988	11.05.1976			

Примечания: В скобках указаны данные Е.А. Кавелина (по Самсонову, 1925);

*дополнительный день в високосные годы не учитывался

Настоящее сообщение посвящено результатам сравнения орнито-фенологических исследований на территории Калужской области, проведенных во второй половине прошлого — первой трети текущего столетия (Кавелин, 1878, 1879, 1880; Gengler, Kawelin, 1909; Филатов, 1915; Самсонов, 1925; Ремизов, 1949; Шиголов, Шиманюк, 1949 и другие), с материалами наших коллективных исследований, включающих 1968—1998 г.г., архивными данными за 1958—1996 г.г. Московского центра Русского географического общества. Для расчета сроков наступления миграций у некоторых видов мы располагали в отдельные сезоны значительным количеством дат из разных пунктов, но установить последовательность продвижения птиц в северных и восточных направлениях не удалось. Поэтому, мы ограничились отбором наиболее ранних наблюдений, за исключением сильно отклоняющихся. Это в некоторой степени оправдано, поскольку птицы за короткий промежуток времени способны преодолевать большие расстояния, а корреспонденты не всегда замечают передовых особей. В первой строке сводной таблицы, для каждого объекта приведены сведения прежних лет, во второй — за последние десятилетия.

Предварительный анализ показал, что миграции стали наступать в более ранние сроки, но на неодинаковые промежутки времени. Наиболее существенная разница (до двух недель) обнаружена у кряквы, чаек (в основном озерных и сизых), клинтуха, скворца. Примерно на одну—полторы недели опережает прежние показатели большинство других видов, и небольшие изменения зарегистрированы у соловья, хотя амплитуда между крайними сроками сократилась за счет поздних дат. Для многих птиц появление передовых особей связано с относительно равномерным смещением таких интервалов. У кряквы и канюка они расширились за счет минимальных дат, у кукушки и соловья произошло их уменьшение в связи с изменениями поздних сроков, а у коростеля особых отличий не отмечено.

Смещение сроков сезонных перемещений, очевидно, возникает как в результате глобального изменения климата, так и прямых антропогенных преобразований ландшафтов и приспособления к этим условиям многих видов, в особенности склонных к синантропизации. Значительная разница во времени регистрации кряквы и грача определены формированием в последние десятилетия массовых зимовок в урбанизированных комплексах. Намечается их становление у скворца и чаек (Баранов, Марголин, 1986; Галченков, 1998). Для водоплавающих, околоводных и некоторых других птиц человеком созданы соответствующие среды обитания. Вместе с тем, широкое использование кормов антропогенного про-

исхождения способствует уменьшению миграционной активности, как это было показано для врановых (Марголин, 1984). У многих видов, вероятно, тоже происходит сокращение миграционных путей и перемещение границ области зимовок ближе к гнездовым территориям. Потепление климата обуславливает не только более мягкие зимы, преждевременное таяние снега и вскрытие рек, но и раннее появление необходимых кормов.

При проведении фенологических наблюдений важно учитывать, что начало сезонных перемещений у птиц, склонных к синантропизации и зимующих в исследуемых регионах, заметить трудно. Целесообразно отмечать их массовое появление, что значительно снижает ошибки. Необходимо пересмотреть и расширить современную программу исследований для любителей.

Литература

- Баранов Л.С., Марголин В.А. Зимовки перелетных птиц в антропогенных ландшафтах Калужской области // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование. Тезисы докладов I-го съезда Всесоюзного орнитологического общества и IX Всесоюзной орнитологической конференции, ч. 1. — Л., 1986, с. 56—57.
- Галченков Ю.Д. Материалы по зимующим гидрофильным птицам Калуги и окрестностей // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Тезисы докладов VII конференции. — Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1998, с. 200—203.
- Кавелин Е. Таблица прилета птиц за десять лет (Калужская губерния, Козельский уезд) // Природа и охота, 1878, т. II, № 6, с. 272—273.
- Кавелин Е. Прилет птиц. Калужской губ., г. Козельск // Природа и охота, 1879, т. IV, № 11, с. 285—286.
- Кавелин Е. Из Козельска // Природа и охота, 1880, т. I, № 3, с. 507—508.
- Константинов В.М., Марголин В.А., Баранов Л.С. Влияние антропогенных факторов на увеличение оседлости синантропных популяций врановых птиц // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование. Тезисы докладов I-го съезда Всесоюзного орнитологического общества и IX Всесоюзной орнитологической конференции, ч. 1. — Л., 1986, с. 312—313.
- Марголин В.А. Трофические связи врановых как причины их синантропности и оседлости в Центральном районе Европейской части СССР // Экология, биоценологическое и хозяйственное значение врановых птиц. Материалы I совещания. — М.: Наука, 1984, с. 136—140.
- Марголин В.А. Сезонные перемещения и зимовки врановых в Центральном районе Европейской части СССР: Автореферат диссертации ... кандидата биологических наук: 03.00.08. — М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985, с. 16.
- Марголин В.А. Изменения миграционной активности синантропных врановых // Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах. Материалы II Всесоюзного совещания, ч. 1. — Липецк, 1989, с. 21—23.
- Марголин В.А., Константинов В.М. Сезонные перемещения серых ворон на территории бывшего Союза // Врановые птицы в антропогенном ландшафте, вып. I. Межвузовский сборник научных трудов. — Липецк, 1993, с. 45—64.

Ремизов Г.А. Календарь природы г. Калуги // Календарь природы СССР. Естественно-исторический справочник, кн. 2. — М.: МОИП, 1949, с. 293—299.

Самсонов Н. Орнито-фенологические наблюдения Е.А. Кавелина близ Козельска, Калужской губ. с 1865 по 1917 г. // Мироведение. — М.-Л., 1925, т. 14, № 1, с. 120—125.

Филатов В.А. Птицы Калужской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, отдел зоологический, вып. 14, — М., 1915, с. 194—379.

Шиголов А.А., Шиманюк А.П. Сезонное развитие природы Европейской части СССР. — М.: Главное издательство географической литературы, 1949, с. 240.

Gengler J., Kawelin E. Die Vögel von Koselsk und Umgebung // Ornithologisches Jahrbuch, 1909, H. 5, 6, s. 165—191.

Ю.Д. Галчёнков, В.М. Середенко,
Л.С. Баранов, Т.Ф. Губарева

К фенологии прилета некоторых птиц в Калужской области в конце XX века

Наблюдение за прилетом птиц — увлекательное и интересное занятие. Велика научная ценность разработки этой темы.

С 1989 г. мы вели работу по сбору данных о сроках прилета разных видов птиц. Основным местом исследований были прилегающие к Калуге территории и, в меньшей степени, город Жиздра. Некоторые сведения получены из других мест Калужской области, в частности, из городов: Козельска, Людиново, Медыни, Тарусы или их окрестностей, а также деревень: Дубровки — Думиничского района, Корчевские Дворики—Перемышльского и Григорьевки—Куйбышевского. В последних двух пунктах несколько дат зафиксировано В.М. Степановым и Ю.В. Пахоменковым, которым авторы выражают благодарность.

В ходе работы для некоторых видов определены участки пролётных трасс, на которых птиц обнаруживали в более ранние сроки и в большем количестве, чем где-либо поблизости. С целью более ранних регистраций серой цапли, гусей, серого журавля, чибиса, белой трясогузки мы обычно обследовали участок поймы реки Оки от деревни Андреевское до деревни Сивково. Перемещения первых жаворонков отмечали в первой половине дня, когда они следовали от озера Тишь на северо-восток. Пустельгу, сизую чайку, удода, зяблика впервые чаще замечали у Оки от Анненок до Ромоданово, стрижа — в юго-западном

Таблица 1. Даты начала прилета птиц в Калужскую область

Виды	Годы и даты регистрации									
	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
серая цапля	20.03				27.03	30.03	24.03	1.04	30.03	18.03
белый аист	5.04	20.03	8.04	27.03	25.03	25.03	25.03	3.04	8.04	5.04
гуси	23.03	30.03	9.04	15.04	3.04	8.04	19.03	13.04	1.04	8.04
пустельга	31.03			13.04	13.04	3.04	2.04	9.04	1.04	8.04
серый журавль		1.04			13.04	8.04	9.04	17.04	14.04	8.04
сизая чайка	16.03	9.03	23.03		25.03	25.03	7.03	3.04	11.03	26.03
чибис	9.03	9.03	24.03		24.03	25.03	5.03	30.03	11.03	27.03
кукушка	27.04	28.04	2.05	30.04	23.04	2.05	29.04	18.04	29.04	25.04
стриж	2.05	9.05	11.05	7.05	10.05	9.05	7.05	29.04	29.04	2.05
удод		28.04		25.04	25.04	15.04	15.04	14.04	28.04	16.04
полевой жаворонк	3.03	24.02	17.03	15.03	19.03	25.03	24.02	4.04	2.03	1.03
деревенская ласточка	17.04	19.04	25.04	26.04	24.04	27.04	18.04	20.04	21.04	19.04
белая трясогузка	17.03	25.03	9.04		26.03	3.04	19.03	1.04	1.04	28.03
соловей	23.04	29.04				2.05	28.04	30.04	1.05	27.04
пеночка-теньковка		21.04	24.04	16.04	13.04	11.04	14.04	7.04	18.04	16.04
зяблик	19.03	25.03	9.04		27.03	25.03	5.03	5.04	31.03	29.03
скворец	16.03	11.03	24.03	5.03	19.03	10.03	25.02	3.04	3.03	4.03
грач	26.02	24.02	9.03	3.03	12.03	8.03	20.02	13.03	26.02	22.02

Примечание: жирным шрифтом выделены наиболее ранние даты.

секторе Калуги, деревенскую ласточку — на различных водоёмах или в деревнях. Разреженные стаи подлетающих с запада грачей каждую весну наблюдали на средней и большой высоте над юго-западной окраиной Калуги в районе парка им. К.Э. Циолковского. В первые дни в таких стаях присутствовало много галок, вероятно, летевших с мест зимовок. Скворцов раньше всего встречали на лугу рядом с местом ночёвки в районе Подзавалья областного центра. Неактивно поющих первых соловьев удавалось услышать в одну из тёплых, тихих ночей в массиве ивового кустарника в устье реки Яченки, а кукование кукушки — по опушкам лиственных и смешанных лесов, на юго-западе области на день раньше. Первые белые аисты являются преимущественно местными особями и обычно их регистрировали на своих гнёздах.

Несмотря на то, что в последние годы орнитофенологические наблюдения мы ведем более регулярно, только по 18 видам мы собрали материал за 7—10 лет (табл. 1). Первые встречи других птиц за 1989—1998 годы в лучшем случае записаны 5—6 раз. Сравнение наших предварительных данных с материалами по Калужской губернии за 1865—1912 годы (Кавелин, 1878; 1879; Gengler, Kawelin, 1909; Филатов, 1915), (табл. 2), показало, что начало прилёта в конце текущего столетия происходит в более ранние сроки.

Для таких типичных ближних мигрантов, как грач, полевой жаворонок, скворец, чибис, сизая чайка они изменились на 14—20 дней. Причин такого резкого изменения, на наш взгляд, две.* Наиболее значимое из них — потепление климата. При увеличении циклональной активности уже в конце февраля — начале марта сходит снег. Перечисленные ближние мигранты быстро долетают до расположенной в том же климатическом поясе родины. Напротив, в другие годы, когда в этот период господствует антициклональная погода, подлёт значительно задерживается (до 1 месяца и более!), а прилетевшие птицы могут совершать перемещения в обратном направлении. Важным также представляется усиление синантропности указанных выше видов. При возврате холодов многие из них спасаются от голода в городах. Неоднократно приходилось видеть грачей и скворцов, кормящихся на помойках, чибисов, жаворонков и зябликов — на проталинах теплотрасс. У сизой чайки на почти трёхнедельное смещение начала прилёта, несомненно, повлиял рост численности. Из нерегулярно пролетной малочисленной птицы, она стала одним из самых массовых

* Причины далеко не полны, а обсуждение механизмов изменений сроков пролета поверхностны и имеет дискуссионный характер (прим. ред.).

Таблица 2. Изменения средних сроков прилета птиц в Калужскую область

Виды	Средние даты начала прилета птиц		Изменение в сроках начала прилета, дни
	1865—1912	1989—1998	
грач	16.03	2.03	-14
полевой жаворонок	26.03	11.03	-15
скворец	30.03	12.03	-18
чибис	1.04	18.03	-14
сизая чайка	9.04	20.03	-20
зяблик	30.03	26.03	-4
серая цапля	6.04	26.03	-11
белая трясогузка	4.04	28.03	-7
белый аист	29.04	31.03	-29
гуси	10.04	4.04	-6
пустельга	8.04	6.04	-2
серый журавль	14.04	10.04	-4
пеночка-теньковка		16.04	
удод		21.04	
деревенская ласточка	28.04	22.04	-6
кукушка	1.05	27.04	-4
соловей	5.05	29.04	-6
стриж	18.05	6.05	-12

видов. Ещё один ближний мигрант, зяблик, стал прилетать раньше только на 4 дня. Как известно, он населяет лесные биотопы, которые освобождаются от снега гораздо позднее открытых пространств и менее подвержены воздействию оттепелей. Кроме того, наши птицы, судя по косвенным данным, проводят зиму в южной и юго-западной Европе, где климатический пояс иной — субтропический, и поэтому слабее реагируют на изменение погоды в наших широтах. Гусей мы сознательно не поместили в группу ближних мигрантов, так как таковыми среди 4 отмеченных видов этого рода можно считать только редкого серого гуся. На пролёте обычны белолобый гусь и гуменник, которые летят транзитом с зимовок, удалённых на тысячи километров, через умеренный пояс в тундру. Серую цаплю, несмотря на большое количество зарубежных европейских встреч, окольцованных в России особей, мы повременили включать в какую-либо группу мигрантов, так как единственный факт зимовки калужской цапли известен из Сенегала (Западная Африка).

У дальних мигрантов (пустельги, серого журавля, кукушки, удода, деревенской ласточки, белой трясогузки, соловья, пеноч-

ки-теньковки) начало миграций определено, в большей мере, внутренними факторами, связанными, скорее, с изменением длины светового дня, нежели погодными явлениями. Поэтому даты прилета этих птиц изменились не так сильно, как у ближних мигрантов, и укладываются в интервал 2—7 дней. Есть два исключения. На 12 дней раньше стали регистрировать стрижа, на 29 — белого аиста. Приведённая для аиста цифра может быть признана вполне условной, так как в расчёте средней даты появления этой редкой птицы в течение прошлого — начале нынешнего веков мы использовали встречи не только пролётных, но и бродячих экземпляров, подлетающих значительно позднее. К концу XX века численность гнездящихся пар аистов выросла на два порядка. Показатель изменения сроков прилёта у стрижа также во многом не объективен. Когда кто-то из авторов сводки уделял виду повышенное внимание, то сведения у нас часто расходились на 4—9 дней. Очевидно, прежние исследователи тоже пропускали передовых птиц.

Любопытным оказалось сравнение сроков начала миграций в Калужской области и на других территориях Восточной Европы. Выяснилось, что разница в датах прилёта в Кракове, Польша (Harmata, 1980) за XIX и XX века совпадает с таковой в нашем крае примерно на такой же интервал времени, что может указывать на глобальность происходящих изменений (табл. 3).

Таблица 3. Сравнение изменений средних сроков начала миграций птиц в разных регионах

Вид	Калужская область		Изменение в сроках, дни	Город Краков, Польша		Изменение в сроках, дни
	Начало прилета птиц			Начало прилета птиц		
	1865—1912	1989—1998		XIX век	XX век	
пол. жаворонок	26.03	11.03	-15	12.03	25.02	-15
скворец	30.03	12.03	-18	31.03	5.03	-26
бел. трясогузка	4.04	28.03	-7	28.03	22.03	-6
дер. ласточка	28.04	22.04	-6	17.04	10.04	-7
кукушка	1.05	27.04	-4	28.04	24.04	-4

В заключение отметим, что наша работа находится на начальном этапе своего развития, объём современных данных ещё явно недостаточен, поэтому представленные обобщения носят предварительный характер. Более обширный орнитофенологический материал в настоящее время собран и опубликован В.А. Марголиным.

Литература

Кавелин Е. Таблица прилета птиц за десять лет (Калужская губерния, Козельский уезд) // Природа и охота, 1878, т. II, июнь, с. 272—273.
 Кавелин Е. Прилет птиц. Калужской губ., г. Козельск // Природа и охота, 1879, Т. IV, ноябрь, с. 285—286.
 Филатов В.А. Птицы Калужской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, отдел зоологический, вып. 14, — М., 1915, с. 194—379.
 Gengler I, Kawelin E. Die Vogel von Koselsk und Umgebung // Omithologisches Jahrbuch, 1909, N. 5, 6, s. 165—191.
 Hannata W. Phonological dynamics of arrivals and departures on migratory birds in Cracov, Poland, and the Environments in the 19 th and 20 th century. // Int. 1 Biometeorol., 1980, 24, N. 2, p. 137— 140.

*Н.А. Егорова,
 Московский государственный педагогический университет*

Малый подорлик в Тульской и на юге Калужской областей

Исследования проводили в 1997—1998 гг. на территории восточной части лесного массива «Тульские засеки», расположенного в центральной части Тульской области и ранее входившего в состав упраздненного одноименного заповедника. Тульские засеки представляют собой длинный (около 30 км) и узкий (не более 5 км) массив, вытянутый по правому берегу Упы в ее среднем и нижнем течении. На обследованной территории, площадью 60 км², были обнаружены две пары малого подорлика. Оба участка постоянного гнездования были известны в 40-е годы и фигурировали в публикациях Г.Н. Лихачева (1957). Жилое гнездо найдено весной 1997 г. в высокоствольной пролесниковой дубраве с густым подлеском из лещины и черемухи. Эту пару неоднократно наблюдали охотящимися на пойменном лугу реки Упы. Второй участок располагался в трех километрах от первого, в глубине лесного массива. Приблизительная численность малого подорлика на территории сохранившихся на юго-западе Тульской области засечных лесов может составлять 10—12 территориальных пар.

В Калужской области исследования проводили с 1994 по 1998 год. В основном изучали заповедник «Калужские Засеки», а также сопредельные территории. Было обследовано междуречье Оки и

Вытебети от села Ульяново на севере до границ Калужской области на юго-востоке. Экстраполировать результаты работ на всю южную часть Калужской области затруднительно из-за разнообразия биотопических условий, степени антропогенной трансформации ландшафтов и высокой облесенности.

В 1994 г. малый подорлик достоверно отсутствовал, в 1995 г. было установлено гнездование одной пары, в 1996 г. обнаружено 4 территориальные пары. В 1997 г. отмечено 6 его гнездовых участков.

Подобное увеличение численности нельзя объяснить только расширением изучаемой территории: в 1997 г. подорлики были найдены там, где ранее птицы определенно отсутствовали. Вероятно, рост численности этого вида у западных границ России приводит к его активному расселению к востоку (Галушин, 1995). В целом, по Ульяновскому району численность малого подорлика может достигать 10 территориальных пар.

На изученной территории малый подорлик населял как водораздельные сложные дубравы, так и припойменные комплексы хвойно-широколиственных лесов и влажных пойменных лугов (Костин, Егорова, Соловков, 1998).

Охотились подорлики, в основном, на примыкающих к гнездовым участкам залежах и лугах. В добыче визуально отмечали лягушек.

Поскольку полевые работы проводили не позднее второй декады июля, данных об успешности размножения мы не имеем.

Литература

1. Галушин В.М. Современное состояние популяций редких видов хищных птиц в Европейской России // Чтения памяти профессора В.В. Станчинского, вып. 2. — Смоленск, 1995, с. 12—17.
2. Костин А.Б., Егорова Н.А., Соловков Д.А. «Новые сведения о распространении малого подорлика на юге Калужской области» // Материалы III конференции по хищным птицам Восточной Европы и Северной Азии. — Ставрополь, 1998, с. 68—69.
3. Лихачев Г.Н. Очерк гнездования крупных дневных хищных птиц в широколиственном лесу // Труды II Прибалтийской орнитологической конференции. — М.: АН СССР, 1957, с. 308—336.

Хищные птицы пойм малых рек бассейна Оки

Полевые работы по исследованию пойм малых рек проводились в течение весенне-летних сезонов 1995—1998 гг. За это время были обследованы реки: Вытебеть, Дубенка, Жиздра, Лютня, Мощеный, Песоченка, Плава, Плавка, Рессета, Солова, Упа и Черепеть. Территориально они расположены в Калужской, Орловской и Тульской областях.

Пойменные ландшафты рек представлены разнообразными биотопами. Большую их часть занимают заливные луга с высокой травянистой растительностью, состоящей в основном из злаков, осок, таволги, чемерицы и ивняков. Вторая по площади и протяженности часть пойменных угодий образована смешанными лесами, располагающимися как непосредственно в долине, так и на первых надпойменных террасах. Лесообразующими породами являются дуб, липа, ель, береза и клен. Реже вдоль берегов рек расположены узкие полосы кустарниковой растительности, состоящие из ив.

За время работы исследовано 90 км пойменных угодий. Всего за период наблюдений выявлено 9 видов отряда Соколообразные, для 7 из них доказано гнездование.

Ястреб-тетеревятник

Для этого хищника зарегистрирован лишь один гнездовой участок — в 1997 г. на реке Упе. Жилое гнездо было размещено на средневозрастной ели в 60 м от опушки. Биотопом служил смешанный лес на первой надпойменной террасе. В 1998 г. участок переместился в глубь леса.

Ястреб-перепелятник

Как и для предыдущего вида, отмечен лишь один гнездовой участок, причем тоже на Упе. Биотопически этот участок приурочен к лиственному лесу на первой надпойменной террасе

Луговой лунь

Данный вид в пойме не гнездится, предпочитая антропогенные ландшафты около деревень, причем, как заброшенных, так и жилых. Однако для охоты большинство пар использовали луга, в т.ч. и пойменные, которые находились неподалеку. Так, по крайней мере, 5 пар из 11 охотились на пойменных лугах реки Упы и ее притоков.

Болотный лунь

Все гнездовые участки располагались на мокрых лугах или на

низовых болотах в поймах рек. За время работы отмечено 4 таких территории (на каждом найдено гнездо), 2 из которых сохранялись в течение двух лет подряд.

Черный коршун

Один из наиболее обычных видов хищных птиц, обитающих в пойме. Нами обнаружено 8 участков (с жилыми гнездами): один был заселен в течение 3 лет, три — на протяжении 2 сезонов. Все найденные гнезда располагались на дубах, причем как на старых (100—130 лет), так и на молодых деревьях (40—50 лет).

Малый подорлик

За время работы обнаружен только один участок (с известным жилым гнездом), сохранявшийся в течение двух лет. Биотопом служил влажный дубово-липовый выдел, расположенный на первой надпойменной террасе. Помимо этих птиц, неоднократно отмечали охоту на пойменных лугах подорликов из других территориальных пар, хотя гнезда были расположены глубоко в лесу.

Большой подорлик

Жилое гнездо найдено в 1998 г. в пойме реки Черепеть. На других реках птиц не отмечали.

Обыкновенный канюк

За период исследования обнаружено 18 участков (в среднем 9 за год). Участки были расположены в смешанных и лиственных лесах. Гнездовое предпочтение не выявлено; по-видимому, решающим фактором является архитектура деревьев.

Европейский осоед

Были отмечены два гнездовых участка в разные сезоны — в 1996 и 1998 гг. в пойме Вытебети. В обоих случаях найдены гнезда.

Таким образом, в течение 1995—1998 гг. нами зарегистрировано 28 участков хищных птиц (табл. 1), из них 6 были заселены 3 сезона, 15 — в течение двух лет.

Наибольшее количество пар отмечено для канюка (36%) и черного коршуна (29%), на долю которых приходилось около 2/3

Таблица 1. Численность хищных птиц в поймах малых рек

Вид	Кол-во гнездовых участков	Пар на 10 км поймы
1. Тетеревятник	1	0,04
2. Перепелятник	1	0,04
3. Болотный лунь	4	0,14
4. Черный коршун	8	0,29
5. Малый подорлик	1	0,04
6. Большой подорлик	1	0,04
7. Канюк	10	0,36
8. Осоед	2	0,07

всех хищников, обитавших по поймам рек. Пойменные угодья являются оптимальными для гнездования черного коршуна и, в меньшей степени, канюка, поэтому эти виды здесь доминируют.

Ко второй по численности группе можно отнести болотного луня, составляющего примерно 14% от общего количества хищных птиц. Плотность его населения ограничена, прежде всего, наличием гнездопригодных биотопов.

Третью группу составляют осоед — 7%; тетеревятник, перепелятник, большой и малый подорлики — по 3,5%. Низкая численность этих видов обусловлена или слабой выраженностью гнездопригодных биотопов, либо редкостью некоторых из них в Центральной России.

Д. В. Богомолов,

Московский государственный педагогический университет

Луни «Тульских засек»

и сопредельных территорий

Обследована восточная часть Ярцевского лесничества (бывший заповедник «Тульские Засеки» в низовьях реки Упы, бассейн реки Оки) и сопредельных агроценозов.

Выявлено гнездование двух видов луней — лугового (*Circus pygargus*) и болотного (*Circus aeruginosus*).

В июне 1998 г. на площади 32 кв. км размножилось 18 пар луговых луней. Из них 12 пар было сосредоточено на площади 16 кв. км. В качестве гнездовых биотопов они использовали участки высокотравья, главным образом, крапивы, в непосредственной близости от жилья человека или сельскохозяйственных построек. Именно за счет предпочтения такого рода биотопов, этот вид распределен по обследованной территории крайне неравномерно. Луговые луни не гнездились на участках высокотравья непосредственно на территории лесничества (поляны, гари, старые вырубki); не использовали в этих целях также и высокотравные участки на прилегающих полях. Среди всех обнаруженных пар, подавляющее большинство — 16, располагали постройки в пределах населенных пунктов и лишь две обитали на некотором удалении от жилья человека (от 150 до 250 м). На обследованной территории было обнаружено микроколониальное поселение луговых луней (четыре гнез-

дящиеся пары) на окраине деревни Пруды (Щекинский район Тульской области).

Как правило, гнездовой биотоп луговых луней был расположен на антропогенно-трансформированной территории, выведенной из хозяйственного использования (заброшенные сенокосы, огороды, разрушенные загоны для скота и т. д.). При гнездовании поблизости от жилья человека он представлял собой куртину крапивы, площадью около 20 кв. м. В качестве сопутствующих растительных видов в таком сообществе присутствовали лопух, конский щавель, кипрей, борщевик и различные злаки.

На сопредельной с лесничеством территории выявлено размножение двух пар болотных луней. Первая пара обитала неподалеку от поселка Селиваново на заболоченном берегу реки Соловы (левый приток Упы). Постройка была расположена на заломе тростника. Вторая гнездилась южнее деревни Николаевки на берегу прибрежной растительности. Необходимо отметить определенную толерантность этой пары и постоянное присутствие человека в пределах гнездового участка. Птицы не реагировали на движение людей и автотранспорта поблизости от гнезда, не проявляли беспокойства при долговременном нахождении рыбаков и отдыхающих в пределах гнездового участка.

На обследованной территории отмечали присутствие молодого и половозрелого самцов полевого луны (*Circus cyaneus*).

Поскольку за все время проведения исследований обнаружить самку не удалось, и не наблюдали элементы гнездового поведения у самца, то, по-видимому, они здесь не размножались.

Н.А. Егорова,

Московский государственный педагогический университет

Редкие виды дневных хищников заповедника «Калужские засеки» и сопредельных территорий

Изучение хищных птиц заповедника проводили в 1994—1998 гг. Общая обследованная территория составила около 270 км². Основное внимание уделяли состоянию численности хищных птиц на изучаемой территории, особенностям их биологии и экологии.

За весь период было зарегистрировано 14 видов дневных хищников.

Змеяяд *Circaetus gallicus* L.

Сведения об этом виде на территории Калужской области очень скупы. Известны лишь немногие встречи во внегнездовой период, либо за пределами гнездовых биотопов.

В калужских засеках змеяяда регистрировали в 1996—1998 гг. (Костин, Егорова, 1997). Гнездо единственной пары, вероятно, располагалось вне заповедника, на территории национального парка «Орловское полесье». Птицы регулярно охотились на закустаренных увлажненных лугах, в пойме реки Вытебеть, у южной границы заповедника. В 1996 г. наблюдали поимку змеи и полет с добычей в сторону массива хвойно-широколиственного леса выше по ее течению. В 1998 г. наблюдали территориальный конфликт двух птиц, что, вероятно, свидетельствует о возможном появлении еще одной пары.

Орел-карлик *Hieraetus pennatus* Gm.

Его ежегодно отмечали в северной части заповедного участка. В 1994—1996 гг. одиночная особь темной морфы держалась в массиве старой дубравы. Неоднократно наблюдали охотничьи полеты у западной и восточной опушек массива и агрессивные контакты с малыми подорликами и осоедами, но существенных подтверждений гнездования обнаружить не удалось. В 1997 г. пара птиц, состоящая из особей светлой и темной морфы, была встречена в четырех километрах южнее, в долине реки Чечеры.

Малый подорлик *Aquila pomarina* C.L. Brehm

Гнездящийся вид. Впервые отмечен нами на территории заповедника на гнездовании в 1995 г. (Костин, Егорова, 1996). Малый подорлик населял как водораздельные сложные дубравы, окруженные массивами полей и залежей, так и припойменные комплексы хвойно-широколиственных лесов и влажных заливных лугов.

В 1997 г. было зарегистрировано 6 территориальных пар. На одном участке пара постоянно гнездилась с 1995 г., два участка известны с 1996 г., один — с 1997 г. Птицы располагали гнезда в основном на елях или на клене. Несмотря на крупные размеры построек, все они были малозаметны с земли: либо укрыты вершинами густого подлеска, либо кронами деревьев 1—2 ярусов. Подорлики охотились в «Калужских Засеках» на суходольных, пойменных лугах, залежах и низовых болотцах среди приручьевых ольшаников, примыкающих к гнездовым территориям. В большинстве случаев птицы улетали не далее 1—1,5 км от гнезда. В южной части заповедника охотничью территорию двух пар разделяла «нейтральная полоса» шириной около 500 м. Между самцами, регулярно добывающими корм одновременно, агрессивных контактов не наблюдали. В добыче визуально отмечали бесхвостых амфибий.

Большой подорлик Aquila clanga L.
Гнездящийся вид. Жилая постройка обнаружена летом 1998 г. в 16 км юго-западнее деревни Ягодная.

Литература

1. Костин А.Б., Егорова Н.А. О гнездовании малого подорлика в заповеднике «Калужские Засеки» // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий, ч. 1. — Калуга, 1996, с. 74—75.
2. Костин А.Б., Егорова Н.А. Хищные птицы заповедника «Калужские засеки» // Научное наследие П.П. Семенова-Тяньшанского и его роль в развитии современной науки, ч. 2. (зоология, экология, ботаника). — Липецк, 1997, с. 39—40.

Е.О. Фадеева,

Тульский государственный педагогический университет

Экология грача в антропогенных ландшафтах с высоким уровнем техногенного загрязнения

В работе исследована экология грача при мощном антропогенном прессе и разном уровне химического и радиоактивного загрязнения. Исследования проводили в 1985—1996 гг. в Окско-Донском междуречье. Территория испытывает мощную антропогенную нагрузку и сильное техногенное загрязнение. Границы исследованной территории Окско-Донского междуречья совпадают с современными административными границами Тульской области. По загрязнённости окружающей среды Тульская область в настоящее время относится к регионам с острой экологической ситуацией. Радиационное поражение охватывает 56% территории. Вклад в загрязнение среды вносят выбросы химических поллютантов промышленного и сельскохозяйственного производства. При достаточно мощном антропогенном прессе формирование и структура антропогенных ландшафтов области благоприятно повлияли на экологию грача в гнездовой и послегнездовой периоды. Он успешно адаптировался в новой антропогенной среде.

В настоящее время грач — один из многочисленных, прогрессивно увеличивающих численность синантропных видов птиц, гнездящихся в Тульской области. Начиная с 1950 г., численность его в

Тульской области постоянно возрастала. С 1984 по 1994 гг. она увеличилась в 1,5 раза, составив около 76 000 пар. В 1995—1996 гг. рост замедлился и достиг 78 000 пар. В ближайшие пять лет, общая численность этого вида, видимо, не превзойдёт отметку 80 000 пар. Возможно, это соответствует биологическому оптимуму численности грача, адаптировавшегося к антропогенным ландшафтам.

Колонии грача расположены неравномерно в силу агрегированного (пятнистого) распределения, характерного для облигатно-колониальных видов. Плотность гнездования колебалась в пределах 1,3—14,8 пар/км² в разных районах. Расположение колоний тесно связано с населёнными пунктами. Все грачевники, расположенные за их пределами, удалены не более, чем на 0,5—2 км.

Распределение грачиных колоний коррелирует с численностью городского населения области. В Туле, районных центрах, в посёлках городского типа сосредоточено 82% грачевников. Общее их количество в сельской местности составляет 16,6%.

Размеры колоний грача колеблются в широком диапазоне. Минимальное число гнёзд в колонии 7—10, максимальное — 1 000 и более. Одиночных построек не отмечено. Несмотря на значительную антропогенную трансформацию среды, грач остаётся облигатно-колониальным видом. Колонии с числом гнёзд от 11 до 300 составляют около 87%. Наиболее часто встречаются поселения с числом гнёзд от 11 до 50 (54%). Большие грачиные колонии (более 500 гнёзд) находятся в городах и посёлках вблизи крупных водоёмов. Существование грачевников, численность и характер расположения в них гнёзд, несомненно, являются результатом взаимодействия экологических требований грача и его адаптаций к антропогенно трансформированной среде.

При анализе субстрата, выбранного грачом для размножения, выявлено, что при постройке гнезда он не требователен к виду деревьев. Отмечено гнездование на одиннадцати видах деревьев и на опорах ЛЭП.

Независимо от сезона, грачи, гнездящиеся в урбанизированных ландшафтах, постоянно используют значительное количество кормов антропогенного происхождения, добываемых на свалках. Доля такой пищи с ноября постоянно растёт и в зимние месяцы составляет 70% пищевого рациона. За счёт использования обильных органических компонентов свалок и складированных сельскохозяйственных отходов вблизи ферм и на окрестных полях, упрощаются сезонные трофические связи этого вида. Это является благоприятным условием для увеличения его численности и круглогодичного пребывания на территории данного региона и причиной перехода части популяции к оседло-кочующему образу жизни.

Переход большей части местных птиц к частично оседлому образу жизни, связанному с успешной их адаптацией к обитанию в антропогенных ландшафтах, пока не затронул основные физиологические особенности, обуславливающие начало и продолжительность репродуктивного периода. Основные характеристики гнездовой биологии этого вида не изменились.

Таким образом, на основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

1. Грач успешно адаптируется в условиях антропогенно трансформированной среды. Рост численности гнездящихся птиц связан с насыщенностью антропогенных ландшафтов пищевыми ресурсами, наличием гнездового субстрата, благоприятными природно-климатическими условиями.

2. Его толерантность имеет весьма широкий диапазон, что позволяет без видимых последствий переносить хроническое синергическое действие низких и средних доз радиации и концентрации ксенобиотиков, загрязняющих окружающую среду.

В.И. Горшков,

лаборатория зоологического мониторинга КГПУ

Некоторые сведения по редким видам птиц Жуковского района

Жуковский район расположен на северо-востоке Калужской области. Это один из наиболее лесистых районов области, находящийся в подзоне смешанных лесов. Достаточно большие их участки присутствуют в северной и центральной частях района, где преобладают ель, сосна, береза, осина. Самая крупная река Протва протекает с северо-запада на юго-восток. Такая особенность определяет сравнительно слабую интенсивность пролета птиц, которые мигрируют вдоль водоемов осенью в юго-западном, а весной — в обратном направлениях. Здесь нет крупных водохранилищ, больших по площади верховых и низинных болот. Наиболее значительные населенные пункты расположены вдоль реки Протвы.

В результате усиливающейся антропогенной нагрузки редкие виды птиц оказываются наиболее уязвимыми и требуют постоянного контроля и прогнозирования изменений их численности.

Орнитологические наблюдения, послужившие основой для данного сообщения, проведены в период с 1990 по 1998 годы во время экскурсий вдоль пойм рек Протвы и Аложи, зимних маршрутных учетов в Барсуковском и Зареченском лесничествах, а также при посещении других территорий. Использованы сведения, полученные от лесников и любителей природы.

В предлагаемый список вошли редкие гнездящиеся или предположительно гнездящиеся, а также пролетные виды.

*Большая поганка** — отмечена дважды во время половодья 12.04.1990 г. у села Высокиничи и 16.04.1993 г. у деревни Величково. На пролете этот вид редок, гнездование маловероятно.

Серая цапля — редкие встречи одной-двух птиц отмечали до 1998 г. в пойме реки Протвы на участке от села Овчино до города Кременки. Колония из 5 гнезд впервые обнаружена 23.06.1998 г. на территории госкомплеса «Таруса» на берегу рыбопродуктивного пруда.

Белый аист — в настоящее время в Жуковском районе известны три гнезда: с 1986 г. в селе Высокиничи на водонапорной башне; с 1986 г. в селе Трубино на куполе церкви; до 1982 г. в течение нескольких лет пара размножалась на куполе церкви в селе Ивановское, а с середины 80-х гг. — на водонапорной башне.

Лебедь-кликун — одиночная особь держалась с 10 по 24.06.1998 г. на затопленных после дождей низинах пойменного луга реки Протвы на участке от села Высокиничи до деревни Нижняя Вязовня.

Шилохвость — крайне редко регистрировали на пролете. Пару наблюдали 15.04.1996 г. в заводи разлившегося озера-старицы у села Высокиничи.

Луток — зарегистрирован на территории района лишь однажды на весеннем пролете 10.04.1994 г. близ деревни Караулово.

Полевой лунь — возможно гнездится. Птиц неоднократно отмечали на с/х угодьях в окрестностях деревень Караулово и Гостешево. Последний раз 25.06.1997 г. отмечена охотящаяся пара над клеверным полем в окрестностях деревни Казаново.

Луговой лунь — достаточно редко наблюдали в пойме реки Протвы. Одиночная особь встречена 24.04.1994 г. во время пролета на участке между деревней Грибовка и селом Высокиничи.

Болотный лунь — отмечен только один раз 18.05.1997 г. в окрестностях деревни Макарово у запруды на реке Аложе.

Ястреб-тетевятник — относительно редок. Удачную охоту на галку наблюдали 05.08.1993 г. в селе Высокиничи.

* — жирным шрифтом выделены виды птиц, занесенные в Красную книгу РФ, жирным курсивом — в Красную книгу Калужской области, обычным курсивом — уязвимые. (Прим. ред.).

Большой подорлик — единственная встреча четырех особей вместе с двумя беркутами произошла 19.06.1997 г. в окрестностях деревни Караулово.

Беркут — одиночная птица встречена 18.05.1997 г. в пойме реки Протвы в окрестностях деревни Караулово. Судя по белым пятнам на крыльях и плечах, это была неполовозрелая особь, предположительно этого вида. Два таких же хищника парили над лугом и садились на землю 19.06.1997 г. на том же участке.

Чеглок — зарегистрирован 11.05.1992 г. в окрестностях деревни Грибовка, а 25.06.1997 г. наблюдали охоту этого вида на воробьев в селе Высокиничи.

Кобчик — встречен дважды: 12.07.1990 г. в окрестностях села Высокиничи и 01.07.1996 г. в пойме реки Протвы у поселка Восход.

Пустельга — пару отмечали 24.06.1997 г. на с/х угодьях в окрестностях деревень Иштутино и Гостешево. Одиночная особь охотилась 12.09.1998 г. у деревни Тимашово.

Глухарь — одна из самых редких птиц района, численность которой, по всей видимости, сокращается. Дважды он отмечен во время зимних маршрутных учетов. Следы двух особей на снегу, песке, у вывороченных корней дерева, и общипанные верхушки елочек обнаружены 12.12.1992 г. в лесном массиве между селом Высокиничи и деревней Макарово. Самец встречен 18.01.1993 г. на том же участке.

Перепел — зарегистрированы редкие встречи на пойменных лугах реки Протвы, ее притоков или в окрестных с/х угодьях. Численность, по всей видимости, уменьшается.

Серый журавль — птиц, отмечали, в основном, на пролете. Вероятно, территориальную пару наблюдали 21.04.1998 г. на с/х угодьях в окрестностях села Высокиничи.

Коростель — обитает по пойменным лугам реки Протвы и ее притоков, иногда в с/х угодьях. На пятикилометровом участке долины между деревней Грибовка и селом Высокиничи 11.05.1992 г. учтено 4 токующих самца.

Травник — стайка из 12 птиц держалась в течение июня 1998 г. на мелиоративных разработках пойменного луга реки Протвы поблизости от деревни Караулово.

Малая чайка — зарегистрирована на пролете 19.04.1998 г. в окрестностях деревни Караулово.

Черная крачка — на весеннем пролете обычна. Гнездится только на плавнях Грибовского пруда, где 30.06.1998 г. встречены три пары.

Белокрылая крачка — во время весенних миграций обычна. На

гнездовании отмечена только на плавнях Грибовского пруда, где 30.06.1998 г. наблюдали 5 гнездовых пар, и регистрировали их в предыдущие два сезона.

Воробьиный сыч — редкая, вероятно, гнездящаяся птица. Одиночная особь отмечена Е.В. Крючковым 15.08.1996 г. в сосново-еловом лесу в окрестностях поселка Протва (город Жуков).

Обыкновенный зимородок — по реке Протве встречали сравнительно редко. Жилая нора была обнаружена 26.06.1997 г. в обрыве берега у деревни Тиньково.

Золотистая щурка — впервые отмечена в 1998 г.: одиночная птица 5 июля сидела на проводах ЛЭП вдоль дороги на деревню Гостешево в окрестностях деревни Караулово; стая из 18 особей 6 сентября охотилась над клеверным полем у деревни Казаново.

Черный дятел — сравнительно редкий вид. Неоднократно встречали в Барсуковском лесничестве: 10.01.1992 г. в березово-еловом лесу в окрестностях деревни Макарово; 12.07.1993 г. у кабаньих кормушек к северу от деревни Бор.

Белоспинный дятел — неоднократно отмечали во время зимних маршрутных учетов. Две особи встречены 10.01.1993 г. в березово-липовом лесу у деревни Макарово и одна — 16.04.1994 г. в ольшанике пойменной террасы реки Протвы в окрестностях села Высокиничи.

Серый сорокопуд — две особи встречены 13.12.1992 г. в Зареченском лесничестве в окрестностях деревни Барнаул.

Варакушка — одиночная птица отмечена 18.05.1998 г. на огородных участках в селе Высокиничи.

Дубонос — изредка наблюдали в окрестностях ряда населенных пунктов, чаще всего — в садах. Стайка из 6 птиц держалась 06.08.1990 г. в садах деревни Казаново. Три особи отмечены 28.08.1998 г. в деревне Иштутино.

В.А. Марголин, к.б.н., доцент; Т.А. Круглова,
М.П. Шашков, А.В. Марголин,
лаборатория зоологического мониторинга КГПУ,
Экологический клуб «Stenus»

Аннотированный каталог летучих мышей Калужской области

Первые сведения о фауне рукокрылых Калужской области приведены В.А. Николаевым (1925), который указывал 6 видов. В книге М.Е. Кунакова (1979) описано девять видов летучих мышей. До настоящего времени эта группа является одной из наименее изученных среди позвоночных животных нашего края. В своей работе мы попытались как-то восполнить существующий пробел.

КЛАСС MAMMALIA LINNAEUS, 1758 — МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Подкласс EUTHERIA GILL, 1872 — ВЫСШИЕ ЗВЕРИ

ОТРЯД CHIROPTERA BLUMENBACH, 1779 — РУКОКРЫЛЫЕ

Подотряд MICROCHIROPTERA DOBSON, 1875 — ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

Семейство Vespertilionidae Gray, 1821 — Гладконосые, или Обыкновенные летучие мыши.

Подсемейство Vespertilionidae Miller, 1897

Род Myotis Kaup, 1829 — Ночницы

1. Myotis brandti Eversmann, 1845 — ночница Брандта

Myotis mystacinus Leisl. — летучая мышь (Николаев, 1925) довольно обыкновенна, нередко во всех северных уездах Калужской губернии, заметно реже обитает в южных.

Myotis mystacinus Kuhl — усатая ночница (Кунаков, 1962, 1979) достоверно известна для Калужской области.

Прежде ее относили к подвиду усатой ночницы (*Myotis mystacinus* Kuhl, 1819). Вероятно, ведет оседлый образ жизни. Три самца и четыре самки обнаружены на зимовках в сезоны 1996—1997 и 1997—1998 г.г. в Кольцовских каменоломнях на территории Ферзиковского района (Круглова, Марголин).

2. Myotis dasycneme Boie, 1825 — прудовая ночница

Myotis dasycneme Boie — прудовая ночница (Кунаков, 1962, 1979) достоверно известна для Калужской области.

Вид, вероятно, ведет оседлый образ жизни или иногда кочует. Самец обнаружен 30.01.1998 г. на зимовке в Кольцовских каменоломнях.

3. Myotis daubentoni Kuhl, 1819 — водяная ночница

Leuconoe daubentonii Leisl. — летучая мышь (Николаев, 1925) весьма обыкновенна (часто) с мая по сентябрь по всей Калужской губернии.

Myotis daubentoni Kuhl — водяная ночница (Кунаков, 1962, 1979) характерный представитель фауны рукокрылых Калужской области.

По сведениям К.И. Ширяева, самка и еще 10 особей пойманы с целью кольцевания соответственно 20.08 и 9.09.1981 г. на чердаке деревянного строения в Калужском городском бору. Вероятно, зверьки ведут оседлый образ жизни. Один самец и экземпляр не установленного пола обнаружены 11.01 и 27.03.1998 г. на зимовке в Кольцовских каменоломнях.

Род Plecotus E. Geoffroy, 1818 — Ушаны

4. Plecotus auritus Linnaeus, 1758 — бурый ушан

Plecotis auritus L. — ушан (Николаев, 1925) обычен с конца апреля по сентябрь по всей Калужской губернии.

Plecotis auritus L. — ушан (Кунаков, 1962, 1979) наиболее распространенный среди рукокрылых по Калужской области. Зимует в Средней полосе.

Обычен, вероятно, ведет оседлый образ жизни — самый массовый зимующий вид. Так, 70 и 29 особей обнаружено соответственно в сезоны 1996—1997 и 1997—1998 г.г. в Кольцовских каменоломнях, одна — 1.02.1998 г. в катакомбах близ деревни Бунаково (Ферзиковский район) и 6 экземпляров — 3.11 и 13.12.1997 г. в заброшенных полуподземных ангарах ракетных частей в лесах Козельского района (Круглова, Марголин).

Род Pipistrellus Kaup, 1829 — Нетопыри

5. Pipistrellus pipistrellus Schreber, 1775 — нетопырь-карлик

Vespertilio pipistrellus Scheb. — нетопырь карлик (Кунаков 1962, 1979) достоверно известен для Калужской области.

Достоверных встреч нами не зарегистрировано.

6. Pipistrellus nathusii Keyserling et Blasius, 1839 — нетопырь Натузиуса или лесной нетопырь

Pipistrellus nathusii Keys. et Bl. — натузиева мышь (Николаев, 1925) довольно обыкновенна с начала—середины мая по начало сентября, нередко по всей Калужской губернии. Два экземпляра добыты в Козельском уезде и один в Медынском.

Vespertilio nathusii Keys. — нетопырь натузиуса (Кунаков 1962, 1979) достоверно известен для Калужской области.

По одному самцу обнаружено 21 и 23.07.1998 г. на Северном участке заповедника «Калужские Засеки» в деревянном доме, рас-

положенном среди смешанного леса (кордон Новая Деревня, Ульяновский район).

Род *Nyctalus*, *Bowdich*, 1925 — Вечерницы

7. *Nyctalus noctula* *Schreber*, 1775 — рыжая вечерница

Pterigistes noctula *Schreb.* — кожан (Николаев, 1925) довольно обыкновены, видимо, по всей Калужской губернии.

Nyctalus noctula *Schreb.* — рыжая вечерница (Кунаков, 1962, 1979) наиболее распространенная среди рукокрылых Калужской области.

Вид обычен, иногда коллективно заселяет дупла старых деревьев. Совершает дальние перелеты к местам зимовок, откуда возвращается к середине апреля. По данным Всероссийского центра кольцевания птиц, самка, окольцованная (X—840 411) 30.03.1977 г. на Зеленом острове в Ростовской области, добыта 17.04.1978 г. у деревни Крюково Юхновского района.

8. *Nyctalus lasiopterus* *Schreber*, 1780 — гигантская вечерница.

Nyctalus lasiopterus *Schreb.* — гигантская вечерница (Кунаков, 1979) очень редко встречается в Калужской области. Занесена в Красную книгу СССР.

Занесена в Красную книгу Российской Федерации как вид, имеющий малую численность и спорадически распространенный на значительной территории. Одиночная особь отмечена 14.06.1982 г. на опушке смешанного леса в окрестностях деревни Каменки Козельского района.

Род *Vespertilio* *Linnaeus*, 1758 — Двухцветные кожаны

9. *Vespertilio murinus* *Linnaeus*, 1758 — двухцветный кожан.

Vespertilio discolor *Natt.* — кожан двухцветный (Николаев, 1925) распространение в Калужской губернии неизвестно, единственный экземпляр добыт в Боровском уезде.

Vespertilio murinus *L.* — кожан обыкновенный двухцветный (Кунаков 1962, 1979)

Достоверно известен для Калужской области.

В настоящее время пребывание на территории Калужской области не подтверждено.

Таким образом, пребывание двух видов — нетопыря-карлика и двухцветного кожана в последние десятилетия подтвердить не удалось. Для 4 видов впервые установлены факты зимовок. Для большинства рукокрылых распространение, ориентировочная численность и ее тенденции остаются не изученными.

Литература

Каталог млекопитающих СССР (плиоцен-современность). — Л.: Наука, 1981, 456 с.

Круглова Т.А., Марголин В.А. К изучению зимовок летучих мышей в Калужской области // Настоящий сборник.

Кунаков М.Е. Позвоночные животные // Растительный и животный мир Калужской области, вып. 2. — Калуга, 1962, с. 70—182.

Кунаков М.Е. Животный мир Калужской области. — Тула: Приокское книжное издательство, 1979, 168 с.

Николаев В.А. Животный мир Калужской губернии // Очерки Калужской губернии, раздел 2. — Калуга: Издательство Калужского губернского общества краеведения, 1925, № 1, 22 с.

Т.А. Круглова, В.А. Марголин, к.б.н., доцент,
лаборатория зоологического мониторинга Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского

К изучению зимовок летучих мышей в Калужской области

На территории Калужской области установлено пребывание девяти видов летучих мышей (Кунаков, 1979). До настоящего времени сведения о зимовках рукокрылых на территории нашего края в литературе отсутствовали, что в некоторой степени компенсирует настоящее сообщение.

Исследования проведены в течение двух сезонов: вторая половина марта — начало мая 1997 г. и ноябрь—апрель 1998 г., в течение которых обследованы заброшенные сооружения человека: штольни известняковых каменоломен по берегам реки Оки и ее притока — ручья Передут в Ферзиковском районе; демонтированный комплекс ракетных частей в лесах Козельского района. Особое внимание было уделено наиболее крупному скоплению рукокрылых в выработках, расположенных неподалеку от деревни Воронино (Кольцовские каменоломни). Среди других были посещены пещеры, находящиеся южнее деревни Бунаково и северо-западнее деревни Ладыгино. Существенную помощь в работе оказал М.П. Шашков, которому авторы выражают благодарность.

На местах зимовок мы проводили визуальные учеты численности, определяли видовой и половой составы зверьков, измеряли температуру воздуха, составляли схемы размещения спящих особей, наблюдали за зимней активностью и осуществляли отлов при помощи небольших паутинных сетей, которыми закрывали выходы из штолен. Для изучения миграций и привязан-

ности к местам скоплений применяли мелкие птичьи кольца с обточенными краями и индивидуальное мечение спящих зверьков пронумерованными кусочками липкой ленты, временно прикрепляемыми к их спине. Всего помечено 92 особи, из них 79 окольцовано.

Общая протяженность Кольцовских каменоломен составляет около 700 м. Пещеры представлены тремя связанными между собой крупными системами, большую часть которых образуют штреки, местами сильно заваленные, чередующиеся с маленькими залами. Высота штолен варьирует в пределах 1,1—1,7, ширина — от 1 до 6,5 м. Существуют участки в виде вертикальных проломов до нескольких метров глубиной и совершенно недоступные для учета, есть узкие горизонтальные ходы и щели, служащие летучим мышам убежищем и также непроходимые для человека. Бунаковские подземелья гораздо меньше по протяженности и доступности, чем Кольцовские. Обследован один коридор, размеры входа в который составили приблизительно 0,5 x 0,5 м, общая длина при значительной засыпанности — менее 100 м, где была замечена всего одна особь. Выработки у деревни Ладыгино представляют собой еще более обваленные штольни около 3—4 м высотой и протяженностью до 20 м. Здесь летучих мышей обнаружить не удалось. Среди осмотренных полуподземных сооружений маточной точки ракетных войск «Тайфун» лишь несколько экземпляров рукокрылых найдено в подсобных помещениях двух заброшенных ангаров. Системы взорванных катакомб, ведущих к пусковым шахтам, в зимний период непригодны для их обитания.

Таблица 1. Видовой и половой составы зимующих летучих мышей

Вид	Количество особей			Места обнаружения
	самцы	самки	всего	
Бурый ушан	28	35	70	Кольцово — 96/97
	10	4	29	Кольцово — 97/98
	—	—	1	Бунаково — 97/98
	4*	2	6	Тайфун — 97/98
	42	41	106	Итого
Ночница Брандта	2	2	4	Кольцово — 96/97
	1	2	3	Кольцово — 97/98
	3	4	7	Итого
Водяная ночница	2	—	3	Кольцово — 97/98
Прудовая ночница	1	0	1	Кольцово — 97/98

Примечание: * особь, окольцованная 3.11.1997 г., повторно встречена 12 января этого года на месте мечения.

В результате на зимовках встречены следующие виды: бурый ушан (*Plecotus auritus* L.), ночница Брандта — (*Myotis brandti* Evers.), водяная ночница — *Myotis daubentoni* Kuhl и прудовая ночница — *Myotis dasycneme* Boie (табл. 1). В Кольцовских каменоломнях весной 1997 г. учтено 74 летучих мышей. В основном их представляли бурые ушаны, среди которых доля встреч самок (55,6%) была несколько больше, чем самцов (44,4%). За весь период следующей зимовки здесь отмечено лишь 55 зверьков. Среди них, как и прежде, преобладали бурые ушаны и помимо единичных ночниц Брандта обнаружено два других вида. Пол определен у меньшей части животных, так как методика временного мечения, использованная в январе 1998 г., не позволяла проводить их осмотр. В отличие от предыдущего сезона, среди ушанов по количеству соотношению самцы значительно преобладали над самками (соответственно 71,4% и 28,6%). Следует отметить, что за это время не зарегистрировано ни одной окольцованной особи.

Летучие мыши зимовали при температуре воздуха от 0 до +10 °С и влажности около 90%. Их распределение по местам зимней спячки было неравномерным (рис. 1). В первую очередь, это связано с различиями микроклиматических условий. Среди зимы вблизи выходов температура была нередко отрицательная, а в коридорах подвержена значительным колебаниям и не поднималась выше

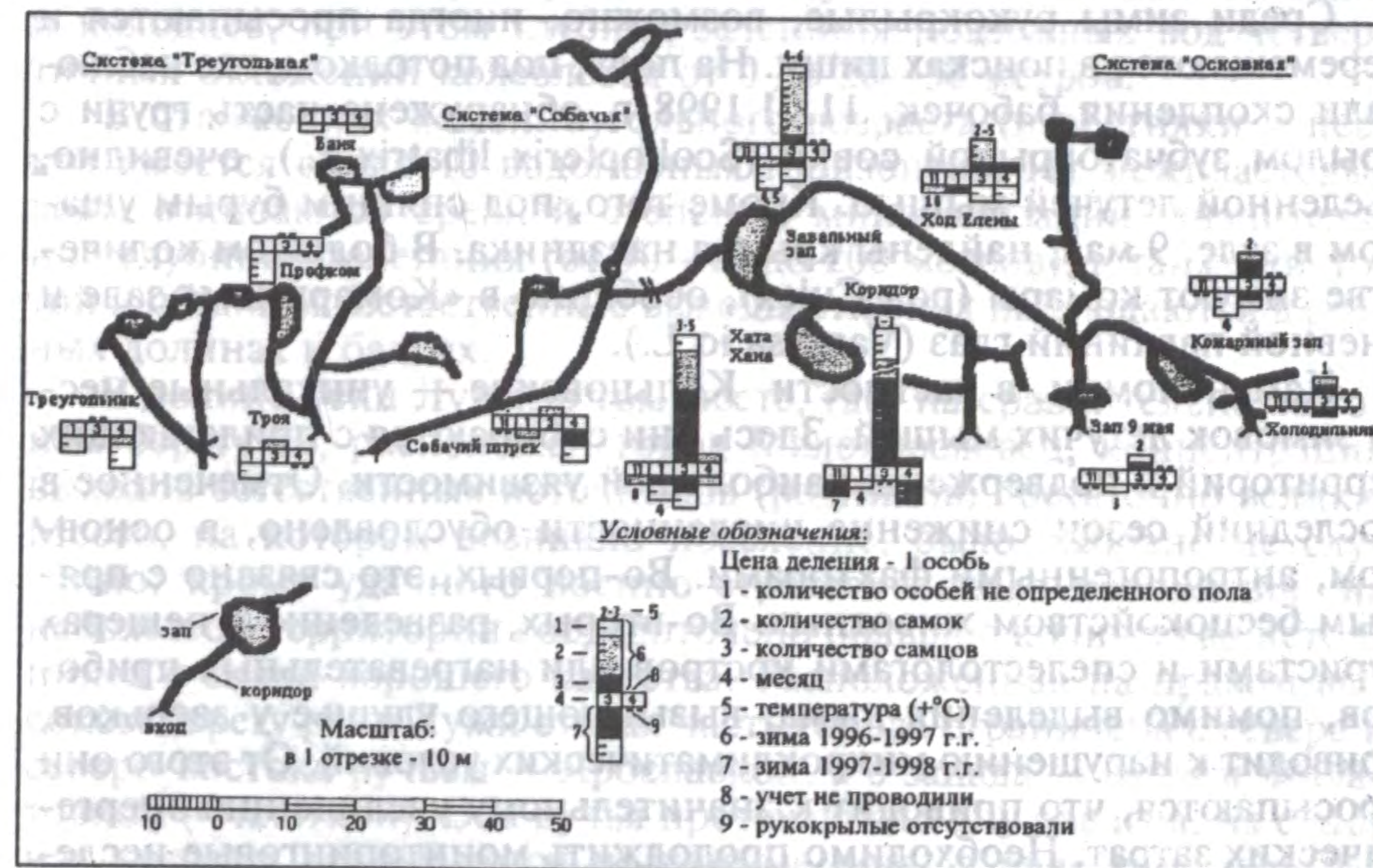

Рис. 1. Размещение рукокрылых на зимовках в Кольцовских каменоломнях

+1 — +3° С. Большинство рукокрылых использовало для спячки достаточно просторные помещения на удалении от 20 м и более, предпочитая в качестве укрытий залы с температурой около +3—+5 °С. Такие параметры постоянны на протяжении всего сезона в залах «Хата Хана», «Завальный», «Комариный». Зверьки висели поодиночке, прицепившись к неровностям потолка, или забивались в щели, как правило, группами, состоявшими из нескольких разнополых животных. В мелких ответвлениях коридоров, в слишком узких и низких лазах они не обнаружены.

С приближением весны происходило увеличение активности рукокрылых. Например, 11 января 1998 г. летающих зверьков не наблюдали, 30 числа этого месяца таких замечено четыре, 27 марта — шесть, 4 апреля — девять. Первым признаком подготовки к вылету из зимних убежищ служит увеличение количества спящих животных у выходов из подземелий. Так, в Главном коридоре в марте 1997 г. на удалении до 30 м от входа было учтено 29 животных, а в более отдаленных помещениях, общая протяженность которых составляла около 200 м, обнаружено всего 38. Во время продолжительной оттепели 23.02.1998 г. пролетающую летучую мышь наблюдали в деревне Кольцово. Бурые ушаны, вероятно, первыми покидали места зимовок. Если 21 марта 1997 г. насчитали 60 особей этого вида, то 5 апреля — 2, а 9 мая — ни одной, тогда как регулярно отмечали по экземпляру ночницы Брандта.

Среди зимы рукокрылые, возможно, иногда просыпаются и перемещаются в поисках пищи. На полу, под потолком, где наблюдали скопления бабочек, 11.01.1998 г. обнаружена часть груди с крылом зубчатокрылой совки (*Scoliopterix libatrix* L.), очевидно, съеденной летучей мышью. Кроме того, под спящим бурым ушаном в зале, 9 мая, найдены крылья наездника. В большом количестве зимуют комары (род *Culex*), особенно в «Комарином» зале и дневной павилинй глаз (*Vanessa io* L.).

Каменоломни, в частности, Кольцовские — уникальные места зимовок летучих мышей. Здесь они собираются с прилегающих территорий и подвержены наибольшей уязвимости. Отмеченное в последний сезон снижение численности обусловлено, в основном, антропогенными факторами. Во-первых, это связано с прямым беспокойством животных. Во-вторых, разведение в пещерах туристами и спелестологами костров или нагревательных приборов, помимо выделения дыма, вызывающего удушье у зверьков, приводит к нарушению микроклиматических условий. От этого они просыпаются, что приводит к значительному увеличению энергетических затрат. Необходимо продолжить мониторинговые исследования в местах концентраций рукокрылых, провести выявление

других пунктов зимовок в целях их изучения и организации охранного режима.

Литература

Кунаков М.Е. Животный мир Калужской области. — Тула: Приокское книжное издательство, 1979, 168 с.

В.И. Меленчук,

аспирант КГПУ им. К.Э. Циолковского.

Родники города Малоярославца

Климатические условия севера Калужской области, рельеф, геология и другие природные особенности способствуют широкому распространению поверхностных вод, а также вскрытию подземных вод в виде естественных источников — родников. Водобильность родников различна и зависит от мощности вмещающих толщ и состава отложений.

В Малоярославецком районе в подморенных песках залегают межпластовые воды, широко используемые с помощью скважин и колодцев, при этом глубина залегания подземных вод четвертичных отложений колеблется от 0 до 20—30 метров.

В отложениях каменноугольного возраста (известняки и пески) имеется около 10 водоносных горизонтов. Их межпластовые воды отличаются средней степенью минерализации, значительной глубиной залегания (от 10—15 до 200 метров), а также чистотой и обилием. Естественные выходы этих вод наблюдаются в речных долинах и балках.

В долине реки Лужи, в том месте, где, на сравнительно высоком берегу ее, расположен город Малоярославец, концентрация выходов естественных источников (родников) достаточно велика. Место, на котором возникло поселение, было выбрано не случайно: кроме удачного военно-стратегического положения, на небольшой территории сосредоточено большое количество источников с водой хорошего качества. Расположенная на правом высоком берегу реки Лужи старая часть города ограничена с севера и северо-востока ручьем — Ярославкой, а с запада — ручьем Филатовкой (Филаткой). Оба ручья протекают по дну оврагов, на склонах которых вскрываются подземные воды в виде естественных водных источников — родников.

На сравнительно небольшом участке местности находятся более 30 родников. Большая часть их расположена на северной окраине города Малоярославца, в долине реки Лужи. Есть родники и в оврагах, по которым протекает речушка Карижка (огибает город с юго-запада, запада, северо-запада и впадает в реку Лужу), ручьи Филатовка (берет свое начало на территории города и впадает в реку Лужу и Ярославка (берет начало на территории города и впадает в реку Лужу). Истоками Ярославки и Филатовки также явились родники. Кроме этого расположение улиц «старого города» полностью повторяет тропинки и дороги, проложенные к источникам воды, к которым можно отнести: родники, ручьи: Ярославку, Филатовку; речушку Карижку и реку Лужу.

В городе Малоярославце использование родников для питьевого водоснабжения и хозяйственно-бытовых нужд имеет длительную историю, связанную с ростом населения и изменением хозяйственной деятельности в этом древнем городе, первое письменное упоминание о котором относится к 1410 году (по другим сведениям — к 1402 году). Уже тогда в этом городе численность населения была около 1000 человек.

На протяжении всей своей многовековой истории малоярославчане получали большую часть питьевой воды и воду для домашнего хозяйства из естественных выходов подземных вод, ручьев и малых рек (Ярославка, Филатовка, Карижка) и реки Лужи. Родниковые ручьи, Филатовка и Ярославка, использовались для пожаротушения, — их истоки были превращены в пожарные пруды. На запруженном родниковом ручье Ярославке стояли мельницы-колотовки. Монастырский родник использовался Николаевским Черноостровским монастырем (в монастыре даже был свой водопровод), а родники Карижский и Зык (Подзык) использовались церквями города, поэтому вышеперечисленные источники были наиболее обустроенными и ухоженными. Особенно это касалось родников, расположенных на территории частной застройки.

После строительства железной дороги, связывающей Москву с Калугой, население Малоярославца возросло до 3 290 человек. В городе был построен первый трехкилометровый водопровод. Интересной деталью было то, что чугунные трубы этого водопровода на стыках были залиты свинцом. Вода из него подавалась на железнодорожную станцию и в депо города. Малоярославец постепенно расширял свои границы, прокладывались новые улицы, выкапывались колодцы. Но и в последующие годы, вплоть до 1961 года, пока в городе не было ни канализации, ни водопровода, родники продолжали играть важную роль в водоснабжении горожан питьевой водой, особенно в северной части города.

К концу 60-х и началу 70-х годов, когда численность населения города возросла до 17 500 человек, родники и колодцы уже не справлялись с обеспечением малоярославчан водой, были пробурены скважины на южной и юго-восточной окраинах города. На смену колодцам и родникам пришла водопроводная сеть. Внимание к родникам ослабло, а быстрый рост городского населения и промышленности привели к давлению на условия формирования родников. Поэтому не случайно и исчезновение некоторых из них.

В Малоярославце встречаются как нисходящие (родник Петриха), так и восходящие (родник на улице Степана Разина) источники. Температура их вод изменяется от 4,5 °С (родник около Карижской церкви) до 6 °С (родник у «засолочной»). Дебит малоярославских источников различен и изменяется от 0,05 л/сек (родник у Боровского моста) до 7—10 л/сек (родник на улице Степана Разина), а у источников, питающих озеро Рониковое, суммарный дебит еще больше. Урбанизация оказала сильное влияние на родники г. Малоярославца.

По современному использованию и степени сохранности все естественные источники города Малоярославца и его пригородов можно разделить на следующие группы:

1. Родники, до сих пор используемые жителями для питьевого и хозяйственного водоснабжения. Многие из них каптированы железобетонными кольцами или деревянными срубами. Наиболее типичными примерами подобных естественных источников в Малоярославце являются родники Петриха, Подзык (Зык) и ряд других. Особый вид подобных родников — портомойки (портомойни или платьемойки), используемые местными жителями для полоскания белья. В Малоярославце до сих пор используются портомойки около «старой бани» и в конце улицы Степана Разина.

2. Естественные источники, используемые в религиозных (культурных) целях. Родники, используемые, кроме питьевого водоснабжения, священнослужителями Карижской и Успенской церквей города, а также монахинями Черноостровского Николаевского монастыря для проведения религиозных обрядов (Карижский 1, Подзык, Монастырский).

3. Родники, умирающие в результате интенсивного антропогенного воздействия. Восстановление этих родников нецелесообразно, т.к. они не используются жителями для питьевого и бытового водоснабжения. В Малоярославце это бывшие пожарные пруды, питавшиеся родниковыми водами, один из родников в овраге ручья Ярославки.

4. Источники, представляющие интерес для промышленных целей. В Малоярославце, например, это родник в районе бывшей

«засоленной», где расположен цех по производству безалкогольных напитков.

5. Родники, представляющие интерес как природные объекты для школьных учебных экскурсий. В районе Малоярославца это целый ряд естественных источников в долине реки Лужи, в том числе и озеро Родниковое, использовавшееся городской засолочной станцией как естественный холодильник, а также родники в овраге ручья Ярославки. Одни из источников этой группы не имеют большого практического значения; другие же, наоборот, интенсивно используются для питьевого и хозяйственного, а иногда и промышленного водоснабжения. Различна и степень антропогенной нагрузки на естественные выходы подземных вод.

Многие из родников Калужской области являются уникальными природными объектами, интересными элементами ландшафтов. В этом направлении в школах необходимо проводить воспитательную и просветительскую работу, с использованием экскурсий на следующие темы: «Подземные воды Калужской области и их естественные выходы на поверхность», «История использования родников», «Родники и урбанизация».

Литература

1. Малоярославец. Очерки по истории города. — Малоярославец, 1992.
2. Беспалов В.М., Дмитриев А.Е. Малоярославец. — Калуга, 1962. — 2-е изд.
3. Меленчук В.И. Малоярославецкие родники: Дипломная работа. КГПУ, кафедра географии, 1997.
4. Родная старина. Периодическое приложение к газете «Малоярославецкий край». Вып. 1. — Малоярославец, 1998.
5. Меленчук В.И., Семенов В.А., Семенова И.В. Родники пригородов и городов Калужской области (на примере городов Малоярославца и Калуги). — Калуга, 1998.

О.Г. Сафронова, к.п.н., профессор;

Г.Н. Тюрикова,

Орловский государственный университет

Национальная парковая культура и экологическая подготовка учителя

Экология культуры рассматривается в настоящее время как часть социальной экологии. Существует глубинная связь между экологическим образованием и формированием нравственности современного человека, его экологической культуры. При этом большая роль отводится краеведению, которое способствует не только привлечению внимания учащихся к природе родного края, возбуждению на этой основе у них интереса к биологии, но и позволяет ознакомиться с историческими фактами и национальной культурой родного края. К ведению такой работы и необходимо планомерно готовить учителя. Особенно большими возможностями в этой работе располагает такая дисциплина, как методика преподавания биологии.

Вопросам краеведения уделяли большое внимание выдающиеся методисты и педагоги прошлого и настоящего: А.Н. Герд, Д. Кайгородов, Б.Е. Райков, Н.М. Верзилин, В.М. Корсунская, В.Ф. Шилов. Однако никто из них не останавливался на таком аспекте, как парковая культура в системе биологического образования.

Проведенные нами исследования показали, что учителя, студенты и учащиеся школ слабо ориентируются в национальной природной культуре своего региона. Между тем природа Орловского края удивительна в своем разнообразии и богата краеведческим материалом. Во многих районах области сохранились как сами парки, так и растения, указывающие на наличие парков и садов в прошлом и сохранившиеся как своеобразные «памятники природы» (Мценский, Шаблыкинский, Дмитровский, Орловский районы).

В процессе преподавания методики биологии на биолого-химическом факультете Орловского госуниверситета через различные формы учебно-воспитательного процесса мы знакомим студентов с памятниками природы Орловской области, связанными с жизнью и творчеством таких писателей Орловщины, как А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, И.А. Бунин, И.С. Тургенев и др. (Шаблыкинский парк в поселке Шаблыкино, Кантемировский парк в городе Дмитровске, парк государственного заповедника-усадьбы И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», Шестаковский парк Мценского района

Орловской области). Этот богатейший краеведческий материал, иллюстрирующий использование элементов природы в системе парковой культуры, позволяет шире осуществлять межпредметные связи биологии с литературой и историей, что способствует не только формированию у учащихся навыков исследовательской работы, но и позволяет им лучше понять и осмыслить творчество писателей и поэтов Орловщины, воспевающих красоты родной природы, и для которых родная природа, парки, леса и сады являлись вдохновляющими факторами творчества.

На лекциях, практических занятиях студенты знакомятся с памятниками природы Орловского края, с деятельностью ученых, посвятивших себя изучению природы нашей области (П.И. Пикалин, В.И. Радыгина, В.И. Блинников и др.).

Используя краеведческий материал, студенты проводят исследования, пишут рефераты, дипломные и курсовые работы, посвященные истории создания живописных парков Орловщины, принципам их конструирования с точки зрения пейзажного размещения и планировки, использованию этого материала в ходе учебно-воспитательного процесса школы. При этом они знакомятся с парковой культурой России, своего региона, уясняют, что парк представляет собой неповторимый пример увязки в единое целое различных элементов географического ландшафта с произведениями архитектуры и искусства. Описывая парк усадьбы И.С. Тургенева в Спасском-Лутовиново, студенты отмечают, что парк отличается своей живописностью и природным своеобразием, затейливым узором пересекающихся аллей и дорожек. Вся территория парка окружена земляным валом, вдоль которого растут многочисленные плакучие ивы, березы, липы, серебристый тополь. Центр парка представлен овальной площадкой, обрамленной липами. Несколько аллей сходятся лучами, взаимно пересекаясь, образуют римскую цифру XIX. Предположительно — это время создания парка. Достопримечательностью парка является могучий столетний дуб — любимое дерево И.С. Тургенева. Богат видовой состав растительности. Это и липа мелколистная, ясень обыкновенный, тополь серебристый, ива ломкая, осина обыкновенная, тополь серый, ель сибирская, ель обыкновенная, вяз шершавый, дуб обыкновенный, сосна обыкновенная. В подлеске растут: лещина, бересклет, жимолость, рябина, черемуха, сирень.

Интересные данные студенты собрали о Шаблыкинском парке. Название парка и села происходят от фамилии помещика Шаблыкина, владевшего этим имением. Впоследствии это имение приобрел дворянин Н.В. Киреевский, частыми гостями которого были И.С. Тургенев, Н.С. Аксаков, Л.Н. Толстой, художник Р.К. Жуков-

ский. В парке насчитывалось 43 рода и 110 видов деревьев. Там и сейчас можно найти каштан курчавый, вяз шершавый, липу сердцелистную, тополь белый и др. Рядом находились продолговатые клумбы из сирени, бузины, калины, жимолости, спиреи и др.. Таких клумб в парке насчитывалось довольно много. Они шли вперемешку с душистыми и белыми тополями, пихтами и дубами. Парк постепенно переходил в естественные ландшафты лугов и рощ.

Студенты собирают материал о том, как создавался тот или иной парк, каким образом в живописную систему пейзажного парка вносилась определенная планомерность и регулярность. Например, перед главным усадебным домом располагался большой луговой партер с целой системой взаимосвязанных клумб, прудов и беседок. Пруды изобиловали лещами, карасями, судаками и другой рыбой.

Студенты уясняют, что парки представляют собой неповторимый пример увязки в единое целое различных элементов природного и искусственного ландшафта с произведениями архитектуры и искусства.

На основе полученных исторических и биологических данных обогащаются знания студентов об экологическом многообразии растений, собранных в садах и парках Орловской области, о животных — обитателях парков и садов, об их гармоничном единстве. Такая работа оказывается весьма эффективной в плане формирования экологической культуры будущего учителя.

Полученный материал используется студентами как при написании дипломных работ, так и в ходе уроков, проводимых в процессе педагогической практики. Уроки, насыщенные интереснейшим материалом об истории родного края и его культуре, возбуждают постоянный интерес учащихся, помогают в их экологическом воспитании.

Содержание

Г.И. Роянова. Предисловие	3
Археология Верхнего Поочья	
А.С. Фролов. Первобытные памятники на территории Тарусского района	5
А.А. Чубур, Е.М. Медведева. Песцы верхнепалеолитической стоянки Быки 1. Археозоологические зарисовки	10
В.В. Сидоров. Колтовская группа стоянок и проблема происхождения иеневской культуры	13
М.В. Ивашов. Новые материалы ромбоямочного неолита деснинского типа на территории Верхнего Дона	15
И.А. Козмичук. Ромбоямочная керамика финального неолита на Верхнем Дону	18
И.В. Болдин, В.Е. Трофимов. Орнаментация неолитической керамики (с позиции технологии производства)	22
Б.В. Грудинкин. Фигурный кремьень с городища Троицкое 1 (Любутск)	24
А.А. Чубур. Шлифованные каменные топоры эпохи бронзы на территории Брянщины	27
А.А. Чивилев. Проблемы проявления импульса шнуровых культур на территории лесостепного Дона	30
Е.А. Шмидт. Мощинская культура в верхнем течении рек Угры и Днепра	32
В.В. Сидоров. Старшее Каширское городище. Раскопки 1997 г.	35
В.Н. Гурьянов, В.В. Миненко. Новые исследования поселений почепской культуры в Верхнем Подесенье	36
О.Л. Прошкин. Влияние характера рельефа и почв на заселение Мещовского ополя в эпоху железного века	41
Т.М. Хохлова. К вопросу о заселении Серенска и его ближайшей округи	45
В.В. Сидоров. Колтово 7 — пригород Колтеска. Колтеск с пригородами накануне монгольского нашествия	49
Р.В. Клянин. О месте летописного Венева	52
В.П. Челябинов. Новые сведения о древнем славянском заселении западной части Рязанского края	54
Р.А. Нигматуллин, О.Л. Прошкин. Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области. (1997—1998 гг.)	56
Г.В. Кропачев. Итоги археологического изучения Верхней и Средней Болвы	61
Л.И. Федорова, В.В. Федоров. К истории народного гончарства в Калуге. Вопросы хронологии	66
История Верхнего Поочья	
В.Я. Филимонов, Д.И. Малинин — историк, просветитель, гуманист	70
А.Е. Зайцев. Город Калуга (топонимический обзор)	75
Г.И. Королев. Калужский край на иностранных географических картах XVI — XVII вв. ..	79
И.В. Пешехонов, И.Г. Бурцев. Народные предания о походе литовского князя Ягайло в 1380 г.	81
Е.В. Чайкин. Древнерусская миниатюра как источник и памятник изобразительного искусства в рассказе «О царе Ахмате, как приходил на Угру» (Миниатюра Шумиловского тома)	83
В.И. Чайкина. Рассказ об Угорщине в Вологодско-Пермской, Никоновской, Софийской государственной летописях и Казанском летописце	87
Л.В. Митрошенкова. Город Малый Ярославец в XVII—XVIII вв.	94
В.А. Бессонов. Полотняный Завод в 1812 г.	98
А.С. Фролов, Н.В. Сухарев. Деятельность общества Красного креста в Калужской губернии в период войны 1877—1878 гг.	104
Н.И. Кожевникова. Кожевенная слобода в Калуге	105
В.И. Осипов. Численность старообрядческого населения Боровска и уезда в XIX— начале XX вв.	110
Н.Н. Никитина. Крестьянство и власть в первой половине 20-х годов	116
А.И. Ульянов. Анархисты Калужской губернии в начале XX века	120
Н.П. Лошкарева. Клировые ведомости 1916 г. как источник по сбору информации о численности населения и дворов (на примере Кривской волости Боровского уезда)	123

О.Ю. Кузнецов. Князь Д.И. Вишневецкий — последний владелец Белева	126
Л.В. Калашникова. Облеуховы на Калужской земле. (Тезисы)	133
А.В. Евгин. Блюститель Кишиневской управы	134
В.А. Ткаченко, А.В. Ткаченко. Современные коллекционные подделки — копии крупных номиналов медных монет XVIII века	140
А.А. Бауэр. Мальцовское художественное литье	144
В.П. Есипов. Кременское и окрестности	149
Т.В. Сыровегина. Из опыта работы над атласом Жуковского района	152

История культуры Верхнего Поочья

А.П. Черников. «России негасимый свет» (А.С. Пушкин в восприятии русских писателей-эмигрантов)	156
Л.А. Козыро. «Моя Мадонна» (стихотворения А.С. Пушкина, посвященные Н.Н. Гончаровой)	161
В.С. Зеленов. Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» и Калужский край	164
А.Г. Родионов. «Огончарованный» Пушкин	170
Н.Г. Богданов. Гибель творца. (Причины смерти Александра Сергеевича Пушкина)	173
А.С. Днепровский. Пушкин и калужские усадьбы	177
Г.М. Журова. Художник — Н.С. Гончарова	181
С.И. Личенко. Художественные произведения из имения Полотняный Завод в собраниях краеведческого и художественного музеев Калуги	184
Н.И. Лепихова. Календарь народных праздников Калужского региона весенне-летнего периода. (По материалам фольклорных экспедиций областного научно-методического центра народного творчества (1991—1993 гг.)	187
Н.В. Марченко. Полотняный Завод — историко-мемориальный памятник. (К вопросу музеефикации усадьбы)	193
М.В. Кислицина. Народная библиотека-читальня в Полотняном Заводе в конце XIX—начале XX веков	197
И.В. Лысцева. Род Загряжских. (из Калужской Пушкинианы)	200
А.А. Зорин. Парки Полотняного Завода	204
В.П. Новиков, З.А. Гарифуллина, А.С. Днепровский, Л.А. Коршунова, А.Ю. Радина Усадьба Шамордино на реке Высса	207
И.Г. Ковшарь. Семейный участок купцов Ванькиных на Всехсвятском кладбище г. Тулы	210
Н.А. Семенова. Великий князь К.К. Романов в Оптиной Пустыни	213
А.В. Кандидов. Великий русский педагог В.П. Вахтеров и Калужский край	217
А.П. Черников. Краеведческий материал на уроках литературы	221
Н.-Л.М. Акуленко, Н.Ю. Калуженская. Культура произношения калужских студентов (из опыта работы)	224
Н.Ю. Калуженская. Обучение национальной культуре общения иностранных студентов	227
Н.-Л.М. Акуленко. Речевая субкультура калужан	228

Природа Верхнего Поочья

Л.П. Паутова. Об истории создания в Калужской области государственного природного заповедника «Калужские засеки». (К 80-летию заповедного дела в России)	232
Л.П. Паутова. О восстановлении широколиственных лесов бывшей засечной черты Русского государства на территории национального парка «Угра»	236
О.Н. Волошина, А.А. Могильнер. Природная ценность Калужско-Алексинского каньона реки Оки	238
А.А. Могильнер. Проектирование охраняемой территории в долине Рессеты. (По материалам экспедиции 3—20 июля 1999 г.)	246
А.Ю. Радина. К вопросу о биоиндикации состояния агроценозов	252
Х.Х. Сюняев, О.И. Сюняева, Ю.В. Щербакова. Использование местных ресурсов Калужской области для повышения плодородия почв и продуктивности сельскохозяйственных культур	255
А.В. Шемораков. Многолетние травы в экосистемах Калужской области	257
А.С. Харламов, Г.А. Шестакова. О возможности применения микробных тест-объектов для биомониторинга селитебных территорий	259

Б.М. Тюрков, В.И. Сиволапенко. Формирование типовых модулей регионального мониторинга в природно-техногенной сфере села. 261

С.С. Писаренко, Т.С. Писаренко. Использование экологического мониторинга для выявления биологических эффектов в зонах радиационного загрязнения. 263

С.С. Писаренко, Т.С. Писаренко. Медико-биологические исследования в Чернобыльских зонах радиационного загрязнения. 265

С.С. Писаренко. Нарушение сперматогенеза у биоптатов в зонах с разным уровнем радиационного загрязнения на территории Калужской области. 267

Л.А. Соколова, Н.В. Воронкина. Современное состояние озер Боровое и Гороженое (к вопросу о биомониторинге стариц поймы реки Жиздры). 269

Н.В. Воронкина, Е. Копина. Растительный мир и растительный покров опушки соснового леса около поселка Стекольный завод (Березичи) Козельского района. 272

Л.Л. Киселева, М.А. Ипатова. Фитоценотическая характеристика лесных экосистем окрестностей города Орла. 274

С.К. Алексеев, М.Н. Сионова. Редкие грибы (Mycota, Basidiomycetes) Калужской области. 277

С.Р. Майоров. Шлемник высокий (*Scutellaria altissima* L., Labiatae) в Калужской области. 279

А.А. Шмытов. Заметки по флоре юго-запада Средней России. 280

А.А. Шмытов, А.В. Щербаков. Интересные находки во флоре водоемов Калужской области. 284

А.В. Щербаков, М.Л. Прудникова. Особенности зарастания выработанных торфяных карьеров национального парка «Орловское Полесье». 289

М.Н. Сионова, С.К. Алексеев, М.П. Шашков. Результаты Калужского фаунистического краеведения к концу XX века. 290

М.Н. Сионова, С.К. Алексеев, М.П. Шашков. Краеведческая научно-исследовательская деятельность общественного экологического клуба «Stenus». 292

С.К. Алексеев. Список жесткокрылых (Insecta, Coleoptera) рекомендуемых для «Красной книги» Калужской области. 295

Л.В. Большаков. Некоторые проблемы развития региональной системы ООПТ в свете энтомологических исследований. 298

Л.В. Большаков. Моле-листовертки (Lepidoptera, Choreutidae) Тульской области. 304

И.В. Шмытова. Находки редких видов чешуекрылых в бассейне верхней и средней Угры. (Смоленская область) — по материалам экспедиций 1997—1998 гг. 308

И.В. Шмытова. Микрочешуекрылые (Insecta, Lepidoptera) верховьев Оки (Орловская область). 313

И.В. Шмытова. Нолиды (Lepidoptera, Nolidae) верхней Оки. 316

В.А. Марголин, М.А. Черников. К изучению миноговых Калужской области. 318

В.М. Амелютин, Н.И. Дудковский. О важности и реальности экологически чистого рыбохозяйственного освоения водоемов Калужской области. 320

А.С. Завгородний, С.К. Алексеев, М.П. Шашков. Спектры питания массовых видов земноводных (Amphibia) в широколиственных лесах юго-востока Калужской области. 322

Е.Л. Константинов. Компьютерный «Определитель земноводных и пресмыкающихся Калужской области». 326

В.А. Марголин. История изучения птиц в Калужской области. 329

В.А. Марголин, Г.М. Овсянников, Ю.Д. Галченков. Об изменениях сроков весенних миграций птиц. 334

Ю.Д. Галченков, В.М. Середенко, Л.С. Баранов, Т.Ф. Губарева. К фенологии прилета некоторых птиц в Калужской области в конце XX века. 338

Н.А. Егорова. Малый подорлик в Тульской и на юге Калужской областей. 343

Д.А. Соловков. Хищные птицы пойм малых рек бассейна Оки. 345

Д.В. Богомолов. Луни «Тульских засек» и сопредельных территорий. 347

Н.А. Егорова. Редкие виды дневных хищников заповедника «Калужские Засеки» и сопредельных территорий. 348

Е.О. Фадеева. Экология грача в антропогенных ландшафтах с высоким уровнем техногенного загрязнения. 350

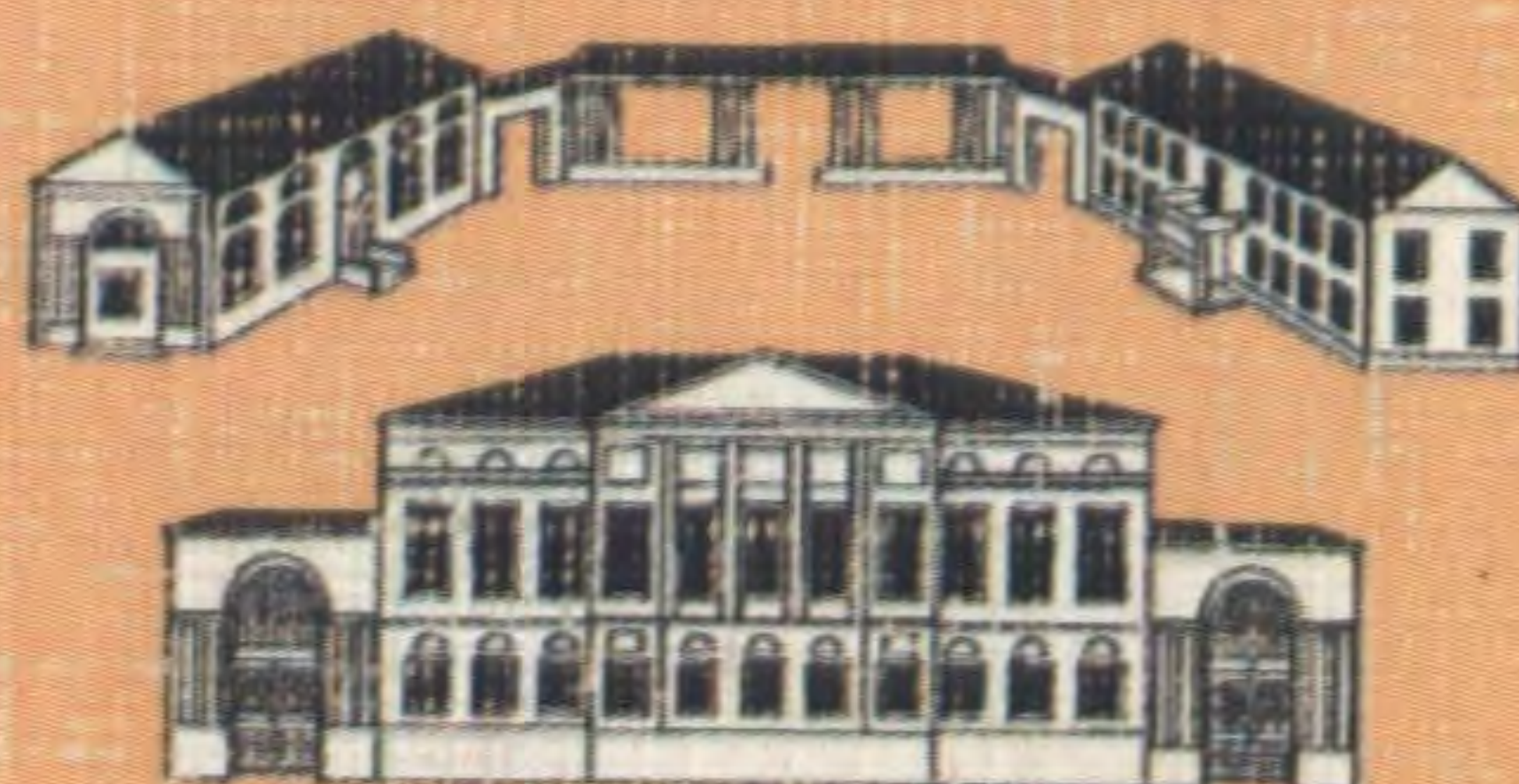
В.И. Горшков. Некоторые сведения по редким видам птиц Жуковского района. 352

В.А. Марголин, Т.А. Круглова, М.П. Шашков, А.В. Марголин. Аннотированный каталог летучих мышей Калужской области. 356

Т.А. Круглова, В.А. Марголин. К изучению зимовок летучих мышей в Калужской области. 359

В.И. Меленчук. Родники города Малоярославца. 363

О.Г. Сафронова, Г.Н. Тюркова. Национальная парковая культура и экологическая подготовка учителя. 367

Калужский государственный объединенный
краеведческий музей

248600, Калуга, ул. Пушкина 14